

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

КОНСТАНТИН ДУШЕНКО

**ЦИТАТА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ
ИЗ ИСТОРИИ ЦИТАТ И КРЫЛАТЫХ СЛОВ**

Сборник статей

**МОСКВА
2019**

ББК 71.0+83.3(2)

Д 86

Серия
«Теория и история культуры»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел культурологии

Редакционный совет серии:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, председатель,
О.В. Кулешова – канд. филол. наук, зам. председателя,
Г.В. Хлебников – канд. филос. наук, С.Я. Левит – канд.
филос. наук, Ю.Ю. Черный – канд. филос. наук

Ответственный редактор –
канд. филол. наук О.В. Кулешова

Душенко К.В.

Д 86 Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов: Сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед.; Отв. ред. Кулешова О.В. – М., 2019. – 461 с. – (Сер.: Теория и история культуры).

ISBN 978-5-248-00911-4

Сборник открывается обобщающей статьей «“Крылатые слова” и цитатный канон культуры». Основная часть книги посвящена происхождению и бытанию в культуре крылатых слов русского языка. В сборник включен также ряд статей, примыкающих к его основной теме, в том числе: о кинематографе как источнике речевого фольклора, о латинских цитатах у Пушкина, о стереотипе «прекрасной польки» в русской культуре и т.д.

Издание предназначено филологам, историкам и культурологам.

Konstantin Dushenko

Quotation in the Space of Culture: From the History of Quotes and Familiar Phrases

The book opens with a generalizing article «“Winged Words” and the culture canon of quotations». Its main part is devoted to the origin and existence in the culture of familiar phrases of the Russian language. The book also includes a number of articles adjacent to its main topic: on cinema as a source of speech folklore, on Pushkin's Latin quotes, on the stereotype of «beautiful Polish woman» in Russian culture etc.

ББК 71.0+83.3(2)

ISBN 978-5-248-00911-4

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	11
----------------	----

Часть I. ЦИТАТНЫЙ КАНОН КУЛЬТУРЫ

«Крылатые слова» и цитатный канон культуры	12
Русско-советский «кинемалогос»: кино как источник речевого фольклора	38
Шахматы как область цитатного творчества.....	43

Часть II. ИСТОРИЯ ФОРМУЛ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Ангелы на кончике иглы	54
Аппетит приходит во время еды.....	59
Бальзаковский возраст	63
Бесплатных завтраков не бывает	70
Боги уходят	75
Братья по разуму	79
Будь готов! – Всегда готов!	82
«Буря в стакане воды»: история выражения.....	85
В этой гипотезе я не нуждался.....	93
«Великий немой»: происхождение термина.....	98
Волшебное слово.....	105
Время – деньги	109

Все мы вышли из гоголевской «Шинели».....	112
Все позволено.....	116
Все хорошо, прекрасная маркиза!	120
Всех не перевешаешь!	125
Гимнастика ума	128
Главное – не победа, а участие	132
Государство – это я	135
Гранит науки.....	140
Доверяй, но проверяй	144
Доказывай, что ты не верблюд	149
Древнейшая в мире профессия	156
Дураки и дороги	161
Еще не вечер	164
Женщина не имеет души.....	168
Живые позавидуют мертвым	172
За всяkim большим состоянием кроется преступление	176
Загадочная русская душа.....	179
И целого мира мало	183
И это пройдет	187
Искусство требует жертв.....	192
История повторяется дважды.....	195
Каждая тварь печальна после соития	198
Каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл.....	202
Каждый человек имеет свою цену.....	205
Казнить нельзя помиловать.....	209
...Как веревка поддерживает повешенного.....	214
Карлики на плечах гигантов	217
Квасной патриотизм	221
Который час? – Вечность	226
Кровь, пот и слезы	232
Кто в двадцать лет не социалист	235
«Ленинская веревка» и «полезные идиоты».....	239
Ложь, наглая ложь и статистика	247
Момент истины	252
Между устами и чашей.....	255
Мы чужие на этом празднике жизни.....	258

На Шипке все спокойно.....	262
Наступить на любимую мозоль	267
Начальник всегда прав.....	271
Не верь никому старше тридцати	275
Не стреляйте в пианиста!.....	280
Нет героя для своего камердинера	284
Никогда не говори «никогда»	290
О мертвых или хорошо, или ничего	294
Опиум для народа: история метафоры.....	298
Оставить им только глаза, чтобы плакать	307
Остались от козлика рожки да ножки	311
От великого до смешного	316
Открыть и закрыть Америку	322
Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?	327
Победителей не судят	332
Помни о смерти	336
Порок наказан, добродетель торжествует.....	341
Поскребите русского, и вы найдете татарина.....	349
Пусть едят пирожные!	355
Развесистая клюква и стакан самовара	360
Революция пожирает своих детей	366
Свет в конце тоннеля	372
Сила выше права	376
Скелет в шкафу.....	379
Смерть и налоги	385
Схватка бульдогов под ковром	388
Теория стакана воды	392
Холодная голова, горячее сердце и чистые руки	397
Человек рожден для счастья, как птица для полета.....	400
Черная кошка в темной комнате	404
Штурмовать небо	409
Это хуже, чем преступление, – это ошибка.....	415
Я научила женщин говорить.....	419
Inter faeces et urinas, или «Анатомия – это судьба».....	422

**Часть III.
О НЕКОТОРЫХ «НЕКРЫЛАТЫХ» ЦИТАТАХ
И ТОПОСАХ КУЛЬТУРЫ**

«Три грации считались в древнем мире...»: эпитафия – мадrigal – эпиграмма	431
Вольтер и Феофилакт Косичкин: об эпиграфе к пушкинскому памфлету «Торжество дружбы».....	437
О латинских выражениях в поэзии Пушкина.....	447
«Прекрасная полька» в русской культуре	455
Сведения об авторе	460

CONTENTS

Author's note.....	11
--------------------	----

Part I. THE CULTURE CANON OF QUOTATIONS

«Winged Words» and the culture canon of quotations	12
Russian-Soviet «kinelogo»:	
cinema as a source of speech folklore.....	38
Chess as an area of quote creativity	43

Part II. HISTORY OF TOPOS OF LANGUAGE AND CULTURE

Angels on the tip of the needle.....	54
Appetite comes with eating	59
Balzac woman's age.....	63
There ain't no such thing as free lunch	70
Gods go away.....	75
Brothers in intellect	79
Be ready! – Always ready!.....	82
«The Storm in a Glass of Water»: a story of expression.....	85
I had no need of that hypothesis.....	93
«The Great Silent»: the origin of the term	98

Magic word	105
Time is money.....	109
We all come out from Gogol's «Overcoat»	112
Everything is permitted	116
Tout va très bien, madame la marquise!	120
You can't hang us all!	125
A gymnasium of the mind.....	128
What is important is not winning, but taking part.....	132
The state is me.....	135
Granite of science.....	140
Trust but verify.....	144
Prove you're not a camel	149
The most ancient profession	156
Fools and roads	161
The night is early.....	164
Woman has no soul	168
The living will envy the dead.....	172
Behind every great fortune there is a crime	176
Mysterious Russian soul	179
The world is not enough.....	183
And this also shall pass away.....	187
Art requires sacrifice.....	192
History has repeated itself twice...	195
Post coitum omne animal triste	198
Every soldier carried a marshal's baton in his knapsack	202
Every man has his price	205
Pardon impossible to be sent to Siberia	209
...As a rope supports a hanged man.....	214
Dwarfs on the shoulders of giants.....	217
Kvass patriotism.....	221
What time is it? – Eternity	226
Blood, sweat and tears	232
If you're not a socialist at 20...	235
«Lenin's rope» and «useful idiots»	239
Lies, damned lies and statistics	247
Moment of truth	252

Contents

Between the cup and the lip	255
We are strangers at this feast of life	258
All quiet on the Shipka.....	262
Hurt the favorite corn	267
The boss is always right	271
Don't trust anyone over thirty	275
Don't shoot the pianist	280
No man is a hero to his valet.....	284
Never say never again	290
Of the dead, speak nothing but good.....	294
Opium for the people: the story of the metaphor	298
Nothing was left but the bones and the legs	307
From the sublime to the ridiculous.....	311
Discover and close America.....	316
Where are we from? Who are we? Where are we going?	322
To leave them nothing but eyes to weep with.....	327
Winners don't make excuses.....	332
Memento mori.....	336
Vice is punished and virtue triumphs	341
Scratch a Russian and you'll find a Tartar	349
Let them eat cake!	355
Highbush cranberries and a glass of samovar	360
Revolution devours its children.....	366
Light at the end of the tunnel	372
Might before Right.....	376
Skeleton in the closet	379
Death and taxes	385
Bulldogs fighting under a carpet	388
The glass of water theory	392
Warm heart, cool head, clean hands.....	397
Man is born for happiness, like a bird for flight.....	400
Black cat in a dark room	404
Storm the sky.....	409
It is worse than a crime, it is a mistake	415
I taught women to speak	419
Inter faeces et urinas, or «Anatomy is <i>destiny</i> ».....	422

Part III.
ON SOME «UNFAMILIAR QUOTES»
AND TOPOS OF CULTURE

«There were three Graces in the ancient world...»:

epitaph – madrigal – epigram.....	431
Voltaire and Theophylact Kosichkin: on the epigraph to the Pushkin pamphlet «The Triumph of Friendship»	437
About Latin expressions in Pushkin’s poetry.....	447
Beautiful Polish woman in Russian culture	455
About the author.....	460

ОТ АВТОРА

Эта книга в известном смысле написана на полях серии моих справочников по цитатам и крылатым словам, публиковавшихся с 1996 г. Для цитат с долгой историей объем словарной статьи оказывался явно недостаточным. Отсюда возник цикл статей о хорошо известных цитатах, печатавшийся в периодике. Часть из них, в переработанном виде и с научным аппаратом, вошла в мою предыдущую книгу «Красное и белое: Из истории политического языка» (М.: ИНИОН, 2018).

Статьи об истории устойчивых формул языка и культуры составляют основную часть настоящей книги. Это прежде всего крылатые слова, особенно значимые в русской и мировой культуре, а также те, история которых особенно интересна и недостаточно известна даже специалистам.

Этому разделу предпослана обобщающая статья «“Крылатые слова” и цитатный канон культуры», а также статьи о кинематографе как источнике речевого фольклора и о «малом (групповом) каноне» крылатых слов на примере шахматного цитатного творчества. Третью часть книги составляют статьи, примыкающие к ее основной теме, в том числе о латинских цитатах у Пушкина и стереотипе «прекрасной польки» в русской культуре.

Часть I. ЦИТАТНЫЙ КАНОН КУЛЬТУРЫ

«КРЫЛАТЫЕ СЛОВА» И ЦИТАТНЫЙ КАНОН КУЛЬТУРЫ¹

Явление, которое в русской лексикографии, а затем и языко-знании получило название «крылатые слова», выходит далеко за рамки собственно филологии. В сущности, это часть большой междисциплинарной проблемы – проблемы функционирования текстов культуры. Взяv за исходную точку работы по «крылатым словам», мы рассмотрим некоторые стороны этой проблемы, в том числе тот аспект, который можно назвать «цитатным каноном культуры».

1. К востоку от Рейна и к Западу

Разнородность явлений, объединяемых лексикографами и языковедами под общим наименованием «крылатые слова» (КС), бросается в глаза. Тут и отдельные слова-лексемы, и имена собственные, и составные термины, и развернутые цитаты, прозаические и стихотворные, и многое другое. Поэтому уместен вопрос: составляют ли КС достаточно очевидную, «естественно» вычленяемую часть языкового фонда (как, например, пословицы и пого-

¹ Впервые опубликовано в журн.: Культурология: Дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – № 2 (10). – С. 62–73. Перепечатывается с некоторыми сокращениями и исправлениями.

ворки) или же совокупность КС выделена вполне произвольно для неких особых (прикладных) целей?

Термин «крылатое слово» (который не следует смешивать с обыденным употреблением этого выражения¹) был введен в 1864 г. немецким лексикографом Г. Бюхманом в книге «Крылатые слова» («Geflügelte Worte»). КС, по Бюхману, это «...постоянно воспроизводимое в широких кругах отечества изречение, выражение или имя безразлично какого языка, исторический источник или литературное происхождение которого известно (доказуемо)» [цит. по: Шулежкова, 1995, с. 5; курсив мой. – К.Д.].

Здесь даны три критерия:

- 1) общеизвестность КС;
- 2) их воспроизведимость (т.е. достаточно частое употребление);
- 3) происхождение из литературного или исторического источника.

Отметим чрезвычайно важный момент: наличие *точно установленного* источника Бюхман, по-видимому, не считает обязательным признаком КС: достаточно, чтобы «изречение, выражение или имя» имели литературное, а не какое-либо иное происхождение. «Исторический источник» явно понимается как источник письменный, т.е., в известном смысле, опять-таки литературный («литература» в XIX в. понималась весьма широко и отнюдь не сводилась к «художественной литературе»).

Отметим также, что заимствованный у Гомера образ «крылатого слова» скорее затемнял, чем пояснял существо обозначаемого этим термином явления. У Бюхмана речь шла не просто о «летучих» или «метких» словах и выражениях, но о выражениях «книжных» по своему происхождению, и прежде всего – о цитатах; подзаголовок книги гласил: «Сокровищница цитат немецкого народа». Назови Бюхман объект своих исследований «крылатыми цитатами» (с оговоркой, что цитатой может быть и отдельное слово), мы, возможно, избежали бы многих терминологических недоразумений.

¹ В «нетерминологическом» значении этот оборот использован, например, в заглавии известной книги С.В. Максимова «Крылатые слова» (1891), где толкуются русские пословицы и поговорки *нелитературного происхождения*.

Определение Бюхмана в общем и целом было принято С. Займовским в его книге «Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма» (1930), но место «широких кругов отечества» у Займовского заняли «литературно образованные круги». КС, по его чрезвычайно удачному, как мы полагаем, определению, есть «*пословица или поговорка литературно образованных кругов*» в отличие от пословиц и поговорок народной речи [Займовский, с. 15; курсив мой. – К.Д.]. Это уточнение не противоречило позиции Бюхмана: КС, включенные в «*Geflügelte Worte*», были хорошо известны только «литературно образованным кругам», которые, конечно, и имелись в виду под «широкими кругами отечества». Вслед за Бюхманом и вопреки заголовку своей книги Займовский включил в нее не только «цитаты и афоризмы», но и отдельные слова.

Так же понимали КС супруги Н. и М. Ашукины в своем справочнике «Крылатые слова» [Ашукин, Ашукина, 1960]. С 1955 г. он выдержал шесть изданий и стал образцом, знакомство с которым формировало представление о КС у русских читателей и, что не менее важно, у филологов [см.: Дущенко, 1996 а]. С этого времени термин «КС» дается в русских филологических словарях, хотя определяется не вполне одинаково.

Лексикографическая практика, в сущности, и обусловила взгляд на КС как самостоятельное и «самоочевидное» целое. Об этом свидетельствует хотя бы следующее высказывание: «...Типы их [словарей КС. – К.Д.] весьма существенно варьируются, а сам термин “крылатые слова” употребляется преимущественно в странах немецкого, славянского и скандинавского языков, *но существо от этого не меняется*. Очевидно, что такие словари удовлетворяют общественной потребности» [Беркова, 1991 б, с. 100–101; курсив мой. – К.Д.].

Между тем в качестве особого объекта описания и исследования КС (в бюхмановском их понимании) рассматриваются *только* в перечисленных выше странах Европы – немецкоязычных, скандинавских и некоторых славянских¹, т.е., условно говоря, «к вос-

¹ Первый и пока что единственный польский словарь КС [Markiewicz, Romanowski] появился лишь в 1990 г., причем в некоторых существенных отношениях он ближе к английским словарям цитат, чем к немецким и русским словарям КС; в частности, цитаты расположены здесь по авторам.

току от Рейна». И хотя в «Словаре лингвистических терминов» [Ахманова, с. 212] дается английское соответствие термину КС (winged words), мы напрасно стали бы искать его в названиях английских справочников. Во Франции, Испании, Италии и особенно – в Англии и США издаются самые разные словари: словари цитат; пословиц и поговорок; иноязычных слов и выражений; разговорных клише; литературных персонажей; литературных аллюзий (античных, библейских и мифологических) и т.д. Но ни один из них не совпадает – хотя бы в основных чертах – с русскими словарями КС.

Ближе всего к словарям КС стоят, с одной стороны, словари аллюзий (не слишком многочисленные), с другой – во множестве издаваемые словари цитат; но эти два вида справочников совершенно самостоятельны, имеют различное назначение и не воспринимаются как части какого-то целого. В словари цитат не включаются слова-лексемы, тем более – имена собственные, и почти не включаются краткие фразеологизмы типа: «книжники и фарисеи», «стуманный Альбион», «перейти Рубикон». Зато в словарях аллюзий преобладают именно эти две категории, а в «Крылатых словарях» Ашукиных они составляют едва ли не половину словника.

Большая часть высказываний, включаемых в словари цитат, не относится к разряду «ходячих» и не выступает в роли «пословиц и поговорок образованных людей», хотя бы из-за своего объема. В словарях цитат решительно преобладают законченные высказывания из одного или нескольких, вплоть до шести, семи и более предложений (что совершенно исключено в словаре КС), а также целые стихотворные строфы или отрывки из нескольких строф (в словари КС попадают отдельные строки, гораздо реже – двустишия и лишь в считанных случаях – целые строфы).

В русских словарях КС материал, как и в обычных словарях, располагается по алфавиту¹, а в словарях цитат – по авторам, иногда – по предметам и темам. Наконец, словари цитат не дают ни толкований, ни примеров: указываются только источник и минимальные сведения об авторе. Таким образом, цитаты здесь рас-

¹ Не так было у Бюхмана: в его «Крылатых словах» цитаты даны по историческим эпохам, и к тому же не в виде отдельных словарных статей, а как элементы связного изложения.

сматриваются не как единицы языка, а лишь как высказывания, особо значимые для данного автора, данного литературного текста или на данную тему. Этот подход можно назвать *антологическим*, в отличие от собственно *словарного*, присущего русским словарям КС (и отчасти – упомянутым выше словарям аллюзий).

Столь существенное отличие русской словарной традиции от «западноевропейской» свидетельствует, на наш взгляд, о том, что представление о КС как некоем целом – от слов-лексем и имен собственных до целых стихотворных строф – есть *локальный, культурно обусловленный феномен*, не могущий претендовать на универсальность даже в рамках европейского культурного круга. Это не значит, конечно, что КС – не более чем артефакт, некая выдумка Бюхмана и его последователей; но следует безусловно отказаться от взгляда на КС как на самоочевидную данность. Примем это к сведению и, не вдаваясь в построение априорных дефиниций типа «“Настоящие” КС есть то-то и то-то...», попытаемся установить, какая именно область явлений включается разными авторами в понятие КС и насколько последовательно соблюдаются принятые критерии.

2. Критерии явные и неявные

Для начала вынесем за скобки критерии, которые, с небольшими вариациями в формулировках, принимаются всеми. Это: устойчивость формы КС, их употребительность, а также общеизвестность (хотя бы в «литературно образованных кругах»).

Что касается употребительности, то, по мнению О. Берковой, использование цитаты «минимум двумя-тремя разными авторами может служить основанием для отнесения ее к разряду КС» [Беркова, 1991 а, с. 7]. Но та же исследовательница признает недостаточную надежность этого метода: цитата «Меж высоких хлебов» дважды встретилась в заглавии литературных произведений, и все же эти слова, «на наш взгляд, не являются КС» [Беркова, 1990, с. 111].

Попробуем спросить: почему? Фактически автор статьи апеллирует к своему личному опыту «квалифицированного» носителя языка – и вполне оправданно. Критерии отбора КС, как будет

показано ниже, с трудом поддаются формализации. Есть основания полагать, что и другие авторы словарей КС в сомнительных случаях руководствовались собственной интуицией или, вернее, опытом «профессионального» чтения большого и разнообразного корпуса текстов.

Дальше начинаются расхождения, нередко принципиальные.

В двух лингвистических словарях [Ахманова; Розенталь и Теленкова] к разряду КС не причисляются отдельные слова, т.е. КС считаются явлением из области фразеологии, но не лексики. Однако почти все лексикографы [Афонькин; Ашукин, Ашукина, 1960; Беркова, 1991 а; Уолш, Берков; Шулежкова, 1993] включают в разряд КС лексические единицы – прежде всего имена собственные нарицательные из литературы и мифологии (Геркулес, Дон-Кихот, Скалезуб).

Имена *исторических* лиц обычно исключаются из разряда КС, хотя, казалось бы, «Геркулес» и «Лукулл», «Шерлок Холмс» и «Пинкертон», «Левша» и «Кулибин» одинаково пригодны в качестве символов. Достаточно вспомнить хрестоматийное «Мы все глядим в Наполеоны», «Что ни слово, то Цицерон с языка слетает», «...собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» и т.д. Наконец, если относить к КС имена собственные, то, вероятно, сюда же следовало бы отнести названия исторических событий, получивших нарицательное значение: «Ватерлоо», «Ходынка», «Цусима». На самом деле этого не происходит.

Причина «дискриминации» исторических имен собственных объясняется просто: их нельзя возвести *только* к литературному источнику. Но если явно однородные языковые явления рассечены границей, значит, принятый критерий выделения КС неудачен – или неверно интерпретируется. И в самом деле: Наполеон, Лукулл, Цицерон, с одной стороны, исторические лица, с другой – персонажи культуры и исторической мифологии. «Наполеон» как имя-символ отсылает к наполеоновскому мифу, над созданием которого трудились целые поколения. Изменится ли статус нарицательного имени «Иван Сусанин», если будет доказано, что Сусанин, как считали многие историки, легендарная личность?

Отсюда следует, что нужно либо исключить из разряда КС имена собственные, либо включить нарицательные исторические имена и названия. В последних изданиях словаря Ашукиных к

именам литературным и мифологическим добавлены некоторые исторические (Катон, Аристарх, Мессалина), правда, выборочно и без особой системы. В первом польском словаре КС [Markiewicz, Romanowski] имен собственных не было вообще. Нет их и в «Словаре латинских крылатых слов»; не случайно в предисловии книга названа «словарем латинских цитат» [Бабичев, Боровский, с. 9].

Заметим еще, что если считать обязательным признаком КС его связь с литературным источником, то мифологические имена чаще всего отсылают не к конкретному тексту («мини-тексту»), но к произведению в целом, а то и сразу к нескольким произведениям (Дон Жуан, Вечный Жид, Фауст), т.е. лишь с некоторой натяжкой могут считаться «словами-цитатами». Следует также учитывать «вторичную» литературу об «образе Гамлета», «образе Хлестакова» и т.д. Можно согласиться с Б.С. Шварцкопфом: «Специфика содержания этих крылатых слов требует выделения их в особый разряд, предполагающий скорее литературоведческий, нежели лингвистический анализ» [Шварцкопф, с. 113–114].

Монография С. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка...» [Шулежкова, 1995] – первое такого рода исследование в России – почти целиком посвящена фразеологическим, а не лексическим единицам, как видно уже из названия. Термин «крылатые слова» Шулежкова, вслед за некоторыми другими авторами, оставляет лишь для отдельных слов: сочетания из двух и более слов она называет «крылатыми выражениями», а КС и «крылатые выражения» вместе – «крылатыми единицами». «Однословные» КС в ее книге сводятся, по сути, к литературным и мифологическим именам собственным¹.

Уместно спросить: возможны ли «однословные» КС, *не относящиеся* к разряду имен собственных? Шулежкова о них не упоминает, как, впрочем, и все остальные цитируемые здесь авторы. Между тем такие КС неизменно включаются в соответствующие словари. Мало того, они образуют как минимум две особые разновидности.

¹ При этом составные имена (Джон Буль, Тит Титыч) попали уже в разряд крылатых выражений [Шулежкова, 1995, с. 45], т.е. переведены в разряд фразеологии. Решение, по меньшей мере, сомнительное.

Во-первых, это авторские неологизмы (грезофарс, стрекозел, новояз), а также иные слова, введенные в обиход определенным автором (манкурт) или переосмысленные им (оттепель). Большая часть таких слов со временем утрачивает связь с источником и сливаются с «обычной» лексикой; таковы «робот» Чапека и «самиздат», возникшее, по-видимому, из выражения Николая Глазкова «Самсебяиздат». Но «прозаседавшиеся» устойчиво ассоциируются со стихотворением Маяковского, «образованщина» – с именем Солженицына, «сталкер» – с повестью Стругацких «Пикник на обочине» и фильмом Тарковского. И если уж включать в КС отдельные лексические единицы (лексемы), то, конечно, и эти тоже.

Однако различие между областью лексики и фразеологии столь очевидно, что объединять их в единое целое, пусть даже под усовершенствованным наименованием «крылатые единицы», может быть, и не стоит. Лексемы заслуживают выделения в особую группу, вместе с именами собственными всех разновидностей. Довольно близко к ней примыкают краткие perífrases, обозначающие уникальные объекты из области истории, географии, литературы, искусства: «солнце русской поэзии», «Северная Пальмира», «кровавое воскресенье», «прекрасная эпоха», «тюрьма народов», «остров Свободы», «Страна восходящего солнца», «Дорога жизни», «коричневая чума», «отец русской авиации» и т.д. Такие perífrases, в сущности, весьма близки к терминам. Цитатность лексем и «терминологических» perífrase более стерта, чем у единиц более высокого порядка, поэтому в функциональном плане они сравнительно ближе к анонимным речениям. Не случайно именно такой материал преобладает в иноязычных словарях аллюзий.

Другой, пусть и немногочисленный, разряд «однословных» КС – не лексемы, а законченные высказывания: «Бди!» (Козьма Прutков); «Сорвалось!» (Сухово-Кобылин); «Образуется» (Л. Толстой); «Конгениально!» (Ильф и Петров); «Поехали!» (Гагарин). Они построены по правилам синтаксиса и уже не относятся к лексике, но и к фразеологии – тоже, поскольку состоят из одного компонента. Это вполне очевидное обстоятельство не учитывается в классификациях КС [Беркова, 1991 а; Беркова, 1990; Шварцкопф; Шулежкова, 1995].

Еще один непроясненный вопрос: правомерно ли ограничивать «область происхождения» КС определенными видами источников или это совершенно излишне? Почему восходящие к сред-

невековой науке и юриспруденции выражения «философский камень», «терра инкогнита» и т.д. включаются в КС, а восходящие к современной науке «обратная связь», «теория относительности», «черная дыра», как правило, нет? То же относится к формулировкам «из школьного курса»: «От перемены мест слагаемых сумма не меняется», «Если в одном месте убудет, то в другом прибудет», «Круговорот воды в природе» и т.д.

Между тем, если исходить из определения КС, предложенного О. Берковой: «Употребительные в данном языковом коллективе и используемые в качестве лексических единиц краткие цитаты из письменных и устных источников, имеющие определенного автора» [Беркова, 1991 а, с. 8], то к КС должны быть отнесены не только термины с устойчивым переносным значением, но и все остальные, коль скоро их автор известен: «сила всемирного тяготения» (И. Ньютона), «абстрактная композиция» (А. Ван де Велде), «критический реализм» (М. Горький), «ограниченная война» (Г. Моргентау), «позитивное мышление» (Н. Пил), «Объединенные Нации» (Ф. Рузвельт).

На практике же, как мы полагаем, действуют *неявно учтываемые критерии*: экспрессивность¹, преобладание метафорического употребления над терминологическим, особая стилистическая окрашенность, освоенность выражения художественной литературой, его значимость в гуманитарной культуре. Возьмем для примера «тараканы бега» и «бег с препятствиями». Оба выражения исходно – термины, оба могут использоваться как в прямом, так и в переносном значении. Их происхождение устанавливается с неменьшей степенью точности, чем, например, таких выражений, как «шестая держава» или «железный занавес», включенных в «Крылатые слова» Ашукиных. Но «тараканы бега» легко представить себе в русских словарях КС, а «бег с препятствиями» – едва ли.

В словарь Ашукиных включены «безгрешные доходы» – выражение нелитературного происхождения и не ассоциирующееся с каким-либо определенным литературным источником, зато хоро-

¹ С. Шулежкова, в частности, одним из признаков КС считает «эмоциональную окрашенность», «наличие в их значениях оценочных сем» [Шулежкова, 1995, с. 160].

шо «освоенное» литературой XIX в. Примеров подобного рода можно было бы привести немало.

3. «Говорим – подразумеваем»: второй план «крылатого слова»

Что важнее – наличие объективно установленного источника КС или же представления «широких кругов отечества» об этом источнике?

По мнению О. Берковой, «оценка говорящими “цитатности” какого-либо выражения <...> не может не быть субъективной», поэтому «использовать ее в качестве критерия определения того, какие единицы являются КС, а какие – нет, неправомерно. Если источник данного выражения известен, то нет оснований не считать его КС, как бы ни была “стерта” его “цитатность”» [Беркова, 1990, с. 107]. Выражения типа «один из многих», «с легким сердцем» практически безымянны для среднего носителя языка; и все же «они остаются КС и должны включаться в соответствующие словари» [Беркова, 1991 а, с. 7].

Подобный подход можно назвать формально-этимологическим; это примерно то же самое, что выделить в особый класс лексемы, этимология которых известна филологам. В словаре КС такая установка, пожалуй, оправданна: чем больше установлено атрибуций, тем лучше; запас карман не тянет. Но лексикографы – не демиурги языковых явлений; реальный языковой статус выражения не меняется всякий раз, когда исследователю удается отыскать достоверный источник или, напротив, установить недостоверность «ходячей» атрибуции.

Исходя из «этимологического» подхода едва ли возможно опровергнуть вывод И. Чернышевой: в синхронистическом плане рассмотрение «крылатых слов» как особой группы «неправомерно, поскольку в структурном и семантическом отношении они не отличаются от других фразеологических выражений» [цит. по: Шулежкова, 1995, с. 16]. Если же КС – содержательная, а не только формальная категория, они должны отличаться особым способом функционирования в языке или, как сказано в одном из справочников, своим «особым положением среди речевых средств» [Лин-

гистический энциклопедический.., с. 246; курсив мой. – К.Д.]. Чем это «особое положение» обусловлено? «Осознанием индивидуально-авторского происхождения КС» [там же, с. 246], т.е., по сути, «оценкой говорящими “цитатности” данного выражения».

В чем проявляется «особое положение» КС? «Крылатость» (термин, как уже говорилось, малоудачный) следует понимать как «цитатность». Благодаря ей значение «слова как такового» осложняется и обогащается значениями, связанными с его (крылатого слова) источником. Какими именно значениями – это разговор особый.

Я. Боровский пишет о «двойкой семантико-стилистической направленности» КС, поскольку они сохраняют «смысловую связь со своим первоисточником» [Бабичев, Боровский, с. 9].

Б. Шварцкопф в число обязательных признаков КС включает «двуплановость семантической структуры», т.е. подразумевающую отсылку к контексту-источнику. Степень известности источника выражения колеблется в очень широких пределах, от точного знания автора и источника до «смутного представления о принадлежности цитаты». Соответственно, «степень осознанности этой двуплановости может быть различной», вплоть «до забвения связей с источником выражения» [Шварцкопф, с. 110, 111, 114, 117]. Однако полное «забвение связей», как мы полагаем, переводит КС в разряд безымянной фразеологии.

Тем самым центр тяжести в определении КС перемещается от генезиса к функции: КС есть *выражение, которое устойчиво функционирует как цитата*, хотя «степень цитатности» может варьироваться.

Сходную позицию занимает С. Шулежкова: крылатое выражение, подчеркивает она, «не порывает связи с источником»; это и есть его главное отличительное свойство. «Она-то [связь] и обеспечивает ему “закадровую” глубину, внелингвистическое, “фоновое”, дополнительное к основному значение», некий «семантический довесок» [Шулежкова, 1995, с. 154, 158, 162].

Итак, не всякое выражение, источник которого установлен, можно считать КС: необходимо еще, чтобы у выражения сохранилась связь с этим источником. От прочих единиц языка КС отличается не только (а может быть, даже не столько) генезисом, сколько семантикой: за их «первым планом» непременно виден второй –

«контекста-источника». Если никакого «второго плана» нет, перед нами «обычное» слово, словосочетание, фразеологизм, пусть даже автор достоверно известен. Едва ли функционирует как цитата выражение Виланда «за деревьями не видеть леса». Выражение «Главное – вовремя смыться» большей частью носителей языка уже не воспринимается как «цитатное», хотя источник известен (фильм «Праздник святого Йоргена»). «Ножницы цен», «грызть гранит науки», «политика дальнего прицела» в 1920-е годы еще ощущались как цитаты из Троцкого [Душенко, 1996 б, с. 104–105], теперь же это вполне анонимные речения.

И напротив: если «второй план» присутствует, фактическая достоверность предполагаемого источника не так уж существенна. Коль скоро возникает устойчивая ассоциация между ходячим выражением и (мнимым) источником, выражение *функционально* переходит из разряда анонимных речений в авторские, приобретает признаки цитаты. В синхронистическом плане важна не реальная генеалогия, а «подразумеваемая», хотя бы даже апокрифическая. Выражение «полезные идиоты» уже давно бытует на правах цитаты из Ленина, хотя оно появилось 20 лет спустя после его смерти как анонимное. Нет никаких доказательств того, что франкистский генерал Э. Мола (или кто-либо другой из франкистов) говорил о «пятой колонне», однако обычно выражение приписывается ему или кому-то из его лагеря.

По мнению Шулежковой, «крылатое выражение воспринимается в качестве особого языкового явления до тех пор, пока носители языка не утратили фоновых знаний о связи его с источником, пусть даже минимальных, на уровне *ощущения «цитатности»*, принадлежности к сфере литературы, искусства, определенному историческому лицу и т.д. и *предполагают, что источник установить можно*» [Шулежкова, 1995, с. 159].

В сущности, это как раз и значит, что решающее значение имеет не фактический генезис выражения, а его особая отмеченность («маркированность») в сознании носителей языка и, соответственно, в речи. Но почему то или иное выражение воспринимается как «отмеченное» неким особым образом? В подавляющем большинстве случаев – на основании его эксплицитно выраженных характеристик (форма, значение, стилистическая окрашенность).

Это признает и Беркова: источник некоторых КС не установлен достоверно либо не установлен вообще, однако на их литературное (стало быть, «авторское») происхождение указывают «стилистические, лексические, семантические и иные особенности» [Беркова, 1991 а, с. 6]. Но если одного ощущения «литературности» (мы бы сказали: «цитатности») достаточно для причисления выражения к КС, то придется признать ограниченность «этимологического» подхода, в рамках которого КС, по определению, есть слово или выражение, источник которого установлен.

По общему правилу, чем *распространеннее* выражение, чем оно *короче* и чем оно *старше*, тем меньше оно связано с источником. Это особенно относится к КС из античной литературы, которые по большей части воспринимаются как «речения древних», книжные пословицы и поговорки, либо вовсе не ощущаются как цитаты. Особое положение занимают стихотворные цитаты, а также исторические фразы, ходячие сентенции и афоризмы, т.е. законченные высказывания с ярко выраженной авторской формой. Тут почти автоматически возникают вопросы: а кто это сказал? А откуда это? Это и есть то ядро, которое попадает как в словари КС, так и словари цитат.

Было бы весьма любопытно проследить различные способы маркировки КС, авторство которых ощущается смутно: «как говорили древние», «как сказал классик», «как поется в песне», «как сказал Райкин» (говорящий так вполне может осознавать, что Райкин не писал для себя текстов).

Ограничимся примером из современного триллера: «Впрочем, справедливо говорят, что история не знает сослагательного наклонения. Поэтому бессмысленно рассуждать что было бы, если бы...» [Маринина, с. 283]. И там же [Маринина, с. 300]: «Отрицательный результат – тоже результат». Героиня романа использует ходячие фразы, не зная их автора (не знает, конечно, и романистка); однако фразы эти выступают в роли книжного, «ученого» речения, «анонимной цитаты». Это, конечно, не КС в чистом виде, но какая-то периферийная зона, нечто промежуточное между собственно КС (цитатой, которая ясно осознается как «авторская») и заведомо безымянной сентенцией, будь то народная пословица или разговорное клише.

4. «Крылатые слова» как код национальной культуры

Зададимся наивным, на первый взгляд, вопросом: что дает нам знание источника КС? Какая нам от этого «выгода»? Очень просто, отвечает С. Займовский: знание источника необходимо для правильного понимания цитаты. Например, цитата «Книги имеют свою судьбу» сама по себе «мало дает уму и сердцу», если не знать, что в первоисточнике далее следовало: «...сообразно по тому, как их принимает читатель» [цит. по: Шулежкова, 1995, с. 156].

Но зачем непременно требовать, чтобы КС «много давали уму и сердцу»? Достаточно, чтобы говорящий и слушающий понимали КС одинаково, и тут, по-видимому, знающий исходную форму приведенной выше цитаты не имеет особых преимуществ над незнающим. Кстати: Займовский полагал, что изречение «Все течет» (в отличие от «Книги имеют свою судьбу») ничего не теряет и без знания первоисточника. Как единица языка действительно ничего не теряет; как философская формула – теряет очень и очень много. Но в том-то и дело, что литературный язык есть по преимуществу средство общения неспециалистов на неспециальные темы, в противном случае мы имели бы дело с одной из разновидностей научного (например, философского) языка.

Практика не оставляет сомнений в том, что КС очень часто используются без знания автора и (или) источника, но тем не менее в правильном значении. Значение многих КС совершенно ясно и вне исходного контекста; в других случаях оно «вычисляется» по примерам использования данного КС в речи, как и значение прочих общеупотребительных единиц языка с неясной этимологией. Этимология многих пословиц и поговорок весьма темна, что не мешает их совершенно правильному употреблению, а стало быть, и правильному пониманию. Точно так же выражение «перейти Рубикон» («бесспоротно принять ответственное решение») вполне понятно даже без отсылки к литературным источникам и истории Римской республики – как одно из множества выражений с «затемненной внутренней формой».

Я. Боровский признает, что выражение «А Васька слушает, да ест» может употребить, «и притом вполне кстати, человек, не знающий вовсе ни басни, ни ее автора: ведь в том-то и заключается особенность крылатых слов, что они живут в языке самостоятель-

ной жизнью и их общий смысл воспринимается из их употребления наравне со смыслом любого другого фразеологизма». «Но, – продолжает он, – полного понимания общий смысл еще не дает <...>. Ответ приходится искать за пределами самой фразы, а именно в том контексте, которому она принадлежит» [Бабичев, Боровский, с. 3].

Опять-таки, что значит «полное понимание»? Если выражение употребляется «вполне кстати», значит, *в качестве единицы языка* оно вполне понятно; а «полное понимание» предполагает выход за собственно лингвистический уровень. Необходимо ли для «полного понимания» метафор «ход конем», «рокировка», «пешка», «выйти в ферзи» знание шахматных правил или, тем более, стратегии и тактики шахмат? А для «полного понимания» метафоры «черная дыра» – знание соответствующей астрофизической теории? Если так, то «полного понимания» нет почти ни у кого, и КС превращаются в язык для посвященных, в социолект. Но это едва ли верно.

«Многие вошедшие в литературную речь выражения получили новое, не присущее источнику значение», – справедливо указывают Ашукины [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 6]. Считать ли, что все эти выражения «употребляются неверно»? Или признать, что, выйдя в автономное плавание, цитата почти неизбежно приобретает новое качество и уже не «равна самой себе»?

Значение КС нередко настолько существенно отличается от исходного (в контексте-источнике), что обращение к источнику лишь затемняет, а не проясняет «собственное» значение КС. С.И. Ожегов даже отказывал фразеологизмам подобного рода в праве именоваться КС, поскольку это уже не цитаты: «Сближение со структурой собственно фразеологии и приобретение “обобщенного” значения, уже не связанного принудительно со значением контекста, из которого они вышли, делает бывшие “крылатые слова” фразеологическими единицами языка» [цит. по: Шулежкова, 1995, с. 202]. Вероятно, Б. Шварцкопф и С. Шулежкова возразили бы на это, что до тех пор, пока сохраняется связь между выражением и его источником, т.е. ощущение *цитатности* выражения, сохраняется и «двуплановость» его семантической структуры; значит, оно остается КС, хотя бы и «стертым».

Нередко одно и то же выражение для одних – безымянный фразеологизм, для других – «анонимная цитата», для третьих – «авторская цитата» из совершенно конкретного источника. Возь-

мем для примера фразу: «Такой хоккей нам не нужен». Для автора данной статьи, смотревшего телерепортажи о встречах сборной СССР с канадскими профессионалами, это высказывание совершенно конкретного лица (телекомментатора Николая Озерова), связанное с совершенно определенным событием (заключительная встреча советских хоккеистов с канадскими профессионалами осенью 1972 г.). Для позднейших поколений это, вероятно, «анонимная цитата» или даже поговорка с неясной этимологией, что, впрочем, не мешает обоюдному пониманию на «минимальном» семантическом уровне. Мы назвали бы это правилом «наименьшего семантического знаменателя».

Повторим, однако, заданный в начале этой подглавки вопрос: что дает нам знание источника КС, если значение КС в языке достаточно понятно и без него? Прежде всего, наличие «второго плана» существенно само по себе, даже безотносительно к его содержанию. КС, по определению, – «чужое слово», а не «общая» и, стало быть, «ничейная собственность» (в отличие от анонимных речений). КС переводит высказывание из «ничейного» пространства языка в «размеченное» пространство культуры, служит подтверждением, знаком того, что говорящий и слушающий пребывают в одном культурном пространстве. Иначе говоря, КС выступают в роли особого *кода* – *кода национальной культуры* (которая в то же время есть культура европейская, ведущая свое происхождение от античности). Именно таков, как мы полагаем, был замысел «Крылатых слов» Бюхмана, и – рискнем предложить гипотезу – именно поэтому он нашел отклик в кругу сравнительно молодых национальных культур, литературный канон которых сформировался не так давно или еще только складывался.

Первоначально речь шла о принадлежности «широких кругов отечества» к «высокой», книжно-литературной по преимуществу культуре; отсюда ярко выраженная книжно-литературная ориентация Бюхмана, Займовского, Ашукиных. КС, согласно этому пониманию, есть не просто расхожее речение, но речение, получившее апробацию «высокой» национальной культуры – в лице ее классиков. С. Шулежкова справедливо отмечает, что до сих пор «крылатыми словами» занимались в основном филологи-литературоведы, а не лингвисты [Шулежкова, 2002, с. 34]. Однако литературоцентризм

Бюхмана и его русских последователей был, как видим, вполне сознательной, *ценностной* установкой.

Именно поэтому в словари КС не включалось множество цитатных речений, заведомо общеизвестных, зато включались цитаты, известные достаточно ограниченному кругу филологов, литературоведов, историков. Тут была своя система. Неявно учитывались критерии *значимости, ранга цитаты в культуре*.

О. Беркова называет КС «золотым фондом мировой и национальной культуры», для которого «народ отобрал <...> лишь то, что соответствует его представлениям об истине, справедливости, добре, прекрасном, выражает его чаяния, совместимо с его понятием о человеческом достоинстве, удовлетворяет его требованиям выразительности, емкости и не в последнюю очередь – чувству юмора» [Беркова, 1990, с. 101–102]. А как же быть с такими выражениями, как «Человек человеку волк», «Разделяй и властвуй», «Пушки вместо масла»? Они, полагает Беркова, «используются особым образом – с осуждением, иронически и т.д.» [там же, с. 12].

Это – ярко выраженный нормативный подход. КС, в сущности, делятся на «соответствующие представлениям народа» и «не соответствующие», «правильные» и «неправильные». Понятие «народ» здесь оценочное, идеологизированное, не говоря уж о том, что КС цитируются не «народом», а конкретными авторами, принадлежащими по преимуществу к «литературно образованным кругам». Входят ли в «золотой фонд» цитаты: «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет», «Убийцы в белых халатах», «Есть такая партия!», «Реклама – двигатель торговли»? В определенном смысле – да, но, конечно, не в качестве «отобраных народом» жемчужин мысли и языка. «Особым образом» могут использоваться *любые* КС, а вовсе не только «неправильные». Ироническое переосмысление – самый обычный способ использования КС, особенно в наше время.

Итак, первоначально КС служили символом принадлежности к «высокой» культуре; ныне они всё чаще обозначают принадлежность к общей (для носителей языка) массовой культуре, однако *може* авторской (как бы ни менялось понятие авторства) и *може* помещенной в историческом времени, в отличие от традиционной, «донациональной» фольклорной культуры.

Чем точнее представление об источнике КС, тем больше возникает ассоциаций, общих для всех, кто причастен к национальной культуре, – ассоциаций, связанных с образом автора, жанром источника, исходным контекстом КС, мелодией песни и т.д. Это не столько позволяет лучше *понять* КС (повторим: основное значение КС, как правило, понятно и без того, иначе КС не могло бы функционировать в качестве единицы языка), сколько обеспечивает эффект «многомерности» высказывания, повышает его экспрессивность, создает напряжение между двумя различными точками культурного поля, что как раз и делает КС незаменимым выразительным средством языка.

Это особенно заметно на примере КС, не обладающих строго фиксированным значением: «Все флаги будут в гости к нам», «По морям, по волнам». «Функция крылатого выражения в примерах такого типа, – замечает Б. Шварцкопф, – носит явно *орнаментальный характер*», приводит в действие «ассоциативный механизм сцепления» [Шварцкопф, с. 116]. Нечто подобное имеет в виду С. Шулежкова, говоря о «контактоустанавливающей» функции КС. «Включая крылатые выражения в устную или письменную речь, носители языка очень часто не преследуют особых pragматических целей», а используют их в качестве «средства для словесной игры» [Шулежкова, 1995, с. 173, 190].

5. От «крылатого слова» к штампу

С. Шулежкова выделяет три этапа превращения цитаты во фразеологизм («фразеологизации»): 1) цитирование со ссылкой на источник; 2) цитирование без ссылки на источник; использование в качестве заголовка; 3) прямое («невыделенное») включение в речь на правах обычно фразеологической единицы [Шулежкова, 1995, с. 183–184].

Утратив связь с источником, КС может стать поговоркой, особенно если ее литературное происхождение неочевидно. Скажем, выражение «Мы пахали» в XIX в. было цитатой, теперь же это поговорка, совершенно независимая от басни И. Дмитриева, о которой мало кто слышал. (Автор данной статьи считал «Мы пахали» анонимным речением до тех пор, пока не заглянул в «Кры-

латые слова» Ашукиных.) Это явление можно было бы назвать *фольклоризацией цитаты*.

Чаще, однако, интенсивная эксплуатация КС превращает его в штамп, в клише, после чего выражение уходит «из числа активных языковых средств» [Шулежкова, 1995, с. 203]. Штамп – это образ, но стертый, заигранный; его образность «работает вхолостую» [Дмитриева, с. 107]. Например, «зеленый друг» – выражение из статьи Леонида Леонова 1947 г. – сначала было цитатой, авторским речением, но скоро «выродилось» в анонимный штамп, неотличимый, скажем, от «белого золота». Формула «разброд и шатания», по-видимому, еще в 1940-е годы воспринималась как цитата то ли из Ленина, то ли из «Краткого курса»¹. Но когда мы читаем: «Внутри банды начались разброд и шатания» [Модестов, с. 368], – то едва ли здесь скрыта отсылка к Ленину или к истории ВКП (б); перед нами просто клише.

Для последних десятилетий чрезвычайно характерно использование КС в «орнаментальных», «игровых», «контактоустановливающих» целях. Отсюда – феномен «*фразеологических серий*», т.е. оборотов, «серийно» создаваемых по образцу общезвестного речения. Множество примеров таких серий приведено в работах С. Шулежковой; вот один из них: «С чего начинается семья», «С чего начинается песня?», «С чего начинается космос?», «С чего начинается беспредел?» и т.д. Чисто «орнаментальная» функция всех этих перефразировок вытекает уже из того, что замене подвергается «именно ключевой в семантическом плане компонент» исходного КС – слово «Родина» [Шулежкова, 1995, с. 172–173]. «Серийность <...> с одной стороны, свидетельствует о высокой степени освоенности крылатого выражения, с другой – сигнализирует о возможной его “гибели”» [там же, с. 176–177].

Отметим важную особенность таких серий: они состоят большей частью из заголовков, перефразирующих другой заголовок. Заголовок превращается в особый – «игровой» – литературный жанр. Приведя серию заголовков, построенных по образцу КС «Легко ли быть молодым?», Шулежкова замечает: «За моделью

¹ Это – «сводная» цитата из нескольких ленинских работ [см.: Душенко. Русские политические..., с. 34].

“Легко ли быть” + имя в тв. п ед. ч. стоит *память о фильме* и сема “трудно, сложно быть кем-то” [Шулежкова, 1995, с. 172–173].

Позволим себе уточнить: не о фильме, а лишь о *названии* фильма. Название выступает в роли совершенно самодостаточного текста: знать что-либо о фильме, кроме названия, совершенно излишне; не обязательно даже знать, что это название именно фильма, а не книги, спектакля или знаменитой статьи (типа «Берегите мужчин»). Точно так же заголовок «Акцент почти не слышен» («Книжное обозрение», 1996, № 37) отсылает не к книге В. Ардаматского «“Сатурн” почти не виден», а именно к заголовку как вполне самостоятельному речению.

В «предельном» случае от исходного КС остается лишь грамматический (и часто – *ритмический*) каркас, а все или почти все значимые слова подвергаются замене, например:

«Этот трудный народ подростки» (образец: «Это сладкое слово свобода»);

«Этот свободный, свободный, свободный, свободный секс» (образец: «Этот безумный, безумный, безумный мир»);

«Такой активный пассивный съезд» (образец: «Такая короткая долгая жизнь») [примеры взяты из: Шулежкова, 1994, вып. 4, с. 67, 68].

В последнем случае сохранена бинарность семантической оппозиции («короткая» – «долгая»; «активный» – «пассивный») при полной замене семантики.

Исходное КС в подобных случаях выступает не в роли содер жательного высказывания, а в роли *крылатой* (т.е. цитатной) грамматической модели. От обычной она отличается тем, что восходит к единичному, «авторскому» высказыванию и при всех трансформациях сохраняет «память» о нем. Это сравнительно новое в языке явление. Мы видим в нем своего рода мутацию, «вырождение» кода национальной (и наднациональной) культуры, отныне уже не «высокой», а массовой.

6. Состав и источники фонда «крылатых слов»

Можно ли оценить объем и состав фонда КС современного русского языка?

С. Шулежкова, взяв за исходную базу существующие словари КС и собственную картотеку (более 1000 единиц, преимущест-

венно советского времени), дает цифру 3140 единиц – без учета КС из зарубежного фольклора, современной науки и публицистики [Шулежкова, 1995, с. 127].

Эти цифры, однако, едва ли могут служить даже ориентировочной оценкой ввиду крайней неопределенности критерииов отбора КС. Достаточно сказать, что в «Русской речи и мысли» М. Михельсона (1902) учтено 300 с лишним библейских выражений, у Ашукных (1955) – в полтора раза меньше, а по данным Н. Горбачева (1991), в русском языке имеется около 700 крылатых выражений из Библии [см.: Шулежкова, 1995, с. 37]. Очевидно, что в отношении не столь давно укорененных в культуре и не столь компактных источников разброс будет еще больше. Так, у Ашукных отмечены только 18 КС из Маяковского, в словаре И. Уолши В. Беркова – уже 85; между тем, согласно О. Берковой, Маяковскому принадлежит около 30% КС, восходящих к советской литературе, а это никак не меньше полутора сотен [см.: Шулежкова, 1995, с. 71].

Поэтому приводимые Шулежковой с точностью до единицы (!) данные о вкладе разных авторов в фонд КС русского языка (Гоголь – 54 единицы, Салтыков-Щедрин – 50, Чехов – 21 и т.д.) [см.: Шулежкова, 1995, с. 70], отражают не столько некую объективную реальность, сколько состояние лексикографической практики. Можно не сомневаться, что при ближайшем рассмотрении фонд КС – как бы узко ни понимать этот термин – окажется многое больше, а удельный вес различных источников заметно изменится (не сомневаюсь, в частности, что «вклад» Чехова занижен в несколько раз).

Сообщая, что у Ашукных Блок представлен только двумя (!) выражениями, Тютчев – одним, Шулежкова оставляет это примечательное обстоятельство без комментариев [Шулежкова, 1995, с. 73]. А ведь в «Крылатых словах» нет даже цитаты «Умом Россию не понять»; о десятках безусловных КС из Блока мы уж не говорим. «Лермонтов оставил русскому языку 20 крылатых единиц», – пишет Шулежкова [Шулежкова, 1995, с. 69], ссылаясь на журнал «Русский язык в школе», где даны 22 цитаты из Лермонтова, и это при том, что пропущены такие очевидные КС, как «И звезда с звездою говорит», «Злой чечен ползет на берег...», «Страна рабов, страна господ».

Как отделить «ядро» фонда КС от «периферии»? На каких весах измерить различие между КС, популярной цитатой, заезженным штампом? Насколько оправданно включение в состав КС выражений, сфера бытования которых существенно ограничена? До тех пор, пока нет достаточно убедительного ответа на этот вопрос, любые количественные подсчеты крайне условны.

Из каких источников берутся КС? Для языков европейского ареала Беркова называет следующие источники: Библия, античная культура, мировая (классическая) литература, история, публицистика, философия, национальная литература, фольклор, искусство [Беркова, 1991 а, с. 4, 13]. А Шулежкова дает таблицу распределения КС по источникам, составленную на базе уже упомянутых 3140 КС: искусство (32%), художественная литература и публицистика (29%), Библия (22%), русский фольклор (5%), античная культура (5%), история России и мировая история (3%) [Шулежкова, 1995, с. 127]. Во 2-м издании той же книги аналогичная таблицадается на материале словарей крылатых слов, составленных Шулежковой или при ее участии: синтетические виды и жанры искусства (32%), художественная, научная и публицистическая литература (29%), сакральные христианские тексты (22%) [Шулежкова, 2002, с. 168].

Все эти классификации логически уязвимы. Что значит «история» в этом ряду? Область словесности или сами исторические явления? Неясно соотношение между «искусством» и «фольклором» – куда отнести песенный фольклор? «Античная культура» едва ли может стоять в общем ряду с «художественной литературой», «искусством» и «мировой историей». «Искусство» едва ли может рассматриваться как некое единство наподобие Библии или «сакральных христианских текстов»; это категория в высшей степени неоднородная. А куда отнести драматический театр – к искусству или литературе?

7. «Крылатые слова» и канон национальной культуры

Согласно изложенному выше подходу, всякое КС есть в большей или меньшей мере цитата, отсылающая к тексту-источнику. Но возможность такой отсылки предполагает, что

источник общеизвестен, иначе говоря, входит в *канон национальной культуры*, будь то официальный, нормативный (школьный) канон или неофициальный (современный фольклор, массовая культура). Канон есть совокупность «базовых текстов культуры», знание которых предполагается обязательным или хотя бы весьма вероятным – как условие полноценного участия в культурной коммуникации. И, следовательно, это тексты, *регулярно воспроизводимые* в данной культуре.

В каноне современной культуры можно выделить следующие основные пласти:

- 1) фольклорный канон (который отчетливо делится на традиционный и современный);
- 2) «классический» книжный (условно говоря, «школьный») канон: Библия, античность, отечественная и иностранная классика; то, что должен знать «каждый образованный человек»;
- 3) канон массовой культуры;
- 4) субканоны различных социально-культурных групп (один из таких субканонов – «шахматные» цитаты – рассмотрен ниже в особой статье).

«Нормативный» канон национальной культуры весьма велик; он включает в себя основные произведения национальной и отчасти – мировой классики. Но «реальный» канон, существующий в коллективном сознании носителей языка, представляет собой сумму сравнительно небольших фрагментов, которые *в принципе* могут быть воспроизведены «широкими кругами отечества» или хотя бы «литературно образованными кругами». «Некоторые произведения великих поэтов <...> почти целиком стали цитатами», – замечают авторы польского словаря КС [Markiewicz, Romanowski, s. 8]. Это ограниченный (хотя и весьма большой) запас готовых формул из потенциально необозримого множества. Сами же КС составляют «надводную», наиболее заметную часть канонических (в данном случае – верbalных) текстов культуры.

Процитируем классика: «Он знал довольно по-латыне, / Чтоб эпиграфы разбирать, / Потолковать об Ювенале, / В конце письма поставить *vale*, / Да помнил, хоть не без греха, / Из Энеиды два стиха». В таком объеме Онегин знал «базовый» для его эпохи канон классической древности, а из более поздней истории и словесности «хранил в памяти» прежде всего «дней минувших анекдо-

ты», т.е. характерные, любопытные, занимательные случаи и происшествия, часто связанные с «исторической фразой» или знаменитой остротой («mot»). Этого оказывается совершенно достаточно для полноценного участия в культурной коммуникации.

Повторим еще раз: всякая отсылка предполагает знание канона. Если текст-источник выпадает из канона, КС («авторская» цитата) мало-помалу сближается с анонимным речением, безымянной сентенцией. Именно это произошло с уже упоминавшейся басней Дмитриева «Муха», откуда взята поговорка «Мы пахали». «Муха» давным-давно не входит к школьный (и «внешкольный») канон, а басни Крылова – входят, и фраза «Кукушка хвалит петуха» по-прежнему воспринимается как цитата.

Пример из более позднего времени: «чапаевские» цитаты ассоциируются с фильмом (а не только с названием фильма), так как сам фильм не выпал из «массового» киноканона и регулярно «воспроизводится» по ТВ, собирая немалую аудиторию. Но фраза «А если бы он вез патроны?» уже перестает ассоциироваться с фильмом-источником, хотя ее авторское (не фольклорное) происхождение, по-видимому, ощущается достаточно ясно.

Крылатое выражение устойчиво не только потому, что оно часто повторяется *в речи*, но еще и потому, что оно регулярно воспроизводится вместе со своим печатным или аудиовизуальным источником, – десятки, сотни, даже тысячи раз. Таким источником может быть стихотворение, ария, песня, плакатный или рекламный текст, эстрадная сценка, кинодиалог. Возможность массового, многократного и совершенно унифицированного воспроизведения вербальных и невербальных текстов культуры – атрибут новейшего времени. В прежнее время нечто подобное (хотя и не с такой степенью унификации) происходило только с богослужебными текстами, основной корпус которых, однако, был ограничен, почти неизменен, а «срок жизни» измерялся по меньшей мере столетиями. Теперь же процесс возникновения КС «может завершиться в течение нескольких месяцев» [Шулежкова, 1995, с. 184].

Эволюция культурного канона идет в направлении все большей его атомизации. Исходный «контекст-источник» все больше ужимается, в пределе – почти до нуля. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в политических и рекламных лозунгах, которые обособились в совершенно самодостаточные тексты.

О выделении названий и заголовков в некий псевдожанр мы уже говорили.

Шулежкова справедливо пишет о «смене литературоцентристского типа зрелицентристским» [Шулежкова, 1995, с. 29]. Не менее существенно то, что одновременно культурный канон подвергается «массовизации» и «снижению». Еще во времена Бюхмана существовала достаточно четкая *иерархия текстов культуры*: на первом месте античность и Библия, затем европейская и национальная классика, потом всё остальное. Разрушение этой иерархии можно проследить по поздним версиям его книги, которая в переработанном виде издается по сей день; в 1990 г. вышло 37-е издание.

А в «неофициальный» канон современной русской культуры, кроме текстов, принадлежащих массовой культуре, входят также тексты некоторых частушек, «неавторских» песен, наконец, анекдотов. По своей известности и цитируемости фраза «Чукча не читатель, чукча писатель» не уступит цитатам из «Горя от ума».

Статья в «Московской правде» от 21 сентября 1996 г. озаглавлена: «Голубые не только ели, но и акулы». Говорится в ней об акулах, и только; заголовок же отсылает к анекдоту из «штирлицевской» серии¹. Тем самым предполагается, что анекдот хорошо известен среднему читателю средней (и достаточно консервативной) городской газеты. Едва ли так оно и есть на самом деле; знаменательна, однако, сама возможность появления подобного заголовка.

Список источников

- Афонькин Ю.А. Русско-немецкий словарь крылатых слов. – М.; Лейпциг: Русский язык, 1985. – 287 с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
- Аиукин Н.С., Аиукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Аиукин Н.С., Аиукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд.; [6-е изд.]. – М.: Современник, 1996. – 560 с.

¹ «Вдали Штирлиц увидел голубые ели. Подойдя ближе, он увидел, что голубые не только ели, но и пили».

- Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. – М.: Русский язык, 1982. – 958 с.
- Беркова О.В. Крылатые слова и проблемы их лексикографирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1991 а.–16 с.
- Беркова О.В. К определению понятия «Крылатое слово» // Общая стилистика: Теоретические и прикладные аспекты. – Калинин, 1990. – С. 100–111.
- Беркова О.В. Типология цитации крылатых слов. – Л., 1991 б. – 27 с. – Деп. в ИНИОН РАН 11.02.91, № 43 889.
- Дмитриева О.Л. К проблеме формирования пакета «штампы и клише» // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С. 104–110.
- Душенко К.В. Ашукины дополненные и усеченные [Рец.] // Книжное обозрение. – М., 1996 а. – № 45. – С. 5. – Рец. на кн.: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. – М.: Современник, 1996. – 560 с.
- Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: Что, кем и когда было сказано. – М.: Юрист, 1996 б.–240 с.
- Займовский С.Г. Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризмы. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 492 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Маринина А. Не мешайте палачу. – М.: ЭКСМО, 1996. – 406 с.
- Модестов Н.С. Москва бандитская. – М.: Центрполиграф, 1996. – 400 с.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1972. – 496 с.
- Уоли И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1988. – 282 с.
- Шварцкопф Б.С. Основные параметры описания крылатых выражений современного русского языка // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С. 110–117.
- Шулежкова С.Г. Крылатые выражения из области искусства: Материалы к словарю. – Вып. 1. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. пед. ин-т, 1993. – 94 с.; Вып. 2. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. пед. ин-т, 1993. – 156 с.; Вып. 3. – Челябинск: ЧГПИ «Факел», 1994. – 132 с.; Вып 4. – Челябинск: ЧГПИ «Факел», 1994. – 162 с.
- Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – Челябинск: ЧГПИ «Факел», 1995. – 223 с.
- Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

* * *

Markiewicz H., Romanowski A. Skrzydlate słowa. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1990. – 1213 s.

РУССКО-СОВЕТСКИЙ «КИНЕМАЛОГОС»: КИНО КАК ИСТОЧНИК РЕЧЕВОГО ФОЛЬКЛОРА¹

Уже в середине 1930-х годов повседневная речь русскоязычного населения СССР была насыщена десятками устойчивых языковых формул, заимствованных из популярных кинофильмов. Эти формулы «составили новый специфический пласт авторских изречений, заметно потеснивших в массовом речевом обиходе традиционные литературные и фольклорные паремии» [Ханютин, с. 45]. Между тем проблема киноцитат до самого недавнего времени рассматривалась как факультативная и явно второстепенная в сравнении с изучением цитации литературных текстов [Елистратов, с. 3].

В самый известный русский справочник по крылатым словам Ашукиных (1-е изд.: 1955) включена лишь одна кинореплика: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», да еще название фильма «Путевка в жизнь» [Ашукин, Ашукина, с. 60, 341].

В работе С.Г. Шулежковой о крылатых словах из области кино и телевидения представлено 80 «крылатых» названий фильмов и телепередач, 5 имен киноперсонажей и только 18 реплик из кино- и телефильмов [Шулежкова]. Это можно объяснить тем, что главным источником для нее была пресса; а обыгрывание известных названий – дежурный прием журналистов. Примерно теми же словарными статьями представлен кинематограф в большом словаре крылатых слов, составленном при участии Шулежковой [Берков, Мокиенко, Шулежкова].

Киновед А.Ю. Ханютин, в отличие от Шулежковой, в своем исследовании ориентировался исключительно на устную речь. Он

¹ Впервые опубл. в журн.: Культурология: Дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 2. – С. 118–122. Перепечатывается с незначительными изменениями.

составил список 166 «наиболее употребительных паремий, имеющих кинематографическое происхождение», т.е. ходячих киноцитат. «Цитатных» названий фильмов здесь всего 4, а не 80, как это было у Шулежковой. Паремии такого рода возникли еще в эпоху немого кино. Их источником были надписи, передававшие реплики персонажей фильмов, таких как «Мисс Менд» или «Процесс о трех миллионах» [Ханютин, с. 45, 49].

Согласно Ханютину, отбор и бытование кинопаремий осуществляется на уровне рядовых поклонников популярного фильма. «За пределами аудитории, непосредственно знакомой с фильмом, производится дополнительный, еще более жесткий отбор, в ходе которого в языке оседает несколько паремий, практически утративших связь с киноисточником» [Ханютин, с. 47]. Чтобы определить, какие именно киноцитаты вошли во всеобщее употребление, нужны были бы массовые паремиологические эксперименты; не имея подобной возможности, Ханютин ограничился опросом небольшой группы экспертов.

В 1-м издании моего «Словаря современных цитат» [Душенко] около 350 единиц составляют реплики из кинофильмов, причем почти все это – фильмы, снятые на русском языке; доля иностранных фильмов и фильмов «национальных киностудий» крайне невелика.

В 1999 г. появилось первое монографическое исследование ходячих киноцитат [Елистратов]. Автора словаря интересовали лишь крылатые слова, вошедшие в устную речь. Советско-российский кинематограф для него – прежде всего «лингво-этнографический феномен», «неотъемлемая часть народного фольклора XX века» [Елистратов, с. 7].

Елистратов видит глубинную связь между русским (советским) кинематографом XX века и традицией русской культуры. Эта связь выражается в лингвокентризме русской культуры, ее «сосредоточенности на Слове, Логосе» [Елистратов, с. 6]. Очень «словесны» русские живописцы. «Литературное комментирование картин передвижников – традиционный элемент школьной дидактики» [там же, с. 5]. Точно так же кинематограф советской эпохи – «это скорее даже не кинематограф, а кинемалогос». В центре российско-советского кинематографа – прежде всего языковая личность актера – Бабочкина, Броневого, Леонова, Луспекаева и дру-

гих. В 90-е годы эта эпоха уже позади. «Логос покинул сферу кино» и ушел в область политической риторики, риторики шоубизнеса, рекламы, рок-текстов [там же, с. 5–6].

Масштабы фольклоризации кинотекстов в России, полагает Елистратов, уникальны. «Таких масштабов цитации нет и не было ни в одном языке» [Елистратов, с. 6]. Однако, судя по англоязычным словарям цитат [Cohen; Jarski], киноцитаты составляют заметную часть общего массива ходячих речений, особенно в США. Во времена «золотого века Голливуда» это явление, надо полагать, было выражено еще более отчетливо.

В словаре Елистратова около 2000 фраз. «Реальный объем киноречений, вошедших в повседневную речь, в несколько раз больше», – считает автор [Елистратов, с. 7]. Так ли это на самом деле?

Окончательный отбор материала для словаря Елистратова производился путем опроса около 80 «активных кинолюбов» различного возраста и из разных социальных групп. Но соответствуют ли речевые установки «активных кинолюбов» установкам прочих носителей языка? Вот что пишет по этому поводу Ханютин: «Особую опасность для коллекционера кинопаремий представляют информанты, относящиеся к категории знатоков-киноманов. <...> В узких кругах таких ценителей механизм отбора цитат почти не действует. Авторитет “жреца” тем выше, чем больше сегментов текста он может процитировать. <...> По существу, знатоки и “жрецы”, подвзывающиеся в сфере массовой культуры, смыкаются с поклонниками самых эзотерических текстов. И для тех, и для других обмен цитатами является средством социальной идентификации. <...> Общеизвестный текст, призванный интегрировать аудиторию, начинает в этом случае работать на ее дифференциацию» [Ханютин, с. 47].

Многие студентки (опрос делался в 1996 г.) знают почти наизусть «Формулу любви», замечает Елистратов, хотя есть и «всенародно» любимые фильмы, например, гайдаевские комедии [Елистратов, с. 8]. «Каждая микросреда (класс в школе, компания студентов, какая-либо профессиональная корпорация и т.д.) <...> культивирует свою эстетику киноцитации, в целом создавая общее национальное «поле микрофольклоров» [Елистратов, с. 8].

В указателе кино- и телефильмов к словарю Елистратова насчитывается 174 названия, а если исключить стоящий особняком фильм «Люди и манекены» (в сущности, это антология миниатюр А. Райкина) – 173 названия. К 58 фильмам имеется более 10 отсылок (это не равнозначно числу «крылатых слов»: на одной странице может быть более одной цитаты из данного фильма). Из них 32 – комедии; 13 – киносказки, включая мультипликационные; 11 – военно-приключенческие и историко-приключенческие фильмы, обычно – с заметной комической составляющей.

Если же распределить 40 наиболее цитируемых игровых нетелевизионных фильмов по хронологическим периодам, то получим следующие результаты: 1934–1947 гг. – 14 фильмов; 1948–1964 – 3 фильма (!!!); 1965–1975 гг. – 22 фильма; после 1975 – 1 фильм. За 1976–1984 гг. в списке 58 наиболее цитируемых значится 5 телевизионных фильмов, из них 3 – «сказки для взрослых» Марка Захарова. Ни один игровой, анимационный или телевизионный фильм, снятый после 1984 г. (год выхода на телеэкран «Формулы любви»), уже не попал в этот список.

Эти выводы подтверждаются данными Ханютина. Если учитывать только игровые нетелевизионные отечественные фильмы, то в его списке «кинопаремий» на 1934–1947 гг. приходится 46 единиц, на 1948–1964 гг. – 11, на 1965–1973 гг. – 88, а на все позднейшие годы – 4 [см.: Ханютин, с. 49–55].

Итак, вплоть до середины 1960-х годов основной запас кинопримат давали фильмы «сталинской эпохи», вышедшие на экран между 1934 и 1947 гг., и лишь затем на первый план вышли фильмы «новой комедийной волны». При этом великая эпоха российско-советского «кинемалогоса» закончилась, по-видимому, не в 1990-е годы, а гораздо раньше – около 1975 г.

Предельно схематизируя, можно сказать, что в 1930–1940-е годы в центре русско-советской популярной культуры стоял «коллективный Александров» (создатели alexandrovskikh kinokomedij); затем, вплоть до середины 60-х годов, – «коллективный Райкин» (А. Райкин плюс авторы его миниатюр); а с середины 60-х и до конца 70-х годов – «коллективный Гайдай».

Список источников

- Аиукин Н.С., Аиукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – [6-е изд.]. – М.: Современник, 1996. – 560 с.
- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 624 с.
- Душенко К.В.* Словарь современных цитат: 4 300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. – М.: Аграф, 1997. – 632 с.
- Елистратов В.С.* Словарь крылатых слов: (Русский кинематограф). – М.: Русские словари, 1999. – 181 с.
- Ханютин А.Ю.* 166 наиболее употребительных паремий, имеющих кинематографическое происхождение // Киноведческие записки. – М., 1993. – Вып. 19. – С. 45–54.
- Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения из области искусства: Материалы к словарю. – Челябинск: Магнитогорский гос. педагог. ин-т, 1994. – Вып. 4. – 162 с.
- * * *
- Cohen J.M., Cohen M.J.* The Penguin Dictionary of Twentieth-Century Quotations. – London: Penguin Books, 1995. – 640 p.
- Jarski R.* Wisecracks [Great lines from the Classic Hollywood era]. – London: Prion Books, 1998. – 288 p.

ШАХМАТЫ КАК ОБЛАСТЬ ЦИТАТНОГО ТВОРЧЕСТВА

Наряду с «большим» цитатным каноном национальной и европейской культуры существует множество «малых» канонов, остающихся принадлежностью тех или иных социально-культурных групп. Примером могут служить шахматы как сфера культуры.

Шахматы родились как игра. В новейшее время она стала еще и спортом. Но едва ли не с самого начала в этой игре видели нечто большее – своего рода искусство, причем искусство, основанное на теоретических знаниях. Шахматы можно рассматривать как специфическую область культуры – с собственной эстетикой (представления о которой менялись со временем), собственной историей и собственными великими творцами, начиная по крайней мере с Филидора (конец XVIII в.). В этой истории, как и в истории «большой» культуры, также сменяются господствующие стили и направления. Не случайно одно из них, родившееся в первые десятилетия XX в., было названо «гипермодернизмом», по аналогии с современными ему художественными течениями.

Важную роль в шахматной культуре играют вербальные формулы, часто цитируемые в устной речи шахматистов, шахматных книгах и комментариях к партиям. Многие из этих формул имеют достоверного автора, другие приписываются тому или иному лицу с большей или меньшей степенью вероятности, третьи остаются анонимными. Ниже мы рассмотрим наиболее известные формулы, принадлежащие к первым двум категориям – своего рода «крылатые слова» шахматной (по преимуществу интернациональной) культуры.

1. Слишком серьезно для игры, слишком легкомысленно для науки

Это определение шахмат включено в «Лексикон прописных истин» Гюстава Флобера: «Trop sérieux pour un jeu, trop futile pour une science» (*франц.*) [Flaubert, p. 369]. «Лексикон...» был начат ок. 1850 г., опубликован посмертно в 1913 г. Задумывался он как собрание ходячих банальностей, а значит, к середине XIX в. это определение вышло за пределы собственно шахматной культуры.

Обычно оно приписывается Моисею (Мозесу) Мендельсону (1729–1786), еврейско-немецкому просветителю. Его частым партнером в шахматах был Готфрид Лессинг, центральная фигура немецкого Просвещения; самого Мендельсона называли в Германии «еврейским Лессингом».

Самый ранний известный мне случай цитирования этого высказывания встречается в книге Гирша Зильбершмидта «Гамбит, или Нападение и защита против гамбитных начал» (1829):

«Мозес Мендельсон говорил о шахматах: “Как игра это слишком серьезно, как серьезное дело – слишком игра” (*нем.* “Als Spiel ist’s zu viel Ernst, und als Ernst zu viel Spiel”). И в другой раз: “В них слишком много науки, чтобы быть игрой, и слишком много игры, чтобы быть наукой” (“Als Spiel ist’s zu viel Wissenschaft und als Wissenschaft erfordert es zu viel Spiel”)» [Silberschmidt, S. 219].

Иногда эту мысль приписывали также Лессингу, например, в анонимной немецкой брошюре, переведенной с английского под загл. «Война между белой и красной розой, или Описание новой упрощенной шахматной игры» (1832): «...Уже Лессинг сказал <...>: “Это слишком серьезно для игры, и слишком игра, чтобы быть чем-то серьезным”» [Der Krieg., S. 3]. (Английского оригинала брошюры мне обнаружить не удалось.)

2. Угроза сильнее ее исполнения

Это, безусловно, самое шахматное известное изречение, приобретшее значение универсальной мудрости. Чаще всего оно приписывается гроссмейстерам Зигберту Таррашу (1862–1934) или Савелию Тартаковеру (1887–1956).

Ранняя формулировка этого принципа содержалась в книге английского автора Джеймса Мейсона «Искусство шахмат» (1897): «Угроза <...> размена или занятия какого-либо важного пункта часто гораздо действеннее, чем ее немедленное исполнение» («A threat <...> is often far more effective than its actual execution») [Mason, p. 180]. (Цитата указана английским историком шахмат Эдвардом Винтером [Winter. A Nimzowitsch Story].)

Однако в своем нынешнем виде этот принцип был сформулирован на немецком языке: «Die Drohung ist stärker als die Ausführung». В печати он появился, по-видимому, в 1905 г., в сборнике партий международного шахматного турнира в Бармене (Германия), составленном австрийским журналистом и шахматистом Георгом Марко: «В том-то и состоит одна из самых больших тонкостей современных шахмат, которую кратко можно выразить так: Угроза сильнее ее исполнения» [Marco, p. 232].

Чуть позже Марко назвал автором этого принципа Карла Эйзенбаха (1836–1894) – австрийского шахматиста, секретаря Венского шахматного клуба (в газ. «Wiener Schachzeitung», март–апрель 1908). «Эйзенбаховским» этот принцип назван также в следующем номере «Венской шахматной газеты» (май–июнь) [Winter. A Nimzowitsch Story].

С этой формулой связан известный шахматный анекдот (возможно, имеющий реальное основание) об Ароне Нимцовиче (1886–1935), который в 1920-е годы был одним из основных претендентов на шахматную корону. Нимцович не выносил табачного дыма. Согласно наиболее распространенной версии, один из его противников перед игрой демонстративно положил рядом с собой сигару. Нимцович заволновался, проиграл партию и пошел жаловаться главному судье. Тот объяснил, что противник Нимцовича вообще не курит. Нимцович ответил: «Тем хуже! Вы, как шахматист, должны знать, что угроза сильнее ее исполнения» [Winter. A Nimzowitsch Story].

3. Жизнь слишком коротка для шахмат

Эта фраза – единственное, что осталось от творчества английского драматурга Генри Джеймса Байрона (1835–1884). Она

взята из его комедии «Наши мальчики» («Our Boys»), поставленной в Лондоне 16 января 1875 г. и выдержавшей 1362 представления за 4 года и 4 месяца – мировой рекорд, побитый только «Теткой Чарлей» Брэндона Томаса в 1892 г.

В начале пьесы тетка шалопая Толбота беседует со своим племянником, вернувшимся из трехлетнего путешествия по Европе:

«← Я так рада видеть вас снова. Мы проведем приятный вечер за игрой в шахматы.

– Во что?

– В шахматы, ведь это царица игр.

– Вы называете это *игрой*? Ха-ха! Нет уж, увольте; жизнь слишком коротка для шахмат (Life's too short for chess)» [Byron, p. 126].

В XX в. старое изречение было дополнено: «Говорят, что жизнь слишком коротка для шахмат. Но это изъян не шахмат, а жизни (...that is the fault of life, not chess)». Ранние примеры цитирования этого высказывания (как анонимного) относятся к 1937 г. Чаще всего оно приписывается американскому шахматисту Уильяму Эварту Нейпиру (1881–1952) – по всей вероятности, безосновательно [Winter. «Life's too short...»].

4. Лучше иметь плохой план, чем не иметь никакого

Обычно это изречение цитируется как шахматная мудрость. Но, вероятно, впервые оно появилось в «Энциклопедии садоводства» шотландца Джона Клаудиуса Лаудона (1822; кн. 2, разд. 5): «Любой, даже плохой план лучше, чем никакой» («Any plan at all, even a bad plan, is better than none») [Loudon, p. 1336].

Лаудон был виднейшим теоретиком ландшафтного дизайна и ландшафтной архитектуры, а его «Энциклопедия...» выдержала несколько переизданий.

Ранний пример цитирования этого принципа в шахматной литературе относится к середине XIX в.: «Лучше иметь плохой план, чем вовсе не иметь плана» («Better have a bad plan than no plan at all») [The Chess Player's..., p. 30; цит. по: Winter. Chess Planning].

А в пьесе американского драматурга Джона Ллойда Болдерстона «Гений Марны» (1919) читаем: «На войне, как и в шахматах,

лучше иметь плохой план, чем не иметь никакого» [Balderston, p. 13].

5. Самое трудное – это выиграть выигранную партию

Это изречение приписывалось Зигберту Таррашу, Эмануэлю Ласкеру и другим выдающимся шахматистам.

В действительности оно появилось в книге румынского шахматиста Адольфа Альбина «Шахматные афоризмы и воспоминания» (1899): «Нет ничего труднее, чем выиграть выигранную партию» (нем. «Nichts ist schwerer als eine gewonnene Partie – zu gewinnen») [Albin, p. 9; цит. по: Winter. Winning...].

6. Недостаточно быть хорошим игроком – нужно еще хорошо играть

Немецкий гроссмейстер Зигберт Тарраш, осмысляя свое неудачное выступление на турнире в Лейпциге (1888), заметил: «...Я понял, что недостаточно быть хорошим игроком, но нужно еще хорошо играть» («...es nicht genügt, ein guter Spieler zu sein, sondern daß man gut spielen muß») («Триста шахматных партий») [Tarrasch, 1895, S. 206; цит. по: Winter. Tarrasch quote].

Это изречение часто цитировалось со ссылкой на Тарраша, но точный источник был указан лишь в XXI в.

7. Нападение – лучшая защита

Это изречение ныне часто цитируется шахматистами, хотя появилось оно вне сферы шахмат и сфера его употребления гораздо шире.

Самый ранний известный мне пример цитирования этой формулы – книга немецкого писателя Жан-Поля (наст. имя Иоганн Пауль Рихтер) «Сумерки Германии» (1809). Здесь мы читаем:

«Разумеется, наступательная война вытесняет оборонительную, тем более что первая легко выдает себя за вторую, ибо луч-

шая защита – нападение (die beste Verteidigung Angriff ist), а политик легко соглашается на превентивную войну» [Jean Paul, S. 86].

Наполеон на о-ве Св. Елены говорил: «Нередко лучший способ защитить себя – это атаковать» [Antommarchi, p. 328–329].

В Германии XIX в. эта формула нередко цитировалась как правило военной стратегии, иногда – по поводу войн Фридриха Великого, который, как известно, почти всегда нападал первым.

В шахматах отчасти похожие высказывания впервые появились во 2-й половине XIX в., причем относились они к контратаке:

«Для черных контратака часто лучше, чем простая защита...» [Long, p. 24];

«Контратака – превосходная форма защиты (une excellente manière de se défendre, франц.)» [Rivière, p. 51; цит. по: Winter. Counter-attack].

8. Шахматы – это трагедия одного темпа

Этот афоризм не является интернациональным, зато часто цитируется в русскоязычной литературе. По свидетельству Василия Николаевича Панова, он принадлежит Сергею Всеиводовичу Белавенцу (1910–1942), стало быть, датируется 1930-ми годами:

«У него [Белавенца] был философский склад ума. Два его спортивных афоризма прочно врезались в мою память: “шахматы – трагедия одного темпа!” (т.е. очень часто для проведения комбинации или маневра не хватает одного-единственного хода) и “без тяжелых переживаний партию не выиграешь!”» [Панов, с. 53].

Белавенец, трехкратный чемпион Москвы по шахматам, в начале Великой Отечественной войны записался в ополчение и погиб на фронте.

9. Пешки – душа шахмат

Это положение – главный пункт шахматной философии первого великого теоретика шахмат – Франсуа Андреда Филидора (1726–1795). В предисловии к первому изданию своего учебника «Анализ шахматной игры» (1749) 23-летний Филидор писал:

«Моя основная цель состоит в том, чтобы заслужить честь открывателя нового принципа, которого никто не замечал или, возможно, не мог обнаружить, а именно: хорошо играть пешками. Они – душа шахмат; только ими определяется нападение и защита, и от их удачного или неудачного расположения полностью зависит выигрыш или проигрыш партии» [Philidor, 1749, p. XIX; цит. по: Winter E. Philidor...].

Эта идея была подвергнута критике в XIX в. В предисловии к дополненному переизданию учебника Филидора, изданному в 1868 г., Казимир Сансон замечает: «Согласно Филидору, “пешки – душа шахмат”; <...> в наши дни, однако, предпочтение отдается быстрому развитию своих сил и их концентрации в нужной точке. Это – наполеоновский метод» [Philidor, 1868, p. X].

10. Ладейные эндшпили не выигрываются

В 1908 г., после проигрыша матча на первенство мира Эм. Ласкеру, Зигберт Тарраш опубликовал книгу об этом матче. В качестве приложения к ней он поместил статью «Новые разыскания в области ладейных эндшпилей». Здесь рассматривался один из самых распространенных типов ладейного окончания в практической партии: сильнейшая сторона имеет лишнюю пешку на одном из флангов при наличии нескольких пешек на другом фланге у той и другой стороны. Статья заканчивалась выводом:

«Итак: коротко говоря, представляется, что все подобные эндшпили, как правило, ничейны (...diese Endspiele in der Regel remis zu halten sind)» [Tarrasch, 1908, p. 148].

То же изречение, но в другой форме, гроссмейстер Саломон Флор приписал Савелию Тартаковеру: «Ладейный эндшпиль – коварная штука. Тартаковер когда-то заявил, что ладейные эндшпили не выигрываются» [Флор, с. 97].

Тартаковер пользовался репутацией шахматного остроумца, однако в его печатных публикациях это изречение не встречалось.

11. Конь на краю доски всегда стоит плохо

В оригинальной, немецкой версии, изречение имеет рифмованный вид: «Ein Springer am Rande ist stets eine Schande» – «Конь на краю доски – всегда позор».

Ранний пример его цитирования относится к 1903 г. – в анонимном комментарии к партии «Марко против Таубенхауза» в Монте-Карло («Deutsche Schachzeitung», 1903, апрель) [Winter E. Misplaced knight].

Одним из двух издателей «Немецкой шахматной газеты» был тогда австрийский шахматист Карл Шлехтер. Однако обычно это изречение приписывается Зигберту Таррашу – вероятно, потому, что в его шахматных учебниках немало формулировок, выдержаных в том же безапелляционном духе.

12. Gens una sumus

«Gens una sumus» – девиз Международной шахматной федерации (ФИДЕ), основанной в 1924 г. Традиционный русский перевод с латыни: «Мы – одна семья»; более точный: «Мы – один народ» (или: «...одно племя»). В качестве девиза оно появилось в журнале «FIDE Revue» в 1952 г. [Winter. The FIDE motto...]

Выражение это (что осталось незамеченным историками шахмат) взято из поэмы латинского поэта Клавдия Клавдиана «О консульстве Стилихона» (400 г.), III, 157: «Ибо все вместе мы – один народ» («quod cuncti gens una sumus») [Душенко, Багриновский, с. 243]. У Клавдиана речь шла о гражданах Римской империи.

В 1949 г. девиз «Gens una sumus» был помещен на обложке первого выпуска серии исследований нидерландского шахматиста Александра Рюба (1882–1959) «De Schaakstudie» [Winter. The FIDE motto...]. Именно Рюб был первым президентом ФИДЕ, с 1924 по 1949 г.

А еще раньше участники первого послевоенного Конгресса ФИДЕ (1946) получили печатное приглашение, датированное Рождеством 1945 г. В английском тексте приглашения говорилось: «...Ни один друг шахмат не должен быть забыт, потому что мы Один Народ (we are One Nation)...» [Winter. The FIDE motto...].

Есть все основания полагать, что приглашение было также написано Рюбом, а «we are One Nation» – перевод на английский цитаты из Клавдиана. (По образованию Рюб был юристом, что в Западной Европе предполагает хорошее знание латыни.) Все это свидетельствует в пользу того, что именно Рюб выбрал для ФИДЕ девиз «Gens una sumus».

В 2001 г. в Голландии вышла книга нидерландского гроссмейстера русского происхождения Генны Сосонко «Русские силуэты». Здесь автором девиза назван Петр Петрович Потемкин (1886–1926), поэт-сатирик из круга «Сатирикона» [Sosonko, p. 184].

На сайте Российской шахматной федерации читаем: «В июле 1924 года только что основанная Международная шахматная федерация (ФИДЕ) устроила чемпионат мира среди любителей, в котором Потемкин выступал под флагом царской России. <...> Именно на этой любительской олимпиаде Потемкин произнес знаменитые слова “Gens una sumus”, которые позже стали девизом ФИДЕ» [Петр Потемкин…].

Эту версию, при отсутствии каких-либо ее подтверждений, следует считать легендарной.

Список источников

- Дущенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Панов В.Н. Сорок лет за шахматной доской: воспоминания и 50 избранных партий. – М.: Физкультура и спорт, 1966. – 172 с.
- Петр Потемкин. Персона Дня [электронный ресурс]. – 2018. – 20.04. – Режим доступа: http://ruchess.ru/persons_of_day/potemkin_pd (дата обращения: 28.10.2018).
- Флор С.М. Сквозь призму полувека. – М.: Сов. Россия, 1986. – 223 с.
* * *
- Albin A. Schach-Aphorismen und Reminiscenzen. – Hanover: Selbstverlag, 1899. – 112 S.
- Antommarchi F. Mémoires, ou Les derniers momens de Napoléon. – Paris: Barrois l'ainé, 1825. – T. 1. – 453 p.
- Balderston J.L. The Genius of the Marne: A Play in Three Scenes. – New York: N.L. Brown, 1919. – 86 p.
- Byron H.J. Plays. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. – 234 p.

- Der Krieg zwischen der weissen und rothen Rose: oder, Beschreibung eines neuen vereinfachten Schachspiels; nach dem englischen. – Leipzig: I. Müller, 1832. – 8 S.
- Flaubert G.* Bouvard et Pécuchet. – Paris: Editeurs français réunis, 1957. – XXIII, 397 p.
- Jean Paul.* Dämmerungen für Deutschland. – Tübingen: Cotta, 1809. – 248 S.
- Long T.* Key to the Chess Openings... -- Dublin: Ponsonby; London: Longmans, Green, 1871. – 198 p.
- Loudon J. C.* An encyclopaedia of gardening. – London: London: Longman [u. a.], 1822. – XVIII, 1469 p.
- Marco G.* Der Internationale Schach-Kongress des Barmen Schach-Vereins 1905: Enthal tend die Entstehungs-Geschichte und den Verlauf des Kongresses mit seinen schachlichen und geselligen Veranstaltungen; Die Partien sind bearb. von Georg Marco unter Mitwirkung von W. John, J. Mieses u.a. / Hrsg. von Barmer Schach-Verein. – Barmen: A. Graeper, 1905. – 628 S.
- Mason J.* The Art of Chess. – New York: Dover, 1958. – 378 p.
- Philidor F.-A.* Analyse du jeu des échecs: Nouvelle édition corrigé <...> par C. Sanson. – Paris: P. Lebigre-Duquesne, 1868. – XXXIV, 396 p.
- Philidor F.-A.* L'Analyse des Echecs. – London: l'an, 1749. – XXI, 170 p.
- Rivièvre J.A. de.* Nouveau manuel illustré du jeu des échecs. – Paris: Delarue, 1892. – 140 p.
- Silberschmidt H.* Das Gambit, oder Angriff und Vertheidigung gegen Gambitzüge. – Braunschweig: Vogler, 1829. – 223 S.
- Sosonko G.* Russian Silhouettes. – Alkmaar: New in Chess, 2001. – 206 p.
- Tarrasch S.* Dreihundert Schachpartien. – Leipzig: Veit, 1895. – 500 S.
- Tarrasch S.* Neue Untersuchungen über Turmendspiele // *Tarrasch S.* Der Schach-wettkampf Lasker-Tarrasch um die Weltmeisterschaft im August-September 1908. – Leipzig: Veit, 1908. – S. 125–148.
- The Chess Player's Handbook. – Philadelphia; New York: J.C. Winston, 1849. – 256 p.
- Winter E.* A Nimzowitsch Story // *Winter E.* Chess Notes [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.chesshistory.com/winter/extra/nimzowitsch.html> (дата обращения: 28.10.2018).
- Winter E.* Chess Planning // *Winter E.* Chess Notes [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.chesshistory.com/winter/extra/planning.html> (дата обращения: 28.10.2018).
- Winter E.* Counter-attack // *Winter E.* Chess Notes [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.chesshistory.com/winter/winter37.html> (дата обращения: 28.10.2018).
- Winter E.* «Life's too short for chess» // *Winter E.* Chess Notes [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.chesshistory.com/winter/extra/life.html> (дата обращения: 28.10.2018).
- Winter E.* Misplaced knight // *Winter E.* Chess Notes [электронный ресурс]. – Mode of access: http://www.chesshistory.com/winter/winter120.html#CN_8718 (дата обращения: 28.10.2018).

Winter E. Philidor: «Pawns are the soul of chess» // *Winter E. Chess Notes* [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.chesshistory.com/winter/extra/philidor.html> (дата обращения: 28.10.2018).

Winter E. Tarrasch quote // *Winter E. Chess Notes* [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.chesshistory.com/winter/winter37.html> (дата обращения: 28.10.2018).

Winter E. The FIDE motto Gens una sumus // *Winter E. Chess: The History of FIDE* [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.chesshistory.com/winter/extra/fidehistory.html> (дата обращения: 28.10.2018).

Winter E. Winning a won game // *Winter E. Chess Notes* [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.chesshistory.com/winter/winter153.html> (дата обращения: 28.10.2018).

Часть II. ИСТОРИЯ ФОРМУЛ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

АНГЕЛЫ НА КОНЧИКЕ ИГЛЫ

«Схоласты дискутировали о том, сколько ангелов уместится на кончике иглы» (или: «...могут танцевать на кончике иглы»). Порою так пишут даже в ученых трудах. В действительности метафора «ангелы на кончике иглы» имела несколько крайне разнородных источников.

В 1823 г. вышло в свет очередное, расширенное издание «Литературных курьезов» Исаака Дизраэли, отца знаменитого политика Бенджамина Дизраэли. Одна из глав книги называлась «*Quodlibets*, или Схоластические дискуссии». Здесь сообщалось, что в пародийном романе «Записки Мартинуса Скриблеруса» высмеивались темы дискуссий средневековых схоластов: «Могут ли ангелы перемещаться из одной крайней точки в другую, не проходя через середину между ними?», «Верно ли, что ангелы лучше познают вещи утром?», а также: «Сколько ангелов могут танцевать на кончике чрезвычайно тонкой иглы, не толкая друг друга?» [Disraeli, p. 115–116].

«Записки Мартинуса Скриблеруса» были впервые опубликованы в собрании сочинений Александра Поупа в 1806 г., хотя почти всю книгу написал шотландский врач и писатель Джон Арбетнот (1667–1735). Здесь приводился список схоластических вопросов, взятых из «Суммы теологии» Фомы Аквинского – главного богословского трактата Средневековья [Memoirs., p. 107–108]. Но вопроса об ангелах на кончике иглы в «Записках» не было – тут Дизраэли старший ошибся.

Что же касается «Суммы теологии», то здесь решаются чуть ли не все вопросы об ангелах и демонах (т.е. падших ангелах), на-

пример: разговаривают ли ангелы друг с другом? Ответ: разговаривают, но не словами, а как бы телепатически, «внутренней речью через посредство понятий ума» («Сумма...», I/I, 107, 1; перевод здесь и далее С.И. Еремеева) [Фома–2005, с. 98]. Скорбят ли ангелы-хранители о бедствиях своих подопечных? – Нет, ибо на все воля Божия. («Сумма...», I/I, 113, 7) [Фома, 2005, с. 477].

Особенно любопытен ответ на вопрос о том, могут ли ангелы перемещаться из одной точки в другую, не проходя через среднюю точку между ними. Пространственное движение ангелов, замечает Фома, может быть как непрерывным, так и дискретным: «Если движение ангела дискретно, то он может переходить из одной точки в другую, не переходя через середину между ними» («Сумма...», I/I, 53, 2) [Фома, 2003, с. 108]. Эта мысль нашла понимание у физиков XX в. как предвосхищение парадоксов теории элементарных частиц.

Однако об «ангелах на кончике иглы» Фома не упоминал. Он ставил вопрос иначе: «Могут ли несколько ангелов находиться в одном и том же месте одновременно?» – Нет: «В одном месте может находиться только один ангел» («Сумма...», I/I, 52, 3) [Фома, 2003, с. 98].

Это не значит, что ангелов на кончике иглы выдумал Дизраэли-старший. Фома Аквинский жил в XIII в. А в XIV в. в Германии появился мистико-богословский диалог «Сестра Катрой» («Сестра Катерина»). Долгое время он ошибочно приписывался величайшему немецкому мистику Мейстеру Экхарту.

Сестра Катрой, уже обретшая опыт мистического воссоединения с Богом, беседует с своим духовником:

«...Дочь моя, ученые утверждают, что на небесах тысяча ангелов могут стоять на кончике иглы. Теперь разъясни мне, что это значит». <...> «Ученые правы. <...> Душа, вошедшая в Бога, не имеет ни времени, ни пространства, ни чего-либо еще, что можно выразить словами. Но можно сказать и так, что пространство, занятое любой душой, гораздо больше, чем небо и земля и все сотворенное Богом. Я скажу больше: Бог мог бы сотворить небо и землю еще обширнее, и все же они, вместе со множеством уже сотворенных им существ, были бы меньше, чем кончик иглы, если сравнить их с душой, воссоединившейся с Богом» [Deutsche Mysteri..., S. 474; Koetsier, p. 251].

На этот фрагмент указал английский ученый Джордж Макдоналд Росс в 1985 г. [MacDonald Ross, p. 495]. С того времени обычно считается, что именно эта мистическая метафора, вместе с рассуждениями Фомы, и послужила источником легенды о дискуссиях ученых-схоластов.

Сама легенда родилась в Англии XVII в. под пером протестантских проповедников и публицистов. Однако, считает австралийский ученый Питер Гаррисон, едва ли ее источником был трактат «Сестра Катрэй», далекий от всякой схоластики. Более вероятно, что в XVII в. «ангелы на кончике иглы» родились самостоятельно – из игры слов английского языка. Обличая католическое богословие, протестанты воспользовались каламбурным сближением выражения «needles point» («кончик иглы» в архаическом написании, вместо современного needles?) и «needless point» – «бесполезный вопрос» (букв. ‘пункт’, ‘точка’) [Harrison, p. 46].

В 1619 г. в Лондоне вышло «Комментированное изложение Первого послания к Фессалоникийцам» англиканского священника Уильяма Слейтера (W. Slater). Здесь высмеивались темы схоластических дискуссий: «могут ли многие [ангелы] находиться в одном месте одновременно, и сколько [ангелов] может сидеть на кончике иглы (needles point), и шесть сотен столь же бесполезных вопросов (needlesse points)» [Harrison, p. 46].

Еще дальше в игре слов идет Эдуард Уиллан в проповеди «О христианском милосердии», прочитанной 18 марта 1649 г. и включенной в сборник «Шесть проповедей» (1651):

«... Изучая что-либо, мы должны руководствоваться не любопытством, чтобы лишь спорить, но христианским милосердием, чтобы вносить успокоение.

Когда был задан вопрос, сколько ангелов могут одновременно стоять на кончике иглы, ответом было: на этом вопросе останавливаться бесполезно. Не будем останавливаться на таких бесполезных вопросах...»

В оригинале сплошная игра слов: «*how many Angels might stand upon a needles point?*»; «*it was but a needlesse point to stand upon. Let not us stand upon such needlesse points...*» [Willan, p. 17; курсив мой. – К.Д.].

В полемическом трактате Уильяма Чиллингуорта «Религия протестантов, верный путь к спасению» (1638) утверждалось, буд-

то католические богословы спорили о том, «может ли миллион ангелов поместиться на кончике иглы» [Chillingworth, первое (не-пронумерованное) предисловие, р. 12].

Танцующие ангелы появились чуть позже – в трудах философов-неоплатоников Кембриджской школы. Они не считали вопрос об ангелах на кончике иглы бессмысленным: они утверждали лишь, что он неверно поставлен. Неоплатоники, в отличие от Фомы Аквинского (а также от их современника Декарта), полагали, что духовная субстанция имеет пространственную протяженность. Поэтому, полагает Гаррисон, они отказались от игры слов, имевшей целью высмеять католическую хюманистику.

Кембриджский профессор Генри Мор всерьез интересовался демонологией и ангелологией [Ковалева и Семенов, с. 355]. В трактате «Бессмертие души» (1659) он критиковал ученыe школы, которые отрицают пространственную протяженность духовных существ и «спорят о том, сколько их в полной экипировке может одновременно танцевать на кончике иглы» [Harrison, p. 47].

Джозеф Гланвиль из Оксфорда, примыкавший к неоплатоникам, писал: «Тот, кто сказал, что тысяча [ангелов] могут танцевать на кончике иглы, выразился неудачно» («Тщетность догматического мышления», 1661) [Harrison, p. 47].

Ральф Кедворт оспаривал точку зрения, что «тысячи этих бесстелесных веществ, или духов, могли бы танцевать одновременно на кончике иглы» («Истинная интеллектуальная система вселенной», ч. 1, 1678) [Harrison, p. 47].

В XIX в. фраза об ангелах на кончике иглы стала ходячим речением, а в достоверность диспутов на эту тему уверовал каждый мыслящий человек.

Список источников

Ковалева И.В., Семенов А.А. Общая характеристика философии Генри Мора в контексте основных научных и теоретических проблем XVII века // Akademia: Исследования и материалы по истории платонизма. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 345–364.

Фома Аквинский. Сумма теологии. – Киев: Ника-Центр: Эльга, 2003. – Ч. I: Вопросы 44–74. – 336 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

Фома Аквинский. Сумма теологии. – Киев: Ника-Центр: Эльга, 2005. – Ч. I: Вопросы 75–119. – 576 с.

* * *

Chillingworth W. Religion of Protestants a Safe Way to Salvation. – Oxford: L. Lichfield, 1638. – 413 p.

Deutsche Mystiker des vierzehnten Jahrhunderts. – Leipzig: Göschen, 1857. – Bd. 2. – 686 S.

Disraeli I. Curiosities of literature. – London: J. Murray, 1823. – Vol. 1. – 304 p.

Harrison P. Angels On Pinheads And Needles' Points // Notes and Queries. – Oxford, 2016. – № 1. – P. 45–47.

Koetsier T., Bergmans L. Mathematics and the Divine: A Historical Study. – [Без м. и.]: Elsevier Science, 2004. – 716 p.

MacDonald Ross G. Angels // Philosophy. – Cambridge, 1985. – Vol. 60, – № 234 (October). – P. 495–511.

Memoirs of the extraordinary Life, Works, and Discoveries of Martinus Scriblerus // Pope A. The Works In Verse and Prose. – London: J. Johnson et al., 1806. – Vol. 6. – P. 45–180.

Willan E. Six Sermons. – London: R. Roysten, 1651. – 178 p.

АППЕТИТ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ

В 1-м издании «Крылатых слов» Н.С. и М.Г. Ашукиных (1955) об этом изречении сказано лишь, что оно взято из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», ч. I, гл. 5 (1532) [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 25]. Важное уточнение появилось в издании 1996 г. – в разделе «Дополнения», созданном на основе картотеки Ашукиных:

«...Выражение принадлежит французскому епископу Жерому де Анже (?–1538), известному своими полемическими выступлениями против протестантов и употребившему его в своем сочинении “О причинах” (1515)» [Ашукин, Ашукина, 1996, с. 474].

Эта версия была принята в позднейших русских справочниках. И совершенно напрасно.

В самом романе читаем: «“Аппетит приходит во время еды”, – сказал Анже Манский; жажды проходит во время пития» (пер. Н. Любимова) [Рабле, с. 34].

Философ-схоласт Жером де Анже, епископ города Ман, был видным профессором Парижского университета, где, среди прочего, исполнял роль цензора. В старых комментариях к Рабле трактат «О причинах» указан как источник знаменитого выражения. Однако в критическом издании «Гаргантюа и Пантагрюэль» 1970 г. отмечается, что ссылка Рабле на Анже Манского носит иронический характер [Rabelais, p. 43].

Так оно и есть. Трактат «О причинах» (*«De Causis»*), как и все тогдашние ученые сочинения, написан на латыни. В разделе I, 1, 5 автор рассуждает о стремлении материи к форме, следуя Аристотелю – главному авторитету поздней схоластики. Язык изложения до крайности темен и изобилует тавтологическими оборотами,

такими как «appetit actu appetendi», букв.: «стремится действием стремления» [La Langue de Rabelais, t. 2, p. 412].

Рабле не упустил случая спародировать эту формулу, обыграв сходство латинского «appetitus» (стремление, влече-
ние) и французского «appétit» (аппетит). Так появилось изречение «L'appétit vient en mangeant» – «Аппетит приходит во время еды».

Феноменальная эрудиция Рабле известна; и все же удивительно, что он читал даже подобного рода трактаты. Кстати сказать, оборот «appetit actu appetendi» де Анже позаимствовал из более ранних схоластических трудов. Он встречается уже в «Вопросах для диспутов» профессора Сорбонны Годфруа де Фонтена («Quodlibeta» (1289), VI, 2) [Godefroid de Fontaines, p. 175].

Хотя изречение пародирует ученый язык, его содержание вполне серьезно. Та же мысль в другом оформлении встречается у Овидия [Овидий, т. 2, с. 185]:

...В нем пища любая
К новой лишь пище влечет.
(«Метаморфозы», VIII; пер. С. Шервинского)

В книге Флёри де Беллингена «Этимология, или Объяснение французских пословиц» (1656) изречение Рабле приписано перево-
дчику и педагогу Жаку Амьё (1513–1593). В 1557 г. он стал воспи-
тателем принцев – будущих королей Карла IX и Генриха III. Со-
гласно де Беллингену, когда Генрих III вступил на трон, он
выполнил просьбу Амьё, дав ему в управление выгодное аббатство.
Когда же освободилась еще более выгодная должность епископа
Осеры, Амьё попросил ее для себя. Король напомнил, что прежде
Амьё довольствовался аббатством. Тот ответил: «Ваше Величество,
аппетит приходит во время еды» [Bellingen, p. 60].

Эта легенда получила широкую известность, хотя истины в ней ни на грош. Амьё стал епископом в 1570 г. при Карле IX (а не Генрихе III), почти 40 лет спустя после выхода в свет романа Рабле.

В 1842 г. Леру де Линси опубликовал «Книгу французских пословиц». Здесь изречение «Аппетит приходит во время еды» приведено как пословица XV в. [Lincy, p. 132]. Своих источников де Линси не указал; можно вполне уверенно утверждать, что здесь

он ошибся. Тем не менее эта версия нередко встречается в комментариях к Рабле.

В справочнике Михельсона «Русская мысль и речь» (1903–1904) изречение Рабле дано с переводом: «Аппетит является во время еды», а в качестве его русского эквивалента приведено выражение: «Чем больше есть, то больше хочется» [Михельсон, т. 2, с. 525].

Подобные выражения появились в русской печати со второй половины XIX в.:

«...Чем больше лечишься [на водах], тем больше хочется лечиться» [Петербургские заметки, с. 73];

«Что больше куришь, то больше хочется» (Н. Лейкин, «Веселые рассказы», 1874) [Лейкин, с. 426];

«Чем больше жрет, тем больше утроба просит... <...> чем больше пьет, тем больше хочется» (Н. Златовратский, «Устои», 1884) [Златовратский, с. 426].

По-видимому, эта конструкция восходит к роману Чарльза Диккенса «Холодный дом» (1853), гл. 20, где приведен «парадокс»: «Чем больше пьешь, тем больше хочется пить». Перевод этой главы появился в «Отечественных записках» в марте 1854 г. и в «Современнике» в мае того же года [Диккенс, с. 326].

В «Книге французских пословиц» де Линси приведено также «обратное» изречение: «En mangeant l'on perd l'appétit» – «Аппетит проходит (букв. теряется) во время еды» [Lincy, p. 132]. Оно, конечно, возникло из фразы самого же Рабле «Жажды проходит во время пития».

У нас эту мудрость изобрели вторично Ильф и Петров. Глава 4 «Одноэтажной Америки» (1936) называется «Аппетит уходит во время еды»; в ней рассказывается о нью-йоркском кафетерии с системой самообслуживания, что для советского человека было в новинку [Ильф, Петров, т. 4, с. 31].

Наконец, свою версию предложил Станислав Ежи Лец: «Аппетит приходит во время еды, но не уходит во время голода». («Непричесанные мысли, записанные в блокнотах и на салфетках и прочитанные тридцать лет спустя», 1996.) [Lec, с. 212].

Список источников

- Аицукин Н.С., Аицукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Аицукин Н.С., Аицукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Современник, 1996. – 560 с.
- Диккенс Ч.* Холодный дом: Роман. Части пятая и шестая // Современник. – СПб., – 1854. – Т. 45, № 5. – С. 277–394 (отд. паг.).
- Златовратский Н.Н.* Избр. произв. – М.: Худож. лит., 1947. – 832 с.
- Ильф И., Петров Е.* Собр. соч.: В 5 т. – М.: Худож. лит., 1961.
- Лейкин Н.А.* Веселые рассказы. – СПб.: Колесов и Михин, 1874. – 458 с.
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. – М.: Терра, 1994. – Т. 1–2.
- Овидий.* Собр. соч. – СПб.: Студия биографика, 1994. – Т. 1–2.
- Петербургские заметки // Отечественные записки. – СПб., 1854. – Т. 95, кн. 7. – С. 69–78 (7-я паг.).
- Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. – М.: Правда, 1981. – 560 с.

* * *

- Bellingen F. de.* L'Étymologie ou Explication des Proverbes François. – Paris: Adrian Vlacq, 1656. – 363 p.
- Godefroid de Fontaines.* Les Quodlibet cinq, six et sept (текст inédit). – Louvain: Institut supérieur de philosophie de l'Université, 1914. – 416 p.
- La Langue de Rabelais:* Civilisation de la Renaissance. – Paris: E. de Boccard, 1922–1923. – V. 1–2.
- Lec S.J.* Myśli nieuchcesane: odczytane z notesów i serwetek po trzydziestu latach. – Warszawa: Noir sur blanc, 1996. – 270 s.
- Lincy L. de.* Le Livre des proverbes francaies. – Paris: Chez Paulin, 1842. – Т. 2. – 414 p.
- Rabelais F.* Gargantua. – Genève: Droz; Paris: Minard, 1970. – 457 p.

БАЛЬЗАКОВСКИЙ ВОЗРАСТ

В справочнике Ашукиных «Крылатые слова» (1955) в качестве источника этого выражения указан роман Бальзака «Тридцатилетняя женщина». Однако здесь же отмечено, что речь идет о «возрасте 30–40 лет» [Ашукин, Ашукина, с. 36–37]. Мы бы добавили: «и более позднем». Может быть, поначалу «бальзаковский возраст» был меньше?

Роман «Тридцатилетняя женщина» (*«La Femme de trente ans»*, 1842) составлен из новелл, которые публиковались с 1830 г. Третья новелла, опубликованная в 1832 г., называлась «В тридцать лет» (*«À trente ans»*); в следующем году она вышла в России отдельным изданием под заглавием «Женщина в тридцать лет».

Но уже в 1836 г. писатель и критик Жюль Жанен заявил об открытии Бальзаком – нет, не тридцатилетней женщины, а «женщины от тридцати до сорока лет, и даже старше!» «Женщина тридцати-сорока лет слыла в прошлом неподвластной страстям, а следовательно, не существовала ни для романа, ни для драмы; сегодня же, благодаря этим триумфальным открытиям, сорокалетняя женщина царит в романе и драме вполнеправно и единолично. <...> Сорокалетняя женщина вытеснила из литературы шестнадцатилетнюю барышню». (Рецензия на водевиль Ж. Ансело и П. Фуше «Соперница» в газ. *«Journal des debats»* от 28 ноября 1836 г.; вторая цитата – в переводе Веры Мильчиной.) [Janin, p. 72; Жирарден, с. 63].

Вера Мильчина по поводу этой цитаты замечает: «Бальзаковой героине, на которую намекает Жанен, было не 40, а 30 лет»; «Именно отсюда [из романа «Тридцатилетняя женщина»] пошло выражение “женщина бальзаковского возраста”, хотя сего-

дня под ним подразумевают особ более преклонных лет» [Жирарден, с. 62].

В действительности женщина, «открытая» Бальзаком, с самого начала виделась в России, как и во Франции, преимущественно сорокалетней. В повести Владимира Соллогуба «История двух калош» (1839) читаем: «В сорок лет, что ни говори Бальзак, женщина в неприятном положении» [Соллогуб, с. 17].

В повести Сергея Победоносцева «Милочка» (1845) упоминалась «отцветшая бальзаковская сорокалетняя красавица» [Живые картины, с. 156]. (Выражение «сорокалетняя красавица» стоит запомнить – мы его встретим ниже.)

Тогда же рецензент «Отечественных записок» повторил слова Жюля Жанена, назвав Бальзака «литературным Христофором Коломбом», который «открыл сорокалетнюю женщину»: «Дайте Бальзаку сорокалетнюю женщину, бледную, желтую, хилую, болезненную, пусть даже она будет с горбом или хромает, – ничего! она вмиг явится очаровательным созданием: романист-парадоксист оденет ее с изящным вкусом <...>; вы ослеплены, очарованы, пред вами не женщина зрелого возраста, желтая и безобразная, – перед вами ангел, волшебница, сама Венера» [Иностранный литература, с. 2].

В таком случае причем здесь «Тридцатилетняя женщина»?

Прежде всего напомним, что определение «тридцатилетняя» тогдашний читатель понимал как галантное обозначение женщины в возрасте за тридцать, а пожалуй, и далеко за тридцать. Критик парижского «Артистического журнала» язвительно замечал:

«Ни для кого не тайна, что женщина переходит от двадцати девяти лет до шестидесяти без промежутков, и что тридцатилетняя женщина существует только в фантастическом воображении г-на де Бальзака» (рецензия на водевиль Ж.Б. Розье «В тридцать лет, или Рассудительная женщина», 1838) [Theatre du Vaudeville., р. 56].

На исходе XIX в. о том же говорил Оскар Уайлд: «Ей все еще тридцать пять с тех самых пор, как ей исполнилось сорок» («Как важно быть серьезным» (1895), пер. И. Кашкина) [Уайлд, т. 1, с. 433].

Паспортов тогда не было, и дамы легко сбавляли себе возраст. 32-летняя Эвелина Ганская на первой встрече с Бальзаком выдавала себя за 27-летнюю, т.е. 30-летней она стала лишь в 35 [Моруа, с. 246]. В маркизе д'Эглемон, героине новеллы «В тридцать лет» (1832),

осведомленные парижане находили сходство с графиней де Берни, возлюбленной молодого Бальзака, а ей в начале их романа было даже не сорок, а сорок пять, и она уже успела стать бабушкой.

Едва ли не центральное место занимает в этой новелле сравнение девушки со зрелой женщиной, причем безусловно в пользу последней. «Тридцатилетняя женщина идет на все, а девушка из девичьего страха вынуждена перед всем отступать». «В эту пору она уже обладает необходимым тактом, умеет затронуть чувствительные струны мужского сердца и прислушаться к их звучанию». «Женщины знают тогда цену любви и дорожат ею, боясь утратить ее; в ту пору душу их еще красит уходящая молодость, и любовь их делается все сильнее от страха перед будущим» (пер. А. Худадовой) [Бальзак, т. 2, с. 187, 189, 193].

Гораздо менее известно, что в том же 1832 г. Бальзак воспел и сорокалетнюю женщину – в новелле «Поручение» из цикла «Сцены из частной жизни». Герои новеллы переживают «то время, когда кажутся всего обаятельней женщины известного возраста, иными словами, женщины между тридцатью пятью и сорока годами»; «встречается немало сорокалетних женщин более молодых, чем иные двадцатилетние»; «мы признались друг другу: он – в том, что госпоже такой-то тридцать восемь лет, а я, со своей стороны, в том, что страстно люблю сорокалетнюю» (пер. М. Столярова) [Бальзак, т. 3, с. 49].

Не удивительно, что с 1830-х годов Бальзак – любимый автор не только французских, но и русских дам. В повести Михаила Загоскина «Три жениха» (1835) упоминаются только что доставленные из Парижа в некий губернский город «две французские книги в синей красивой обертке: это были “Сцены из приватной жизни”, сочинение г. Бальзака» (заметим: те самые «Сцены...», в которые включена новелла «Поручение»). Прибывшая из Москвы дама восторженно восклицает: «Но Бальзак!.. Ах, Бальзак!! В Москве нет ни одной порядочной женщины, которая не знала бы его наизусть» [Загоскин, с. 72].

В 1838 г. вышла в свет повесть «Сорокалетняя женщина» (*«La Femme de quarante ans»*) Шарля де Бернара, друга и ученика Бальзака. В том же году эта повесть – под измененным заглавием «Сорокалетняя красавица» – появилась в «Библиотеке для чтения», самом популярном тогдашнем русском журнале. Повесть

Бернара еще более утвердила представление о «бальзаковской женщины» как сорокалетней.

А в следующем, 1839 г., вышел роман Бальзака «Беатриса». Одной из главных героинь романа была сорокалетняя мадемуазель де Туш, «списанная» с Жорж Санд. Бальзак превозносит ее до небес: «Юности свойственно лакомиться зрелыми плодами, а ими богата щедрая осень женщин»; «их преданность безгранична; они слушают вас, они любят вас, наконец, они хватаются за любовь, как приговоренный к смерти цепляется за какой-нибудь пустяк, связывающий его с жизнью; <...> словом, абсолютную любовь можно узнать только через них» (пер. Н. Жаркова) [Бальзак, т. 4, с. 281, 282].

Как видим, «бальзаковский возраст» с самого начала понимался так же, как он понимается и теперь. Само это выражение чисто русское: оно неизвестно в других языках, включая французский. Единственным известным мне исключением является слово «balzaquiana», которое появилось в XX в. в бразильском варианте португальского языка и которое можно перевести как «бальзаковская женщина». Но в Бразилии это «женщина в возрасте около тридцати лет» [Lessa, p. 32].

Выражение «бальзаковский возраст» утвердилось лишь в последние десятилетия XIX в. В юмореске Чехова «От нечего делать» (1886) читаем: «Ах ты, бесстыдница! Впрочем, что ж? Бальзаковский возраст! Ничего не поделаешь с этим возрастом!»; «Бальзаковская барыня и психопатка» [Чехов, с. 59, 163]. Здесь геройне 33 года, и ее причисление к «бальзаковским барыням» – отчасти следствие сильнейшего раздражения ее мужа, заставившего ее целующейся с молодым человеком.

Примерно к тому же времени относится эпизод из воспоминаний Марии Павловны Чеховой. Левитан неожиданно объяснился ей в любви; она рассказала об этом брату. Тот ответил: «Ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты». Это выражение было тогда новым. «Мне стыдно было сознаться, – вспоминает Мария Павловна, – что я не знаю, что такое “женщина бальзаковского возраста”, и в сущности я и не поняла смысла фразы Антона Павловича» [Чехова, с. 43].

Такой женщиной была, как известно, художница Софья Кувшинникова – прототип чеховской «Попрыгуньи». Их роман с

Левитаном начался, когда ей было сорок, а Левитану – двадцать восемь.

В романе Лескова «Некуда» (1864) говорилось о «страстных женщинах бальзаковской поры» («пора» здесь синоним «возраста»), а в очерке Некрасова «Петербургские углы» (1845) – о женщине «в полном цвете бальзаковской молодости, с красными, как бурак, одутловатыми щеками» [Лесков, т. 2, с. 495; Некрасов, т. 7, с. 117].

У Салтыкова-Щедрина, так же как у Некрасова и Лескова, «бальзаковская женщина» дается в сугубо ироническом контексте:

«– Сорок годков изволили получить! Самая, значит, пора!

Я делаю чуть заметный знак нетерпения.

– По Бальзаку, это именно настоящая пора любви. Удивительно, говорят, как у этих сорокалетних баб оно знойно выходит...»

«Я, твоя бедная мать, эта сорокалетняя женщина, cette femme de Balzac, comme dit le Butor! [бальзаковская женщина, как говорит Butor]». («Благонамеренные речи», гл. «Еще переписка», 1874.) [Салтыков-Щедрин, с. 317, 319].

Никакого сколько-нибудь известного Бютора не существовало, как не существовало во Франции выражения «femme de Balzac».

Прообраз оборота «бальзаковский возраст» мы находим уже в 1837 г. в журнале «Библиотека для чтения». Рецензируя одноактную комедию «Дамы-благотворительницы» Феликса Арвера, обозреватель журнала недоумевал, зачем понадобилось автору сделать своих героинь «женщинами в зрелых и даже перезрелых летах; женщинами, которые перешли уже бальзаковскую грань женской молодости – роковую грань, за которую уже не цветут никакие розы, и только витают морщины» (курсив мой. – К.Д.) [Французский театр., с. 118].

Сорокалетняя влюбленная женщина встречалась в литературе и раньше. В XVIII в. Генри Филдинг писал о ней почти теми же словами, что и Бальзак:

«...Благоразумная страсть, которую женщина в этом возрасте чувствует к мужчине, во всех отношениях разнится от пустой детской любви девочки к мальчику, которая часто обращена только на

внешность и на вещи ничтожные и преходящие...» («Том Джонс» (1749), кн. I, гл. 11; пер. А. Франковского) [Филдинг, с. 56].

Разница только в том, что у Филдинга это чистый сарказм, а вовсе не панегирик.

Леон Гозлан в мемуарном очерке «У Бальзака» (1853) заметил, что Бальзаку удалось «неопределенно продолжить в них [женщинах] возраст возможности любить и особенно быть любимыми» [Гозлан, с. 195].

Об этой бессмертной заслуге французского романиста говорит и русская дама в повести Владимира Зотова «Между Петербургом и Москвою» (1853):

«Мне тридцать пять лет, а со смертью Бальзака кончились в литературе все апогеозы сорокалетних красавиц. [Опять-таки отметим этот оборот, повторяющий заглавие русского перевода повести де Бернара. – К.Д.] Только его гений мог сделать интересною женщину этих лет. Неблагодарные женщины, мы и не подумали воздвигнуть ему памятник в награду за один из самых смелых подвигов, о которых когда-нибудь упоминалось в истории!» [Зотов, с. 21].

Список источников

- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Бальзак О. де. Собр. соч. в 24 т. – М.: Правда, 1960.
- Гозлан Л. Воспоминания о Бальзаке // Библиотека для чтения. – СПб., 1854. – Т. 123, № 2. – С. 192–211 (7-я паг.). (Перевод мемуарного очерка «У Бальзака», опубликованного в журн. «Revue Contemporaine», 1853, т. 10.)
- Живые картины: Повести и рассказы писателей «натуральной школы». – М.: Моск. рабочий, 1988. – 492 с.
- Жирарден Д. де. Парижские письма виконта де Лоне. – М.: Нов. лит. обозр., 2009. – 496 с.
- Загоскин М.Н. Три жениха: Провинциальные очерки // Библиотека для чтения. – СПб., 1835. – Т. 10, № 5. – С. 25–100 (1-я паг.).
- Зотов В.Р. Между Петербургом и Москвою: Рассказ в шести станциях // Пантеон. – 1853. – Т. 8, кн. 4. – С. 1–54 (1-я паг.).
- Иностранная литература: Новый роман Бальзака // Отечественные записки. – СПб., 1845. – Т. 38, № 1. – С. 2–5 (7-я паг.).
- Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 т. – М.: Гослитиздат, 1956–1958.

- Моруа А. Прометей, или Жизнь Бальзака. – М.: Радуга, 1983. – 672 с.
- Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Л. (СПб.): Худож. лит., 1981–2000.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи. Еще переписка // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1971. – Т. 11. – С. 310–343.
- Соллогуб В.А. Три повести. – М.: Сов. Россия, 1978. – 285 с.
- Уайльд О. Избр. произв.: В 2 т. – М.: Республика, 1993.
- Филдинг Г. История Тома Джонса, найденыша. – М.: Худож. лит., 1973. – 879 с.
- Французский театр в Париже. «Les Dames patronesses», *Благотворительные дамы*, пословица в одном действии г. Arvers'a // Библиотека для чтения. – СПб., 1837. – Т. 21, кн. 2. – С. 117–119 (7 паг.).
- Чехов А.П. От нечего делать (Дачный роман) // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. в 18 т. – М.: Худож. лит., 1979. – Т. 5. – С. 158–163.
- Чехова М.П. Из далекого прошлого. – М.: Худож. лит., 1960. – 269 с.
- * * *
- Janin J. Histoire de la littérature dramatique. – Paris: Michel Lévy Frères, 1858. – Т. 6. – 376 p.
- Lessa L.C. O modernismo brasileiro e a língua portuguêsa. – Rio de Janeiro: Fundação Getúlio Vargas, 1966. – 460 p.
- Theatre du Vaudeville. «A Trente Ans, ou la Femme raisonnable, drame-vaudeville en trois actes», par M. Rosier // Journal des artistes. – Paris, 1838. – № 1 (7 janvier). – P. 56–57.

БЕСПЛАТНЫХ ЗАВТРАКОВ НЕ БЫВАЕТ

Прежде всего: что такое «бесплатный завтрак», или, точнее, «бесплатный обед», «бесплатная закуска» (free lunch)?

«Бесплатная закуска» была хорошо знакома современникам Марка Твена и Джека Лондона. В тогдашней Америке существовало огромное множество баров (на Западе их называли салунами); иногда в городке с населением в 3 тысячи человек насчитывалось десятка три баров. Для привлечения клиентуры многие бары стали предлагать «бесплатный обед» тому, кто заплатит за кружку пива или рюмку спиртного. Как говорил хозяин одного из таких заведений, «сделав глоток за 15 центов, [клиент] съедает обед, который в ресторане стоит 1 доллар» [Free Lunch...].

И – самое удивительное – это было почти правдой. «Бесплатная закуска» обычно стоила существенно больше самого напитка; очень часто она была вполне полноценным обедом. Расчет был на то, что большинство посетителей выпьет не одну, а гораздо большее кружек или же рюмок.

Однако люд победнее пользовался этой системой, чтобы подкормиться за счет заведения. В 1870-е годы в Нью-Орлеане тысячи мужчин жили только за счет «бесплатной закуски». Редьярд Киплинг, посетив в 1891 г. Сан-Франциско, с удивлением сообщал, что в здешних салунах, заплатив за один напиток, можно было наесться досыта [Kipling, p. 18].

В трудную зиму 1894 г. чикагские бары накормили больше голодных людей, чем все религиозные, благотворительные и муниципальные организации, вместе взятые; в них ежедневно питалось 60 тыс. человек [Stead, p. 125–126].

Однако в 1920 г. в США воцарился сухой закон. Нелегально пьющее население переключилось с пива на спиртное покрепче. И «бесплатные завтраки» кончились.

А в 1930-е годы появилась фраза «Бесплатных завтраков не бывает». Самый ранний случай ее цитирования обнаружил в 2009 г. Фред Шапиро, американский исследователь истории цитат [Shapiro, p. 540]. 27 июня 1938 г. в техасской газете «El Paso Herald-Post» была опубликована, без имени автора, сказочная притча «Экономика в восьми словах».

Здесь рассказывалось, что в богатом и процветающем королевстве вдруг наступила бедность и народ голодал среди изобилия. Король созвал самых мудрых советников и велел им изложить экономическую науку «коротко и ясно». Год спустя ему принесли 87 томов по 600 страниц каждый. Разгневанный король велел казнить авторов многотомника и повторил свое требование. Экономисты стали писать все короче и короче, но всё же недостаточно коротко. Наконец, последний оставшийся в живых эксперт сказал:

«— Ваше Величество, я в восьми словах изложу вам всю мудрость, которую я за многие годы извлек из всех трудов всех экономистов, которые когда-либо занимались этой наукой в вашей державе. Вот эти слова: “There ain’t no such thing as free lunch”» [Morrow; цит. по: O’Toole].

По-русски слов вдвое меньше: «Бесплатных завтраков не бывает», так что заглавие притчи следовало бы перевести как «Экономика в четырех словах».

Притча имела в виду положение в США в годы Великой депрессии и была направлена против экономической политики Франклина Рузвельта, при котором роль государства в экономике резко возросла. В одной из перепечаток притчи был указан ее автор — Уолтер Морроу (1894–1949), издатель «El Paso Herald-Post» и ряда других газет.

В январском номере журнала «The Atlantic Monthly» за 1942 г. (вышел из печати в декабре 1941 г.) появилась статья вице-президента США Генри Уоллеса «Главные основания мира». Здесь излагался грандиозный план послевоенного переустройства. Свободная мировая торговля, стабилизация цен на сырье и содействие индустриализации отсталых стран должны были, по мысли Уоллеса, обеспечить минимальные стандарты питания, одежды и жилья для

всего человечества. «Если мы можем позволить себе тратить огромные суммы, чтобы выиграть войну, мы можем потратить сколько бы ни потребовалось, чтобы выиграть мир» [Wallace, p. 185].

Эти идеи далеко не всем пришлись по душе. Уоллес и без того имел репутацию «левого» и чуть ли не социалиста. Известный вашингтонский обозреватель Пол Маллон (P. Mallon) немедленно раскритиковал этот план в статье, опубликованной в ряде газет: «Господин Уоллес забывает о том, что “бесплатных” завтраков не было никогда (such a thing as a “free” lunch never existed). <...> За бесплатный завтрак всегда кто-то платит» [Martin; Shapiro, p. 478].

В октябре 1943 г. о том же говорилось в передовице калифорнийской газеты «The Long Beach Independent»: «Говорят, что бесплатных завтраков не бывает. Но вы слышите “Беседы у камелька” [Ф. Рузельта], и голос из Вашингтона вам растолкует, как получить что-то из ничего» [Martin].

В качестве лозунга это выражение использовалось в книге экономического публициста Бартона Крейна «Искушенный инвестор» (1959) [Crane]. В 1975 г. известный экономист-неолиберал Милтон Фридман опубликовал книгу «Бесплатных завтраков не бывает» [Friedman], после чего этот лозунг стали связывать с его именем.

Уже с 1949 г. в американской печати встречался акроним TANSTAAFL, т.е. «There Ain't No Such Thing As A Free Lunch» [Martin]. Широкую известность это сокращение получило в 1966 г., после выхода в свет романа Роберта Хайнлайна «Луна – суровая хозяйка» («The Moon Is a Harsh Mistress»). В СССР роман переведен не был; перевод Александра Щербакова («Луна жестко стелет») удалось издать только в 1993 г. Отсюда русский читатель узнал загадочное слово «элдээнбэ» – сокращение от «Ленчей да-ром не бывает» [Хайнлайн, 1993].

Впрочем, «элдээнбэ» у нас не прижилось. Чаще встречается «дарзанебы» из более позднего перевода Нины Штуцер и Владимира Ковалевского:

«– ДАРЗАНЕБЫ. Это значит – “дармовой закуски не бывает”. Ее и в самом деле не бывает, – я показал на плакатик “Дармовая закуска”, висевший на стене напротив, – иначе эта выпивка стоила

бы вдвое дешевле. <...> Так или иначе, но платить надо за всё, что получаешь» (гл. «Стюарт Рене Лажуа») [Хайнлайн, 2006, с. 190 (гл. 11)].

Книгу Хайнлайна именуют «пособием для революционеров». Так оно вроде бы и есть, ведь в романе со всеми деталями описано восстание лунных поселенцев против земной тирании. Но одно дело сюжет, другое – идея. Если это и революция, то все не та, о которой говорили большевики. С их точки зрения, это чистейшая контрреволюция.

Большевики (и социалисты старого закала) хотели упразднить частную собственность и рыночные отношения. А на суровой Луне Хайнлайна все решает именно рынок, да еще здравый смысл. Рынок здесь главное орудие демократии; в сущности, единственное ее орудие. Государство упраздняется, вместе с полицией, армией, законами и прочими централизованными институтами. И никакого социального обеспечения: каждый сам заботится о себе.

Эта утопия либерального анархизма близка сердцу многих американцев, мечтающих обойтись вообще без правительства. За пределами США она мало кому понятна.

В 1971 г. американский биолог и деятель экологического движения Барри Коммонер включил старый лозунг в сформулированные им четыре закона экологии:

1. Все связано со всем.
2. Все должно куда-то деваться.
3. Природа знает лучше.
4. Бесплатных завтраков не бывает.

(«Замкнутый круг», гл. 2) [Commoner; цит. по: Shapiro, p. 166].

В СССР выражение «Бесплатных завтраков не бывает» изредка встречалось с начале 1980-х годов применительно к США. Расхожей формулой оно стала у нас лишь с 1990-х годов.

Список источников

Хайнлайн Р. Луна – суровая хозяйка. – М.: Эксмо-Пресс, 2006. – 448 с.

Хайнлайн Р. Собрание сочинений [не оконченное]. – М.: Terra Fantastica, 1993. – Т. 14: Луна жестко стелет; Дорога доблести. – 704 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

* * *

- Free Lunch in the South // The New York Times. – New York, 1875. – Feb. 20. – P. 4. – Mode of access: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1875/02/20/82755928.pdf> (дата обращения: 1.12.2017).
- Commoner B. The Closing Circle: Nature, Man, and Technology. – New York: Random House, 1971. – 326 p.
- Crane B. Sophisticated investor: A guide to stock-market profits. – New York: Simon and Schuster, 1959. – 273 p.
- Friedman M. There's No Such Thing as a Free Lunch: Essays on Public Policy. – Chicago: Open Court, 1975. – 318 p.
- Kipling R. American Notes. – New York: Arno Press, 1974. – 137 p.
- Martin G. There's No Such Thing as a Free Lunch // The Phrase Finder [Авторский сайт]. – Mode of access: <https://www.phrases.org.uk/meanings/tanstaafl.html> (дата обращения: 1.12.2017).
- [Morrow W.A.] Economics in Eight Words // El Paso Herald-Post. – El Paso (Texas), 1938. – June 27. – P. 4.
- O'Toole G. [псевд.]. There Ain't No Such Thing as a Free Lunch // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations [Авторский сайт]. – Mode of access: <http://www.https://quoteinvestigator.com/2016/08/27/free-lunch> (дата обращения: 1.12.2017).
- Shapiro F.R. The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 2006. – 1068 p.
- Stead W.T. If Christ Came to Chicago. – London: Review of Reviews, 1894. – 488 p.
- Wallace H.A. Foundations of the Peace // Wallace H.A. Democracy Rebor. – New York, 1944. – P. 179–189.

БОГИ УХОДЯТ

В 66 г. н.э. иудеи восстали против Рима. Поводом к восстанию стало разграбление Иерусалимского храма, когда тот отказался платить налог, установленный прокуратором Иудеи. В марте 70 г. римляне во главе с будущим императором Титом Флавием подошли к Иерусалиму и после пятимесячной осады взяли священный город штурмом.

Согласно Тациту, осаде сопутствовали удивительные знамения: «На небесах бились враждующие рати, багровым пламенем пылали мечи, огонь низвергался из туч и кольцом охватывал храм. Внезапно двери храма распахнулись, нечеловеческой силы голос возгласил: “Боги уходят (*лат. Excedere deos*)”, – и послышались удаляющиеся шаги» («История», V, 13; пер. Г. Кнабе) [Тацит, с. 756].

Согласно же еврейскому историку Иосифу Флавию, в праздник Пятидесятницы, «когда жрецы ночью вошли во Внутренний Храм, чтобы совершить обычную службу, до них, как они рассказывают, сначала донеслись движение и топот, а затем слитные голоса: “Давайте уйдем отсюда в другое место”» («Иудейская война», VI, 5, 3; пер. с древнегреческого М. Финкельберг) [Флавий, с. 395].

Иосиф Флавий писал раньше Тацита и был очевидцем осады Иерусалима; но все же есть основания полагать, что Тацит изложил легенду точнее. Эта легенда могла возникнуть лишь в римском лагере: у римлян издавна существовало поверье, что боги-покровители города покидают его, после того как он завоеван врагами или незадолго до этого. В «Энеиде» Вергилия (песнь II) во времена штурма Трои Эней убеждает своих соратников, что исход сражения предрешен:

Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла.

(Пер. С. Ошерова) [Вергилий, 150].

Для иудея, а стало быть, монотеиста Иосифа Флавия слова «Боги уходят» были неприемлемы, и он, вероятно, подкорректировал рассказ, услышанный им от римлян.

«Все боги убегают» из Трои в finale баллады Шиллера «Кассандра» (1802):

Alle Götter fliehn davon [Geflügelte Worte, S. 262].

В XIX в. фраза «Боги уходят» чаще всего цитировалась по-французски: «Les dieux s'en vont». Это цитата из романа-эпопеи Рене де Шатобриана «Мученики, или Торжество христианской веры» (1809).

Один из героев эпопеи, христианин Эвдор, под влиянием страсти к языческой жрице становится отступником, но затем возвращается ко Христу и гибнет ужасной смертью на арене римского цирка. Его гибель сопровождают знамения, возвещающие победу христианства над греко-римской религией:

«...Все статуи идолов низверглись, и, как некогда в Иерусалиме, послышался голос: “Боги уходят”» [Chateaubriand, p. 423].

В 1832 г. Виктор Гюго писал: «Общественное здание прошлого держалось на трех опорах: священник, король, палач. Давно уже прозвучал голос: “Боги уходят!” Недавно другой голос произнес: “Короли уходят!” Пора, чтобы третий голос произнес: “Палач уходит!” (Предисловие ко 2-му изданию повести «Последний день приговоренного к смерти») [Hugo, p. 28].

Обычно цитируется только этот фрагмент, хотя у Гюго далее следует: «Тем, кто сожалеет о богах, можно ответить: Бог остается».

Вскоре появилось другое значение этой формулы: «Великие люди уходят». «Les dieux s'en vont. Гёте умер», – говорит Гейне в «Романтической школе» (1833) [Geflügelte Worte, S. 262].

В «Письмах к прекрасным женщинам Парижа и провинции», написанных в 1840 г. группой авторов, включая Бальзака, читаем: «Бог Анфантен уходит в Алжир с археологической миссией, бог Шатель уходит в [департамент] Ланды с сельскохозяйственной

миссией. Боги уходят, как говорили римляне эпохи упадка. Новые боги уходят, зато вы, мадемуазель, являетесь к нам со всей грацией древних божеств» (Письмо IV) [Balzac, p. 29].

«Новыми богами» здесь иронически названы сен-симонист Проспер Анфантен и религиозный реформатор Франсуа Шатель, глава основанной им Французской католической церкви.

«Боги уходят, Д'Аннунцио остается» – так в 1908 г. озаглавил свой сборник статей на французском языке отец футуризма, итальянец Томмазо Маринетти. Под «ушедшими богами» имелись в виду Джузеппе Верди, умерший в 1901 г., и поэт Джузуэ Кардуччи, нобелевский лауреат, умерший в 1907 г.

В комическом ключе обыграна фраза «Боги уходят» в оперетте Оффенбаха «Прекрасная Елена» (1864; либретто Анри Мельяка и Людовика Галеви,данное в 1860 г., первоначально было положено на музыку Шарлем Гуно). На площади перед храмом Юпитера беседуют верховный жрец Калхас и жрец Филоком:

«КАЛХАС. Жалкие жертвы, право... две горлицы, амфора с молоком, три небольших сыра, горсточка фруктов и груда цветов. Все эти гирлянды для нас чистый убыток. Да, прошло время множества коров и овец... это были настоящие жертвы. Боги уходят! Боги уходят!

ФИЛОКОМ. Не все, господин мой! Взгляните-ка на Венеру...

КАЛХАС. Ну да, она еще борется, не отрицаю, она еще борется... В «Вестнике Цитеры» я видел точную цифру пожертвований за последний месяц... впечатляет!» [Meilhac, Scène II].

Список источников

- Вергилий*. Буколики; Георгики; Энеида. – М.: Худож. лит., 1971. – 550 с.
Тацит, Публий Корнелий. Анналы; Малые произведения; История. – М.: ACT, 2001. – 986 с.
Флавий, Иосиф. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2016. – 522 с.
* * *
- Balzac O. de [et d'autres]*. Lettres aux belles femmes de Paris et de la province. – Paris: Au Bureau, 1840. – 200 p.

Часть II.
История формул языка и культуры

Chateaubriand F.R. Les martyrs, et Le dernier des Abencérages. – Paris: Hachette, 1854. – 468 p.

Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein Verlag, 2001. – 650 S.

Hugo V. Le dernier jour d'un condamné. – Paris: Hachette, 1861. – 446 p.

Meilhac H., Halévy L. La Belle Hélène: Livret. – Mode of access: <https://www.mediterranees.net/mythes/troie/offenbach/helene1.html> (дата обращения: 5.04.2018)

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

«Братья по разуму» – не интернациональный оборот. Это почетное звание представители внеземных цивилизаций получили только в нашей стране.

С 1945 г. Иван Ефремов, по специальности палеонтолог, стал публиковать научно-приключенческие рассказы. В 1947 г. в журнале «Знание – сила» появилась его первая повесть «Звездные корабли» (так здесь названы звезды, странствующие по Вселенной).

В повести со всей серьезностью ставилась «проблема контакта» с внеземными цивилизациями. Профессор-палеонтолог Шатров убежден, что «в нашей планетной системе нет собратьев нам по мысли» [Ефремов, 1947, № 8, с. 32], однако они существуют в других планетных системах, причем разумное существо неизбежно окажется гуманоидом.

Герберт Уэллс, создавший классические романы о «проблеме контакта» («Война миров», «Первые люди на Луне»), держался иного мнения. В статье «Марсианский разум» (1896) он писал: «...Легко предположить, что марсиане будут существенно отличаться от землян и своим внешним обликом, и функционально, и по внешнему поведению; причем отличие может простираться за границы всего, что только подсказывает наше воображение» [Гаков, с. 11]. А в опубликованной год спустя «Войне миров» холодный разум марсиан оказывается вовсе не братским.

В повести Ефремова гипотеза Шатрова подтверждается: обнаруженный череп «звездного пришельца» в своих главных чертах близок к человеческому. Но куда же поместить пришельца в классификации разумных существ? Шатров рассуждает: «...Нельзя называть его человеком, если соблюдать научную терминологию. Это человек

по мысли, по технике, общественности, но ведь он выработался на иной анатомической основе» [Ефремов, 1947, № 10, с. 32].

И тут выясняется, что на tantalовом диске, обнаруженному рядом с черепом, запечатлен портрет космического пришельца:

«Из глубины совершенно прозрачного слоя, увеличенное неподобным оптическим ухищрением до своих естественных размеров, на них взглянуло странное, но несомненно человеческое лицо. <...>

Великое братство по духу и мысли с людьми Земли безотчетно сказывалось в облике гостя нашей планеты. <...>

...Обитатели различных «звездных кораблей» поймут друг друга, когда будет побеждено разделяющее миры пространство, когда состоится наконец встреча мысли, разбросанной на далеких планетных островках во Вселенной» [Ефремов. Там же].

Итак, в 1947 г. появляются формулы «собратья по мысли», «человек по мысли», «великое братство по духу и мысли», а также предсказание встречи Разумов, разбросанных по Вселенной.

Шесть лет спустя пришло время «оттепели» и новых коммунистических утопий, неизменно связанных с темой освоения космоса; первой из них стало «Магелланово Облако» С. Лема (1955). С января 1957 г. все в том же журнале «Знание – сила» начал печататься роман Ефремова «Туманность Андромеды», действие которого отнесено в далекое будущее. Оказывается, что высшие космические цивилизации с незапамятных времен объединились в «Великое Кольцо». Это содружество шлет землянам послание:

«Привет вам, братья, вступившие в нашу семью! Разделенные пространством и временем, мы соединились разумом в кольце великой силы» [Ефремов, 1958, с. 54].

В журнальном варианте романа (гл. 2) упоминалось также о «планете с братьями не только по духу, но и по телу» [Ефремов, 1957, с. 29]. «Братьев по разуму» тут еще не было. Но в отдельном издании «Туманности Андромеды», вышедшем из печати в декабре 1958 г., автор заменил последнее слово: «...с братьями не только по духу, но и по разуму» (курсив мой. – К.Д.) [Ефремов, 1958, с. 66].

«Братья по разуму» сразу же вошли в литературу. В № 1 журнала «Техника – молодежи» за 1958 г. (еще до отдельного издания «Туманности Андромеды») был опубликован небольшой рассказ братьев Стругацких «Извне», написанный, можно сказать, на полях ефремовских «Звездных кораблей» [Стругацкий А., Стругацкий Б.,

1958]. Два года спустя Стругацкие переработали рассказ в повесть. Здесь уже говорилось: «...их машины столкнулись с братьями по Разуму» [Стругацкий А., Стругацкий Б., 1960, с. 59 (гл. 3)].

В «Сказке о Тройке» Стругацких (1967) то же выражение дано в ироническом ключе:

«Время было уже позднее, город засыпал, и только далеко-далеко играла гармошка, и чистые девичьи голоса сообщали:

Ухажеру моему
Я говорю трехглазому:
Нам пощалу ни к чему –
Мы братия по разуму!...»

[Стругацкий А., Стругацкий Б., 1992, с. 238].

«Братья по разуму» не случайно появились именно в СССР. В 1960-е годы наука была у нас не просто наукой, но нравственной ценностью. Вера в безграничный научно-технический прогресс сочеталась с верой в неизбежный нравственный прогресс. А так как цивилизации, вышедшие на контакт, достигли высокого технологического уровня, они и в нравственном плане должны быть на высоте.

Они не «чужие» любому другому Разуму, способному на контакт, но его «собратья по духу и мысли», говоря словами Ивана Ефремова.

Список источников

- Гаков Вл. Пророк на закате века // Уэллс Дж.Г. Машина времени; Человек-невидимка; Война миров; Рассказы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. – С. 5–16.
- Ефремов И.А. Звездные корабли // Знание – сила. – М., 1947. – № 7. – С. 25–30; № 8. – С. 29–36; № 9. – С. 30–35; № 10. – С. 28–32.
- Ефремов И.А. Туманность Андромеды [продолжение] // Техника – молодежи. – М., 1957. – № 2. – С. 25–29.
- Ефремов И.А. Туманность Андромеды. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 367 с.
- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Извне: Научно-фантастический рассказ // Техника – молодежи. – М., 1958. – № 1. – С. 26–30.
- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу; Сказка о Тройке: Повести. – М.: Текст, 1992. – 320 с.
- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Шесть спичек: Науч.-фант. рассказы и повесть. – М.: Детгиз, 1960. – 205 с.

БУДЬ ГОТОВ! – ВСЕГДА ГОТОВ!

23 августа 1923 г. ЦК комсомола (РКСМ) утвердил «Законы и обычаи юных пионеров», включая девиз и отзыв: «Будь готов! – Всегда готов!»

Полная форма девиза менялась вместе с линией партии:

«К борьбе за рабочее дело будь готов!» [Всесоюзная..., с. 25].

«К борьбе за дело Ленина – Сталина будь готов!» [Товарищ..., с. 74].

«К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» (со второй половины 1950-х годов).

В книжке-малышке под названием «Будь готов!» (1924) Крупская так объясняла детям происхождение лозунга: «“Будь готов!” – это был призыв Ленина к членам партии, борцам за рабочее дело»; «Мы должны всегда, – писал Ленин в 1902 г. в своей книжке “Что делать?”, – вести нашу будничную работу и всегда быть готовы ко всему...» [Крупская, с. 131–132].

Надежда Константиновна лукавила. В 1922 г. она написала брошюру «РКСМ и бойскаутизм» и отлично знала, что пионерский девиз, вместе с отзывом, заимствован у русских скаутов («юных разведчиков») [см.: Жуков, с. 7]. Отсюда же создатели пионерского движения заимствовали почти все атрибуты и организационные принципы, видоизменив и приспособив их к своим целям. Например, зеленый скаутский галстук стал красным, а три лепестка лилии скаутского значка – тремя языками пламени костра.

Девиз «Будь готов!», как и скаутское движение, носит интернациональный характер. Он был выбран британским офицером Робертом Баден-Пауэллом. В «Скаутинге для мальчиков» (1908) – библии скаутского движения – Баден-Пауэлл писал: «Девиз скаутов основан на моих инициалах, а именно: БУДЬ ГОТОВ (BE PRE-

PARED). Он означает, что ты и телом и духом готов в любую минуту выполнить свой ДОЛГ» [Baden-Powell R., p. 44].

Долг скаута – помогать другим, в чем бы эта помощь ни выражалась, например: «Будь готов к несчастным случаям» [Baden-Powell R., p. 249], т.е. к оказанию помощи пострадавшим. В 1-м издаании «Скаутинга для мальчиков» говорилось также: «БУДЬ ГОТОВ умереть за свою страну, если потребуется» [Baden-Powell R., p. 292]. Однако затем эти слова были исключены.

В 1912 г. Баден-Пауэлл в соавторстве со своей младшей сестрой Агнесс написал книгу «Как девочки могут помочь укрепить Империю: Руководство для девочек-вожатых» [Baden-Powell A.]. Здесь был повторен тот же девиз.

Он восходит к английскому переводу Евангелия от Матфея, 24:44, где сказано «be ye <...> ready» – «вы будьте готовы». В синодальном переводе: «Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий».

Не позднее XVII в. в Англии появился латинский девиз «Semper paratus» – «Всегда готов». Он восходит к тому же месту Евангелия от Матфея в латинском переводе: «vos esto te parati» – «вы будьте готовы».

Второй скаутский девиз: «Каждый день делай доброе дело (Do a good turn daily)». Это «сводная цитата» из «Скаутинга для мальчиков»: «...каждый день делать кому-нибудь доброе дело»; «...делай свое каждодневное доброе дело» и т.д. [6, p. 23, 155]. Русская форма этого девиза – «Ни дня без доброго дела!» – вероятно, появилась под влиянием выражения «Ни дня без строчки».

Источником второго скаутского девиза можно считать рассказ Светония об императоре Тите Флавии, правившем с 79 по 81 г.: однажды за обедом, вспомнив, что за целый день он не сделал ни одного доброго дела, Тит воскликнул: «Друзья мои, я потерял день!» («Божественный Тит», 8, 1; пер. М. Гаспарова) [Светоний, с. 271].

Список источников

Всесоюзная пионерская организация...: Документы и материалы. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 303 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

Жуков И.Н. Русский скаутизм: Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. – Пг.: Т-во В.А. Березовского, 1916. – 32 с.

Крупская Н.К. Педагогические соч.: В 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 5. – 688 с.

Светоний (Гай Светоний Транквилл). Жизнь двенадцати цезарей. – М.: Правда, 1988. – 512 с.

Товарищ: Записная книжка пионера и школьника на 1948–49 учебный год. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1948. – 350 с.

* * *

Baden-Powell A., [Baden-Powell R.] How Girls Can Help to Build up the Empire: The Handbook for Girl Guides. – London: Thomas Nelson, 1912. – 472 p.

Baden-Powell R. Scouting for Boys: A Handbook for Instruction in Good Citizenship: [The original 1908 edition] / Edited with an introduction and notes by Elleke Boehmer. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2004. – LVII, 382 p.

«БУРЯ В СТАКАНЕ ВОДЫ»: ИСТОРИЯ ВЫРАЖЕНИЯ¹

В русских лексикографических справочниках сведения о происхождении выражения «Буря в стакане воды» даются, с неизначительными изменениями, по книге Ашукиных «Крылатые слова» (1955). Согласно Ашукиным, «выражение <...> принадлежит французскому политическому писателю и мыслителю Монтескьё (1689–1755), который, по словам Бальзака (роман “Le curé de Tours”), выразился так о политической неурядице в карликовой республике Сан-Марино». Далее сообщается также, что «Павел I, в бытность свою наследником, назвал “бурей в стакане воды” волнения, наступившие в Женеве после Французской буржуазной революции, о чем рассказывает дипломат Луи Дютанс (“Dutensiana”, Paris, 1806, № 39; Büchmann. Geflügelte Worte)» [Ашукин, Ашукина, с. 64–65].

Монтескьё умер в 1755 г., когда Павел был годовалым младенцем; исходя из этого, в России (как и в Германии), авторство выражения приписывается французскому мыслителю. Справочник «Geflügelte Worte» («Крылатые слова»), на который ссылаются Ашукины, до сих пор выходит под именем Георга Бюхмана, умершего в 1884 г., хотя лишь первые 13 изданий (1864–1882) были подготовлены им самим, а остальные – его продолжателями. Указание на авторство Монтескьё появилось как раз в позднейших изданиях [напр.: Büchmann, 1907, S. 295]. Сам Бюхман (в издании 1868 г. и позднейших прижизненных) в качестве автора выраже-

¹ Журн. публикация: Toronto Slavic Quarterly. – Toronto, 2013. – № 45 (Summer 2013). – Р. 56–63. Публикуется с изменениями и дополнениями.

ния указывал С.Н. Ленге (1736–1794) с предположительной ссылкой на его «Политические анналы» [Büchmann, 1868, S. 216].

Единственный довод в пользу авторства Монтескье – цитата из романа Бальзака «Турский священник» (1832): «...буря в стакане воды, как некогда выразился Монтескье по поводу республики Сан-Марино, где лица, стоявшие у кормила правления, сменялись чуть ли не каждый день, так легко было там завладеть тиранической властью» (пер. И. Грушецкой) [Бальзак, с. 486–487].

Однако Монтескье этого не писал, да и не мог написать, уже потому, что в Сан-Марино тиранической власти никогда не было. Выражение «буря в стакане воды» (*«une tempête dans un verre d'eau»*, франц.) возникло уже после смерти Монтескье, причем как выражение политического языка, со значением: «большие волнения в маленьком государстве». Вероятно, отсюда у Бальзака и появилось Сан-Марино, хотя обычно эту «историческую фразу» относили к событиям в Женевской республике.

В первые десятилетия XIX в. эта фраза нередко приписывалась Вольтеру (1694–1778) [Rubichon, p. 41; Bonald, p. 84; Pictet de Rochemont, p. 94], иногда – прусскому королю Фридриху Великому (1712–1786) [Jouy, p. 165; Charles d'Este.., p. 147], Этьену Франсуа Шуазелю (1719–1785), который в 1782 г. был министром иностранных дел Франции [Foudras, p. 200; Bungener, p. 115], наконец, великому герцогу Тосканскому Леопольду (1747–1792) [Encyclopédiana, p. 10].

Английская версия этого выражения – «*a tempest in a teapot*», т.е. «буря в чайной чашке», – в начале XIX в. приписывалась барону Эдуарду Сэрлуу, который в 1778–1792 гг. занимал пост лорд-канцлера. Так он будто бы отозвался о «мятеже» на острове Мэн [Kett, vol. 2, p. 65]. Мэн – маленький остров в Ирландском море с одним из старейших парламентов в мире. Мэн и поныне не является частью Великобритании, а лишь владением британской короны.

Однако гораздо чаще автором «бури в стакане воды» называли Павла I. Эта версия принята в авторитетных справочниках XIX – начала XX в. [Dictionnaire de la conversation.., p. 313; Fournier, p. 49; Baedeker, p. 161; Latham, p. 184]. У нас того же мнения был Петр Вяземский: «При Павле, тогда еще великом князе, толковали много о Женевских возмущениях: да перестаньте, – сказал он, – говорить о буре в стакане воды» («Записные книжки»,

запись ок. 1819 г.) [Вяземский, с. 27]. В комментарии В.С. Нечаевой поясняется: «”Женевские возмущения” происходили в 1791–1792 гг. под влиянием французской революции 1789 г.» [Вяземский, с. 386]. Как будет показано ниже, эта датировка, взятая из справочника Ашуккиных, неверна.

Первое известное нам печатное упоминание о «буре в стакане воды» появилось в «Политических анналах» Симона Никола Ленге, знаменитого в то время французского публициста. Его «Анналы» (т. 1–19, 1777–1792), издававшиеся поочередно в Лондоне, Брюсселе и Париже, содержали в себе хронику и анализ текущих политических событий. В 1780–1782 гг. Ленге находился в заключении в Бастилии, после чего вернулся в Лондон и в девятом томе «Анналов» опубликовал «Обращение к подписчикам» от 1 января 1783 г. Здесь, среди прочих европейских событий, говорилось о «революции» в Женевской республике: «буря, поднятая в стакане воды, как ее весьма остроумно назвал наследник одной из величайших европейских монархий» (т.е. цесаревич Павел Петрович) [Linguet, т. 9, р. 453].

Имелась в виду т.н. «Женевская революция» 1781–1782 гг. К тому времени демократическое устройство Женевской республики превратилось в аристократическое. Полноправными гражданами были лишь потомки старинных женевских родов; остальные женевцы не принимали участия в делах государства и подвергались различным ограничениям в выборе рода занятий. В феврале 1781 г. «неграждане» заняли город и провозгласили равенство прав всех жителей республики. «Старые» граждане призвали на помощь Версаль. Три армии – французская, сардинская и бернская – осадили Женеву и 2 июля 1782 г. аристократия вернулась к власти.

Как раз в это время великий князь Павел Петрович совершил путешествие по Европе. Встречи наследника русского престола с европейскими монархами носили неофициальный характер, поэтому цесаревич с женой, великой княгиней Марией Феодоровной, путешествовали под именами графа и графини Северных. 20 мая 1782 г. «граф Северный» был представлен Людовику XVI и Марии Антуанетте. 8 июня для великолкняжеской четы был устроен в Версале торжественный прощальный прием с оперным спектаклем, балетом и обедом на 300 персон.

По свидетельству современников, «граф Северный» проявлял живой интерес к наукам и искусствам, превосходно говорил по-французски и владел искусством светской беседы. Рассказывали, что Людовик XVI в беседе с ним упомянул о волнениях в Женеве; Павел ответил: «Ваше Величество, для Вас это буря в стакане воды». Реплика Павла появилась в заметке «Анекдоты о пребывании в Париже графа и графини Северных», помещенной в рукописном журнале Мельхиора Гrimма и Дени Диdro «Литературная корреспонденция» за июнь 1782 г. (в печати этот журнал появился в 1813 г.) [Grimm, p. 456]. Гrimm жил в Париже, был очень хорошо осведомлен о текущих событиях, а его журнал рассыпался европейским государям и был для них важным источником информации о том, что происходило во Франции. Поэтому слова «о буре в стакане воды», сказанные (по версии Гrimma) наследником российского престола французскому королю, должны были тогда же стать известны при европейских дворах, включая русский.

В 1785 г. выражение «буря в стакане воды» применительно к женевским событиям появилось в книге Жана Флёрю «Путешествие в Испанию» [Fleuriot, 1785, p. 153]. В первом издании, опубликованном годом раньше под загл. «Путешествие Фигаро в Испанию» [Fleuriot, 1784], этой фразы не было – лишнее свидетельство того, что она появилась совсем недавно.

Упоминавшийся выше Луи Дютанс (1730–1812), французский писатель и британский дипломат, в своих «Воспоминаниях путешественника на отдыхе» (1806) писал: «Павел, российский великий князь, назвал волнения в Женеве бурей в стакане воды. Это выражение было вполне уместно в устах наследника самой обширной из существующих империй» [Dutens, p. 29; другие свидетельства подобного рода: Simond, p. 414; La Garde-Chambonas, vol. 2, p. 351].

В самом ли деле выражение *«une tempête dans un verre d'eau»* принадлежало Павлу или было приписано ему парижскими остроумцами? Вопрос остается открытым. Подлинность диалога Людовика XVI с «графом Северным», приведенного в «Литературной корреспонденции» Гrimма, вызывает сомнения. Едва ли французский король стал бы на торжественном приеме обсуждать с русским цесаревичем волнения в Женеве. К тому же никто из других

современников, приписывающих эту фразу Павлу, не упоминает Людовика XVI. Однако эти слова могли быть сказаны Павлом в беседе с кем-то из других лиц, с которыми он встречался в Париже.

Так или иначе, можно считать установленным, что выражение «буря в стакане воды» возникло в 1782 г. в связи с событиями в Женевской республике и устойчиво приписывалось вел. князю Павлу Петровичу, будущему Павлу I. Другие версии (об авторстве Вольтера, Фридриха Великого и др.) появились несколько десятилетий спустя.

В XIX в. были обнаружены античные предшественники выражения «буря в стакане воды», прежде всего латинская поговорка «поднимать волну в черпаке (ковшике)» («...*fluctus in simpulo*»), приведенная у Цицерона («О законах», III, 16, 36) [Büchmann, 1868, S. 216–217; также: Ашукин, Ашукина, с. 64]. В переводе В. Горенштейна: «Гратидий предлагал закон о подаче табличек; ведь он, как говорится, “поднимал волны в ложке для жертвенных возлияний”» [Цицерон, с. 218].

Задним числом – это следует подчеркнуть – выражение «*fluctus in simpulo*» стало отождествляться с вошедшим уже в поговорку выражением «une tempête dans un verre d'eau». По мнению французского лексикографа Э. Фурнье, Павел «использовал выражение, освященное Цицероном» [Fournier, p. 49]. Латинист Пьер Бержерон в 1835 г. дает (наряду с исходным, античным) следующее толкование оборота «excitare *fluctus in simpulo*»: «поднимать бурю в стакане воды, [т.е.] вызывать большие волнения в маленьком государстве» – хотя в действительности латинский оборот в этом значении никогда не употреблялся [Bergeron, p. 56]. Другой автор называет выражение «une tempête dans un verre d'eau» «латинской поговоркой» [Mémoires..., p. 131].

Вполне вероятно, что «буря в стакане воды» восходит к латинскому «*fluctus in simpulo*». Однако оборот «*fluctus in simpulo*» не относился к числу общеизвестных и встречался исключительно в текстах, написанных на латыни [напр.: Cregut, p. 774; Lubieniecki, p. 228]. Единственный известный нам аналог этого выражения в новых языках до 1782 г. – английский оборот «a storm in a cream bowl» («буря в чашке со сливками»). Он встречается в письме Джеймса Батлера, герцога Ормондского (1610–1688), к герцогу Арлингтонскому от 28 декабря 1678 г.: «Наша перепалка [с лордом

Орреи], кажется, подходит к концу, и по сравнению с нынешними большими событиями это всего лишь буря в чашке со сливками» [Calendar., p. 292]. Больше это выражение не встречается вплоть до 1906 г., когда письмо герцога Ормондского появилось в печати. Вероятно, оно было создано герцогом для данного конкретного случая по образцу латинского «*fluctus in simpulo*».

Выражение «буря в стакане воды» при своем появлении воспринималось как новое и остроумное, в том числе людьми образованными, что предполагало тогда хорошее знание латыни и знакомство с основными трактатами Цицерона. Отсюда следует, что они не считали «бурю в стакане воды» переводом латинского оборота. Как мы видели выше, Ленге в 1783 г. назвал это выражение «весыма остроумным» (*très-ingénieusement*). В 1789 г. Франсис д'Иверну называет его «остроумным выражением [*le mot spirituel*] русского великого князя» [Ivernois, p. 113], а в 1810 г. анонимный рецензент цитирует его как «забавное выражение [*un mot plaisant*] Павла I» [Review, 1810, p. 103]. Граф Арман Франсуа д'Аллонвиль (1764–1853) в своих «Секретных мемуарах» пишет, что Павел «остроумно [*spirituellement*] назвал бурей в стакане воды» гражданские беспорядки в Женеве [Allonville, p. 130]. В 1839 г. в одном из энциклопедических изданий говорилось о волнениях в Женеве, «которые столь же остроумно, сколь справедливо [*autant d'esprit que de justesse*] сравнивали с бурей в стакане воды» [Encyclopédie.., p. 276].

Итак, в культурной памяти долго сохранялось представление об этом выражении как об остроумной «исторической фразе», сканной конкретным лицом (Павлом I) в конкретной ситуации. И лишь примерно с 1830-х годах оно теряет авторство, перестает быть оборотом по преимуществу политического языка, а его значение все больше приближается к значению латинского «*fluctus in simpulo*» – «большое волнение по ничтожному поводу».

Если для Вяземского «буря в стакане воды» – это отзыв Павла I о женевских событиях 1782 г., то уже для Белинского это обычный языковой оборот, вовсе не политического характера: «...его [Чацкого] противоречие смешно, потому что оно – буря в стакане воды, тогда как противоречие Алеко – страшная буря на океане» («Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова», 1839); «...сколько мелких водевильных

страстей волнуется, сколько крошечных авторских самолюбий напряжено, надуто, раздуто, – истинная буря в стакане воды!..» («Русский театр в Петербурге», 1842) [Белинский, т. 3, с. 449; т. 6, с. 200].

В сборнике Виктора Гюго «Созерцания» (1856) помещено стихотворение «Ответ на обвинительный акт», которое автор датировал январем 1834 г. Здесь борьба романтиков с канонами классицизма приравнивается к революционной борьбе якобинцев, а «буря в стакане воды» (в ее «политическом» значении) становится «бурей в чернильнице» («une tempête au fond de l'encrier»): «Я звзвил революционный вихрь, / Я надел красный колпак на старый словарь. / Нет больше слов-сенаторов! Нет больше подлых слов! / Я поднял бурю в чернильнице...» [см.: Томашевский, с. 162].

Список источников

- Ащукин Н.С., Ащукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Бальзак О. де.* Собр. соч. в 24 т. – М.: Правда, 1960. – Т. 5. – 518 с.
- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Академия наук СССР, 1953–1959.
- Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 508 с.
- Томашевский Б.В.* Вопросы языка в творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 1. – С. 126–184.
- Цицерон.* О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. – М.: Мысль, 1999. – 782 с.
- * * *
- Allonville F.A., comte de.* Mémoires secrets de 1770 à 1830. – Paris: Werdet, 1838. – Т. 1. – 400 р.
- Baedeker K.* La Suisse, les lacs italiens <...>: Manuel du voyageur. – Coblenz: K. Baedeker, 1859. – 374 p.
- Bergeron P.* Précies antiquités romaines. – Bruxelles: Berthot, 1835. – 422 p.
- Bonald L.-G.-A.* Observations sur l'ouvrage de Madame la Baronne de Staël. – Paris: Adrien Le Clere, 1818. – 139 p.
- Büchmann G.* Geflügelte Worte / Fortgesetzt von Walter Robert-Tornow. – Berlin: Verlag der Haude & Spenerschen Buchhandlung, 1907. – 767 S.
- Büchmann G.* Geflügelte Worte: Der Citatenschatz des Deutschen Volks. – 5. umgearbeitete und vermehrte Aufl. – Berlin: Haude und Spener, 1868. – 278 S.
- Bungener F.* Julien ou la fin d'un siècle. – Paris: J. Cherbuliez, 1854. – Т. 3. – 349 p.

Часть II.
История формул языка и культуры

- Calendar of the Manuscripts of the Marquess of Ormonde, K.P. – London: H.S.M.O., 1906. – Vol. 4. – 724 p.
- Charles d'Este, ou Trente ans de la vie d'un souverain. – Paris: Canel, 1836. – T. 1. – 474 p.
- Cregut A. Revelator arcanorum. – Genevae: S. Chouët, 1661. – 1040 p.
- Dictionnaire de la conversation et de la lecture / Sous la direction de William Duckett (Fils). – Paris: M. Lévy frères, 1855. – T. 9. – 800 p.
- Dutens L. Mémoires d'un voyageur qui se repose. – Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. – T. 3: Dutensiana. – 268 p.
- Encyclopédiana: Recueil d'anecdotes anciennes, modernes et contemporaines. – Paris: Paulin, 1843. – 668 p.
- Encyclopédie des gens du monde. – Paris: Treuttel et Würtz, 1839. – T. 12, part. 1. – 396 p.
- Fleuriot J. Voyage de Figaro en Espagne. – Saint-Malo: [без указания издателя], 1784. – 286 p.
- Fleuriot J. Voyage en Espagne. – Paris: [без указания издателя], 1785. – T. 1. – 214 p.
- Foudras T. von. Les chevaliers du Lansquenet. – Bruxelles: Meline, Cans et Co., 1848. – T. 6. – 242 p.
- Fournier E. Esprit des autres. – Paris: E. Dentu, 1857. – 288 p.
- Grimm M., Diderot D. Correspondance littéraire, philosophique et critique. – Paris: F. Buisson, 1813. – Part. 3, t. 1. – 512 p.
- Ivernois F. de. Tableau historique et politique des deux dernières révolutions de Genève. – Londres: [без указания издателя], 1789. – T. 2. – 341 p.
- Jouy E. de. L'hermite en Italie, ou Observations sur les moeurs et usages des italiens... – Paris: Pillet Ainé, 1825. – T. 4. – 335 p.
- Kett H. The Flowers of Wit, or A Choice Collection of Bon Mots. – London: Lackington, Allen, and Co, 1814. – Vol. 2. – 222 p.
- La Garde-Chambonas A.-L.-Ch. Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne: tableaux des salons. – Paris: Société Belge de Librairie, 1843. – Vol. 2. – 536 p.
- Latham E. Famous Sayings and their Authors. – London: Swan Sonnenschein, 1906. – 318 p.
- Linguet S.N. Annales politiques, civiles, et littéraires du dix-huitième siècle. – Londres: [без указания издателя], 1783. – T. 9. – 512 p.
- Lubieniecki S. Historia reformationis Polonicae. – Freistadt [Amsterdam]: J. Aconius, 1685. – 304 p.
- Mémoires de la Société des antiquaires de l'Ouest. 1836. – Poitiers: Saurin frères, 1837. – 430 p.
- [Revue:] // Telégraphe littéraire ou le correspondant de la librairie. – Paris, 1810. – № 14, 5 Avril. – P. 102–104. – Revue de livre: Musset V.-D. Souvenirs historiques, ou coup d'œil sur les monarchies de l'Europe... – Paris, 1810.
- Pictet de Rochemont Ch. De la Suisse dans l'intérêt de l'Europe. – Paris: Anselin et Rochard, 1821. – 125 p.
- Rubichon M. De l'Angleterre. – Londres: Cox at Baylis, 1811. – 509 p.
- Simond L. Voyage en Suisse, fait dans les années 1817, 1818 et 1819. – Paris: Treuttel et Würtz, 1822. – T. 2. – 596 p.

В ЭТОЙ ГИПОТЕЗЕ Я НЕ НУЖДАЛСЯ

В 1963 г. Варлам Шаламов передал Александру Солженицыну подборку «Колымских рассказов», которые надеялся напечатать в «Новом мире». В своем дневнике он записал отзыв коллеги-писателя:

«— ...Я просмотрел бегло несколько ваших рассказов. Нет нигде, чтобы герой был верующим. <...> Я даже удивлен, как это Вы... И не верить в Бога.

- У меня нет потребности в такой гипотезе, как у Вольтера.
- Ну, после Вольтера была Вторая мировая война.
- Тем более» [Шаламовский сборник, с. 24].

Вольтер был атеистом, т.е. верил в Бога, хотя это не был Бог какой-либо из существующих религий. А знаменитую фразу произнес Пьер Симон Лаплас (1749–1827), французский математик, физик и астроном.

Эти слова были адресованы Наполеону, с которым Лапласа связывали очень близкие отношения. В 1784 г. 15-летний Наполеон Бонапарт был принят в парижскую Военную школу. Здесь он слушал лекции Лапласа, а затем с блеском сдал ему выпускной экзамен по математике как экзаменатору Королевского корпуса артиллеристов. В декабре 1797 г. Французский институт (так тогда называлась Академия наук) по предложению Лапласа принял Наполеона, героя Итальянской кампании, в свои ряды в качестве члена Секции механики физико-математического отделения.

12 ноября 1799 г., на третий день после переворота 18 брюмера, Наполеон явился на заседание Французского института, прочел 45-минутный доклад и объявил Лапласу о его назначении министром внутренних дел. К министерской должности великий ученый оказался совершенно непригоден и шесть недель спустя был от-

ставлен. Но расположение к нему Первого консула, а затем императора ничуть не уменьшилось. Через несколько лет Лаплас возглавил Сенат, а в 1808 г. получил титул графа Империи.

Существует несколько версий беседы Наполеона с Лапласом. Одна из них приведена в заметке Виктора Гюго, датированной 1847 годом и опубликованной 40 лет спустя в сборнике «Увиденное». Согласно Гюго, физик и астроном Франсуа Араго любил рассказывать следующий анекдот: когда Лаплас опубликовал последние тома своей «Небесной механики», император Наполеон вызвал ученого к себе и гневно обратился к нему:

«— Как, вы даете законы всего творения и в своей книге ни разу не упомянули о существовании Бога!

— Ваше Величество, в этой гипотезе я не нуждался (*Sire, je n'avais pas besoin de cette hypothèse*)» [Hugo, p. 271].

«Небесная механика», главный труд Лапласа, состоял из пяти томов. Два первых вышли в 1799 г., два следующих – в 1802 и 1805 гг., а последний лишь в 1825 г. Наполеон стал императором в 1804 г.; следовательно, приведенный Гюго разговор должен был состояться в 1805 г., после выхода IV тома «Небесной механики». Однако все указывает на то, что разговор произошел раньше, когда Наполеон был еще Первым консулом.

В 1864 г. шотландский математик Огастес де Морган в лондонском журнале «The Athenaeum» поместил следующую версию «анекдота, хорошо известного в Париже, но доселе не напечатанного». Наполеон спросил: «Господин Лаплас, я слышал, что вы написали большую книгу о системе мироздания и ни разу не упомянули о ее Творце». Лаплас ответил: «В этой гипотезе я не нуждался». Наполеона это весьма позабавило, и он рассказал об этом ответе Лагранжу, знаменитому математику и астроному. Тот воскликнул: «Ах, это прекрасная гипотеза; она объясняет множество разных вещей (*Ah! c'est une belle hypothèse; ça explique beaucoup de choses*)». По этому поводу де Морган замечает: «Вообще говоря, для философских атеистов прошлого века понятие Бога было гипотезой» [Morgan, p. 250]. Как видим, слово «атеист» используется здесь в значении «агностик».

Наконец, Б.А. Воронцов-Вельяминов в биографии Лапласа излагает еще одну версию этого эпизода, в которой Лаплас дарит Наполеону, Первому консулу, свою книгу «Изложение системы

мира» – первый, популярный набросок «Небесной механики». Однако «Изложение системы мира» вышло в 1797 г., а Первым консулом Наполеон стал лишь в декабре 1799-го; стало быть, речь могла идти только о «Небесной механике». Ее первые два тома Лаплас послал Наполеону в октябре 1799 г., а III том – в ноябре 1802 г., с посвящением: «...Герою, умиротворителю Европы, которому Франция обязана своим процветанием, своим величием и самой блестящей эпохой своей славы; просвещенному покровителю наук» и т.д. [Воронцов-Вельяминов, с. 178].

Вот тогда-то, вероятно, и состоялся исторический разговор. В изложении самого Наполеона он выглядел так: «...Я поздравил его [Лапласа] с выходом в свет его сочинения и спросил, почему слово “Бог”, беспрерывно выходящее из-под пера Лагранжа, у него не встречается вовсе. “Это потому, – ответил он, – что я в этой гипотезе не нуждался (*je n'ai pas eu besoin de cette hypothèse*)”» (по записи личного врача Наполеона Франческо Антомарчи 18 ноября 1819 г.) [Antommarchi, p. 282].

В версии Наполеона, как и в версии де Моргана, есть одна серьезная неувязка. Жозеф Луи Лагранж не ссылался на Бога в своих научных трудах.

Однако все становится на свои места, если допустить, что императору изменила память и в действительности речь шла о Ньютона. Именно так полагал Эрве Фрай, автор книги «О происхождении мира» (1884), который слышал о беседе Наполеона с Лапласом от Франсуа Араго [Faye, p. 110].

Как известно, Ньютон обращался к Богу, чтобы объяснить происхождение и стабильность системы мира. В трактате «Оптика», III, 1 он писал: «Слепая судьба никогда не могла бы заставить планеты двигаться по одному и тому же направлению по концентрическим орбитам» [Ньютон, 1954, с. 305]. Еще определенное сказано в позднейших изданиях «Начал»: «Такое изящнейшее единение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа» [Ньютон, 1989, с. 659].

В 1715 г. Готфрид Лейбниц писал Сэмюэлу Кларку, разделявшему взгляды Ньютона: «Г-н Ньютон и его сторонники <...> придерживаются довольно странного мнения о действии Бога. По их мнению, Бог от времени до времени должен заводить свои часы,

иначе они перестали бы действовать. У него не было достаточно предусмотрительности, чтобы придать им беспрерывное движение. Эта машина Бога, по их мнению, так несовершена, что от времени до времени посредством чрезвычайного вмешательства он должен чистить ее и даже исправлять, как часовщик свою работу» [Полемика.., с. 37].

Кларк возражал: отрицать «вмешательство часовщика» – значит «изгнать из мира Провидение и божественное руководство» [Полемика.., с. 39]. Этот ответ помогает понять, почему Наполеон, считавший веру в Бога необходимой для общественного порядка, не мог принять картину мироздания, из которой Бог фактически устранился.

В 1895 г. в печати появилось еще одно свидетельство – дневниковая запись английского астронома Уильяма Гершеля. 8 августа 1802 г. он вместе с Лапласом был приглашен в Мальмезон, загородный дворец четы Бонапартов. Наполеон задал своему английскому гостю несколько вопросов об астрономии и строении небес и остался весьма доволен его ответами. Затем он обратился к Лапласу. Заговорив о величии звездного неба, Первый консул восхищенно воскликнул: «И кто же создал все это!» Лаплас отвечал, что возникновение и поддержание гармонии столь чудесной системы объясняются цепью естественных причин. Это объяснение Наполеону не слишком понравилось [Dreyer, p. LXII].

Знаменитая фраза у Гершеля не упомянута, и на этом основании некоторые историки науки поспешили объявить ее легендарной. Однако едва ли Гершель и Наполеон говорили об одной и той же беседе. Согласно Наполеону, он поздравил Лапласа с выходом его нового сочинения, т.е. III тома «Небесной механики», опубликованного лишь в ноябре 1802 г. – через 4 месяца после беседы в Мальмезонском дворце. Известно также, что он беседовал с Лапласом не раз и не два.

В изгнании Наполеон рассказывал: «Я часто спрашивал его, что он [Лаплас] думает о Боге, и он признался мне, что он атеист» (запись Гаспара Гурго от 16 апреля 1818 г.) [Gourgaud, t. 2, p. 22]. Впрочем, годом раньше Наполеон говорил об этом осторожнее: «В Институте ни Лаплас, ни Монж, ни Бертолле не верили в Бога. Конечно, они в этом не признавались!» (Запись Гурго от 13 марта 1817 г.) [Gourgaud, t. 1, p. 540].

Вопрос о религиозных воззрениях Лапласа до конца не решен. Известно, что он не верил в догматы христианства и одобрял якобинскую кампанию «дехристианизации» [Воронцов-Вельяминов, с. 195]. Часть историков науки считает его атеистом. Но устранение Бога от участия в создании системы мира склоняет к выводу, что автор «Небесной механики» был либо атеистом, либо агностиком.

Список источников

- Воронцов-Вельяминов Б.А.* Лаплас. – М.: Журнально-газетное объединение, 1937. – 280 с. – (Жизнь замечательных людей; вып. 23–24).
- Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. и примеч. А.Н. Крылова. – М.: Наука, 1989. – 688 с.
- Ньютон И.* Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света / Пер. С.И. Вавилова. – М.: Гос. изд-во технико-теорет. лит., 1954. – 365 с.
- Полемика Г. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания (1715–1716 гг.) / Перевод, вступ. статья и примеч. В.И. Свидерского и Г. Кребера. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 134 с.
- Шаламов В.Т.* Из записных книжек: [1953–1979 гг.] / Публ., предисл. и примеч. И. Сиротинской // Шаламовский сборник / [Сост. В.В. Есипов]. – Вологда: Изд-во Института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. – Вып. 2. – С. 9–72.
- * * *
- Antommarchi F.* Mémoires ou les derniers momen[t]s de Napoléon. – Paris: Barrois l’Aîné, 1825. – T. 1. – 470 p.
- Dreyer J.L.E.* A short account of Sir William Herschel’s life and work, chiefly from unpublished sources // Herschel W. The Scientific Papers of Sir William Herschel. – 1912. – Vol. 1. – P. XIII–LXIV.
- Faye H.* Sur l’origine du monde: théories cosmogoniques des anciens et des modernes. – Paris: Gauthier-Villars, 1884. – 260 p.
- Gourgaud G.* Sainte-Hélène: Journal inédit de 1815 a 1818. – Paris: E. Flammarion, 1899. – T. 1. – 604 p.; T. 2. – 578 p.
- Hugo V.* Oeuvres complètes. – Paris: Imprimerie Nationale, 1913. – [Vol. 25]: Choses vues. I. – 467 p.
- Morgan A. de.* Budget of Paradoxes. – London: Longmans, Green and Co, 1872. – 511 p.

«ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА¹

В филологических справочниках выражение «Великий немой» в качестве «крылатого слова» впервые зафиксировано лишь в 1994 г.: «**Великий немой**. Образное название кинематографа первых десятилетий его развития, когда фильмы были лишены синхронно записанного звука». «Антоним: звуковое кино» [Шулежкова, с. 10].

История возникновения термина в самых общих чертах была намечена рижским киноведом Ю.Г. Цивьянном. Он, по-видимому, первым указал, что «Великому Немому» предшествовало выражение Леонида Андреева «Великий Кинемо» (1912) и что «в Петербурге андреевское выражение <...> в результате гаплологии² и народной этимологии превращается в “Великий Немой” – словосочетание, в течение некоторого времени употреблявшееся терминологически» [Цивьян, с. 25].

Оставались открытыми, однако, по меньшей мере два вопроса: 1) когда и при каких обстоятельствах впервые зафиксировано выражение «Великий Немой»; 2) чему противопоставлялось это понятие, коль скоро звукового кино еще не было? Изучение русской печати начала 1910-х годов позволяет ответить на оба эти вопроса.

¹ Впервые опубл. в журн.: Киноведческие записки. – М., 1997. – № 35. – С. 94–98. – Перепечатывается с некоторыми уточнениями.

² «Гаплология – опущение одного из двух непосредственно следующих друг за другом одинаковых слов, напр., знаменосец вместо знаменоносец» [Современный словарь... – С. 135].

В начале ноября 1913 г. Леонид Андреев дал интервью корреспонденту «Биржевых ведомостей». Кинематограф характеризовался здесь с самой худшей стороны: «огромная опасность, повисший над театром символ смерти», «наглый пришелец» и «авантюрист» [цит. по: Безличный, с. 16]. Однако годом раньше появилось знаменитое «Письмо о театре» Л. Андреева, с авторской датировкой «10 нояб. 1912» [Андреев, 1912; здесь – с ошибочной датировкой «10 нояб. 1911»].

Последний, VI раздел «Письма» повествовал о будущем кинематографе – «будущем Кинемо», технически несравненно более совершенном, способном точно передавать цвет и естественную перспективу. «Это будет зеркало во всю пятисаженную стену, но зеркало, в котором будет отражаться не вы». «Нет пределов для авторской воли, творящей действие, обогатилось воображение, – и вот нарождаются какие-то новые кинемо-драматургии». «Действие <...> становится выразительно, как речь». Появятся «новые актеры – гении внешней изобразительности, мимики и пластики, лицедеи, научившиеся и вспомнившие старое доисторическое искусство: все выразить лицом и движением».

И далее: «Чудесный Кинемо! <...> Не имеющий языка, одинаково понятный дикарям Петербурга и дикарям Калькутты, – он воистину становится гением интернационального общения, сближает концы земли и края душ, включает в единый ток вздрагивающее человечество.

Великий Кинемо!.. – все он одолеет, все победит, все даст. Только одного он не даст – слова, и тут конец его власти, предел его могуществу. Бедный, великий Кинемо-Шекспир! – ему суждено начать собой новый великий род Танталов!» [Андреев, 1913, с. 314–316].

Привилегию слова Андреев безусловно оставляет за театром. Театр избавится от внешней развлекательности, уступив ее кинематографу, и станет театром интеллектуальной драмы, театром слова.

Тем временем оборот «Великий Кинемо» зажил самостоятельной жизнью. Уже 24 января 1913 г. «Одесское обозрение театров» перепечатало отрывок из андреевского «Письма» под знаменательным заголовком «Великий кинемо!». Очень скоро «Великий Кинемо» становится настоящим «крылатым словом», и не только в

кинематографической печати. Несколько примеров: «Вся наша современная жизнь и современное искусство насыщены идеями великого кинемо» [Браиловский. Кинемо-культура, с. 17]; «победное шествие Великого Кинемо» [Отголоски печати, с. 18]; «Великий Кинемо» – заглавие рождественского фельетона «Вестника кинематографии». Кинотеатры именуются здесь «“Дворцами” бога Кинемо», а кинематограф – «Волшебником Кинемо» [Великий Кинемо, с. 16].

Слово «кинемо», поначалу бывшее всего лишь одним из технических обозначений кинематографа, наделяется признаками одушевленности, становится олицетворением киноискусства. «Кинемо» часто заключается в кавычки и пишется с заглавной буквы: «за пышными фасадами современных дворцов Великого Кинемо» [Передовая статья, с. 27]; «Великий Кинемо, как прозвал его Леонид Андреев» [Корреспонденции, с. 22].

«Великий Кинемо! Таким эпитетом (вполне серьезно, а отнюдь не иронически) наградила кинематографы восторженная группа Ярославской учащейся молодежи», – с недоумением писала газета «День» (1914, № 65). Приведя эту цитату, кинокритик М. Браиловский пожурил отставших от жизни журналистов: «Не мешало бы знать, что таким эпитетом, и притом вполне серьезно, а отнюдь не иронически, впервые наградил кинематографы небезызвестный писатель Леонид Андреев» [Браиловский. Из записной книжки, с. 15].

Под влиянием андреевской формулы появляются также обозначения «Великое Кино» и «Великий Кинематограф»: «Много несказанных возможностей у молодого, но уже Великого Кинематографа» [Революция или эволюция, с. 10].

Общим местом публицистики 1910-х годов было сближение кино и театра. О «новом виде театрального зрелища» – «кинематографическом театре» пишет В.В. Чехов [Чехов, с. 72]. «Кинематограф – одна из форм театра», – утверждает кинокритик Гейним [Гейним, с. 16]. Обычной темой диспутов становится тема «Театр и кинематограф». Только в марте-апреле 1914 г. в Петербурге «состоялось около 8 лекций, специально посвященных театрально-кинематографическому вопросу» [Писатели о кинематографе, с. 18].

Участниками диспута на тему «Кинематограф и театр», состоявшегося 9 марта 1914 г. в зале Калашниковской хлебной бир-

жи, были: Л.М. Василевский, кн. С. Волконский, К.А. Арабажин, Ю.Э. Озаровский, Вс. Мейерхольд, барон Н.В. Дризен (председатель). Об «интересном и содержательном» докладе Мейерхольда на диспуте 9 марта упомянул «Кине-журнал» [Хроника, с. 54].

И, наконец, 24 марта 1914 г. на 4-й полосе газеты «Новое время» появилось следующее объявление:

«Сегодня в Литейном театре под председательством бар. Н. Дризена диспут: “ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ” (кинематограф и театр). Участв.[ую] арт.[исты] Императорских, Малого и част.[ных] театров. Вступит.[ельное] слово: Л. Василевский и К. Арабажин».

Эту дату, по-видимому, и следует считать датой рождения термина «Великий Немой». Отчет о диспуте напечатала «Речь» и, в более кратком виде, «Современное слово» от 26 марта 1914; а затем – «Вестник кинематографии» (1914, № 7, 8) и «Сине-фон» (1914, № 13, 14).

«На диспутах нынешней зимой в Петербурге кинематограф называли “Великий немой”, – писал С. Радаев. – И его величие <...> действительно, в его “немоте”» [Радаев, с. 17]. Более содержателен комментарий М. Браиловского: «На смену андреевскому “великий кинемо” петербуржцы за последнее время <...> придумали новое выражение – *великий немой*. Под таким названием состоялся недавно в Петербурге диспут на все еще боевую тему – кинематограф и театр – при участии видных представителей журналистики и театра». «Нам кажется, что гг. петербуржцы, озаглавливая свой диспут “Великий Немой”, преследовали цель гл.[авным] обр.[азом] дипломатическую. Ибо предстоял не просто диспут, а, некоторым образом, турнир между рыцарями Экрана и Мельпомены. <...> Устроителям диспута приходилось вести искусную политику, действуя на два фронта. – И вот “великий” – это любезный реверанс перед сторонниками кинемо, а “немой” – дипломатическая хитрость, тонкая уступка болезненному самолюбию изнервничавшихся театралов» [Браиловский. Великий немой, с. 25–26]. Сам Браиловский с этим определением не согласен: «Немота кинематографа – явление временное». «Великий немой» – «неудачный, ничего не выражющий эпитет. *Немой* эпитет» [там же, с. 26].

Очевидно, что в диспутах 1910-х годов «немой театр» (кинематограф) противопоставлялся «говорящему театру», т.е. театру драматическому. «Наши критики и судьи, – писал В. Ермилов, –

напустились на “Великого Немого” словно на мертвого». Между тем «самое слово театр <...> должно по праву скорее принадлежать Великому Кинему [так!], чем драматической сцене» [Ермилов. 1914 а].

Тот же Ермилов иронизировал над «актерской» оппозицией кинематографу:

«– Театр и Кинемо – враги.

– Актер! Не продавай себя врагу – Немому за чечевичную похлебку!»; «Актер должен служить театру, – только театру, не “Великому Немому”, как величают Кинемо, а “Великому Говорящему”, великому искусству!» [Ермилов, 1914 б].

Итак, термин «Великий Немой» возник в Петербурге в марте 1914 г., поначалу как антоним «говорящего» драматического театра. И это несмотря на то, что в России уже был показан «кинетофон» Т. Эдисона (в Петербурге – 31 октября 1913 г.) и «говорящее кино» (Filmparlants) Л. Гомона. «Я этого восторга перед говорящим Кинемо не разделяю: слово – его слабость, а не сила, – писал Л. Андреев. – <...> Медлительное слово только собьет Кинемо с его своеобразного художественного пути и направит на торную, изъезженную и исхоженную театральную дорогу; медлительное слово нарушит, наконец, тот несравненный стремительный ритм действия, который составляет главное очарование бешеного Кинемо». «Подчинившись слову, Кинетофон может стать только служкой, а отнюдь не господином» [Андреев, 1914, с. 246].

«“Немые” заговорили», – с явным неодобрением писал А. Бенуа, считавший «немоту» неотъемлемым свойством кинематографа [Бенуа, с. 20].

Но так думали не все. «Большинство писавших об этом событии увидели в появлении “говорящих картин” признак революции, грозящей кинематографу, этому “Великому Немому”, одной из отличительных черт которого является беззвучность движений», – отмечал «Вестник кинематографии». На самом же деле кинозвук – «новая веха на победном пути Великого Кинемо. Он заговорил, потому что скрытый доселе дар речи свойственен кинематографу, и потому что пришло время пробудиться этому дару. Он лепечет сейчас несвязные слова, но пройдет еще немногого времени, и мы услышим кинематограф так, как мы увидели его 22 года тому назад» [Революция или эволюция, с. 10].

Некоторое время формулы «Великий Немой» и «Великий Кинемо» сосуществовали на равных, но в конце концов первая во-зобладала.

«Великий Немой» – сугубо русская идиома. В мемуарном очерке Анны Ахматовой о Модильяни читаем: «“Великий немой” (как тогда называли кино) еще красноречиво безмолвствовал» [Ахматова, с. 149]. Речь здесь идет о Париже 1911 года; но по отношению к этому времени термин «Великий Немой» – безусловный анахронизм. К тому же во Франции кинематограф никогда не называли «Великим немым» – не только в 1910-е годы, но и позже. В историко-филологическом справочнике 1990 г. зафиксированы лишь обороты «l'art muet», «l'art silencieux» – «немое искусство», «молчащее искусство» [Boudet, p. 1072].

Список источников

- Андреев Л.А. Письма о театре. Письмо второе // Шиповник: Лит.-худож. альманах. – СПб., 1914. – Кн. 22. – С. 245–290.
- Андреев Л.А. Письмо о театре // Маски: Альманах. – М., 1912¹. – № 3. – С. 3–14.
- Андреев Л.А. Письмо о театре // Андреев Л.А. Полн. собр. соч. – СПб.; М., 1913. – Т. 8, кн. 16. – С. 305–316.
- Ахматова А.А. Амедео Модильяни // Ахматова А.А. Сочинения: В 2-х т. – М.: Цитадель, 1996. – Т. 2. – С. 144–149.
- Безличный [псевд.]. Театр и новый кинематограф // Сине-фоно. – М., 1913 – № 3, 9 нояб. – С. 16–18.
- Бенуа А.А. А. Бенуа и кинематограф: (Из дневника художника) // Сине-фоно. – М., 1913. – № 4, 23 нояб. – С. 20–21. – Перепеч. из газ. «Речь».
- Браиловский М. Великий немой // Сине-фоно. – М., 1914. – № 13, 29 марта. – С. 25–26.
- Браиловский М. Кинемо-культура // Сине-фоно. – М., 1913. – № 1, 12 окт. – С. 16–17.
- Браиловский М. Из записной книжки // Сине-фоно. – М., 1914 – № 12, 15 марта. – С. 14–16.
- Великий Кинемо // Вестник кинематографии. – М., 1914. – № 7, 1 апр. – С. 16.

¹ На обложке альманаха дата «1912», на титульном листе «1913». Правильной следует признать датировку на обложке. Во-первых, сам Л. Андреев, перепечатывая «Письмо первое [о театре]» в альманахе «Шиповник», ссылался на «Маски», 1912, № 3. Во-вторых, журнал «Маски» выходил как ежемесячник с октября 1912; следовательно, № 3 должен был выйти в декабре 1912, хотя, возможно, несколько запоздал с выходом.

Часть II.
История формул языка и культуры

- Гейним [псевд]. Кинематограф и театр. VII // Сине-фоно. – М., 1913. – № 3, 9 нояб. – С. 16
- Ермилов В. Кинемо и его прокуроры // Вестник кинематографии. – М., 1914 а. – № 10, 22 мая. – С. 13–14.
- Ермилов В. Неравный брак // Сине-фоно. – М., 1914 б. – № 3, 15 нояб. – С. 22–23.
- Корреспонденции. Тифлис // Вестник кинематографии. – М., 1914. – № 21, 1 нояб. – С. 22. – Подпись: «Т».
- Отголоски печати // Вестник кинематографии. – М., 1914. – № 12, 21 июня. – С. 18–20.
- Передовая статья // Сине-фоно. – М., 1914. – № 20, 5 июля. – С. 27.
- Писатели о кинематографе // Вестник кинематографии. – М., 1914. – № 8, 20 апр. – С. 18–19.
- Радаев С. Мировой язык: (О кинематографе) // Вестник кинематографии. – М., 1914. – № 11, 7 июня. – С. 16–18. – Перепеч. из газ. «Современное слово» (СПб.) от 16 мая 1914.
- Революция или эволюция: [Передовая статья] // Вестник кинематографии. – М., 1914. – № 13, 5 июля. – С. 10.
- Современный словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1992. – 740 с.
- Хроника // Кине-журнал. – М., 1914. – № 6, 22 марта. – С. 49–54.
- Цивьян Ю.Г. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России 1896–1930. – Рига: Зиннатне, 1991. – 492 с.
- Чехов В.В. Театр и кинематограф [сокр. публ.] // Киноведческие записки. – М., 1996. – № 30 (июнь). – С. 57–87. (1-я публ.: Театр и искусство. – СПб., 1914. – № 17.)
- Шулежкова С.Г. Крылатые выражения, восходящие к кинематографу // Шулежкова С.Г. Крылатые выражения из области искусства: Материалы к словарю. – Челябинск: ЧГПИ «Факел», 1994. – Вып. 4. – С. 3–67.
* * *
- Boudet J. Les Mots de l'histoire. – Paris: Robert Laffont, 1990. – 1415 p.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Рассказ Валентины Осеевой «Волшебное слово», опубликованный в 1944 г., сразу попал в школьные хрестоматии. Начинался он так:

«Маленький стариочек с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

– Подвиньтесь, – сказал ему Павлик и присел на край» [Осеева, с. 6].

Стариочек, как бы не замечая столь невежливого обращения, завязывает с Павликом разговор. И оказывается, что тот уже готов от обиды убежать из дома: о чем бы и кого бы он ни просил, он получает отказ.

«Старик разгладил длинную бороду:

– Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

– Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни – тихим голосом, глядя прямо в глаза...» [Осеева, с. 7].

И шепчет это слово Павлику на ухо.

Легко догадаться, что слово это «пожалуйста» и что эффективность его стопроцентна. «Волшебник! Волшебник!» – повторяет про себя Павлик, вспоминая старика. А вот и финал:

«Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки» [Осеева, с. 11].

Именно зачин и финал превращают назидательную историю почти что в волшебную сказку.

Будь маленькие читатели Осеевой знакомы с Евангелием от Иоанна, они бы заметили в зачине и finale рассказа отголосок вовсе не детской притчи о блуднице (где Иисус произносит тоже в некотором роде волшебное слово):

«...Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания.

Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень.

И опять наклонившись низко, писал на земле.

Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить, один за другим...» (Ин., 8:6–9).

Сходство будет еще больше, если вспомнить, что в пересказах притчи Иисус «чертит на песке», а не «пишет на земле».

Во Франции волшебное слово «пожалуйста» (*un mot magique «s'il vous plaît»*) существовало уже в 1870-е годы. Мы встречаем его в рассказе «Волшебное слово» детской писательницы Фанни Дюпен де Сент-Андре (1844–1915) [Dupin].

В 1893 г. в Невшателе (Швейцария) вышла в свет книжечка «Маленькое волшебное слово», где волшебное слово – «Простите» («Je le regrette») [Combe]. За 10 лет тираж книжечки превысил 200 тыс. экз.

В англоязычных странах волшебное слово «пожалуйста» («magic word “Please”») появилось не позднее начала XX в. Другими волшебными словами были «Спасибо» и «Извините».

В 1911 г. в США вышла книжка Жозефины Скрибнер-Гейтс «Томми-сладкоежка и Голубая Девочка» [Scribner Gates]. Здесь рассказывалось о приключениях куклы, которая сбежала от своего владельца в леса и узнала волшебное слово «пожалуйста» от птиц, кроликов и бурундуков. Книжка имела немалый успех.

Свое слово сказали и шутники:

«– Передай-ка мне соль.

– А волшебное слово?

– Немедленно!» [Jarski, p. 110].

В советской педагогике до середины 1930-х годов волшебные слова, как и волшебные сказки, подлежали искоренению. К тому времени советские дети, и то очень немногие, знали лишь одно «настоящее» волшебное слово (т.е. магическое заклинание):

«Сезам, открайся» (сказка «Али-Баба и сорок разбойников» из сборника «Тысяча и одна ночь»).

Второе общеизвестное «волшебное слово» появилось в 1938 г. в пьесе Евгения Шварца «Снежная королева», д. III [Шварц, с. 151]. Это заклинание Сказочника «Крибле-крабле-бумс», которого нет у Ганса Христиана Андерсена.

Все детское население страны услышало это слово в середине 1950-х годов, когда на радио зазвучали радиоспектакли по сказкам Андерсена в инсценировке Сергея Богомазова. Начинались они со вступления Сказочника, который неизменно произносил: «Крибле-крабле-бумс». Сказочником был Николай Литвинов, главный волшебник советского радиотеатра.

Не менее знаменитое волшебное слово «Трах-тиби-дох-тиби-дох» появилось в радиоспектакле «Старик Хоттабыч» (1958), где Хоттабычем был все тот же Николай Литвинов, а автором инсценировки – Сергей Богомазов. Этого заклинания нет ни в повести Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» (1938; 2-я редакция: 1956), ни в ее киноэкранизации (1956, сценарий Лагина). Богомазов, вероятно, придумал его сам.

В 1981 г. вошло в обиход еще одно волшебное слово – заклинание «мутабор» из мультфильма «Халиф-аист», позволявшее герою превращаться из человека в животное и обратно. Мультфильм был экранизацией сказки немецкого писателя Вильгельма Гауфа «История о Халифе-аисте» (1826).

Во времена Гауфа немецкие школьники учили латынь и, если они были примерными школьниками, понимали значение слова «Mutabor»: «Я буду превращен». Знали они и то, что в латыни ударение на последнем слоге практически не встречается и слово это произносится как «мутабор».

Наш читатель едва ли мог опознать латынь в написанном кириллицей слове «мутабор». Поэтому Иннокентий Смоктуновский, который озвучил мультфильм, произносил заклинание с ударением на последнем слоге: «мутабор», по аналогии с хорошо знакомыми нам словами «матадор», «лабрадор» и т.д. Так оно произносится и поныне.

Список источников

Осеева В.А. Волшебное слово // Осеева В.А. Синие листья: Рассказы, стихи, сказки. – М.: Детгиз, 1965. – С. 6–11.

Шварц Е. Снежная королева; Голый король; Тень; Дракон; Два клена; Обыкновенное чудо; Повесть о молодых супружах; Золушка; Дон Кихот. – Л.: Сов. писатель, 1982. – 581 с.

* * *

Combe T. Un petit mot magique. – Neuchâtel: Attinger frères, 1893. – 16 p. – (Petits miroirs: causeries adressées aux jeunes filles; Т. 6).

Dupin de Saint-Andre F. Un mot magique // Magasin d'éducation et de récréation: Journal de toute la famille. – Paris, 1879. – Т. 30. – Р. 319–320.

Jarski R. The Funniest Thing You Never Said. – London: Ebury Press, 2004. – 576 p.

Scribner Gates J. Tommy Sweet-Tooth And Little Girl Blue. – Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1911. – 64 p.

ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ

21 июля 1748 г. в издававшейся Бенджамином Франклином «Пенсильванской газете» (Филадельфия) появилось извещение о выходе из печати новой книги: «Американский наставник, или Лучший спутник молодого человека». Это была переработка книги англичанина Джорджа Фишера «Наставник» – универсального пособия по грамматике, письмоводству, арифметике, бухгалтерскому учету, географии и всему остальному, что должен знать юноша, вступающий в деловую жизнь.

Три последние страницы книги занимали «Советы молодому купцу, написанные старым купцом». Этим «старым купцом» был Франклин. Здесь говорилось:

«Помни, что ВРЕМЯ – деньги. Тот, кто может заработать своим трудом десять шиллингов в день и на полдня уходит гулять или сидит без дела, <...> теряет или, скорее, выбрасывает пять шиллингов <...>.

Помни, что деньги обладают способностью размножаться. Деньги могут рождать деньги, и это потомство может рождать еще больше и так далее. Пять шиллингов превращаются в шесть, а те – в семь шиллингов и три пенса и так далее, пока не составится сотня фунтов» [Franklin, p. 375].

В последующие столетия «Советы молодому купцу» перепечатывались едва ли не тысячи раз, поэтому формула «Время – деньги» неразрывно связана с именем Франклина. Однако появилась она раньше.

Номер лондонской газеты «Свободомыслящий» («The Free-Thinker») от 18 мая 1719 г. целиком состоял из неозаглавленного и неподписанного эссе о сугубом времени. В древности, говори-

лось здесь, сутки делились лишь на часы, потом появилось деление на минуты, а теперь даже и на секунды:

«И тот, кто расточает свои часы, является, по сути, расточителем денег. Я <...> слышал об одной почтенной женщине, которая как нельзя лучше понимала всю ценность времени. Ее муж был обувщик и превосходный ремесленник, но никогда не задумывался о том, как быстро летят минуты. Напрасно жена внушала ему, что время – это деньги (Time is Money); он был чересчур умен для того, чтобы прислушаться к ней, и каждый вечер проклинал бой приходских часов. В конце концов это привело его к разорению» [Essay..., р. 128; цит. по: O'Toole].

О важности времени говорили уже древние греки. У Диогена Лаэртского (V, 40) приведено изречение Феофраста, ученика Аристотеля: «Самая дорогая трата – это время» [Диоген Лаэртский, с. 217]. Плутарх в биографии Марка Антония замечает: «В Александрии он вел жизнь мальчишки-бездельника и проматывал самое драгоценное, как говорит Антифонт¹, достояние – время» («Антоний», 28, 2; пер. С. Маркиша) [Плутарх, с. 332].

Но отсюда как раз и видно, что древние греки и Франклин говорили о разном. Плутарх отнюдь не имел в виду, что Антоний тратит время на удовольствия, когда мог бы потратить его на увеличение своего капитала. Франклин же говорит именно об эквивалентности времени и денег: потерянное время – это потерянный капитал. «Франклин, – замечает польская исследовательница Мария Оссовская, – призывает не к скопидомству рантье, но к ускоренному обороту капитала – призыв, столь важный для юного капитализма» («Буржуазная мораль», 1956) [Оссовская, с. 246].

В России сентенция Франклина получила распространение с серединой XIX в., первоначально в форме «Время – это деньги». Нынешняя, более краткая форма утвердилась в начале XX в.

Список источников

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.

¹ Антифонт Афинский – философ-софист V в. до н.э.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали / Пер. К. Душенко. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.

Плутарх. Деметрий и Антоний // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – Т. 3. – С. 318–342.

* * *

[*Franklin B.*] Advice to a young Tradesman, written by an old One // Fisher G. The American Instructor: or Young Man's Best Companion: The Ninth Edition Revised and Corrected. – Philadelphia: Printed by B. Franklin and D. Hall, 1748. – P. 375–377.

[*Essay on the Value of Time*] // The Free-thinker, or: Essays on Ignorance, Superstition, Bigotry, Enthusiasm, Craft. – London, 1719. – № 121, May 18. – P. 121–128 (заглавие дано мной. – К.Д.).

O'Toole G. [псевд.]. Time is Money. Benjamin Franklin? // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations [Авторский сайт]. – Mode of access: <https://quoteinvestigator.com/2010/05/14/time-is-money> (дата обращения: 08.05.2018).

ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ «ШИНЕЛИ»

Эта фраза чаще всего приписывалась Достоевскому. Появилась она в серии статей французского критика Эжена де Богюэ «Современные русские писатели», опубликованных в парижском «Двухмесячном обозрении» в 1885 г., а затем вошедших в книгу Богюэ «Русский роман» (Vogué, 1886). В 1877–1882 гг. де Богюэ жил в Петербурге в качестве секретаря французского посольства и был близко знаком со многими русскими литераторами.

Уже в начале первой из этих журнальных статей («Ф.М. Достоевский») Богюэ замечает, пока еще от себя: «...между 1840 и 1850 годами все трое [т.е. Тургенев, Толстой и Достоевский] вышли из Гоголя [sortis de Gogol], творца реализма» [Vogué, 1885, № 1, р. 312]. В той же статье читаем: «“Все мы вышли из “Шинели” Гоголя” [Nous sommes tous sortis du Manteau de Gogol], – справедливо говорят русские писатели» [там же, р. 320]. Наконец, в статье о Гоголе, опубликованной в ноябрьском номере журнала, Богюэ дает третью формулировку: «Чем больше я читаю русских, тем лучше я вижу истинность слов, которые мне говорил один из них, тесно связанный с литературной историей последних сорока лет: “Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» (пер. С. Бочарова и Ю. Манна) [Vogué, 1885, № 10, р. 258; Бочаров и Манн, с. 184 (здесь это высказывание цитируется по книге «Русский роман» и ошибочно датируется 1886 годом)].

В первом переводе на русский (1887) изречение передано путем косвенной речи: «Русские писатели справедливо говорят, что все они “вышли из “Шинели” Гоголя”» [Богюэ, с. 16 (3-я паг.)]. Но уже в 1891 г. в биографии Достоевского, написанной Е.А. Соловьевым для серии Павленкова, появляется канонический русский текст изречения: «Все мы вышли из гоголевской Шинели», –

причем здесь оно безоговорочно приписано Достоевскому [Соловьев, с. 89].

Вопрос об атрибуции фразы обсуждался в статье С. Рейсера 1968 г. и отклике на нее С. Бочарова и Ю. Манна. Рейсер считал, что это «обобщенная цитата», «суммарная формула», созданная самим Богюэ в результате бесед с разными русскими писателями [Рейсер, с. 186]. С. Бочаров и Ю. Манн склонялись к мнению об авторстве Достоевского [Бочаров и Манн]. Однако в достоверных высказываниях Достоевского нет ничего похожего на эту мысль. А в своей Пушкинской речи (1880) он, по сути, выводит современную ему русскую литературу из Пушкина.

Русский эмигрантский критик Владимир Вейдле предполагал, что фразу о шинели произнес Дмитрий Григорович, «один из русских осведомителей Богюэ» [Вейдле, с. 48]. Григорович вступил в литературу одновременно с Достоевским, за 40 лет до публикации статей де Богюэ, и тоже под сильнейшим влиянием Гоголя.

Кто бы ни был «русским осведомителем Богюэ», слово «мы» в этой фразе могло относиться только к представителям «натуральной школы» 1840-х годов, к которой Толстой – один из главных героев «Русского романа» – не принадлежал.

Мы полагаем, что вопрос об авторстве изречения неразрывно связан с вопросом о его форме. До перевода статьи Богюэ оборот «Мы вышли из...» в значении «Мы вышли из школы (или: принадлежим к школе, направлению) такого-то» не встречался по-русски. Зато мы находим его в классическом произведении французской литературы, причем в форме, весьма близкой к формуле Богюэ.

В романе Флобера «Госпожа Бовари» (1856) читаем: «Он [Ларивье] принадлежал к великой хирургической школе, вышедшей из фартука Биша (*sortie du tablier de Bichat*)» [Flaubert, p. 449]. Имелся в виду хирургический фартук знаменитого анатома и хирурга Мари Франсуа Биша (1771–1802). Вслед за Флобером это определение неизменно цитируется во Франции, когда речь идет о французской хирургической школе, а нередко и о французской медицине вообще.

Переводчикам «Госпожи Бовари» оборот «*sortie du tablier de Bichat*» представлялся настолько необычным, что «фартук Биша» они просто выбрасывали. В первом (анонимном) русском

переводе (1858): «Ларивьер принадлежал к великой хирургической школе Биша» [Флобер, 1858, с. 201]. В переводе А. Чеботаревской под редакцией Вяч. Иванова (1911): «Ларивьер был одним из светил славной хирургической школы Биша» [Флобер, 2008, с. 348]. В «каноническом» советском переводе Н.М. Любимова (1956): «Ларивьер принадлежал к хирургической школе великого Биша» [Флобер, 1971, с. 352]. Так же поступали переводчики романа на английский и немецкий языки.

Можно с высокой степенью уверенностью утверждать, что формула «выйти из (некоего предмета одежды)» в значении «принадлежать к школе такого-то» была создана Флобером и два десятилетия спустя использована де Богюэ применительно к Гоголю. Нет оснований не верить французскому критику, что русские писатели в беседах с ним говорили нечто подобное. Однако словесное оформление этой мысли родилось на французском языке. Так что прав был скорее Рейсер, а не его оппоненты: перед нами «суммарная формула», созданная самим Богюэ (теперь мы можем добавить: по флоберовскому образцу).

С. Рейсер заметил: «... Самая формулировка “вышли из” допускает двоякое прочтение: не только в смысле продолжили, но и другое – ушли, преодолели» [Рейсер, с. 186]. Оба эти значения актуализировались в последние десятилетия XX в. применительно уже не к гоголевской «Шинели», а к «сталинской шинели».

В эмигрантском журнале 1978 г. читаем: «Трудно было нам выбираться из сталинской шинели...» [Андреева, с. 216]. С конца 1980-х эта метафора стала осваиваться российской печатью. Вот несколько примеров.

«“Дети оттепели” – всегда про святыни и про ценности. А есть “дети шинели” – из сталинской шинели вышли. Жуткая команда!» [Сапожников, с. 56].

«Все мы вышли из сталинской шинели» – заглавие дискуссии «о событиях 1948 года» [Все мы вышли...].

«Как говорится, все мы вышли из сталинской шинели. Более того, многие из нас продолжают смотреть на жизнь из-под ленинской кепки» [Немировский, с. 73].

«...В 80-е годы, по Костикову и прочим подмастерьям перестройки, <...> общество выходило из сталинской шинели и элегантно запахивалось в горбачёвский костюм» [Новодворская, с. 39].

Впрочем, «шинель», «пальто» и т.д. в этой формуле давно уже не обязательны – выйти можно из чего угодно, хотя бы из квадрата: «Все мы вышли из квадрата Малевича» [Хабаров, с. 24].

Список источников

- Андреева Д.* России сердце не забудет... (О творчестве Александра Галича) // Гранни. – Франкфурт/н/М., 1978. – № 109. – С. 215–228.
- Бочаров С., Манн Ю.* Все мы вышли из гоголевской «Шинели» // Вопросы литературы. – М., 1968. – № 6. – С. 183–185.
- Вейдле В.В.* Безымянная страна. – Paris: YMCA-Press, 1968. – 164 с.
- Вогюэ Э.* Современные русские писатели: Толстой – Тургенев – Достоевский / Пер. В.П. Бефани. – М.: В.Н. Маракуев, 1887.–60, 72, 73 с.
- Все мы вышли из сталинской шинели // Лит. газета. – М., 1990. – № 12, 21 марта. – С. 14.
- Немировский В.* Красные, зеленые, белые... // Человек. – М., 1992. – № 3. – С. 69–73.
- Новодворская В.* Мыслящий тростник Вячеслав Костиков // Столица. – М., 1995. – № 6. – С. 38–40.
- Рейсер С.* «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» // Вопросы литературы. – М., 1968. – № 2. – С. 184–187.
- Сапожников В.* Хождение по Енисею Великому в поисках того, сам не знаю чего, а также экзотики и опасных приключений в лето второе от перестройки // Сибирские огни. – Новосибирск, 1989. – № 8. – С. 14–66.
- Соловьев Е.А.* Ф.М. Достоевский: Его жизнь и литературная деятельность. – СПб.: Обществ. польза, 1891. – 96 с.
- Флобер Г.* Госпожа Бовари // Библиотека для чтения. – СПб., 1858. – Т. 150, № 8. – С. 1–222 (Приложение).
- Флобер Г.* Госпожа Бовари. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 379 с.
- Флобер Г.* Собр. соч.: В 4 т. – М.: Правда, 1971. – Т. 1. – 559 с.
- Хабаров Г.* Иконописец авангарда: [Интервью с Эдуардом Штейнбергом] // Совершенно секретно. – М., 2003. – № 10, октябрь. – С. 23–24.
- * * *
- Flaubert G.* Madame Bovary: Moeurs de province. – Paris, 1858. – 2-me partie. – P. 233–490. – (Нумерация страниц продолжает нумерацию 1-го тома.)
- Vogüé E.-M. de.* Les écrivains russes contemporains. F.-M. Dostoevsky // Revue des Deux Mondes. – Paris, 1885. – № 1. – P. 312–356
- Vogüé E.-M. de.* Les écrivains russes contemporains. Nicolas Gogol // Revue des Deux Mondes. – Paris, 1885. – № 10. – P. 241–279.
- Vogüé E.-M. de.* Le roman russe. – Paris: Plon, 1886. – 352 p.

ВСЕ ПОЗВОЛЕНО

Если попросить назвать самую известную цитату из Достоевского, то первой, вероятно, будет «Красота спасет мир» (хотя мало кто может ясно сказать, что это, собственно, означает), а второй – «Если Бога нет, то все позволено».

Правда, у Достоевского этого изречения нет. Это «сводная» цитата, возникшая из нескольких фрагментов романа «Братья Карамазовы» (1879–1880). Первый – мысль Ивана Карамазова в пересказе одного из персонажей романа, Ракитина: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено» («Братья Карамазовы», I, 2, 7) [Достоевский, т. 14, с. 76].

Второй – слова Дмитрия Карамазова: «Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без Бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь все позволено, все можно делать?» И далее: «У Ивана Бога нет. <...> Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли так?» (там же, IV, 11, 4) [Достоевский, т. 15, с. 32].

А Смердяков говорит Ивану: «...Все потому, что “все позволено”. Это вы вправду меня учили-с, ибо много вы мне тогда этого говорили: ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе» (там же, IV, 11, 8) [Достоевский, т. 15, с. 67].

Как видим, вопрос о бессмертии души и будущей жизни и для Ивана, и для Дмитрия Карамазова едва ли не главный, а Бог выступает в качестве гаранта этого бессмертия.

Мысль: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели» – проведена через весь огромный роман, а потому обычно связывается с именем Достоевского. Однако сама по себе она Достоевскому не принадлежит и, можно сказать, стара почти так же, как христианство.

Почти то же самое – и почти теми же словами – говорил уже латинский богослов III–IV вв. Лактанций в трактате «Божественные установления», II, 1: «Как скоро люди уверятся, что Бог мало о них печется и что по смерти они обратятся в ничто, то они предаются совершенно необузданности своих страстей, <...> думая, что им все позволено».

Трактат Лактанция вышел в России в 1848 г. под заглавием «Божественные наставления» в переводе Е. Карнеева; выше цитировался этот перевод [Лактанций, с. 100]. Был ли этот перевод известен Достоевскому, трудно сказать. Но изданные в 1670 г. «Мысли» Блеза Паскаля, конечно, были ему известны, а там утверждалось: «Человеческая нравственность целиком зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет» (пер. Э. Линецкой) [Паскаль, с. 152–153].

Для Достоевского (а не только для его героев) формула «Все позволено» связана не просто с неверием в Бога, но прежде всего с неверием в бессмертие души и загробное воздаяние; тут он солидарен с Лактанцием и Паскалем. Однако современник Паскаля, великий еретик Бенедикт Спиноза, решительно отрицал эту связь:

«Мы с полным правом можем считать большой нелепостью то, что говорят многие богословы, которых считают великими, а именно: если бы из любви к Богу не вытекала вечная жизнь, то каждый стал бы искать своего собственного счастья – как будто можно найти нечто лучше Бога» («Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье», II, 26; пер. под ред. А.И. Рубина) [Спиноза, с. 17]. Трактат был написан в 1660 г. и опубликован полностью лишь два века спустя.

В сущности, того же мнения держались римские стоики (как, впрочем, и эпикурейцы) и множество позднейших моралистов. Загробное воздаяние не было для них аргументом в вопросах морали. Все они могли бы подписатьсь под словами Сенеки: «Первое и наибольшее наказанье за грех – в самом грехе» («Письма к Луцилию», 97, 14, пер. С. Ошерова); «Что я хочу извлечь из добродетели? Ее саму. <...> Она сама себе награда» («О блаженной жизни», 9, 4, пер. Т. Бородай) [Сенека, 1977, с. 244; Сенека, 2000, с. 20].

Молодой Оскар Уайльд писал в своих «Оксфордских тетрадях»: «Ничто так не изобличает все благородство человеческой природы, как явное безразличие человека к любой системе наказаний и

поощрений, будь то на земле или на небе» (пер. Е. Осеневой) [Уайльд, с. 494].

В середине XX в. появилось изречение «Если Бог есть, все позволено», «опрокидывающее» формулу Ивана Карамазова.

Почти одновременно с «Братьями Карамазовыми» вышла знаменитая книга Ницше «Так говорил Заратустра» (1883) с ее «переоценкой всех ценностей». Здесь тень Заратустры восклицает: «“Нет истины, все позволено” – так убеждала я себя» (разд. IV, «Тень»; пер. Ю. Антоновского) [Ницше, с. 197].

В книге Ницше «К генеалогии морали» (1884), III, 24, изречение «Ничего истинного и все позволено» приведено как тайный девиз средневекового мусульманского ордена асассинов [Ницше, с. 197, 515]. Благодаря Ницше эта версия ныне является общепринятой.

На тридцать с лишним лет раньше ту же версию изложил прусский генерал и политик-консерватор Йозеф фон Радовиц в IV издании своих «Злободневных бесед о государстве и церкви» (1851), гл. 6. Изречение «Нет ничего истинного, и все позволено» («Nichts ist wahr und Alles ist erlaubt») он привел как девиз Хасана ибн Саббаха (1051–1124), персидского исмаилита, основателя и главы (шейха) секты хашашинов (асассинов) [Radowitz, S. 101]. Эта секта прославилась политическими убийствами. Однако девиз, означавший отрицание Корана как вместилища божественной истины, был совершенно невозможен в устах мусульманского вероучителя. Уж скорее он мог бы сказать: «Все позволено тому, кто обладает абсолютной истиной».

Заметим, что в I издании «Злободневных бесед...» (1846) этого изречения нет. Зато мы встречаем его в протоколах заседаний представителей швейцарских кантонов 1847 г.: «Положение: “Нет ничего истинного, и все позволено” до сих пор считалось принципом системы радикализма» [Abschied., S. 235, 1-я паг.].

В ХХ веке формула «Все позволено» шагнула из философии и литературы в политику. 8 августа 1918 г. в Киеве вышел первый номер газеты «Красный Меч» – органа Политотдела Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии. Здесь заявлялось:

«У нас новая мораль, наша гуманность абсолютна, ибо в основе ее славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. Нам все позволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закре-

пошения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства» [цит. по: ЧЕ-КА, с. 15].

Персонажи «Бесов» Достоевского считают, что им все позволено, потому что нет ни Бога, ни загробного воздаяния. Нынешние приверженцы «славных идеалов разрушения», именующие себя «Исламским государством», верят в загробное воздаяние и считают, что им все позволено, поскольку они – орудие Бога.

Список источников

- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
Лактанций. Творения. – СПб.: изд-во Кораблева и Сирякова, 1848. – Ч. 1. – 404 с.
Ницше Ф. Собр. соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – 830 с.
Паскаль Б. Мысли. – СПб.: Азбука, 1999. – 334 с.
Сенека. Нравственные письма к Луцилию. – М.: Наука, 1977. – 383 с.
Сенека. Философские трактаты. – М.: Алетейя, 2000. – 396 с.
Спиноза Б. Сочинения: В 2 т. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 1. – 488 с.
Уайльд О. Портрет господина У.Г.; Рассказы; Заметки и колонки; Оксфордский дневник. – М.: Иностраница, 2011. – 544 с.
ЧЕ-КА: Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. – Берлин: Издание Центра. Бюро партии социалистов-революционеров, 1922. – 255 с.
* * *
- Abschied der ordentlichen eidgenössischen Tagsatzung des Jahres 1847. – [S. 1.], 1847(?). – Bd. 1. – 336 S. (В издание включено также множество мелких приложений с самостоятельной пагинацией.)
Radowitz J. von. Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche. – Stuttgart: A. Becher, 1851. – 364 S.

ВСЕ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА!

Летом 1937 г. теа-джаз Леонида Утесова выступил с новой концертной программой «Песни моей Родины». В первом отделении исполнялись песни военно-революционные («Полюшко-поле», «Тачанка», «Партизан Железняк»), во втором – лирические и шуточные; среди них – фокстрот «Все хорошо, прекрасная маркиза!», который Утесов пел дуэтом со своей дочерью Эдит.

Для журнальной публикации перевода (май 1937) Безыменский написал весьма любопытное вступление: «Широко популярна во Франции песня “Tout va très bien”. Веселая парижская толпа хором распевает ее, встречая фашистов и насмерть перепуганных победой народного фронта французских буржуа. Сюжет песни, встречающийся в фольклорных записях многих народов, сатирически заострен по определенному адресу, и припев “Tout va très bien, madame la marquise” стал во Франции лозунгом издевки над фашистами и буржуа. Не сомневаемся, что она будет распеваться и у нас, тем более, что скоро мы услышим ее в исполнении замечательного мастера джаза, Л.О. Утесова» [Безыменский, с. 219].

Об авторстве «популярной во Франции песни» здесь не упомянуто. На вышедшей вскоре патефонной пластинке значилось: «обраб. Н. Минха, сл. А. Безыменского». А в нотных изданиях писали: «Французская народная песня».

Безыменский перевел шлягер, записанный в 1935 г. парижским джаз-оркестром «Рей Вентура и его парни». Всего через год на экраны вышла музыкальная комедия «Все хорошо, прекрасная маркиза!» («Tout va très bien, madame la Marquise»). Название песни почти сразу же стало интернациональной поговоркой.

Вскоре после боев с японцами у озера Хасан (август 1938 г.) эстрадный сатирик Илья Набатов выступил с куплетами «Все хо-

рошо, божественный микадо»: четыре японских военачальника поочередно докладывают императору о поражении, заканчивая словами: «А в остальном, божественный микадо, все хорошо, все хорошо» [Эстрада России, с. 379].

Слова и музыку песни сочинил Поль Мисраки, уроженец Константинополя, потомок евреев-сепардов. Однако на французских пластинках указан не один, а три автора слов. Дело в том, что сюжет песни Мисраки заимствовал из скетча французских комиков Шарля Паскье и Анри Аллюма «Все хорошо» (*Tout va bien*, 1931). В конце скетча дворецкий Батист говорит «господину маркизу»: «...В остальном <...> все хорошо» – «...À part tout ça <...> tout va bien» [Bach et Laverne]. Отсюда и появился рефрен песни: «А в остальном, о госпожа маркиза, / Все очень, очень хорошо!» (*Mais à part ça, madame la Marquise / Tout va très bien, tout va très bien!*).

Тот же сюжет использовался в скетче «Английская комедия» (1893) Габриэля де Лотрека, двоюродного брата художника Тулуз-Лотрека. Только здесь вместо маркизы и ее слуг беседуют английский милорд и его слуга Джон [Lautrec].

Но история сюжета гораздо старше. Автор вступления к публикации русского перевода был совершенно прав, указывая, что сюжет песни встречается «в фольклорных записях многих народов». В 1863 г., в 8-м выпуске собрания «Русские народные сказки» А.Н. Афанасьева, была опубликована сказка «Хорошо, да худо». Афанасьев приводит шесть ее вариантов, причем сюжет шестого варианта («Жил-был барин в городе...») чрезвычайно близок к сюжету песни Мисраки. Вот часть диалога барина с приехавшим к нему из деревни старостой.

«...“Да разве мой конь помер? <...> Как же он издох?” – “Не он наперед подох, а ваша матушка, батюшка-барин!” – “Ужли и матушка померла?” – “Да как у Фомки овин горел, она в те поры сидела в каменном дому в верхнем этажу, а форточка пола была: искорка ей на ногу скакнула, барыня упала, да ногу-то и свихнула”. <...> “Отчего ж у Фомки овин загорелся?” – “Не он наперед загорелся, а ваша новая конюшня”. <...> – “Как же она загорелася?” – “Да не она, батюшка-барин, загорелася, а ваша новая мельница”» (записано в Пермской области Д. Петуховым) [Афанасьев, с. 143].

В 1868 г. появилась в печати баллада Дмитрия Минаева «На борзом коне воевода скакал»:

...«Все в усадьбе исправно, –
Слуга отвечает, – лишь только издох
Любимый ваш сокол недавно».

«Ах, бедный мой сокол! Он дорог был мне...
Какой же с ним грех приключился?»
– «Сидел он на вашем издохшем коне,
Съел падаль и с жизнью простился».

«Как, конь мой булавый? Неужели пал,
Но как же погиб он, мой боже!»
– «Когда под Николу ваш дом запылал,
Сгорел вместе с домом он тоже».

«Что слышу? Скажи мне, мой терем спален,
Мой терем, где рос я, женился?
Но как то случилось?» – «Да в день похорон
В усадьбе пожар приключился...»

«О, если тебе жизнь моя дорога,
Скажи мне как брату, как другу:
Кого ж хоронили?» – И молвил слуга:
«Покойную вашу супругу» [Минаев, с. 178].

Минаев, вероятно, переложил на русские нравы балладу «Вестник» австрийского поэта Анастасиуса Грюна («*Botenart*» («Der Graf kehrt heim vom Festturne...»), 1837) [Grün].

Впервые же этот сюжет появился в европейской литературе на целых семь веков раньше [Zachariae, p. 193–194].

Примерно в 1115 г. в Испании была составлена «Учительная книга клирика» («*Disciplina clericalis*») – сборник занимательных историй на латинском языке. Сюжеты взяты из восточных источников – арабских, персидских, индийских. «Учительная книга» стала известна по всей Европе, ее перевели на французский, испанский, английский, немецкий. Еще в XIX в. ее читали на уроках

латыни в немецких гимназиях, ввиду занимательности сюжетов и простоты языка.

В 27-й главе этого сборника («История о слуге Маймунде») выведен черный слуга Маймунд – невероятно ленивый, но вовсе не глупый. Вот одна из историй о нем:

Хозяин возвращался с рынка, весьма довольный хорошей выручкой, и увидел, что навстречу ему идет Маймунд. Опасаясь, что тот, как обычно, хочет сообщить плохие вести, хозяин предупредил:

– Осторожно, Маймунд, не подходи ко мне с плохими вестями!

Слуга ответил:

– Плохих вестей нет, ваша милость, если не считать смерти нашей собаки Биспеллы.

– Отчего же она умерла?

– Наш мул испугался, сорвался с привязи, побежал и затоптал бедняжку копытами.

– А что случилось с мулом?

– Упал в колодец и сдох.

– Чего же он испугался?

– Ваш сын свалился с балкона и разбился насмерть. Это и напутало мула.

– А моя жена? Что с ней?

– Умерла с горя, потеряв сына.

– Кто же смотрит за домом?

– Никто, ведь теперь это груда пепла – и дом и всё, что в нем было.

– Отчего же случился пожар?

– В ту самую ночь, когда ваша супруга скончалась, служанка забыла погасить поминальную свечу, и пожар охватил весь дом.

– Где же служанка?

– Она стала тушить пожар, балка свалилась ей на голову и убила ее [Petrus Alphonsi].

«Учительную книгу» составил испанский еврей Петр Альфонси (Педро Альфонсо), богослов, астроном, переводчик. До крещения его звали Моисеем Сефарди. Он родился в мусульманской Андалузии, в 1106 г. обратился в христианство, был придворным врачом короля Арагона Альфонса I, написал «Диалог против иудеев», а в конце жизни вместе с тремя соавторами перевел Коран на латынь.

В начале XII в. Петр Альфонси был чуть ли не единственным европейцем, не понаслышке знакомым с философией и наукой исламского мира. Истории о черном слуге Маймунде он, скорее всего, узнал от арабов, хотя само это имя еврейского происхождения.

Довольно скоро тот же мотив появляется в виде скетча – краткой разговорной сценки, предназначавшейся для зарождающегося средневекового театра. Речь идет об анонимном латинском диалоге «Студенты и крестьянин». В некоторых источниках он приписывался некоему Уго Рацеларио или же грамматику и поэту Жоффруа де Винсау (Geoffroy de Vinsauf, конец XII – начало XIII в.) [Lauand, p. 27–29].

Список источников

- Афанасьев А.Н.* Хорошо, да худо // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 140–143.
- Безыменский А.И.* Всё хорошо! // Красная новь. – М., 1937. – № 5. – С. 219–220.
- Минаев Д.М.* Стихотворения и поэмы. – М.: Сов. писатель, 1960. – 447 с.
- Эстрада России. XX век: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2000. – 784 с.
* * *
- Bach et Laverne.* Tout va bien. – Mode of access: http://fr.lyrics.wikia.com/wiki/Bach_et_Laverne/Tout_va_bien (дата обращения: 1.07.2018).
- Grün A.* Botenart. – Mode of access: <http://gedichte1000.de/anastasius-gruen/gedichtband-1837/104.-botenart> (дата обращения: 1.07.2018).
- Lautrec G. de.* Pièce en un acte // La Vie drôle. – Paris, 1893. – 16 décembre. – Mode of access: http://www.dutempsdescerisesauxfeuillesmortes.net/paroles/tout_va_tres_bien_sketch.htm (дата обращения: 1.07.2018).
- Lauand J.* «Tout va très bien, madame la marquise» – as Raízes Medievais do Humor // Revista Internacional d'Humanitats. – Barcelona, 2006. – № 10. – P. 15–30. – Mode of access: hottopos.com/rih10/lauand_a.pdf (дата обращения: 1.07.2018).
- Petrus Alphonsi.* Disciplina clericalis. XXVII. Exemplum de Maimundo servo. – Mode of access: <http://thelatinlibrary.com/alfonsi.disciplina.html> (дата обращения: 1.07.2018).
- Zachariae T.* Die Quelle des Gedichtes «Botenart» von A. Grün // Zachariae T. Kleine Schriften zur indischen Philologie, zur vergleichenden Literaturgeschichte, zur vergleichenden Volkskunde. – Bonn; Leipzig: K. Schroeder, 1920. – S. 191–196.

ВСЕХ НЕ ПЕРЕВЕШАЕШЬ!

Со времени Великой Отечественной выражение «Всех не перевешаешь!» (или: «...не перевешаете!») чаще всего ассоциируется с Зоей Космодемьянской.

Зою нередко именуют партизанкой, хотя она была бойцом регулярной армии, точнее – диверсионно-разведывательной группы. 17 ноября 1941 г. вышел приказ Верховного главнокомандования с требованием «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск», чтобы выгнать немцев «на холод в поле» [Скрытая правда.., с. 211]. Исполняя этот приказ, 28 ноября группа под командованием Б. Крайнова подожгла три дома в деревне Петрищево Верейского (ныне Рузского) района Московской области. В эту группу входила и Зоя. Вечером ее обнаружил и выдал немцам местный житель.

На допросе Зоя называлась Таней и не сообщила врагу никаких сведений, несмотря на многочасовые жестокие избиения. На другой день, перед повешением, Зоя произнесла речь, обращенную к жителям деревни и к немецким солдатам.

Первую запись этой речи сделал, после освобождения Петрищева, корреспондент «Правды» Петр Лидов (выдержки из его записных книжек увидели свет лишь в 1999 г.): «Эй, товарищи!.. Что смотрите невесело?.. Бейте фашистов, жгите, травите! За мою смерть отомстят!..» [Монахов].

В знаменитом очерке Лидова «Таня», опубликованном в «Правде» 27 января, появилось много новых деталей, и прежде всего – многократное упоминание имени Сталина. А в последней речи Тани – т.е. Зои – появились фразы:

– ... Я не одна, нас двести миллионов, всех не перевешаешь. <...> С нами Сталин! Сталин придет!.. [Лидов]

4 февраля 1942 г. жителей Петрищева опрашивала специальная комиссия. В предсмертной речи Зои, включенной в отчет, упоминаний о Сталине нет, а заканчивается речь словами: «...Всех не перевешаешь, нас 170 миллионов» [Москва прифронтовая.., с. 566].

Выражение «Всех не перевешаешь» хорошо известно по крайней мере с начала XIX в. В романе Михаила Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) местная власть приказывает повесить захваченных разбойников.

«Глухой ропот пробежал по всей толпе. <...> ... Местах в трех раздались голоса:

– Как-ста не на виселицу!.. Много будет!.. Всех не перевешаешь!..» (ч. III, гл. 6) [Загоскин, с. 242].

Политическую окраску этот возглас приобрел в годы народовольческого террора, когда впервые после восстания декабристов возобновилась смертная казнь через повешение. 1 марта 1887 г. в Петербурге были арестованы революционеры, готовившие покушение на Александра III, в том числе Александр Ульянов. Несколько дней спустя начальник Симбирского жандармского управления фон Брадке докладывал в столицу: «Когда 5-го марта в г. Симбирске была получена телеграмма Северного агентства о задержании в Петербурге, на Невском, трех студентов тамошнего университета, то эта весть быстро распространилась по городу <...>. Один из служащих в Симбирском отделении государственного банка, прочтя телеграмму, выразился: “Таких людей следовало бы вешать”. Окружающие ответили ему: “Их много, всех не перевешаешь”» [Трофимов, с. 131].

Позднее этот возглас встречался в литературе о революции 1905–1907 гг. и о Гражданской войне – например, в пьесе Всеивлода Иванова «Бронепоезд 14–69» (1927). Можно полагать, что из текстов подобного рода его и узнала Зоя Космодемьянская.

Наконец, в словарь Даля включена поговорка «Наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь». Именно ее имел в виду Лев Толстой в первом варианте «Войны и мира»: «...этих до Москвы не перевешаешь, это все дураки» [Толстой, с. 547].

«Дураки» легко заменялись «родней», например: «Ведь у меня, дитятко, родни до Москвы не перевешаешь» (т.е. очень много)

(А.П. Крюков, «Рассказ моей бабушки», 1832) [Русская историческая..., с. 161].

Как эта поговорка возникла, можно только строить догадки. В России вплоть до первых десятилетий XVIII в. основным способом казни было обезглавливание. Повешение также было нередким, но массовая казнь через повешение не практиковалась. А в 1743 г. императрица Елизавета Петровна заменила смертную казнь за уголовные преступления каторгой.

До революции 1905–1907 гг. массовые повешения применялись лишь в 1774–1775 гг., при подавлении восстания Пугачева. В каждом городе и во множестве деревень, принимавших мятежников, стояли виселицы с повешенными. Для пущей острастки виселицы устанавливали на плоты и пускали по рекам (отсылаю читателя к «Пропущенной главе» «Капитанской дочки»).

Не тогда ли и возникла поговорка о «наших дураках»?

Список источников

- Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 1. – 731 с.
Лидов П.А. Таня // Правда. – М., 1942. – 27 янв. – С. 3.
Монахов В. Она стала героиней. Он – предателем // Парламентская газета. – М., 1999. – 27 нояб. – С. 6.
Москва прифронтовая 1941–1942: архивные документы и материалы. – М.: Моск. учебники, 2001. – 661 с.
Русская историческая повесть первой половины XIX века. – М.: Сов. Россия, 1989. – 365 с.
Скрытая правда войны: 1941 год: неизвестные документы. – М.: Русская книга, 1992. – 380 с.
Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худож. лит., 1949. – Т. 13. – 880 с.
Трофимов Ж.А. Гимназист Владимир Ульянов: Документальные очерки. – Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1976. – 200 с.

ГИМНАСТИКА УМА

В СССР лозунг «Шахматы – гимнастика ума» появился в 1950-е годы. Сперва он был анонимным, но лет десять-пятнадцать спустя стал приписываться – ради вящей убедительности – Ленину.

В конце концов, по-видимому, потребовалось подтверждение достоверности лозунга. И оно появилось в статье Якова Рохлина «Гимнастика ума» (1980). Согласно Рохлину, в сентябре 1920 г. начальник Всеобуча Н. Подвойский решил провести в Москве шахматную олимпиаду. «Что ж, предложение интересное, – заметил Ленин, – ведь шахматы – гимнастика ума» [Рохлин].

Эту историю Рохлин будто бы услышал от А.Ф. Ильина-Женевского, видного большевика и деятеля советского шахматного движения. Ильин-Женевский умер в 1941 г., так что оставалось лишь верить Рохлину, неожиданно вспомнившему столь важный для шахмат эпизод из жизни вождя. На самом деле эта история была мистификацией Рохлина [Авербах, с. 25]. Как заметил другой шахматный журналист, Виктор Хенкин, «это вранье на протяжении многих советских лет приносило шахматам заметную пользу» [Хенкин, с. 385].

«Гимнастикой ума» шахматы назвали, по-видимому, в Англии. В 1803 г. член Лондонского шахматного клуба Питер Пратт (ок. 1770 – ок. 1835) издал книгу «Изучение шахмат», выдержавшую шесть изданий. Предисловие начиналось словами: «Шахматы – наиболее изысканная из всех игр <...>. ...По своей сущности это гимнастика ума (a gymnasium of the mind)» [Pratt, vol. 1, p. III].

6 мая 1853 г. в Манчестере состоялся учредительный съезд Шахматной ассоциации Северной и Центральной Англии. Торжественный ужин по случаю съезда открыл Чарлз Аллен Дювал, ху-

дожник-портретист и председатель Манчестерского шахматного клуба. В этом спиче Дювал назвал шахматы «не только гимнастикой ума, но и гимнастикой духа (not merely mental, but also moral gymnastics)» [Chess Meeting., р. 183]. Надо полагать, что для него, как истинного британца, «гимнастика духа» была едва ли не важнее «гимнастики ума».

Изложение речи Дювала опубликовали основные шахматные журналы Британии и США, однако формула «Шахматы – гимнастика ума» в англоязычных странах не привилась.

В Германии «гимнастикой ума» с конца XVIII в. именовали логику [Schmid, S. 126], математику и древние языки, т.е. основу классического гимназического образования.

В России П.Д. Лодий в 1815 г. называет «гимнастикой умов» логику и математику [Лодий, с. 123]. В 1839 г. рецензент «Отечественных записок» замечает: «Изучение грамматики классических языков – гимнастика для детского ума» [Современная.., с. 68].

С середины XIX в., вместе с внедрением системы классического образования, это определение чаще всего применялось к древним языкам. Князь А.И. Васильчиков писал в открытом письме министру просвещения Д.А. Толстому (1875): «...не следует воображать себе, что это гимнастика тела, называемая по-английски спортом, и другая гимнастика ума, именуемая классицизмом, были достаточны для того, чтобы создать твердый слой аристократического общества, по примеру английского, и в этом отношении, граф, Вы точно так же ошибаетесь, как ошибаются другие, думая найти в латинских и греческих авторах противодействие антисоциальным и демагогическим учениям» [Васильчиков, с. 16–17].

В последние десятилетия XIX в. «гимнастика ума» стала в России синонимом гимназической зубрежки. «В моду вошла не совсем удобопонятная фраза: *гимнастика ума*, – сокрушался писатель Е.А. Салиас-де-Турнемир в 1878 г. <...> Как следствие такой фразы, является решение заставить и девушки зубрить латинскую и греческую грамматику, учить алгебру и высшую математику, – и это в ущерб всему прочему...» [Салиас-де-Турнемир, с. 751].

Так же смотрел на гимназическую «гимнастику ума» Дмитрий Мережковский. В его поэме «Старинные октавы» (1910), читаем:

Потратили мы чуть не целый год,
Чтобы понять отличье *quiñ* и *quod*;
А говорить по-русски не умели. <...>
Гимнастика ума – полезный труд,
Направленный к одной великой цели:
Нам выправку казенную дадут
Для русского чиновничьего строя,
Бумаг, служебных дел и геморроя.

(Строфы ХС–ХСІ) [Мережковский, с. 622–623].

В советское время лозунг «Математика – это гимнастика ума» цитировался со ссылкой на «всесоюзного старосту» М.И. Калинина, который употребил это выражение в беседе со школьниками [Калинин, с. 128]. И именно это значение «гимнастики ума» – наиболее древнее.

Сама эта формула принадлежит знаменитому афинскому оратору Исократу, назвавшему математику «гимнастикой ума и приготовлением к философии» (речь «Об обмене имуществом», 353 г. до н.э.; пер. В. Боруховича) [Исократ, с. 241].

Тут можно вспомнить еще одно изречение, памятное тем, кто учился в советской школе: «А математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит». На школьных плакатах эти слова по сей день снабжаются подписью «Ломоносов». Однако перед нами такой же апокриф, как и «ленинское» определение шахмат.

Ранний известный нам случай цитирования этого «ломоносовского» изречения относится к 1957 г. [Попова, с. 40]. В «Истории арифметики» (1959) советского педагога Ивана Яковлевича Депмана (1885–1970) оно приведено как цитата из объяснительной записки Ломоносова к программе Сухопутного шляхетского кадетского корпуса [Депман, с. 246]. Этую записку Депман будто бы отыскал в архиве, однако точной архивной ссылки не привел. И по сей день о такой записке великого ученого ничего не известно.

Список источников

Авербах Ю. Герой своего времени // 64 – Шахматное обозрение. – М., 2003. – № 1. – С. 24–25.

- Васильчиков А.И.* Письмо Министру народного просвещения графу Толстому. – Берлин: B. Behr's Buchhandlung, 1875. – 49 с.
- Депман И.Я.* История арифметики: Пособие для учителей. – М.: Учпедгиз, 1959. – 423 с.
- Исократ.* Об обмене имуществом [окончание] // Вестник древней истории. – М., 1968. – № 3. – С. 223–250.
- Калинин М.И.* О коммунистическом воспитании и обучении: Сб. статей и речей. 1924–1945 гг. – М.; Л.: Акад. пед. наук РСФСР, 1948. – 232 с.
- Лодий П.Д.* Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. – XXXIX, 480 с.
- Мережковский Д.С.* Старинные октавы (Octaves du passé) // *Мережковский Д.С.* Собр. соч.: В 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 602–655.
- Попова Н.С.* В защиту так называемого «аналитического метода» решения задач // Математика в школе. – М., 1957. – № 3. – С. 30–40.
- Рохлин Я.Г.* Гимнастика ума // Шахматы в СССР. – М., 1980. – № 4. – С. 1.
- Салиас-де-Турнемир Е.А.* Теперь и прежде: Письмо в редакцию по поводу драматических представлений Эрнеста Росси // Вестник Европы. – СПб., 1877. – Кн. 6. – С. 747–780. – (Подпись: Е.Т.***)
- Современная библиографическая хроника: Русские книги // Отечественные записки. – СПб., 1839. – Т. 5, № 9. – С. 1–89 (7-я паг.).
- Хенкин В.Л.* Со своей колокольни // Корчной В.Л. Шахматы без пощады. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. – С. 346–403.
- * * *
- Chess Meeting in Manchester // The Chess Player's Chronicle. – London, 1853. – Vol. 1. – P. 180–190.
- Pratt P.* Studies of Chess: containing Caissa, A Poem, by Sir William Jones; a Systematic Introduction to the Game; and the Whole Analysis of Chess by Philidor. – London: Bagster, 1803. – Vol. 1. – IX, 271 p.; Vol. 2. – 267 p.
- Schmid Ch.H.* Abriß der Gelehrsamkeit für encyklopädische Vorlesungen. – Berlin: Himburg, 1783. – 484 S.

ГЛАВНОЕ – НЕ ПОБЕДА, А УЧАСТИЕ

В приветствии барона Пьера де Кубертена устроителям Олимпийских игр в Лос-Анджелесе 1932 г. говорилось: «В этих Олимпийских играх главное не победить, но принять в них участие» (в оригинале по-французски: «...c'est moins d'y gagner que d'y prendre part»). На церемонии открытия Игр, состоявшейся 30 июля, эти слова были помещены на табло стадиона: «The important thing in these Olympiads is less to win than to take part in them» [Young, p. 22].

Четыре года спустя, открывая Олимпийские игры в Берлине, Кубертен заявил: «В Олимпийских играх важна не победа, а участие». Хозяева Берлинской Олимпиады 1936 г. так не думали. Безговорочная победа Германии по общему количеству медалей и по золотым медалям стала подарком для нацистской пропаганды.

Но история лозунга «Главное – не победа, а участие» гораздо старше. За 28 лет до Берлинской Олимпиады, на банкете в честь официального открытия Олимпийских игр в Лондоне 24 июля 1908 г., Кубертен говорил: «В жизни важна не победа, но борьба; главное – не выиграть, но достойно бороться» [Rees, p. 164]. При этом он сослался на проповедь американского католического епископа Энгелберта Толбота в соборе Св. Петра, прочитанную несколько днями раньше, 19 июля. (Поэтому, кстати сказать, лозунг «Главное – не победа, а участие» нередко приписывается Толботу.)

О чем же проповедовал Толбот? «Эти Игры сами по себе лучше, чем состязание и приз. Св. Павел говорит нам, насколько маловажен сам приз. Наш приз не подвержен тлению – он нетле-

нен, и хотя лишь один будет увенчан лаврами, все должны получить равное удовольствие от соревнования» [Young, p. 18].

Было бы странно думать, что епископ нетвердо знал Писание, но факт остается фактом: у Павла и речи нет ни об «удовольствии», ни о маловажности приза. Апостол говорил нечто совершенно иное (1-е послание Коринфянам, 24–26):

«Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить.

Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного.

И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух <...>».

Эти слова следует пояснить. «Венцом тленным» озабочены атлеты-олимпийцы, для которых «воздержание от всего» есть часть спортивной подготовки; о «венце нетленном» (т.е. о спасении души и Царстве Небесном) думают христиане и, подобно атлетам, напрягают усилия, чтобы его получить. В последнем фрагменте речь идет о кулачных боях, включавшихся в программу античных Олимпийских игр.

Но и это еще не все. В 1894 г. Кубертен приехал в Афины, чтобы убедить греков принять у себя первые Олимпийские игры Нового времени. Греки сомневались – отчасти по финансовым причинам, отчасти опасаясь оказаться в положении мальчиков для битья на олимпийских аренах. 18 ноября, выступая в Парнасском литературном обществе в Афинах, Кубертен сказал: «Здесь приносит стыд не поражение, но отказ от борьбы» [Young, p. 19].

А это, как заметил американский исследователь Дэвид Янг [Young, p. 20], – не что иное, как вариант строки из поэмы Овидия «Метаморфозы», IX, 6:

Net tam turpe fuit vinci quam contendisse decorum est.

Меньше в моем пораженье стыда, чем в боренье – почета.

(Пер. С. Шервинского) [Овидий, 2:189]

У Овидия эти слова произносит речной бог Ахелой, который сватался к царевне Деянире одновременно с Гераклом. В схватке с Гераклом он принял образ быка, однако Геракл победил его, обломав противнику один рог.

Кубертен, напоминает Д. Янг, учился в иезуитской школе, где древние языки были главными дисциплинами, а Овидий – обязательной частью изучения латыни [Young, p. 21].

Список источников

Овидий (Публий Овидий Назон). Собр. соч.: В 2 т. – СПб.: Студия биографика, 1994. – Т. 2. – 527 с.

* * *

Rees N. Brewer's Famous Quotations. – London: Weidenfeld and Nicolson, 2006. – 568 p.

Young D.C. On The Source of the Olympic Credo // OLYMPIKA: The International Journal of Olympic Studies. – London; Ontario, 1994. – Vol. 3. – P. 17–25.

ГОСУДАРСТВО – ЭТО Я

В 1653 г. во Франции закончилась Фронда – пятилетняя гражданская война, в которой знать, провинции и города боролись против правительства кардинала Мазарини. К Фронде примкнули лучшие французские полководцы, ее вожди получили поддержку у Испании и Англии, тем не менее королевская власть победила. Победа обошлась дорого: считается, что население Франции за эти годы уменьшилось на десять процентов.

7 июня 1654 г. в Реймсе был коронован 15-летний Людовик XIV, однако страной по-прежнему правил Мазарини. Он продолжил изнурительную войну с Испанией – мировой державой той эпохи. Чтобы пополнить опустевшую казну, было подготовлено 17 указов о новых налогах и сборах – в том числе за крещение и похороны. 20 марта 1655 г. Парижский парламент в присутствии юного короля зарегистрировал эти указы. (Слово «парламент» не должно вводить в заблуждение: тогдашний парламент был высшей судебной палатой, и указы он зарегистрировал без обсуждения, согласно правилу «Когда государь прибывает, судьи молчат».)

Однако недовольство указами было так велико, что 13 апреля парламент собрался снова, намереваясь признать их регистрацию незаконной. Именно так семью годами ранее началась Фронда. Парижский парламент, в котором заседали представители дворянства, духовенства и горожан, в годы Фронды был оплотом оппозиции.

Людовик явился в парламент и, когда один из членов парламента употребил формулу «король и государство», король будто бы перебил его словами: «Государство – это я (L'État, c'est moi)». Эта версия приведена в «Секретных мемуарах» историка Шарля

Дюкло (1704–1772), опубликованных в 1791 г. [Duclos, p. 44]. Именно здесь знаменитая фраза появилась впервые.

По другой версии, возникшей уже в XIX в., юный Людовик явился в зал заседаний в охотничьем платье, высоких сапогах и с плеткой в руке, а когда председатель парламента стал говорить о «высших интересах государства», король заявил: «Государство – это я» [Guerlac, p. 261; Geflügelte Worte, S. 398].

В протоколе заседаний этих слов нет. Верно лишь то, что король приехал из Венсенского замка, где он часто охотился, и заявил, что не потерпит обсуждения уже зарегистрированных указов. Этим дело и кончилось; новой Фронды никто не хотел. Одеяние короля соответствовало серьезности момента, тем более что перед тем он, согласно обычаю, молился в часовне Сен-Шапель [Alexandre, p. 73].

Об охотничьем костюме и плецке написал, ради большего эффекта, Вольтер в своем знаменитом труде «Век Людовика XIV» (1751), но фразы «Государство – это я» у Вольтера мы не найдем [Boudet, p. 380]. Не упоминают о ней и мемуаристы. Предание об этой фразе недостоверно уже потому, что вплоть до 1661 г. Францией правил кардинал Мазарини, регент при юном Людовике. Согласно «Мемуарам» аббата Шуази (1644–1724), на другой день после смерти Мазарини архиепископ Руана сказал королю: «Государь, я имею честь председательствовать в собрании духовенства Вашего королевства. Ваше Величество приказывало мне обращаться по всем делам к господину кардиналу; и вот он умер. К кому Вы желаете, чтобы я обращался в будущем?» – «Ко мне (A moi), господин архиепископ», – ответил король [Choisy, p. 124].

И все же легендарная фраза совершенно точно выражала суть абсолютной монархии. В 1679 г. Жак Боссюэ, самый известный проповедник того времени, по поручению Людовика XIV написал «краткий курс» политической мудрости для наследника престола – «Политика, извлеченная из Священного Писания». Здесь говорилось: «Королевское Величество есть образ величия Бога в лице государя. Бог бесконечен, Бог есть все. Государь, когда он выступает в качестве государя, не частное, но публичное лицо. Все государство – в нем (tout l'état est en lui); желания всего народа содержатся в его желаниях» (кн. V, ст. 4, постулат 1: «Что такое королевское величие») [Bossue, p. 209].

Двумя годами ранее (1677) в Амстердаме был посмертно опубликован «Политический трактат» Бенедикта Спинозы. Здесь говорилось: «Воля царя есть само гражданское право, и царь – само государство» (VII, 25; пер. С. Роговина и Б. Чредина) [Спиноза, с. 291].

Несколько позднее под редакцией Ж.Б. Кольбера был составлен курс государственного права, предназначавшийся для наследника престола. Здесь утверждалось: «Франция – монархическое государство во всей полноте этого слова. Король представляет здесь всю нацию. <...> Нация сама по себе не существует во Франции. Она целиком сосредоточена в особе короля». [Lémontey P.-E., p. 327].

По-видимому, легендарная фраза Людовика XIV вошла в политический язык после реставрации Бурбонов, в ходе обсуждения проекта конституционной хартии (1814). Аббат Анри Грегуар, умеренный республиканец, в памфлете «О Французской конституции 1814 года» писал: «Людовик XIV говорил во всеуслышание: “Государство – это я”; они [политические карьеристы] говорят шепотом: “Отечество – это я”» [Grégoire, p. 27]. Барон Л.П.Э. Биньон тогда же писал: «Упаси Бог, чтобы Бурбоны перестали быть Бурbonами; но <...> [ныне] они говорят мне больше, чем мог бы сказать один из их предков: государство – это я. Как конституционные короли, они скажут: государство – это нация и я <...>» [Bignon, p. 394].

Наполеон-изгнаник задним числом применил знаменитую формулу к себе самому. О времени после своего прихода к власти он говорил: «Начиная с этого дня <...> государство стало мною»; «Государство – это был я» («...l’État ce fut moi», «l’État c’était moi») (в записи Э. Лас Казеса 2 и 7 сентября 1816 г.) [Las Cases, p. 454, 465].

Со второй половины XIX в. формуле «Государство – это я» нередко противопоставлялась формула «Государство – это мы» (или: «...вы»).

Фердинанд Лассаль, обращаясь к немецким рабочим, писал: «Государство – это вы!» («Гласный ответ» Центральному Комитету по созыву общеменецкого рабочего конгресса в Лейпциге, февраль 1864) [Лассаль, с. 79].

В 1877 г. известный французский проповедник Гиацинт Луазон («отец Гиацинта») заявил: «Людовик XIV сказал: “Государство –

это я!” Сегодня мы говорим: “Государство – это мы!”» (речь «Моральный кризис», прочитанная в Зимнем цирке в Париже) [Loyson, p. 1062].

После опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. Борис Сыромятников, историк права и либеральный общественный деятель, писал: «Прежде <...> “король-солнце” мог сказать классические слова: “Государство это – я!”, напротив, теперь народные представители с не меньшим правом провозглашают: “Государство это – мы!”» [Сыромятников].

Вскоре после Февральской революции А.Ф. Керенский говорил: «Мы – не собрание усталых людей, мы – государство» (речь к делегатам с фронта 9 апреля 1917 г.) [Керенский, с. 63].

В советское время формула «Государство – это мы» цитировалась исключительно как ленинская. В политическом отчете ЦК XI съезду РКП (б) 27 марта 1922 г. Ленин заявил: «...Когда мы говорим “государство”, то государство это – мы, это – пролетариат, это – авангард рабочего класса»; «государство это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы» [Ленин, т. 45, с. 85]. Эта мысль повторена в заключительном слове Ленина по отчету ЦК 28 марта [Ленин, т. 45, с. 119]. Месяцем раньше Ленин писал наркому юстиции Д.И. Курскому: «...Мы признаем и будем признавать лишь государственный капитализм, а государство, это – мы, мы, сознательные рабочие, мы, коммунисты» («О задачах Наркомюста...», 20 февраля 1922) [Ленин, т. 45, с. 119].

Здесь, по существу, советское государство отождествлялось уже не снацией или ее парламентскими представителями, а с компартией. Без обиняков эту мысль выразил Сталин в набросках к не опубликованной при его жизни работе: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского» («О политической стратегии и тактике русских коммунистов: Набросок плана брошюры» (июль 1921; опубл. в 1949 г.), разд. II, 7) [Сталин, т. 5, с. 71].

Список источников

Керенский А.Ф. Речи о революции. – Пг.: Копейка, 1917. – 64 с.

Лассаль Ф. Сочинения: В 3 т. – СПб.: Н. Глаголев, 1908. – Т. 2. – 448 с.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1958–1965. – Т. 1–55.

Спиноза Б. Сочинения: В 2 т. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 2. – 629 с.

Сталин И.В. Сочинения. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946–1951. – Т. 1–13.

Сыромятников Б.И. Неославянофильство и русские люди // Русские ведомости. – М., 1905. – 8 нояб. – С. 2.

* * *

Alexandre R. Les mots qui restent. – Paris: E. Bouillon, 1901. – 244 p.

Bignon L.-P.-E. Exposé comparatif de l'état financier militaire, politique et morale de la France et des principales puissances de l'Europe. – Paris: Le Nornan, 1814. – 504 p.

Bossue J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture-Sainte. – Bruxelles: J. Leonard, 1710. – Part. I. – 248 p.

Boudet J. Les Mots de l'histoire. – Paris: Robert Laffont, 1990. – 1415 p.

Choisy F.-T., abbé de. Memoires pour servir a l'histoire de Louis XIV. – Cinquième Edition. – Utrecht: Wan-de-Water, 1727. – T. 1. – 199 p.

Duclos C.-P. Mémoires secrets sur les regnes de Louis XIV et de Louis XV. – Lausanne: J. Maurer, 1791. – T. 1. – 443 p.

Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein, 2001. – 650 S.

Grégoire H. De la constitution française de l'an 1814. – Paris: A. Egron, 1814. – 30 p.

Guerlac O. Les citations françaises: Recueil de passages célèbres, phrases familières, mot's historiques. – Paris: Armand Colin, 1954. – 459 p.

Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène. – Paris: Le Seuil, 1968. – 733 p.

Lémontey P.-E. Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV. – Paris, 1818. – 483 p.

Loysen H. La crise morale // Revue politique et littéraire: revue bleue. – Paris, 1877. – № 45, 5 mai. – P. 1058–1065.

ГРАНИТ НАУКИ

11 октября 1922 г. Лев Троцкий выступил на V Всероссийском съезде РКСМ. «Наука, – объяснял он комсомольцам, – не простая вещь, и общественная наука в том числе, – это гранит, и его надо грызть молодыми зубами». И далее: «Я обращаюсь к вам и через вас ко всем наиболее чутким, наиболее честным, наиболее сознательным слоям молодого пролетариата и передового крестьянства с призывом: учитесь, грызите молодыми зубами гранит науки, закаляйтесь и готовьтесь на смену» [Троцкий, с. 239].

Этот оборот сразу же получил значение лозунга. Всего неделю спустя, 18 октября, в «Правде» появилась статья И. Степанова «Молодые зубы, гранит и наука». Поэт и переводчик Семен Липкин, которому тогда было 11 лет, в мемуарной повести «Квадрига» вспоминает о школьной тетрадке, на зеленой обложке которой густо чернела голова Троцкого, а под ней изречение: «Грызите молодыми зубами гранит науки» [Липкин, с. 252].

В 1923 г. лефовец Сергей Третьяков сочинил свой вариант песни «Молодая гвардия», весьма популярный в 20–30-е годы; лозунг Троцкого здесь стал двустишием:

Упорною учебою
Грызем наук гранит [Русская поэзия.., с. 193].

А в песенном сборнике 1924 г. находим частушку:

Троцкий дал такой наказ:
«Грызть гранит науки!»
Разом выполним его,
Взявшись за «каз-буки» [Песни.., с. 180].

Тут под «наукой» уж точно не имелись в виду науки, преподаваемые в университетах.

В исходной цитате из Троцкого слова «грызть» и «гранит» разнесены; поставленные рядом, они создают яркий фонетический образ: «грызть гранит». Именно это и обеспечило формуле долгую жизнь.

Летом 1925 г. Николай Устрялов, бывший кадет, а затем отец-основатель «сменовеховства» и «национал-большевизма», посетил Москву после семилетнего перерыва. В очерке «У окна вагона» (1926) он писал:

«Наше старое студенчество в общей его массе не умело так жадно тянуться к учению, как нынешнее. <...> Не то теперешняя университетская молодежь. <...> Для нее “учеба” – категорический императив. “Грызть гранит науки молодыми зубами” – это не только долг: это и наслаждение, и потребность, это “зов природы”, это боевое знамя, это подвиг. Но самый образ – “гранит” и “зубы” – не случаен: легко ли грызть гранит зубами, хотя бы и “молодыми”?» [Устрялов, с. 41–42].

В это время Устрялов преподавал в Харбинском университете, одновременно работая в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1937 г. он был расстрелян за «шпионаж и контрреволюционную деятельность».

В 1927 г. в Харбине вышла, без указания автора, большая ироническая поэма «Епафрордит». Ее написал Николай Сетницкий – экономист, статистик, философ, член одесского поэтического кружка, в котором участвовали Э. Багрицкий, В. Катаев, Ю. Олеша. С 1925 по 1935 год Сетницкий служил в Харбине в Экономическом бюро КВЖД, где сблизился с Устряловым; вместе с Устряловым он преподавал в Харбинском университете. Лозунг Троцкого особого сочувствия в нем не вызвал:

Мы говорим: «Гранит науки
Грызи, благая молодежь!
Грызи, пока не изгрызешь».
И многие грызут до муки.
Но пробирает вчуже дрожь.
Вожди зафанфаронят в трубы,
Глядишь, и хватят через край;
Науки и нужны и любы –
Что выдержит: гранит иль зубы?
Боюсь, дантистам будет рай [Сетницкий, с. 170].

Сетницкий был расстрелян в 1937 г. (почти одновременно с Устряловым) как «изменник Родины» и «японский шпион».

В начале тридцатых поэт Демьян Бедный попробовал заменить выражение Троцкого сталинским, используя те же аргументы, что и Сетницкий: «Разве это не внутренне порочный, пораженный, не безнадежный лозунг? Всякому ясно, что гранита зубами не угрьзешь. <...> Нет уж, грызи гранит сам! Сравните это с обращением т. Сталина. Он говорит молодежи: “Учитесь, стиснув зубы!” Стиснув зубы, т.е. с максимальным волевым напряжением. Грызите не гранит, а науку, не зубами, а мозгами! Вот где разница тона. А тон делает музыку» (речь 2 января 1931 г. на партконференции Ленинского района Москвы) [Бедный, с. 221].

«Учиться, стиснув зубы», Сталин призывал в речи на XIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. [Душенко, с. 307]. Старания Бедного пропали втуне: выкинуть «гранит науки» из языка не удалось.

Не оставил без внимания формулу Троцкого философ-эмигрант Георгий Федотов. В «Письмах о русской культуре», опубликованных в 1938 г. в журнале «Русские записки», он язвительно замечал: «Поколение, воспитанное революцией, с энергией и даже яростью борется за жизнь, вгрызается зубами не только в гранит науки, но и в горло своего конкурента-товарища» [Федотов, с. 241].

Лидер эсеров Виктор Чернов, рассказывая о событиях 1899 г., приводит фразу: «Грызут гранит науки по германским университетам» [Чернов, с. 186]. Соответствующая глава его мемуаров «Перед бурей» так и называется: «“Грызуны науки” в германских университетах». Однако эту книгу Чернов, умерший в 1952 г., писал в последние годы жизни, так что тут мы имеем дело с явной аберрацией памяти.

Утратив авторство, формула Троцкого стала русским фразеологизмом.

Список источников

Бедный Д. Полн. собр. соч. – М.: Гос. изд-во, 1932. – Т. 18. – 226 с.

Душенко К.В. Цитаты из русской истории. – М.: ЭКСМО, 2005. – 624 с.

Липкин С. Квадрига: Повесть. Мемуары. – М.: Книжный сад: Аграф, 1997. – 638 с.

- Песни работницы и крестьянки: Сб. стихотворений / Сост. Е. Окулова. – М.: Земля и Фабрика, 1925. – 207 с. – (1-е изд.: 1924).
- Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней / Сост. И.С. Ежов, Е.И. Шамурин. – М.: Новая Москва, 1925. – 671 с.
- [Сетницкий Н.А.] Епафродит: Эпопея. – [Харбин]: [б. и.], 1927. – 244 с.
- Троцкий Л. Поколение Октября. – Пг.; М.: Военная тип. Штаба РККА, 1924. – 252 с.
- Устрилов Н.В. У окна вагона: (Москва – Харбин) // Новая Россия. – М., 1926. – № 2. – С. 31–48.
- Федотов Г.П. Письма о русской культуре. I. Русский человек // Русские записки. – Париж, 1938. – № 3. – С. 239–260.
- Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. – М.: Межд. отношения, 1993. – 408 с.

ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ

Известность во всем мире эта поговорка получила благодаря Рональду Рейгану. 8 декабря 1987 г. он встретился с Горбачевым в Белом доме, чтобы подписать Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Президент США заметил: «Мы должны следовать старой русской пословице <...>: “доверьай, но проверяй” – “trust, but verify”». Горбачев ответил: «Вы повторяете это на каждой встрече» [Remarks...].

Два года спустя, 11 января 1989 г., Рейган выступил в Белом доме с прощальным обращением к нации. Он говорил: «Мне кажется, что президент Горбачев отличается от предыдущих советских лидеров. <...> Я хочу, чтобы это новое сближение продолжалось». А затем добавил: «Но подход остается прежним: доверяй, но проверяй. Игра продолжается, но нужно хорошенько тасовать карты» («It's still trust but verify; it's still play but cut the cards») [Shafritz, p. 209].

По одной из версий русскую поговорку подсказала Рейгану Сузанн Масси (S. Massie), автор книг о русской культуре. В 20-й серии документального телефильма «Холодная война» (1998) Масси утверждала, что во время одной из своих встреч с Рейганом она сказала ему: «Русские любят говорить поговорками, и вам было бы полезно знать несколько из них. Вы актер – вы быстро их выучите». Одной из таких поговорок была «Доверяй, но проверяй» [Trust, but verify].

Однако история фразы «Doveryai, no proveryai» не настолько проста. Прежде всего заметим, что в 1980-е годы в английском языке уже существовало поговорочное выражение «Trust everybody; but always cut the cards» – «Доверяй всем, но всегда хо-

шенько тасуй карты». (В современных англо-русских словарях оно переводится как «Доверяй, но проверяй».) Эта мудрость устойчиво, хотя и безосновательно, приписывается американскому писателю-сатирику Финли Питеру Данну (1867–1936). А ее ранняя форма существовала уже в начале XX века: «Полагайся на Провидение, но всегда хорошенъко тасуй карты» [Erdnase, p. 109].

Однако важнее другое: по-видимому, «русскую поговорку Рейгана» первым ввел в английский язык француз. Речь идет о журналистке и советологе Мишеле Татю (1933–2012), который в хрущевское время (1957–1964) был московским корреспондентом парижской газеты *«Le Monde»*. В американском журнале «Вопросы коммунизма» за 1966 год появилась статья Татю «Советские реформы: дискуссия продолжается». Здесь цитировался «хрущевский девиз»: «“Trust but verify” (*dovierat no provierat*)» [Tatu, p. 31].

Два года спустя тот же «хрущевский девиз» (*«dovierat no provierat»*) привел американский советолог Ричард Литтл в книге «Либерализация в СССР: фасад или реальность?» (1968) [Little, p. 57].

В опубликованных выступлениях Хрущева это выражение, по-видимому, не встречалось. В англоязычных справочниках выражение «Доверять, но проверять» обычно приписывается Ленину. На самом деле при жизни Ленина эта поговорка еще не существовала. Зато о необходимости «проверять» вождь говорил много-кратно:

«Не верить на слово, проверять строжайше – вот лозунг марксистов-рабочих» («Об авантюризме», 1914); «Искать людей, проверять работу – в этом все» (записка А.Д. Цурюпе от 21 февраля 1922 г.); «Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела – <...> в этом теперь гвоздь всей работы» («О международном и внутреннем положении Советской республики», речь 6 марта 1922 г.) [Ленин, т. 25, с. 220; т. 44, с. 369; т. 45, с. 16].

Отдаленный прообраз политической формулы «Доверяй, но проверяй» мы находим в «Правде» от 21 января за 1925 год. В опубликованных здесь воспоминаниях С. Тимофеева «Два урока» автор так излагает «второй урок», вынесенный им из общения с Лениным: «...Проверяй все, что сомнительно <...>. Если нужно, то проверяй и самого себя и доверяй только фактам» [Тимофеев].

А весной 1938 г., на исходе сталинского Большого террора, когда руководящие кадры катастрофически поредели, появился принцип кадровой политики «доверяй и проверяй»:

«Основная задача – смелее выдвигать новые кадры партийных и непартийных большевиков, помогать им в работе, доверяя им и проверяя их работу <...>» [Смирнов, с. 31].

«И директор, и главный инженер осуществляют принцип: доверять и проверять людей на работе <...>» [Галин].

Передовая статья «Правды» от 2 июля 1938 г. была озаглавлена «Большевистский стиль работы – доверять и проверять». Здесь отмечалось, что «только враг заинтересован в распространении теории и практики огульного недоверия». И далее: «Доверяй и одновременно проверяй, контролируй, оказывай вовремя помошь, поощряй инициативу – вот верный путь большевистского воспитания». Весьма характерно, что в передовице дважды повторен оборот «излишняя подозрительность» (курсив мой. – К.Д.). «Здоровое недоверие» (если воспользоваться сталинским выражением [см.: Душенко, с. 328]) поощрялось по-прежнему.

Почти сразу же новый оборот партийного языка проник в литературу. Осенью 1938 г. был опубликован роман Глеба Алехина «Неуч». Славословия Сталину перемежаются здесь разоблачениями вредителей и троцкистов. «Неуч»-рабочий, осваивая 30-томное собрание сочинений Ленина, доходит до 29-го тома:

«На 469-й странице я прочитал, что среди некоторых специалистов “долго еще будут сомнения, неуверенность, подсиживание, изменения и проч.” Другими словами: доверяй и проверяй; счастья жди, а сам бди.

– Опять борьба! – сказал я друзьям <...>» [Алехин, № 11, с. 48 (гл. 25)].

В пьесе Михаила Чумандрина о классовой борьбе с кулачеством («Бикин впадает в Уссури», 1939) главный герой обращается к менее опытному товарищу со словами: «...Парень, доверяй, но проверяй» [Чумандрин, с. 78 (акт III, карт. 5)].

Возможно, известности оборота способствовала 2-я серия популярного кинофильма «Большая жизнь» (сценарий П.Ф. Нилина, режиссер Л. Луков), где говорится: «Первое правило: доверяй, но проверяй». Фильм, снятый в 1946 г., был сочен идеологически ошибочным и на экраны вышел только в 1958 г.

В хрущевское (и постхрущевское) время оборот «Доверяй, но проверяй» продолжал существовать и как обычный речевой оборот и как формула партийного и вообще «начальственного» языка. Именно в этом качестве он выступает в первой редакции повести братьев Стругацких «Сказка о Тройке» (1967): «...Товарищ Голый, администратор опытный, искушенный в принципе “доверяй, но проверяй”, навел справки о гражданине Ойре-Ойре Р.П.» [Стругацкий А., Стругацкий Б., с. 250]. Вероятно, поэтому Мишель Татту и назвал этот принцип «хрущевским девизом».

История с «русской поговоркой Рейгана» имела продолжение в наше время. 14 сентября 2013 г. госсекретарь Джон Керри выступил на пресс-конференции в Женеве. Он сообщил, что после инцидента с применением химического оружия в Гуте (Сирия) США и Россия договорились о создании механизма для утилизации сирийского химического оружия. Однако, продолжал он, «старая поговорка президента Рейгана “доверяй, но проверяй” <...> требует корректировки. И мы здесь решили придерживаться правила: “Проверяй и еще раз проверяй” (“verify and verify”)» [Chu].

Как это нередко бывает, у современной поговорки обнаруживается предшественник на латыни, причем тоже рифмованный: «*Fide et diffide*» – «Верь и не доверяй». Такой была надпись к эмблеме с изображением лисицы на тонком льду, помещенная в книге немецкого гуманиста Иоахима Камерария Младшего «Символы и эмблемы» (кн. II, 1595) [Махов, с. 89].

Список источников

- Галин Б. Инженеры: [Очерк] // Правда. – М., 1938. – 4 апр. – С. 4.
- Алехин Г. Неуч: Роман // Звезда. – Л., 1938. – № 10. – С. 62–117; № 11. – С. 10–49.
- Душенко К.В. Цитаты из русской истории. – М.: ЭКСМО, 2005. – 624 с.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1958–1965. – Т. 1–55.
- Махов А.Е. Эмблематика Иоахима Камерария: от природы к человеку // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре / Махов А.Е. (ред.). – М.: Intrada, 2016. – С. 75–96.
- Смирнов М. Боевые задачи советской торговли в 1938 году // Большевик. – М., 1938. – № 5. – С. 30–40.
- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. – М.: ЭКСМО, 2008. – 717 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

Тимофеев С. Два урока // Правда. – М., 1925. – 21 янв. – С. 6.

Чумандрин М. Бикин впадает в Уссури: Пьеса в 5 актах, 8 карт. – Л.; М.: Искусство, 1940. – 140 с.

* * *

Chu H.U.S., Russia agree on a disposal plan for Syria's chemical weapons // Los Angeles Times. – Los Angeles, 2013. – Sept. 15. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Trust,_but_verify#cite_ref-8 (дата обращения: 21.02.2018).

Erdnase S.W. Artifice, Ruse and Subterfuge at the Card Table: A Treatise on the Science and Art of Manipulating Cards. – Chicago: K.C. Card, 1902. – 205 p.

Little R.D. Liberalization in the USSR: Facade or Reality? – Lexington (Mass.): D.C. Heath, 1968. – 135 p.

Remarks on Signing the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty. – Mode of access: <https://www.reaganlibrary.gov/research/speeches/120887c> (дата обращения: 21.02.2018).

Shafritz J.M. Words on War: Military Quotations from Ancient Times to the Present. – New York: Prentice Hall, 1990. – 559 p.

Tatu M. Soviet Reforms: The Debate Goes On // Problems of Communism. – 1966. – № 1 (January). – P. 28–34.

Trust, but verify. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Trust,_but_verify (дата обращения: 21.02.2018).

ДОКАЗЫВАЙ, ЧТО ТЫ НЕ ВЕРБЛЮД

В 1975 г. зрители очередного выпуска «Кабачка 13 стульев» увидели сценку, в которой пан Гималайский привозит верблюда для местного цирка, вместе с сопроводительным письмом: «Направляем в ваш цирк двугорбого верблюда и с ним Гималайского...» После чего от Гималайского стали требовать справку, что он не верблюд.

К тому времени формула «доказывай, что ты не верблюд» успела стать идиомой, и далеко не каждому была известна ее родословная. Как поясняет литературовед Александр Жолковский, это «концовка популярного анекдота сталинских времен»:

«Бегут лисы (зайцы) через границу СССР. Их спрашивают:
– Почему вы убегаете?
– Потому что будут арестовывать всех верблюдов.
– Но вы же не верблюды?
– Так поди докажи НКВД, что ты не верблюд!» [Жолковский, с. 16].

Анекдот восходит к персидской басне XII века. Считается, что впервые она была изложена поэтом Анвари (1126–1189) (цитировано по английскому прозаическому переводу):

«Лисица бежала в смертельном страхе. Другая лисица, увидев, как она мчится, спросила: “<...> Что случилось?” Та ответила: “Царь велел забрать всех ослов”. [Вторая лисица] сказала: “Ты не осел, чего тебе бояться?” [Первая лисица] сказала: “Верно, но люди <...> неспособны отличить осла от лисицы. <...> Я боюсь, что они [заберут] и оседлают нас как ослов”» [Omid-salar].

Другой персидский поэт, Джалаладдин Руми (1207–1273), изложил эту басню дважды, в стихах и прозе; у Руми убегает не лисица, а человек, боясь, что его примут за осла [Там же].

Верблюд появился в версии еще одного персидского поэта – Саади, автора сборника поучительных историй «Гюлистан» (1258). Вот «рассказ о лисице» из «Гюлистана» (кн. I, рассказ 16):

«Видели ее, как она металась вне себя, падая и подымаясь. Кто-то сказал ей:

– Какая беда приключилась с тобой <...>?

– Я слышала, что ловят [всех] верблюдов для принудительной работы.

[Тот] сказал:

– О дура, какое же отношение имеет верблюд к тебе и что общего у тебя с ним?

– Молчи, – возразила она, – если завистники по злобе скажут, что я – верблюд, и меня заберут, то кто же позаботится о моем освобождении, чтобы выяснить положение [дел], и пока привезут противоядие из Ирака, ужаленный змеей подохнет!» [Саади, 1959, с. 81].

(«Пока привезут противоядие из Ирака...» – примерно то же, что «после дождичка в четверг».)

Эта басня в различных вариантах была хорошо известна у восточных народов, населявших Российскую империю. Хотя у Саади главный персонаж – лисица, в русских анекдотах ее заменяет заяц, который в русском фольклоре наделен особенной боязливостью и склонностью к бегству. Но интересней другое: политический анекдот о верблюдах и зайце появился еще до революции.

Первый перевод «Гюлистана» на русский язык был предпринят уже в XVI в. В XIX в. «Гюлистан» издавался на русском трижды; в последний раз – в 1882 г. в переводе И. Холмогорова. Мотив бегства лисицы у Холмогорова смазан: она лишь «слышала, что ловят верблюда», и пустилась бежать [Саади, 1882, с. 52].

В 1890 г. Василий Величко переложил рассказ Саади в стихи. Вероятно, он воспользовался переводом Холмогорова, поскольку и тут речь идет о бегстве одного-единственного верблюда, и почему он сбежал – непонятно:

Избавившись от крепких пут,
Бежал из лагеря верблюд.
Узнав о том, лисица всполошилась
И, хвост поджав, бежать пустилась.

.....

«...Ты ж не верблюд!» – заметил ей прохожий:
«Друг с другом даже вы не схожи!»

.....

«...Поди, доказывай потом,
Что неповинна я ни в чем:
Ведь прежде, чем все выслушать и взвесить,
Успеют тридцать раз повесить!»
«Из Саади. II» [Величко, с. 40].

Оборот «поди доказывай потом» – буквально или с изменениями – стал обязательной частью анекдота, вошедшего в обиход, по-видимому, в годы Первой русской революции.

В 1909 г. в Петербурге состоялся I Всероссийский съезд издателей и книгопродавцев. 2 июля на нем выступил московский книготорговец С.И. Варшавский. Он жаловался на то, что полицейские власти приравнивают книгопродавца «к какому-то агитатору», и пояснил свою мысль «известным анекдотом»:

«– В некоей стране был издан закон о том, чтобы подковывать верблюдов. Узнав об этом, заяц пустился бежать. На границе встречает он другого. Тот с удивлением его спрашивает, зачем он бежит. «Да как же не бежать, – говорит беглец, – когда вышел закон подковывать верблюдов, подкуют еще и тебя, а потом поди доказывай, что ты не верблюд?»» [Труды.., с. 90].

Именно эта форма анекдота – с подковыванием верблюдов – надолго стала основной.

Вскоре этот анекдот прозвучал с самой высокой трибуны – трибуны Государственной Думы. 15 марта 1913 г. его рассказал глава фракции меньшевиков Николай Чхеидзе, закончив словами зайца: «...того гляди цап, возьмут и подкуют, а потом доказывай, что ты не заяц, а верблюд» (вероятно, оговорка вместо: «заяц, а не верблюд») [Государственная Дума.., стб. 2299].

Год спустя Сергей Гернет изложил анекдот стихами:

.....
Закон, виши, нынче вышел новый:
Верблюдов всех поставить на подковы.
– Так нам-то что? – Как что?! Возьмут да подкуют,
Потом доказывай, что я-де не верблюд!

(«Опытный заяц: Восточная басня»;
1-я публ.: журн. «Лукоморье» (Пг.), 6 апр. 1914 г.)
[Гернет, с. 120].

Гернет едва ли думал писать сатирик против властей: он был членом правления ряда акционерных обществ и по убеждениям консерватор. Однако, судя по его стихотворному творчеству, чиновничество он недолюбливал.

Накануне Февральской революции осведомитель столичной охранки сообщал, что в газете «Русская воля» под видом корреспонденции «из Ново-Николаевского хутора Саратовской губернии» помещена сатирическая заметка «Обилие зверей». «Зайцы, – говорилось в заметке, – попадают матерые, большие, чуть ли не с верблюда. Отсюда и пословица: заяц, беги, не то подкуют под верблюда...» Осведомитель комментирует: «“Пословица”, сколько известно, гласит иначе: “Арестуют, – а потом доказывай, что ты не верблюд, а заяц”».

(Донесение в Петроградское охранное отделение 4 февраля 1917 г. [Буржуазия.., с. 167].)

В советской печати 1920-х годов и сам анекдот и его ключевая фраза, успевшая стать поговоркой, встречаются в разных контекстах. Но можно предполагать, что в устной речи анекдот сохранил политическую окраску. Князь Сергей Голицын, вспоминая о перипетиях «лишенцев» в конце 1920-х годов, замечает: «Тогда появилась расхожая поговорка: “Докажи, что ты не верблюд”» [Голицын, с. 391].

В 1925 г. на XIV съезде ВКП (б) громили левую оппозицию. Один из оппозиционеров, Петр Залуцкий, на заседании 20 декабря начал свое выступление словами: «Мне придется, не знаю, удастся ли это, доказывать, что я ни в коем случае не верблюд, верблюдом сделал я себя не сам, а меня сделали, я не знаю, сколько у меня горбов. (Голоса: “Не меньше двух.”)». Потом Залуцкому пришлось еще не раз доказывать, что он не верблюд, но дело кончилось все

же расстрелом по обвинению в «контрреволюционной террористической деятельности».

Аnekdot уже самых настоящих «сталинских времен» – судя по всему, довоенный, – приведен в закордонном сборнике Е. Соловьевёва (1951). Здесь верблюдам грозит уже не подковывание, а нечто похуже:

«Встречаются два зайца в поле:

- Отчего ты так бежишь, запыхался даже?
- А ты разве не слышал, объявили, что всех верблюдов будут кастрировать?
- Так ты же не верблюд!
- Ну да... Поймают – кастрируют, а потом доказывай, что ты не верблюд».

[Соловьев, с. 73].

Эта версия дожила до наших времен.

В «Воспоминаниях» Никиты Хрущева, записанных ок. 1970 г., приведена байка из эпохи Большого террора о некоем деятеле с басенной фамилией Медведь:

«Рассказывают, что (а был он раньше, кажется, заместителем начальника областного отдела здравоохранения то ли в Киеве, то ли в Харькове) на партийном собрании какая-то женщина выступает и говорит, указывая пальцем на Медведя: “Я этого человека не знаю, но по глазам его вижу, что он враг народа”. <...> Но Медведь (как говорится, на то он и Медведь) не растерялся и сейчас же парировал: “Я эту женщину, которая сейчас выступила против меня, в первый раз вижу и не знаю ее, но по глазам вижу, что она прости тутка”. Только употребил он слово более выразительное. <...>

Если бы *Медведь стал доказывать, что он не верблюд*, не враг народа, а честный человек, то навлек бы на себя подозрение» (курсив мой. – К.Д.).

В 2002 г. в издательстве «Наука» вышел первый выпуск историко-литературного альманаха «Восток – Запад». Предисловие к нему написал редактор альманаха, академик-китаист Владимир Степанович Мясников. Здесь – с виду как будто на полном серьезе, а на самом деле в стиле «ученые шутят» – утверждалось, что слово «альманах» восходит к арабскому слову, означавшему место

остановки верблюдов. «Не случайно поговорка дервишей гласит: “Коль в альманахе тебя подкуют, потом не докажешь, что ты не верблюд”. Кстати, в жизни никто никогда не видел подкованного верблюда, ибо “корабль пустыни” не подковывается. Просто глагол *подковать* в просторечии имеет второй смысл: *обмануть, на-дуть*» [Восток – Запад, с. 5]. Из всего этого верно одно: верблюдов, в отличие от лошадей, действительно не подковывают.

Анекдот о верблюдах и зайце неизвестен на Западе, но имел хождение в странах соцлагеря. В польский язык фраза о верблюде вошла не позднее начала 1970-х годов: «...Трудно доказать, что ты не верблюд» (Роберт Яроцкий, «Аллергия», 1971) [Jarocki, s. 5]. Легко догадаться, откуда попал этот оборот на берега Вислы.

В Румынии соответствующий анекдот появился еще до создания соцлагеря – ок. 1937 г. Здесь убегает не заяц, а человек, услышавший, что всех верблюдов будут расстреливать [Omidsalar]. Румынский фольклорист Омидсалар указывает персидские источники этого анекдота, но гораздо более вероятно, что его непосредственным источником был рассмотренный выше русский анекдот.

Список источников

- Буржуазия накануне Февральской революции: [Сб. материалов]. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – 204 с.
- Величко В.Л. Восточные мотивы: стихотворения. – СПб.: Тип. В.И. Штейна, 1890. – 245 с.
- Восток – Запад: Историко-лит. альманах. – М.: Восточная литература, 2002. – Вып. 1. – 158 с.
- Гернет С.П. Сатиры Скальда. – Пг.: Тип. «Сириус», 1915. – 168 с.
- Голицын С.М. Записки уцелевшего. – М.: Орбита, 1990. – 731 с.
- Государственная Дума: Четвертый созыв: Стенogr. отчеты. – Сессия 1-я. Ч. 1. – СПб.: Гос. типография, 1913. – 2438 стб.
- Жолковский А.К. Пицунда-57, далее везде: виньетки // Новый мир. – М., 2012. – № 12. – С. 8–27.
- Соловьев Е.А. [псевд. Евгений Андреевич]. Кремль и народ: Политические анекдоты. – Мюнхен: Изд. автора, 1951. – 134 с.
- Саади. Гулистан / Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. Алиева. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 716 с.
- Саади. Гулистан / Пер. И. Холмогорова. – М.: К.Т. Солдатенков, 1882. – 353 с.

Труды Первого Всероссийского съезда издателей и книгопродавцев 30 июня – 5 июля 1909 г. в Санкт-Петербурге. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1909. – 405 с.
Хрущев Н.С. Время, люди, власть: [В 4 кн.]. – М.: Моск. новости, 1999. – Кн. 1. – 846 с.

* * *

Jarocki R. Uczulenie. – Warszawa: Iskry, 1971. – 258 s.

Omidsalar M. A Romanian Political Joke in 12 th Century Iranian Sources // Western Folklore. – 1987. – № 46, April. – P. 121–124. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/1499930> (дата обращения: 1.12.2018).

ДРЕВНЕЙШАЯ В МИРЕ ПРОФЕССИЯ

В XIX в. «древнейшей в мире профессией» называли садоводство (ведь Адам считался садовником Бога) и разные другие занятия, включая убийство – вероятно, в память о Каине.

В начале 1889 г. вышел сборник рассказов Редьярда Киплинга «Черное и белое». Действие одного из рассказов – «В городской стене» – происходило в британской Индии, в городе Лахор (ныне в составе Пакистана), а его героиней была прекрасная куртизанка Лалун (Lalun; в английском произношении «Лалан»). Один из персонажей рассказа сравнивает ее с древнегреческими гетерами.

Рассказу предпослан эпиграф из ветхозаветной Книги Иисуса Навина, 2:15: «И спустила она их по веревке чрез окно, ибо дом ее был в городской стене». «Она» – это Раав, иерихонская блудница, укрывшая двух соглядатаев из войска Иисуса Навина, осаждавшего Иерихон.

Начинался рассказ так: «Лалан – представительница самой древней в мире профессии. *Лилит* была ее праапрапрабабушкой, а это, как известно, было еще до дней Евы. На Западе люди оскорбительно отзываются о профессии Лалан, сочиняют о ней трактаты и раздают их молодым людям в целях сохранения нравственности. На Востоке, где профессия эта наследственная и переходит от матери к дочери, никто не пишет трактатов и не обращает на нее внимания» (пер. М. Клягиной-Кондратьевой) [Киплинг, с. 127–128].

В иудейской демонологии Лилит – злой дух женского пола, являющийся мужчинам во сне; по одному из преданий, укоренившемуся в европейской культуре, Лилит была первой женой Адама.

С легкой руки Киплинга наименование «древнейшая в мире профессия» утвердилось за проституцией.

В 1950 г. в США вышел в свет роман Роберта Сильвестра «Вторая древнейшая профессия» («The Second Oldest Profession»). Речь в нем шла о сотрудниках вымышленной нью-йоркской газеты «Дейли Глоб». В эпиграф вынесены слова владельца газеты на редакционном совещании:

«— …и не трудись нанимать великих писателей для моей газеты. Великие писатели для газеты писать неспособны. Они пишут друг для друга, хотя воображают, что пишут для потомства. Мне нужны такие, которые трудятся для сегодняшнего дня и забывают завтра то, что написали сегодня. Мне нужны профессионалы для “Глоб”. Газетное дело – не искусство, а ремесло. Это профессия почти столь же древняя, как… словом, это вторая древнейшая профессия» (пер. Т. Озерской; начальное отточие принадлежит автору) [Сильвестр, с. 5].

В 1966 г. в самиздатском журнале «Феникс, 1966» появилась повесть «Откровения Виктора Вельского». В 1970 г. ее напечатал закордонный журнал «Границы». Как впоследствии выяснилось, автором «Откровений…» был Генрих Павлович Гунькин (1930–2006), московский журналист и искусствовед, исследователь русского Севера. Герой повести, журналист Вельский, рассказывает:

«Когда я поступил на работу, мой непосредственный начальник, молодой парень, неплохой, в общем-то, сказал мне:

— Вы знакомы с журналистикой? Знаете, что такое “вторая древнейшая профессия?” Это, в общем, верно...

Первая древнейшая профессия, как известно, проституция. Мы же, представители второй, были дешевыми подзаборными умственными блядьми. Люди, не знающие ничего, не читающие ничего, или невинные младенцы, или прожженные циники (последних большинство), врачи и стяжатели» [Гунькин, с. 28].

Таким вот неожиданным эхом отозвалась публикация советским издательством романа о бессовестной западной журналистике.

В 1999 г. видный журналист Валерий Аграновский назвал свою книгу «Вторая древнейшая: Беседы о журналистике».

К 2007 г. роман Сильвестра выдержал пять изданий на русском языке. Между тем в США он прошел почти незамеченным, ни разу не переиздавался и ныне прочно забыт. В Америке «второй древнейшей профессией» обычно называют политику. Это звание утвердилось за ней не позднее 1950-х годов.

В книге Чарлза Д. Хоббса «Рональд Рейган призывает действовать» (1976) приводились слова Рейгана: «Я также понял, что политика, которую часто называют второй древнейшей профессией, необычайно похожа на первую» [Hobbs, p. 162]. Эту шутку Рейган повторял не однажды, в том числе на совещании с бизнесменами в Лос-Анджелесе 2 марта 1977 г.: «Говорят, что политика – вторая древнейшая профессия. Но я пришел к выводу, что у нее гораздо больше общего с первой» [Augard, p. 244].

Несколько реже «второй древнейшей» в англоязычных странах именуется шпионаж. В 1986 г. вышла в свет книга Филиппа Найтли, британского журналиста родом из Австралии: «Вторая древнейшая профессия: Шпионы и шпионаж в двадцатом столетии» [Knightley]. В доказательство древности шпионского ремесла обычно приводится тот же ветхозаветный эпизод, с которым связан эпиграф к рассказу Киплинга:

«И послал Иисус, сын Навин, из Ситтима двух соглядатаев тайно и сказал: пойдите, осмотрите землю и Иерихон. [Два юноши] пошли и пришли [в Иерихон и вошли] в дом блудницы, которой имя Раав, и остались ночевать там.

И сказано было царю Иерихонскому: вот, какие-то люди из сынов Израилевых пришли сюда в эту ночь, чтобы высмотреть землю» (Книга Иисуса Навина, 2:1–2).

Можно привести и другую ветхозаветную цитату, где разведгруппа успешно выполняет задачу, поставленную ей Моисеем: «И сказал Господь Моисею <...>: Пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую <...>. И послал их Моисей <...>, и сказал им: <...> Осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб <...>? <...> и каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях? <...> И высмотрев землю, возвратились они через сорок дней» (Книга Чисел, 13:2–3, 18–20, 26).

Не приходится сомневаться, что именно эту аналогию имел в виду В.В. Путин, комментируя отравление в Лондоне отца и дочери Скрипалей: «Как известно, шпионаж и проституция – одна из важнейших профессий в мире? Ну и что?» (выступление на пленарном заседании Российской энергетической недели в Москве 3 октября 2018 г.) [Путин сравнил...]. «Одна из важнейших» – почти наверняка оговорка вместо «одна из древнейших».

Если первой древнейшей профессией была проституция, то второй должно было стать сутенерство. Так рассуждал Бен Льюис Рейтман, американский «врач бедных» и анархист по убеждениям. В 1931 г. в Нью-Йорке вышла его книга «Вторая древнейшая профессия: Исследование о “бизнес-менеджерах” проституток» [9]. А в 1983 г. вышла в свет книга американской писательницы-юмористки Эрмы Бомбек «Материнство: Вторая древнейшая профессия» [Bombeck].

На исходе советской власти в СССР рассказывался анекдот о том, что древнейшая в мире профессия – коммунист. А его ранняя версия, где этого выражения еще нет, была записана уже 21 января 1921 г.:

«Юрист, врач, инженер и коммунист заспорили, кто на земле раньше всех вступил на поприще культурной деятельности.

– Юристы, – сказал первый. – Когда Каин убил Авеля, и было совершено первое уголовное преступление, было разбирательство, и, конечно, понадобились юристы.

– Врачи, – сказал медик. – Когда Ева была создана из ребра Адамова, конечно, понадобилось хирургическое вмешательство.

– Инженеры, – сказал третий. – Неужели без электрификации, пара и вообще техники, а следовательно, без инженеров Бог в шесть дней мог сотворить свет?!

– Все вы врете, – сказал последний. – Мы, коммунисты, были первыми: ведь в начале всего был хаос, а кто же мог его создать кроме нас?!»

(Дневник Н.М. Мендельсона «Pro me»; опубл. в 1995 г.)
[цит. по: Мельниченко].

Список источников

- [Гунькин Г.П.] Откровения Виктора Вельского // Границы. – Франкфурт/н/М., 1970. – № 75. – С. 3–114.
Киплинг Р. Рассказы; Стихи; Сказки. – М.: Высшая школа, 1989. – 383 с.
Мельниченко М. Советский анекдот: (Указатель сюжетов). – М.: Новое лит. обозрение, 2014. – 1104 с. – Режим доступа: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/102253/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 25.12.2018).

Часть II.
История формул языка и культуры

Путин сравнил шпионаж с проституцией // РИА новости: Россия сегодня. 3.10.2018. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20181003/1529893908.html> (Дата обращения: 1.10.2018.)

Сильвестр Р. Вторая древнейшая профессия. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 328 с.

* * *

Augard T. The Oxford Dictionary of Modern Quotations. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, [1996]. – 530 p.

Bombeck E. Motherhood: The second oldest profession. – New York: McGraw-Hill, 1983. – 177 p.

Hobbs Ch.D. Ronald Reagan's call to action. – Nashville: T. Nelson, 1976. – 190 p.

Knightley P. The Second Oldest Profession. Spies and Spying in the Twentieth Century. – New York: W.W. Norton, 1986. – 436 p.

Reitman B.L. The Second Oldest Profession: A Study of the Prostitute's «business Manager». – New York: The Vanguard press, 1931. – 266 p.

The Works of the English Poets from Chaucer to Cowper. – London: J. Jonson, 1810. – Vol. 17. – 635 p.

ДУРАКИ И ДОРОГИ

«С младенчества мы знакомы с поговоркой: в России две беды, дураки и дороги».

«Вездесущая фраза “дураки и дороги” сопровождает нас из поколения в поколение».

«Меня просто тошнит, когда я встречаю цитаты о дураках и дорогах спустя полторы сотни лет после первой публикации этой мысли».

Такими замечаниями пестрит Рунет. Между тем я не нашел примеров цитирования этого изречения ранее 15 декабря 1989 г., когда на II съезде народных депутатов СССР депутат от Коми АССР В.П. Филиппов заметил: «Николай Васильевич Гоголь почти 150 лет назад говорил, что России мешают две вещи – плохие дороги и дураки. За время перестройки мы все понемножечку поумнели, а вот с дорогами, особенно в селах, по-прежнему плохо» [Второй съезд.., с. 169].

Версия об авторстве Гоголя наиболее популярна, хотя изречение приписывалось и другим: Салтыкову-Щедрину, Карамзину, Петру Вяземскому и даже Николаю I: «Император Николай I был крут и афористичен. Его фраза о том, что в России две беды – дураки и дороги, известна, пожалуй, всем соотечественникам, хотя и без указания авторства» [Лапин, с. 43].

Изречение о дураках и дорогах встречается также в форме: «В России две напасти – дураки и дороги». «Две напасти» заимствованы из эпиграммы Владимира Гиляровского, написанной в 1886 г., после запрещения постановки драмы Льва Толстого «Власть тьмы»:

В России две напасти:
Внизу – власть тьмы,
А наверху – тьма власти.

[Русская эпиграмма, с. 245].

Однако дороги в русской литературе были отдельно, а дураки отдельно. Ближе всего к формуле «дураки и дороги» подошли Ильф и Петров («бездорожье и разгильдяйство»), но они в качестве предполагаемых авторов не называются из-за всеобщего убеждения в древности этой сентенции.

В действительности сентенция родилась на исходе советской власти. В конце 1980-х годов, в разгар перестройки, Михаил Задорнов с успехом читал с эстрады сатирический монолог «Страна героев» (в печати монолог появился в 1989 г.). Согласно Задорнову, «Н. В. Гоголь писал: “В России есть две беды: дороги и дураки”. Вот такое завидное постоянство мы сохраняем по сей день» [Задорнов, с. 127].

Ничего подобного Гоголь, разумеется, не писал; ссылка на классика должна была послужить охранной грамотой подцензурному советскому сатирику и придать его мысли большую авторитетность. Эта цель была блестяще достигнута: версия об авторстве Гоголя стала основной.

Из задорновской цитаты вскоре исчезло необязательное слово «есть», а «дороги и дураки» были вытеснены ритмически более точным «дураки и дороги». В этой форме изречение цитировалось уже в 1991 г. Его повальное распространение стало возможным как раз благодаря замечательному фонетическому оформлению: формула врезается в память мгновенно.

На тему фразы Задорнова появилось множество вариаций. Пожалуй, самая известная из них принадлежит московскому афористу Борису Крутиеру: «Кроме дураков и дорог, в России есть еще одна беда: дураки, указывающие, какой дорогой идти» [Крутиер].

В 2011 г. группа «Ундервуд» сочинила песню «Дураки и дороги». Ундервудовцы тоже считали авторство Гоголя (любимого писателя группы) несомненным:

Горьким смехом моим посмеюсь,
Но это не повод для тревоги.
Минус на минус всегда дает плюс,
Вот так вот, дураки и дороги,
Дураки и дороги...
Подскажите, как выйти к Третьему Риму,
Кто-нибудь знает? [Ундервуд].

Список источников

- Второй съезд народных депутатов СССР, 12–24 декабря 1989 г. Стенogr. отчет. – М.: Известия, 1990. – Т. 2. – 623 с.
- Задорнов М.Н. Ассортимент для контингента. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 141 с.
- Крутицер Б.Ю. Афоризмы // Литературная газета. – М., 2000. – № 5. – С. 16.
- Латин В. История России в рамках истории технологий // Россия XXI. – М., 2010. – № 2. – С. 43–65.
- Русская эпиграмма / Сост. В.Е. Васильев. – М.: Худож. лит., 1990. – 367 с.
- Ундервуд. Дураки и дороги. – Режим доступа: <https://mychords.net/undervud/18156-undervud-duraki-i-dorogi.html> (дата обращения: 1.12.2017).

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Хитом новогоднего «Голубого огонька» 1987 г. стала песня Раймонда Паулса в исполнении восходящей эстрадной звезды Лаймы Вайкуле:

Еще не вечер, еще не вечер,
Еще светла дорога и ясны глаза...

С тех пор выражение «Еще не вечер» ассоциируется у нас прежде всего со строками одноименной песни Ильи Резника. Кое-кто вспомнит также балладу Высоцкого «Еще не вечер» (1968), где слова «Еще не вечер, еще не вечер» повторены многократно.

Выражение звучит так просто и естественно, что вопрос о его происхождении обычно не возникает. Но тут самое время процитировать воспоминания Беллы Ахмадулиной о ее встрече с Набоковым в Швейцарии в марте 1977 г.: «Он задумчиво остановился на фразе из романа Владимира Максимова, одобрав ее музыкальность: “Еще не вечер”, что она означает?» («Робкий путь к Набокову», 1996) [цит. по: В.В. Набоков., с. 160]. По-видимому, речь шла о фразе из романа «Прощание из ниоткуда» (1974): «Еще не вечер, мальчики, еще не вечер!» [Максимов, с. 352].

«Потом, в Москве, – продолжает Ахмадулина, – всезнающий Семен Израилевич Липкин удивился: неужели Набоков мог быть озадачен библейской фразой?» И далее мемуаристка говорит уже от себя: «В Тенишевском училище ненавязчиво преподавали Закон Божий, но, вероятно, имелись в виду слова не из Священного Писания, а из романа...» [В.В. Набоков., с. 160].

Итак, выражение «Еще не вечер» не было распространенным до революции, коль скоро эмигрант Набоков его не знал. Удивляет замечание Липкина, выдающегося переводчика и поэта, которому Ахмадулина поверила на слово. Закон Божий, как бы его ни преподавали Набокову в Тенишевском училище, делу помочь не мог. Все, что можно отыскать в Писании, – это «...есть еще время до срока», т.е. время, чтобы очиститься от грехов (Книга пророка Даниила, 11:5).

Василий Аксенов в книге «Круглые сутки нон-стоп» (1976) замечает: «...как в Одессе говорят, “еще не вечер”» [Аксенов, с. 158]. И тут, возможно, мы выходим на правильный след.

В русскую литературу это выражение ввел одесский Исаак Бабель. В 1927 г. его драма «Закат» была поставлена в двух одесских театрах, а год спустя напечатана. Действие происходит в Одессе; оборот «еще не вечер» появляется в кульминационный момент (сцена 6-я):

МЕНДЕЛЬ. Не возьмешь!

БЕНЯ. Ой, возьмем! (*Он с силой опускает рукоятку револьвера на голову отца.*)

.....

ПЯТИРУБЕЛЬ. А я говорю – еще не вечер. Еще тыща верст до вечера.

АРЬЕ-ЛЕЙБ (*на коленях перед поверженным стариком*). Ай, русский человек, зачем шуметь, что еще не вечер, когда ты видишь, что перед нами уже нет человека? [Бабель, 1990, с. 303].

Слова «Еще не вечер» Пятирубель произносит также в рассказе «Закат», написанном в 1923–1925 гг., но при жизни Бабеля не опубликованном [Бабель, 1992, с. 264]. Поэтому можно предположить, что не позднее начала 1920-х годов это выражение уже существовало в Одессе.

В 1928 г. «Закат» был поставлен во МХАТе, где выдержал всего 12 представлений и потом не ставился в СССР до 1987 г. Вторично пьеса была напечатана в 1957 г., а до этого времени была не слишком известна. Тем не менее с 1940-х годов выражение «Еще не вечер» снова появляется в литературе.

Его вероятным источником была немецкая поговорка с тем же значением, известная с конца XVIII в. во множестве вариантов.

Наиболее распространенный из них: «Es ist noch nicht aller Tage Abend» – «Это еще не последний вечер!» (букв. «...не всех дней вечер»). В таком виде поговорка приведена в драме Шиллера «Лагерь Валленштейна» (1798), 7; в переводе С. Шевырева (1859): «Ведь до вечера, братцы, еще далеко!» [Шиллер, с. 37].

В словаре братьев Гримм дается латинский эквивалент этой поговорки: «Omnium dierum sol nondum occidit» [Grimm J., Grimm W., Sp. 23]. Это почти точная – с перестановкой слов – цитата из «Истории Рима» Тита Ливия. Из нее-то и возникло немецкое речение [см.: Der Duden, S. 30; Михельсон, с. 460 (1-я паг.)].

Ливий приводит ответ царя Филиппа V Македонского римским послам и союзникам Рима – грекам, которые в 187 г. до н.э. потребовали вернуть захваченные Филиппом города: «Nondum omnium dierum sol occidit» – «Не всех дней солнце зашло»; в переводе Э. Юнца: «Не настал еще мой последний день!» («История...», XXXIX, 26, 9) [Ливий, с. 337].

Филипп, говоривший с послами на родном для него греческом языке, ответил им поговоркой, которая у Диодора Сицилийского приведена по-гречески; Ливий перевел ее на латынь. Считается, что греческая поговорка восходит к Феокриту (III в. до н.э.): «Думаешь, злоба моя отойдет с моим солнцем последним?» («Идиллии», I, 102; пер. М. Грабарь-Пассек) [Markiewicz, Romanowski, s. 409; Феокрит, с. 12].

Список источников

- Бабель И. Конармия; Рассказы 1925–1938 гг.; Пьесы; Воспоминания, портреты; Статьи и выступления; Киносценарии.* – М.: Худож. лит., 1992. – 574 с.
- Бабель И. Собр. соч.: В 2 т.* – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. – 475 с.
- Аксенов В.П. Право на остров: повести, пьесы, рассказы.* – М.: Моск. рабочий, 1991. – 623 с.
- В.В. Набоков – *pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей.* – СПб.: РХГИ, 2001. – Т. 2. – 1064 с.
- Ливий, Тит. История Рима от основания города / Пер. под ред. М.Л. Гаспарова и Г.С. Кнабе.* – М., 1994. – Т. 3. – 768 с.
- Максимов В.Е. Прощание из ниоткуда: [Ч. 1].* – Франкфурт/н/М.: Посев, 1974. – 428 с.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. – М.: Терра, 1994. – Т. 2. – 250 с. – [Репринт издания 1904 г.].

Шиллер Ф. Валленштейн. – М.: Наука, 1980. – 611 с.

Феокрит. Идиллии // *Феокрит. Моск. Бион.* Идиллии и эпиграммы. – М.: Наука, 1993. – С. 9–134.

* * *

Der Duden: in 12 Bänden. – Mannheim: Dudenverlag, 1998. – Bd. 12: Zitate und Aussprüche. – 863 S.

Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: [In 33 Bände]. – Leipzig: Hirzel, 1854. – Bd. 1: A – Biermolke. – 1824 Sp.

Markiewicz H., Romanowski A. Skrzydlate słowa. – Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 2005. – 1217 s.

ЖЕНЩИНА НЕ ИМЕЕТ ДУШИ

В «Преступлении и наказании» (ч. II, гл. 2) петербургский студент Разумихин говорит Раскольникову: «Вот тут два с лишком листа немецкого текста, – по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек» [Достоевский, с. 88].

Точно ли такая книга существовала? Да, существовала. Только вышла она за три с половиной века с лишним до «Преступления и наказания».

В 1595 г. в немецком городке Цербст был опубликован анонимный латинский трактат «Новое рассуждение против женщин, доказывающее, что они не люди» [Disputatio nova...]. Его автором считается немецкий гуманист Валенс Ацидалий (Valentius Acidalius), умерший в том же году в возрасте 28 лет. Трактат этот был пародией на богословские рассуждения анабаптистов – самого радикального крыла протестантов, отрицавших божественную природу Христа. Пародия удалась блестяще: даже люди ученые приняли ее всерьез. В том же году лютеранский богослов Симон Гедик издал в Лейпциге контртрактат «В защиту женского пола», где «торжественно доказывалось», что женщина – человек [Gedicus]. Затем оба трактата неоднократно перепечатывались под одной обложкой.

В 1647 г. в Венеции вышел итальянский перевод «Нового рассуждения...» – под заглавием «О том, что женщина не принадлежит к человеческому роду: Остроумное рассуждение, переведенное Орацио Плата, римлянином» («Che le donne non siano della specie

degli uomini: Discorso piacevole, tradotto da Orazio Plata, romano») [Garavaglia, p. 38]. Четыре года спустя папа Иннокентий X включил это издание в перечень запрещенных книг [Hart, Stevenson, p. 209]. А Элена Кассандра Таработти (ныне ее причисляют к предшественницам феминизма) в 1651 г. издала под псевдонимом полемический трактат «О том, что женщина принадлежит к человеческому роду» [Tarabotti].

В 1666 г. в Амстердаме был напечатан трактат Ферранте Паллавичино «Душа». К этому времени Паллавичино был широко известен в Италии как автор пародийно-сатирических сочинений, в которых осмеивался даже папа. В трактате «Душа» он упомянул книгу под никогда не существовавшим заглавием: «О том, что женщина не имеет души и не принадлежит к человеческому роду, как следует из многих мест Священного Писания» («Che le donne non habbino anima e che non siano della specie degli huomini...») [Palauicino, p. 572 (Vigilia seconda)]. Так родилась формула «Женщина не имеет души».

В 1682 г., вышел в свет обширный латинский трактат «Торжествующая полигамия, или Политическое рассуждение о полигамии». Его автором был Иоганн Лейзер, немецкий лютеранский пастор, военный капеллан датской армии и автор еще двух сочинений о полигамии. Полигамия в «Рассуждении...» одобрялась, поэтому автор укрылся под псевдонимом «Алетофило Германо». В защиту многоженства Лейзер приводил довод о неполноценности женщины по сравнению с мужчиной, а в подтверждение, среди прочего, сослался на II Маконский собор 585 г. – один из поместных соборов франкской (затем французской) церкви. Дескать, на этом соборе рассматривался вопрос о том, можно ли считать женщину человеком (*an mulieres sint homines*), и епископы ответили на него утвердительно лишь после долгих дебатов [Leyser, p. 123 (тезис XIX, 9)].

Француз Пьер Бейль включил это сообщение в свой «Исторический и критический словарь» (1695–1702) – первую многотомную энциклопедию. Здесь же упоминалась несуществующая книга «О том, что женщина не имеет души» [Bayle, p. 49]. Отсюда и родилась легенда о Маконском соборе – одна из самых стойких легенд, связанных со средневековым христианством.

Советские научные атеисты позаимствовали ее из книги Августа Бебеля «Женщина и социализм» (1883), гл. 3 (русский перевод:

1909). Здесь утверждалось, что Маконский собор спорил о том, есть ли у женщины душа, и решил этот вопрос утвердительно большинством в один голос [Bebel, S. 288]. Иногда даже указывается точнее: большинством тридцать два голоса против тридцати одного.

Да что там научные атеисты – о такого рода спорах упоминал знаменитый французский медиевист XX в. Жак Ле Гофф: «В XII веке <...> не задаются более вопросом о наличии у нее [женщины] души» (пер. А. Руткевича) [Ле Гофф, с. 35]. А в марте 2012 г. легенда о Маконском соборе была совершенно всерьез изложена в лекции «Всемирная история женщин» прочитанной доктором филологии и теологии Леонидом Мацихом на телеканале «Культура» в рамках проекта «Academia».

Что же на самом деле произошло в бургундском городке Макон в 585 г.? В документах Маконского собора ни о женщине, ни о ее душе не говорится ни слова. Имеется лишь сообщение, появившееся столетие спустя в «Истории франков» Григория Турского, VIII, 20: «Поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком» (т.е. словом ‘*homo*’, ибо клирики общались между собой на латыни) [Григорий Турский, с. 230].

Спор шел исключительно о словах: в классической латыни ‘*homo*’ означало человека вообще, но в Средние века это слово уже применялось по-преимуществу к мужчине, и спрашивающий, по-видимому, предполагал, что к женщине применимо лишь слово ‘*mulier*’. Вопрос был решен незамедлительно ссылками на латинский текст Святого Писания, в частности, на Книгу Бытия, 1:27: «И сотворил Бог человека (*hominem*) по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Сомневавшийся клирик, «получив от епископов разъяснение, успокоился» [Григорий Турский]. И до появления пародийного трактата Ацидalia, т.е. до самого конца XVI в., спорить на эту тему никому и в голову не приходило.

Другой, не менее популярный извод той же легенды мы находим в романе Александры Марининой «Иллюзия греха» (1997), гл. 8: «Истинные, правоверные мусульмане <...> считают, что у женщины нет души» [Маринина, с. 176]. Между тем в Коране неоднократно утверждается обратное, например: «Аллах обещал верующим, и мужчинам и женщинам, райские сады» (сура 9-я, стих 72) [Коран, с. 125].

В начале ХХ в. тезис «женщина лишена души» защищал Отто Вейнингер, автор скандально знаменитой книги «Пол и характер» (Вена, 1902) [Вейнингер, гл. 9]. Здесь «душа» понимается не в богословском смысле, а в смысле способности к высшим духовным стремлениям, причем автор снисходительно признавал, что «женщины все же люди» [Вейнер, гл. 14].

Список источников

- Вейнингер О.* Пол и характер: Принципиальное исследование / Пер. В. Лихтенштадта. – М.: Латард, 1997. – 357 с. – Режим доступа: <http://lib.ru/DPEOPLE/wajninger.txt> (дата обращения: 1.12.2017).
- Григорий Турский.* История франков / Пер. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 6. – 423 с.
- Коран /* Пер. М. Османова. – М.: Ладомир, 1995. – 587 с.
- Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. – СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 156 с. – (Французское издание вышло в 1957 г.)
- Маринина А.* Иллюзия греха. – М.: Центрполиграф, 1997. – 475 с.
- * * *
- Bayle P.* Gediccus // Bayle P. Dictionnaire historique et critique. – Paris: Desoer, 1820. – Т. 7. – Р. 46–50.
- Bebel A.* Ausgewählte Reden und Schriften. – München: Saur, 1996. – Bd. 10/2: Die Frau und der Sozialismus. – 597 S.
- Disputatio nova contra mulieres, qua probatur eas homines non esse.* – [Zerbst], 1595. – [22 р.] (Страницы не нумерованы; в годе издания описка: MCXCV, т.е. 1195.)
- Garavaglia A.* Il mito delle Amazzoni nell'opera barocca italiana. – Milano: LED, 2015. – 224 р.
- Gediccus S.* Defensio sexus muliebris, opposita futelissimae disputationi recens editae, qua suppresso authoris et typographi nomine blasphemie contenditur, Mulieres homines non esse. – Leipzig: Michael Lantzenberger, 1595. – [59 р.] (Без нумерации страниц.)
- Hart C., Stevenson K.G.* Heaven and the Flesh: Imagery of desire from the Renaissance to the Rococo. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. – 237 p.
- [*Leyser J.*] Polygamia triumphatrix: id est Discursus politicus de polygamia. – 1682. – 565, [31] р. – Книга опубл. под псевд. Theophilo Aletheo.
- Pallavicino F.* L'anima. – Villafranca [Amsterdam]: [Elzevier], 1666. – Р. 487–588 (пагинация начинается со с. 487).
- Tarabotti A.* Che le donne siano della spetie degli huomini: Difesa delle donne, di Galerana Barcittotti, contra Horatio Plata, il traduttore di quei fogli, che dicono: Le donne non essere della spetie degli huomini. – [Venezia], 1651. – 182 р. – В книге указаны ложное место издания: Norimberga (Нюрнберг) и ложный издатель: J. Cherchenberger.

ЖИВЫЕ ПОЗАВИДУЮТ МЕРТВЫМ

Относительно авторства этого выражения бытуют три основные версии:

1. Роберт Льюис Стивенсон в романе «Остров сокровищ» (1883).
2. Апостол Иоанн в «Апокалипсисе».

3. Никита Хрущев, угрожая американцам во время Кубинского кризиса.

Все три версии отчасти верны – и все три неверны.

В 20-й главе «Острова сокровищ» в переводе Николая Чуковского (1935) читаем слова одногоного пирата Джона Сильвера: «Через час я подогрею ваш старый блокгауз, как бочку рома. Смейтесь, разрази вас гром, смейтесь! Через час вы будете смеяться по-иному. А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым!» [Стивенсон, с. 107].

Последняя фраза запомнилась по советским экранизациям романа, а было их целых четыре, включая мультфильм с Джигарханяном – Сильвером.

Однако у Стивенсона нет ни слова «живые», ни слова «позавидуют». В оригинале сказано: «Them that die'll be the lucky ones» («Тем, кто умрет, еще повезет»). Эта фраза включается в англоязычные словари цитат [напр.: Shapiro, p. 733].

Зато у русских писателей интересующий нас оборот встречался задолго до рождения Стивенсона. В повести Карамзина «Марфа Посадница» (1803) Марфа предупреждает новгородцев перед битвой с московским войском: «...Если возвратитесь побежденные, <...> тогда живые позавидуют мертвым!» [Русская историческая..., с. 63]. Позже, в «Истории государства Российского», IV, 1,

Карамзин напишет о нашествии Батыя: «Живые завидовали спокойствию мертвых» [Карамзин, с. 419].

Летом 1812 г., во время нашествия двунадесяти языков, ржевский помещик Петр Демьянов пророчествовал: «Скоро придет бо час, егда живые позавидуют мертвым» (согласно «Письмам русского офицера» Федора Глинки) [Глинка, с. 142].

В «Святочных рассказах» Николая Полевого (1826) речь прямо идет о светопреставлении: «Будет <...> время, когда живые позавидуют мертвым» [Полевой, 1826, с. 150]. В том же значении выражение нередко встречалось в позднейшей русской духовной литературе и беллетристике.

Позднее Полевой дал свой собственный вариант этого оброта: «...Весь мир – я изумлю злодейством! / <...> и – покойники в гробах / “Спасибо” скажут, что успели умереть» (историческая драма «Уголино» (1838), II, 10) [Полевой, 1843, с. 383]. Эта цитата спародирована в комедии А. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856), II, 3: «Изумлю мир злодейства, и упокойники в гробах спасибо скажут, что умерли!» [Островский, с. 28].

В Библии слов «живые позавидуют мертвым» нет, хотя есть нечто очень близкое: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Апокалипсис, 9:6); «И ублажил я мертвых <...> более живых» (Екклесиаст, 4:4).

Ближайшим источником этого выражения в России был, по-видимому, перевод одной из позднейших версий греческого «Слова о скончании мира и о Антихристе», гл. 27: «Человецы во время оно имут завидети мертвым» [Срезневский, с. 84 (3-я паг.)]. «Слово...» ошибочно приписывалось св. Ипполиту Римскому (ок. 170 - ок. 235); его первоначальный текст возник не позднее IV в. [О последних временах, с. 8].

Еще один возможный источник – «Иудейская война» Иосифа Флавия. Это сочинение об осаде и разрушении Иерусалима римлянами было излюбленным чтением в Древней Руси. В древнерусском переводе при описании жестокостей, которые творила в осажденном городе фанатичная группировка зелотов (кн. IV, гл. 6), говорилось: «живыи блажаху умроших» – «живые восхволяли [участь] мертвых» [История Иудейской войны..., с. 260]. В переводе М. Финкельберг с древнегреческого: «живые завидовали покою умерших» [Иосиф Флавий, с. 278]. Именно в такой форме

употреблено это выражение в «Истории...» Карамзина (см. выше). А в раннем английском переводе (1767) читаем: «Это заставляло живых завидовать мертвым (it made the Living envy the Dead)» [Josephus Flavius, p. 234].

По-настоящему популярным на Западе это изречение стало с появлением водородной бомбы. В 1960 г. вышел в свет трактат американского футуролога Германа Кана «О термоядерной войне». Его вторая глава называлась: «Будут ли выжившие завидовать мертвым?» Вопрос этот рассматривался обстоятельно, с таблицами и диаграммами, а ответ давался, в общем-то, отрицательный: окончательной катастрофы не произойдет, процент погибших от прямых и отдаленных последствий войны будет гораздо меньше, чем думают [Williams, Cantelon, p. 228]. Кан, вероятно, хотел дать отпор «пораженным» настроениям в западных обществах («Лучше быть красным, чем мертвым»).

Гораздо дальше шел председатель Мао. На съезде китайской компартии в мае 1958 г. он выразил готовность пожертвовать двумя третями человечества, чтобы оставшиеся жили при коммунизме [Маоизм без прикрас, с. 237].

Кубинский кризис, поставивший мир на грань ядерной войны, случился осенью 1962 г. А летом следующего года Хрущев, уже окончательно рассорившийся с Мао, заявил: «Когда говорят, что народ, совершивший революцию, должен начать войну, <...> чтобы <...> на развалинах мира создать более процветающее общество, – это невозможно понять, товарищи! <...> Произойдет такое заражение земной атмосферы, что неизвестно, в каком состоянии будут оставшиеся в живых люди – не будут ли они завидовать мертвым?» (речь в Москве 19 июля 1963 г.) [Хрущев, с. 229].

Как видим, Хрущев не запугивал американцев, а возражал китайцам. Неделю спустя, 26 июля, Джон Кеннеди выступил по радио и ТВ с речью по поводу Договора о запрете ядерных испытаний. Он сказал, что в случае ядерной войны, «как предостерегал китайских коммунистов председатель Хрущев, “оставшиеся в живых позавидуют мертвым”» [Kennedy, p. 293]. После убийства Джона Кеннеди его вдова Жаклин писала Хрущеву: «Он не раз цитировал в своих речах Ваши слова: “В будущей войне оставшиеся в живых будут завидовать мертвым”» [Добрынин, с. 97]. На Западе этот оборот еще и теперь нередко считают хрущевской цитатой.

Через два десятилетия после смещения Хрущева Фидель Кастро повторил его слова в том же контексте: «...Человечество не сможет выжить во всеобщей ядерной войне <...>. Кто-то сказал, что “оставшиеся в живых позавидуют мертвым”» (речь 1 января 1984 г. на митинге по случаю 25-летней годовщины Кубинской революции) [Кастро, с. 471]. И уже в XXI в. Сергей Микоян писал по поводу Карибского кризиса: «Как сказано в Библии и как говорили тогда, оставшиеся в живых позавидуют мертвым» [Микоян, с. 6].

Список источников

- Глинка Ф.Н.* Письма к другу. – М.: Современник, 1990. – 559 с.
- Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. – М.: Автор, 1996. – 688 с.
- «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерус. перевод: В 2 т. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – Т. 1. – 880 с.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 3 кн. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – Кн. 1, т. 1–4. – 560 с.
- Кастро Ф.* Избр. произв. – М., 1986. – М.: Политиздат, 1986. – 566 с.
- Маоизм без прикрас. – М.: Прогресс, 1980. – 283 с.
- Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. – М.: Academia, 2006. – 1071 с.
- О последних временах [Сборник]. – М.: Парогъ, 1996. – 119 с.
- Островский А.Н.* Полн. собр. соч. в 12 т. – М., 1974. – Т. 2. – 307 с.
- Полевой Н.А.* Святочные рассказы // Московский телеграф. – М., 1826. – Ч. 12, № 24, отдел II. – С. 139–191.
- Полевой Н.А.* Драматические соч. и переводы: В 4 ч. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1843. – Ч. 3. – 560 с.
- Русская историческая повесть: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 1. – 500 с.
- Срезневский И.И.* Сказания об Антихристе в славянских переводах... – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1874. – Т. 2. – 32, 64, 130 с.
- Стивенсон Р.Л.* Избранное. – М.: Молодая гвардия, 1957. – 446 с.
- Флавий, Иосиф.* Иудейская война. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2016. – 522 с.
- Хрущев Н.С.* К победе разума над силами войны! – М.: Политиздат, 1964. – 431 с.
- * * *
- Flavius, Josephus.* The wars of the Jews / Tr. by sir R. L'Estrange. – Manchester: J. Harrap, 1767. – 408 p.
- Kennedy J.F.* «Let the Word Go Forth»: The Speeches, Statements, and Writings. – New York: Delacorte Press, 1988. – 433 p.
- Shapiro F.R.* The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 2006. – 1068 p.
- Williams R.C., Cantelon P.L.* The American Atom: A Documentary History of Nuclear Policies... – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1984. – 369 p.

ЗА ВСЯКИМ БОЛЬШИМ СОСТОЯНИЕМ КРОЕТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Подпольный миллионер Корейко получает неведомо от кого заказную бандероль с книгой «Капиталистические акулы: Биография американских миллионеров».

«Первая фраза была очеркнута синим карандашом и гласила: «Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем”».

(Ильф и Петров, «Золотой теленок» (1931), гл. 10) [Ильф, Петров, т. 2, с. 117].

Подобная книга действительно существовала, хотя называлась немного иначе: «История американских миллиардеров». Ее первый том вышел в 1924 г. в Москве, второй – в 1927-м в Ленинграде [Майерс]. Этот труд, написанный американским социалистом Густавом Майерсом, впервые был опубликован в Чикаго в 1908–1909 гг. под заглавием «История крупнейших американских состояний» [Myers, 1908–1909]; на русский его перевели с немецкого издания. (Кстати сказать, даже в 1920-е годы состояния самых богатых американцев не достигали миллиарда долларов.)

Исследование Майерса, в сущности, целиком посвящено доказательству тезиса, сформулированного еще в 406 г. Иеронимом Стридонским, одним из Отцов Церкви: «[Всякий] богач либо мошенник, либо наследник мошенника» («Письма», 120) [Kasper, S. 80].

Однако на первой странице «Истории американских миллиардеров» не было фразы, которую Бендер обвел синим карандашом – ни в первом томе, ни во втором. Лишь в заключении (т. 2)

говорилось, что главное содержание книги «неизбежно свелось к изображению тех обманов и грабежей, с помощью которых приобреталась собственность и накапливались крупные состояния» [Майерс, т. 2, с. 291].

Зато – странное дело! – весьма похожая фраза имелась в авторском предисловии к первому, трехтомному изданию, с которым авторы «Золотого теленка» едва ли были знакомы: «...некоторые из наших обладателей крупных состояний приобрели свое имущество бесчестными средствами (by dishonest methods)» [Myers, 1908 a, p. IV].

Еще ближе к фразе из «Золотого теленка» другое высказывание Майерса, опубликованное в 1908 г.:

«Когда в ушах Рокфеллера звучат крики и насмешки по поводу “грязных денег”, он может утешать себя тем <...>, что:

Каждое крупное состояние есть, в большей или меньшей степени, результат *насилия и мошенничества* [Myers, 1908 б, р. 15].

Эту статью Ильф и Петров тем более знать не могли. Зато им наверняка был хорошо известен роман Бальзака «Отец Горио» (1834), где беглый каторжник Вотрен поучает молодого Эжена Растиньяка: «...Тайна крупных состояний, возникших неизвестно как, скрыта в преступлении, но оно забыто, потому что чисто сделано» (пер. Е. Корша) [Бальзак, с. 104].

В 1925 г. о фразе Вотрена вспомнил британский политический лейборист Джеймс Йоксалл: «Кто-то сказал – кажется, это был Бальзак, – что всякое крупное состояние выросло из преступления, что, позволим себе надеяться, неверно» (сборник эссе «Век живи – век учись») [Yoxall, р. 116; цит. по: O'Toole].

В 1956 г. вышла монография американского социолога Райта Миллса «Элиты власти». Сентенция: «За всяkim большим состоянием кроется преступление», – приведена здесь как слова Бальзака [Shapiro, р. 40].

Именно эти слова стали эпиграфом к знаменитому роману Марио Пьюзо «Крестный отец» (1969), с подписью: «О. Бальзак».

Список источников

Бальзак О. де. Собр. соч.: В 15 т. – М.: Худож. лит., 1952. – Т. 3. – 672 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Худож. лит., 1961.

Майерс Г. История американских миллиардеров / Пер. с нем. С.О. Цедербаум. – Т. 1. – М., 1924. – 317 с.; Т. 2. – Л., 1927. – 294 с.

* * *

Kasper M. Reclams Lateinisches Zitate-Lexicon. – Stuttgart: Reclam, 2000. – 432 S.

Myers G. The History of the Great American Fortunes. – Chicago: C.H. Kerr & Company, 1908. – Vol. 1. – VI, 328 p. – (На титуле дата: 1909.)

Myers G. Our Great American Fortunes // Marsh's Magazine. – Boston, 1908. – Vol. 1, № 3, October. – P. 13–15.

History of the Great American Fortunes. – Chicago: Charles H. Kerr & Co., 1909–1910. – Vol. 1–3.

O'Toole G. [псевд.]. Behind Every Great Fortune There Is a Crime // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations [Авторский сайт]. – Mode of access: <https://quoteinvestigator.com/2013/09/09/fortune-crime> (дата обращения: 1.12.2017).

Shapiro F.R. The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 2006. – 1068 p.

Yoxall J.H. Live and Learn. – London: Hodder & Stoughton, 1925. – 196 p.

ЗАГАДОЧНАЯ РУССКАЯ ДУША

В ноябре 1963 г., на исходе хрущевской эпохи, Евгений Долматовский напечатал стихотворение «Загадочная русская душа»: «Она, предмет восторгов и проклятий...»; «О ней за морем пишутся трактаты, / Неистовствуют киноаппараты»; «Усилия институтов и разведок / Ее понять – не стоят ни гроша» [Долматовский].

«Загадочная русская душа» – один из основных топосов послевоенной русской культуры (советской и постсоветской). Не приходится сомневаться, что, хотя возникло это выражение на Западе, с середины XX в. оно несравненно чаще встречается у русских авторов, нежели у авторов, писавших на других языках.

До 1880-х годов русская душа мало интересовала Европу. Замечена она была лишь благодаря переводам романов Тургенева, Толстого и, разумеется, Достоевского. Немалую роль сыграло также военно-политическое сближение Франции и России, к которым в начале XX в. присоединилась и Англия (так называемое «Сердечное согласие», более известное у нас под именем Антанта).

Зарождение интереса к «русской душе» отразилось прежде всего в работах двух французских авторов: историка Анатоля Леруа-Больё (1842–1912) и критика Эжена де Вогюэ (1848–1910), который прожил в России пять лет (1877–1882) и тесно общался с русскими писателями.

Согласно Леруа-Больё, русской натуре свойственны «всякого рода контрасты, резкие перепады настроений, мыслей и чувств». «Русская душа легко переходит от апатии к бурной деятельности, от мягкости к гневу, от подчинения к бунту; кажется, во всем она впадает в крайность. То смиренный, то вспыльчивый, то апатичный, то порывистый, то бодрый, то угрюмый, то равнодушный, то

страстный, русский едва ли не в большей степени, чем все остальные, знаком с изменчивостью холода и тепла, штиля и шторма» («Империя царей и русские», т. 1, 1890; основу книги составила серия статей в журн. «Revue des deux Mondes» за 1882–1889 гг.) [Leroy-Beaulieu, 1890, p. 174–175].

Де Вогюэ, как и Леруа-Больё, говорил не столько о загадочности русской души, сколько о ее противоречивости и «текучести»: русская душа склонна к мистицизму, но в то же время «непостоянная душа русских плывет по волне волн сквозь все философские течения и все заблуждения, останавливаясь то на нигилизме, то на пессимизме» (предисловие к книге «Русский роман» (1886); пер. С.Ю. Васильевой) [Вогюэ, с. 527].

В новелле де Вогюэ «Зимние рассказы» (1885) русская душа – «это котел, в котором бродят самые разные ингредиенты: печаль, безумие, героизм, слабость, мистика и здравый смысл <...>. Если бы знали, как низко эта душа может упасть! Если бы знали, как высоко она может взлететь! и как неожиданны эти переходы!» [Vogüé, p. 198].

Но уже в 1890-е годы французские и английские авторы все больше склоняются к пониманию «русской души» как загадочной. «Его [Пушкина] живость и жизнерадостность словно молниями пронзают смутные и мистические глубины (*le fond vague et mystique*) русской души», – писал Жак Фляш в очерке «Великий русский поэт: Александр Пушкин...» (1893) [Flach, p. 46].

3 мая 1902 г. в лондонском еженедельнике «Saturday review» появился очерк Артура Саймонса «Русская душа: Горький и Толстой» [Beckson, p. 207]. Горьковский роман «Фома Гордеев» английский критик назвал «хаотичной, но любопытной книгой», которую стоит прочесть хотя бы ради того, «чтобы узнать что-то еще о таинственной русской душе (*the mysterious Russian soul*)» [Symons, p. 165].

Хотя выражение «загадочная русская душа» появилось на Западе, близкий круг представлений можно найти у Тютчева («Умом Россию не понять...» (1866) и ряд других стихотворений).

А в романе Достоевского «Идиот» (1868, ч. II, гл. 5) читаем: «В русскую душу, впрочем, он [Мышкин] начинал страшно верить. О, много, много вынес он совсем для него нового в эти шесть месяцев, и негаданного, и неслыханного, и неожиданного! Но чу-

жая душа потемки, и *русская душа потемки*; для многих потемки» (курсив мой. – К.Д.) [Достоевский, с. 190]. В Германии начала ХХ в. эти слова цитировались как «русская душа – загадка [ein Rätsel]».

В 1915 г. вышла книжечка Николая Бердяева «Душа России», посвященная «тайне <...> русской души», ее «загадочной противоречивости», «загадочной антиномичности» [Бердяев, с. 11, 18, 23]. «Почему, – вопрошал автор, – самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?» И отвечал: «Эта тайна связана с особым соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере», и т.д. [Там же, с. 13].

На рубеже XIX–XX вв. «русская душа» и «славянская душа» использовались как синонимы. Леруа-Больё в очерке «Лев Толстой» (1910) писал: «Славянская душа, и особенно русская душа, все еще остается наивной и юной» [Leroy-Beaulieu, 1910, p. 826].

Американский критик Мэтью Джозефсон в предисловии к сборнику записных книжек и писем Чехова (Нью-Йорк, 1948) замечает:

«Довольно долго было весьма модно, едва речь заходила о русском национальном характере или о русской литературе, рассуждать на ученый манер о “загадочной славянской душе”. Такого рода пускание пыли в глаза было очень даже в ходу на исходе прошлого века, когда широкая западная публика впервые открыла для себя Толстого и Достоевского. Но к 1917 г. многие рассказы и пьесы Антона Чехова были наконец переведены на английский; тогда-то мы и узнали, что русская душа не более загадочна, чем душа обитателя пригородов Лондона или Бруклина» [The Personal Papers., p. 9].

Ксения Куприна вспоминала о Париже 1920-х годов: «Мода на русских вообще быстро прошла, и загадочная “русская душа” продолжала звучать только в русских да в многочисленныхочных кабаках» («Куприн – мой отец» (1979), гл. 19) [Куприна].

Только ли русская душа так загадочна? Ницше, к примеру, писал о «загадках, которые задает [иностранцам] <...> природа не-

мецкой души» («По ту сторону добра и зла» (1886), VIII; пер. Н. Полилова) [Ницше, с. 364].

Вероятно, высказывания подобного рода можно было бы обнаружить не только у немецких авторов. Специфика русской культуры последнего столетия, пожалуй, в том, что здесь загадочность «национальной души» особенно часто становится предметом национальной гордости. Хотя в упомянутом выше «Идиоте» сказано: «Нет, не “русская душа потемки”, а у него самого на душе потемки» [Достоевский, с. 192].

Список источников

- Бердяев Н.А.* Душа России. – М.: И.Д. Сытин, 1915. – 42 с.
- Вогюэ М. де.* Предисловие к книге «Русский роман» // К истории идей на Западе: «Русская идея» / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. – СПб.: Пушкинский Дом: Петрополис, 2010. – С. 499–534.
- Долматовский Е.* Загадочная русская душа // Октябрь. – М., 1963. – № 11. – С. 4.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 8. – 511 с.
- Куприна К.А.* Куприн – мой отец. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Худож. лит., 1979. – 287 с. – Режим доступа: <http://a-i-kuprin.ru/books/item/f00/s00/z0000011/st020.shtml>
- Ницше Ф.* Собр. соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – 830 с.
* * *
- Beckson K.E.* Arthur Symons: A Bibliography. – Greensboro (NC): ELT Press, 1990. – 330 p.
- Flach J.* Un grand poète russe: Alexandre Pouchkine, d'après ses œuvres originales et des documents nouveaux. – Paris: E. Leroux, 1894. – 49 p. – (Первоначально работала публиковалась в журн. «Revue des études historiques» за 1893 г.)
- Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. – Paris: Hachette, 1890. – T. 1: Le pays et les habitants.–595 p.
- Leroy-Beaulieu A.* Léon Tolstoï // Revue des Deux Mondes. – Paris, 1910. – T. 60, 15 déc. – P. 804–834.
- Symons A.* Studies in Prose and Verse. – London: J.M. Dent, 1910. – 291 p.
- The Personal Papers of Anton Chekhov: His Notebook Diary and Letters... / Introduction by Matthew Josephson.* – New York: Lear, 1948. – 235 p.
- Vogüé E.-M. de.* Histoires d'hiver // Revue des deux mondes. – Paris, 1884. – T. 61, 1 er Févr. – P. 183–207.

И ЦЕЛОГО МИРА МАЛО

В 1963 г. вышел в свет десятый роман Яна Флеминга о Джеймсе Бонде: «На тайной службе Ее Величества». В 6-й главе Бонд посещает Геральдическую палату, чтобы получить сведения о некоем лице, интересующем британскую контрразведку. Сотрудник Палаты предлагает ему отыскать родство с семейством баронетов Бонд, чтобы получить право на титул и герб: «А этот чудесный гербовый девиз: “И целого мира мало”? Неужели вам не хотелось бы получить права на него?» Бонд, который пришел не за этим, вежливо отвечает: «Девиз превосходен, и я, разумеется, не отказался бы от него» [Fleming, p. 50]. Совершенно ясно, что никаких прав на герб у него нет.

В 1999 г. этот роман экранизировали под названием «И целого мира мало» («The World Is Not Enough»). Это был уже девятнадцатый фильм бондианы, и здесь супершпион присваивает ста-

ринный девиз себе. Вот его диалог с красавицей Электрой Кинг:

«— Я могла бы подарить тебе целый мир.
— Целого мира мало.
— Глупые сантименты.
— Фамильный девиз» [World Is Not Enough].

Первым баронетом в своём семействе стал, как верно указано в романе «На тайной службе...», Томас Бонд. Он сколотил состояние на спекуляциях земельной собственностью в годы Английской революции и был близким другом короля Карла II,

которому в годы изгнания одолживал немалые суммы. За это 8 октября 1658 г. король возвел его в рыцарское достоинство.

Однако фамильный девиз баронета был составлен не на английском, а на латыни: «*Non sufficit orbis*» – «Недостаточно круга земного»; перевод в гербовнике XIX в.: «*The world does not suffice*» [Elven, p. 96 (1-я паг.)].

Это был далеко не первый девиз подобного рода. В 1578 г. португальский король Себастьян I погиб в Северной Африке, а три года спустя король Испании Филипп II получил еще и корону Португалии. После унии двух главных колониальных держав он мог считать себя владыкой земного шара.

В 1583 г. по случаю унии были выбиты памятные монеты. На одной стороне помещена надпись на латыни: «Филипп II, король Испании и Нового Света», на другой: «*Non sufficit orbis*» [Parker, p. 24].

Между 1600–1635 гг. во Франции были отчеканены памятные медали с датой «1515» (год вступления на трон короля Франциска I). На одной стороне был изображен Франциск I, на другой – два глобуса – земной и небесный, с надписью: «*Unus non sufficit orbis*» – «Одного земного круга недостаточно» [The British Museum]. Вероятно, это должно было символизировать притязания на власть над всем христианским миром.

По преданию, тот же девиз был помещен на парусах корабля, на котором португальский иезуит Мануэл да Нобрега в 1549 г. отправился в миссионерскую поездку в Бразилию. Имелось в виду, что проповедь христианства не должна ограничиваться Старым Светом [Shore]. Однако мне не удалось отыскать подтверждения этой версии в литературе, изданной до XX в.

Все эти девизы заимствованы у Ювенала. Однако у него эти слова содержат в себе осуждение завоевателей мира. В его X сатире говорится об Александре Македонском:

Юноше родом из Пеллы не хватит и круга земного [*unus <...> non sufficit orbis*]:

Он от несчастья бурлит в этих тесных пределах вселенной.

.....

Только когда он войдет в кирпичные стены столицы [т.е. Вавилона],
Хватит и гроба ему.

(Перевод Ф. Петровского) [Душенко, Багриновский, с. 618].

Несколько веков спустя отсюда возникло анонимное однотишие – эпитафия Александру Македонскому:

Умещается ныне в могиле тот, кому было мало целого света.

(Sufficit huic tumulus, cui non suffecerit orbis –

букв.: Достаточно кургана тому, кому было недостаточно мира.)

[Душенко, Багриновский, с. 618].

Если верить древним историкам, Александру Великому было мало целого мира не в переносном, а в самом буквальном смысле. Компаньоном и другом Александра в его завоевании Азии был Анаксарх, последователь школы Демокрита. Услышав рассказ Анаксарха о бесконечном множестве миров, Александр заплакал, а когда друзья спросили, что его мучит, ответил: «Разве не достойно слез то, что число миров бесконечно, а мы еще и одного не завоевали?» Так рассказывает Плутарх в трактате «О спокойствии духа» [Stevenson, p. 52].

В той же X сатире Ювенала упомянут и другой великий за-воеватель:

Взвесь Ганнибала: в вожде величайшем найдешь ли ты много

Фунтов? И это ли тот, кого Африка еле вмешала

[Бабичев, Боровский, с. 254].

На исходе эпохи Возрождения Ювеналу вторит шекспировский Гамлет:

Пред кем весь мир лежал в пыли,
Торчит затычкою в щели.

(«Гамлет», V, 1; пер. Б. Пастернака) [Шекспир, с. 545].

Список источников

Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. – М.: Русский язык, 1982. – 958 с.

Душенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.

Шекспир У. Гамлет: Избр. переводы. – М.: Радуга, 1985. – 640 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

Elven J.P. The Book of Family Crests. – London: H. Washbourg, 1840. – Vol. 1. – 180, 108 p.

Fleming I. On her Majesty's Secret Service. – New York: Signed books, 1964. – 191 p.

Parker G. Empire, war and faith in early modern Europe. – London: Penguin, 2002. – 411 p.

Shore P. Introduction // Spiritual Journeys: Books Illustrating the First Two Centuries of Contemplation and Action of the Society of Jesus. – Mode of access: <http://libraries.slu.edu/digital/spiritual-journeys/intro.html> (дата обращения: 1.12.2017).

Stevenson B. The Home Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases. – New York: Macmillan, 1956. – 2957 p.

The British Museum: Collection online. Medal M. 2167. – Mode of access: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=943140&partId=1 (дата обращения: 1.12.2017).

World Is Not Enough // Quotes: The Web's Largest Resource for Famous Quotes & Sayings. – Mode of access: <https://www.quotes.net/mquote/105716> (дата обращения: 1.12.2017).

И ЭТО ПРОЙДЕТ

3 июня 2015 г. дьякон Андрей Кураев, выступая в передаче «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы», заметил: «И это пройдет, говоря словами мудрого библейского Экклесиаста».

Вполне возможно, что знаменитое изречение возникло не без влияния ветхозаветной книги «Екклесиаст, или Проповедник». Однако здесь сказано иначе: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться...» (Еккл. 1:9).

Священнослужитель более высокого ранга, архимандрит Амвросий (Юрасов), держится другой версии: «Будем всегда помнить Соломоново кольцо, на котором написано: “И это пройдет”» («Яко с нами Бог», 2013) [Лавров, с. 116]

7 июня 1950 г. Ариадна Эфрон, дочь Цветаевой, писала Борису Пастернаку из туруханской ссылки: «Утешаю себя мудростью Соломонова перстня, на котором было начертано, как известно из Библии и из Куприна, – “и это пройдет”» [Эфрон, с. 354].

Насчет Библии сказано выше, а в рассказе Куприна «Суламифь» (1908) читаем:

«На указательном пальце левой руки носил Соломон гемму из кроваво-красного астериска, извергавшего из себя шесть лучей жемчужного цвета. Много сотен лет было этому кольцу, и на оборотной стороне его камня вырезана была надпись на языке древнего, исчезнувшего народа: “Все проходит”» [Куприн, с. 248].

Еще одну версию находим в рассказе Збышко «Санатория» (1908): «Когда араба постигнет горе <...>, он покорно складывает руки и не отрываясь смотрит на мудрое изречение перстня... “И это пройдет”» [Збышко, с. 40].

«Чехов, – утверждала Агния Барто в «Дневниках 1974 года», – носил на пальце кольцо с изречением древнего мудреца: “И это пройдет”» [Барто, с. 245].

На самом деле Чехов такого кольца не носил. Это, должно быть, отголосок истории о пушкинском перстне-печатке, подаренном ему при расставании Елизаветой Воронцовой. На перстне имелась загадочная – как считалось, арабская, – надпись. Гораздо позднее выяснилось, что надпись была на иврите и означала: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память».

Наконец, в первом русском словаре цитат и крылатых слов (1930) изречение «И это пройдет» названо «тalmудическим афоризмом» из древней легенды: «Затосковавшему царю Соломуону (по др[угой] версии Давиду) некий ювелир изготовил перстень, на который рекомендовал взгляывать во всех значительных случаях жизни, как радостных, так и печальных. На перстне была выгравирована надпись: “И это пройдет”» [Займовский, с. 171].

Однако самое раннее достоверное упоминание об этой легенде относится отнюдь не к глубокой древности, а к началу XIX в. 6 ноября 1813 г. Вальтер Скотт писал лорду Байрону:

«Ваша светлость, вероятно, вспомнит, где содержится восточная сказка о султане, который спрашивал у Соломона, какую ему выбрать надпись для кольца с печаткой; он требовал, чтобы эта сентенция годилась и для того, чтобы не чрезмерно предаваться благополучию, и для того, чтобы легче переносить невзгоды. Изречение, предложенное еврейским мудрецом, как мне кажется, превосходно отвечало обеим этим целям; оно заключалось в словах: “И это пройдет” (“And this also shall pass away”» [Lockhart, p. 52].

Итак, если верить шотландскому романисту, «восточная сказка о султане» содержалась в какой-то английской (или, на крайний случай, французской) книге. Однако отыскать ее не удалось по сей день.

Письмо Скотта было опубликовано в 1837 г. в его многотомной биографии, сразу же ставшей бестселлером¹. И именно с

¹ Сокращенное трёхтомное издание вышло в Париже в 1837 г.; полное семитомное – в Эдинбурге в 1837–1838 гг.

этого времени изречение «И это пройдет» начинает упоминаться регулярно.

В 1839 г. легенда о перстне как минимум дважды цитировалась в американской печати; в одном случае ее героем был некий «восточный монарх», в другом – «один мудрец».

В декабре 1839 г. епископ Джордж Уошингтон Доун прочитал проповедь в церкви Св. Девы Марии в г. Бёрлингтон (штат Нью-Джерси). Проповедь была посвящена памяти Бенджамина Уинслоу, пастора этой церкви, скончавшегося 14 октября. На ложе смерти Уинслоу повторял слова: «И это пройдет», а в ночь перед кончиной написал стихотворение, которое Доун привел целиком. Первые две строфы заканчивались словами «И это пройдет», а третья, последняя, – двустишием:

Да будет мне жилищем мир
Тот, что вовеки не пройдет [Doane, p. 24].

В 1842 г. в парижском журнале «Артист» публиковался роман из английской жизни «Мэри Линдсей», подписанный: Джуллия Норвич. (В английской литературе ни это имя, ни этот роман неизвестны.) Здесь мы читаем:

«*И это пройдет!*» (*“Et cela aussi passera!”*), – сказал царь Соломон царю Эфиопии, когда тот захотел узнать от него изречение, которое помогало бы душе не предаваться чрезмерно счастью и утешаться в несчастье» [Norwich, p. 112].

Замена валтер-скоттовского «султана» царем Эфиопии, конечно, лучше согласуется с Ветхим Заветом.

В 1852 г. вышел в свет сборник английского поэта Эдварда Фицджеральда «Полоний: Собрание мудрых изречений и современных образцов». (Позднее именно Фицджеральд сделал достоянием англоязычной культуры стихи Омара Хайяма.) Включенная в сборник легенда «Соломонов перстень» почти в точности повторяла легенду, рассказалую Вальтером Скоттом [Billington, p. 232].

Семь лет спустя этой легендой воспользовался Авраам Линкольн. 30 сентября 1859 г. он выступил с речью в Милуоки (штат Висконсин):

«Говорят, что некий восточный монарх однажды поручил своим мудрецам сочинить для него сентенцию, которая всегда бы-

ла бы у него перед глазами и была бы пригодна во всякое время и при всех переменах судьбы. Они предложили ему слова: “*И это пройдет*”. Как много здесь выражено! Как умеряет это гордыню благополучия! Как утешает в самом глубоком горе!» [Billington, p. 232].

В 1860 г. изречение цитировалось по-немецки («*Auch dies wird vorübergehen*»); это был перевод все того же письма Вальтера Скотта.

В справочнике «Respectfully Quoted» (1-е изд: Нью-Йорк, 1989) приведена – латиницей на языке фарси – фраза из сборника лирики персидского поэта Саная (1081–1141?), которая может быть переведена как «*И это пройдет*» [Billington, p. 232]. Автор справочника, Сьюзи Платт, не указала ни конкретного произведения, ни контекста, в котором звучит эта фраза; между тем в сочинениях суфийских поэтов нередко встречаются сентенции о преходящем характере всего земного, вовсе не связанные с легендой, рассказанной Вальтером Скоттом.

Еще чаще высказывание «*И это пройдет*» приписывается другому суфийскому поэту – Аттару (шейх Фарид ад-Дин Аттар, ок. 1145–1221), но без каких-либо уточнений.

Итак, с уверенностью можно лишь утверждать, что изречение «*И это пройдет*» вошло в обиход благодаря Вальтеру Скотту. О существовании рассказанной им легенды в более древние времена, в сущности, ничего не известно.

Евгения Гинзбург, мать писателя Василия Аксенова, вспоминала: «Подобно древнему царю Соломону, изрекавшему в острые моменты жизни свое “*И это пройдет*”, наша бабушка, выслушав сообщение о каком-либо выходящем из ряда вон происшествии, обычно говорила: “Такое-то уж было...”» («Крутой маршрут», ч. 1, 1967) [Гинзбург, с. 24]

Тут приходит на ум не столько царь Соломон, сколько рабби Бен-Акиба из драмы в стихах «Уриэль Акоста» (1846) Карла Гуцкова. При всяком «выходящем из ряда вон происшествии» он повторяет свою любимую фразу «*Все уже было*» (нем. «*Alles schon dagewesen*»). В переводе Э. Линецкой:

Все уже бывало; <...>

Бывало все, не раз уже бывало [Гуцков, с. 419].

На языке идиш драма Гуцкова не сходила со сцен еврейских театров вплоть до первых десятилетий XX в.

Список источников

- Барто А.Л.* Собр. соч.: В 4 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – 493 с.
- Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. – Нью-Йорк: Посев, 1985. – Кн. 1. – 440 с.
- Гуцков К.* Пьесы. – М.: Искусство, 1960. – 649 с.
- Займовский С.Г.* Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма. – М.: Гос. изд-во, 1930. – 493 с.
- Збышко [С.?].* Санатория (Письмо) // Русская мысль. – М., 1908. – № 9. – С. 30–40 (1-я паг.).
- Куприн А.И.* Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1986. – 349 с.
- Лавров С. (архимандрит Амвросий (Юрасов).* Яко с нами Бог. – М.: Благовест, 2013. – 159 с.
- Эфрон А.С.* О Марине Цветаевой: воспоминания дочери. – М.: Сов. писатель, 1989. – 477 с.

* * *

Billington J.H. Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations. – Mineola (New York): Dover Publications, 2010. – 520 p.

Doane G.W. Looking unto Jesus: a Sermon. – Burlington: J.L. Powell, 1840. – 56 p.

Lockhart J.G. Memoirs of the Life of Sir Walter Scott: In 3 Vol. – Paris: Baudry European Library, 1837. – Vol. 2. – 408 p.

Norwich J. Marie Lyndsay: [Ch. 5–11] // L'Artiste. – Paris, 1842. – Vol. 2, 14 août. – P. 109–112.

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Выражение это возникло в России, и не так уж давно. В XIX в. встречались сентенции «Наука требует жертв», «История требует жертв» (в 16-м из «Исторических писем» П. Лаврова, 1881) [Лавров, с. 288].

Выражение «Искусство требует жертв», по-видимому, первым в литературу ввел драматург Николай Евреинов. В 1911 г. в петербургском театре пародий «Кривое зеркало» была поставлена гротескная комедия Евреинова «Школа этаулей». «Этуалии» (от франц. ‘l'étoile’ – ‘звезда’) называли тогда кафешантанных певиц «с именем». Директор «Школы этаулей» требует, чтобы его подопечные исполняли свои номера «бесстыдно», но в то же время «прилично». Об их ремесле он говорит как о высоком искусстве: «Вы должны священнодействовать, когда исполняете шансонетку» [Евреинов, с. 5]. Когда одна из учениц «Школы» ударяется в плач, не выдержав гневных замечаний директора, его помощница утешает девушку: «Ну, брось реветь! Мало ли чего ради искусства не натерпишься! Искусство требует жертв» [Евреинов, с. 4].

Как видим, сентенция появляется в сугубо пародийном контексте.

В следующем, 1912 г., Московский художественный театр показал новую драму Леонида Андреева «Екатерина Ивановна». Пьеса стала одним из театральных событий сезона и живо обсуждалась в печати. Главная героиня, жена члена Государственной думы, становится любовницей художника Коромыслова, который в своем искусстве специализируется, как он сам говорит, на «головах бабах». Вот сцена из заключительного, IV акта:

Коромыслов, разговаривая и шутя, внимательно работает над картиной «Саломея». Саломея – Екатерина Ивановна. Полуобнаженная, она стоит на возвышении.

КОРОМЫСЛОВ. Вы не устали, дорогая? Ну, потерпите, потерпите, искусству нужно приносить жертвы.

АЛЕКСЕЙ. Вы это всем дамам говорите?

КОРОМЫСЛОВ. Что такое говорю?

АЛЕКСЕЙ. Что искусство требует жертв.

КОРОМЫСЛОВ. Всем. Они любят ласку.

АЛЕКСЕЙ. А искусство – жертвы?

КОРОМЫСЛОВ. А искусство любит жертвы

[Андреев, с. 396–397].

О том, что эта сцена не была забыта и в 20-е годы, свидетельствует комедия Бориса Ромашова «Воздушный пирог» (1925). Здесь Мирон Зонт, редактор журнала «Красная кулиса», обращается к директору банка, который едва ли случайно носит фамилию Коромыслов: «Искусство требует жертв. Наш журнал стоит на защите завоеваний всех фронтов. Цена номера тридцать копеек. Тираж шесть тысяч. Главное объявления [т.е. реклама. – К.Д.]» [Ромашов, с. 33].

По-видимому, еще и в 30-е годы фраза «Искусство требует жертв» употреблялась по преимуществу в ироническом смысле – например в фельетоне Ильфа и Петрова «Когда уходят капитаны» (1932) [Ильф и Петров, с. 120].

В 1941 г. детский писатель Яков Тайц опубликовал автобиографический рассказ «Про Ефима Зака». Герой рассказа, дерево-люционный «художник вывесок», вспоминает: «Мой знаменитый земляк Исаак Левитан учил меня: “Главное, Ефим, это натура!” <...> И еще он говорил: “Искусство требует жертв” <...>» [Тайц, с. 116]. Ирония авторского повествования очевидна.

Зато после войны эту сентенцию уже совершенно всерьез, как завет основателя Художественного театра, привел оперный режиссер Павел Румянцев, вспоминая о создании в 1926 г. Оперной студии Станиславского: «Лозунгом того времени, как и вообще во весь период существования студии, были слова К. С. Станиславского: “Искусство требует жертв”» [Румянцев, с. 417].

Других подтверждений того, что Станиславский говорил именно это, не имеется.

Список источников

- Андреев Л.А.* Пьесы. – М.: Сов. писатель, 1991. – 667 с.
- Евреинов Н.Н.* Школа этиалей: Эпизод из жизни А[н]нушки, горничной: (Из репертуара «Кривого зеркала»). – Пг.: Изд. журн. «Театр и искусство», [1911]. – 11 с.
- Ильф И., Петров Е.* Фельетоны и рассказы. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – 270 с.
- Лавров П.Л.* Философия и социология: Избр. произв. в 2 т. – М: Мысль, 1965. – Т. 2. – 703 с.
- Ромашов Б.С.* Воздушный пирог. – М.: Театр. изд-во, 1925. – 121 с.
- Румянцев И.И.* Система Станиславского в оперном театре // Ежегодник МХАТ, 1947. – М., 1949. – С. 375–522.
- Тайц Я.М.* Рассказы и повести. – М.: Детгиз, 1956. – 573 с.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ ДВАЖДЫ...

Выражение «История повторяется» («Die Geschichte wiederholt sich») появилось в немецкой печати не позднее 1830-х годов. Затем были отысканы его античные предшественники, прежде всего вступление Фукидida к «Истории Пелопонесской войны» (конец V в. до н.э.): «...исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде)...» (пер. Г. Стратановского) [Фукидид, с. 14].

Близкая мысль выражена у Плутарха (II в. н. э): «Поскольку поток времени бесконечен, а судьба изменчива, <...> часто происходят сходные между собой события. <...> ...Неминуемо должны по многу раз происходить сходные события, порожденные одними и теми же причинами» («Серторий», 1; пер. А. Каждана) [Плутарх, с. 5].

В XIX в. Гегель учил: «Наполеон был два раза побежден, и Бурбоны были изгнаны два раза. Благодаря повторению того, что сначала казалось лишь случайным и возможным, оно становится действительным и установленным фактом» («Лекции по философии истории» (1837), III, 2; пер. А. Водена) [Гегель, с. 296].

Эту мысль продолжил Карл Маркс: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852), I) [Маркс, Энгельс, с. 119].

О смене трагедии фарсом на исторической сцене еще раньше говорил Генрих Гейне:

«...Великий праотец поэтов [т.е. Бог] <...> в своей тысячеактной мировой трагедии доводит комизм до предела <...>: после ухода героев на арену выступают клоуны и буффоны с колотушками и дубинками, на смену кровавым революционным сценам и деяниям императора [Наполеона] снова плетутся толстые Бурбоны...» («Идеи. Книга Le Grand» (1826), гл. 11); пер. Н. Касаткиной) [Гейне, с. 136].

В письме к Марксу от 3 декабря 1851 г. Энгельс приводит примеры того же рода: «Кажется, право, будто историей в роли мирового духа руководит из гроба старый Гегель, с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: первый раз в виде великой трагедии и второй раз – в виде жалкого фарса. Коссидье вместо Дантоне, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера!» [Маркс, Энгельс, с. 341].

Речь шла о сходстве между переворотом 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), когда единоличную власть захватил Наполеон Бонапарт, и переворотом 2 декабря 1851 г., осуществленным его племянником Луи Бонапартом.

В 1970 г. в американской печати появилась поэтическая метафора «История не повторяется, но рифмуется», приписанная Марку Твену («History does not repeat itself, but it rhymes»).

На сайте «Quoteinvestigator» указан любопытный предшественник этого афоризма. В октябрьском номере лондонского журнала «The Christian Remembrancer» за 1845 г. была опубликована обширная рецензия на изданную в Англии книгу А.Н. Муравьева «История Церкви в России» (1842). Рецензент писал: «Зрелице повторяется; восточное солнце восходит вторично; история неосознанно повторяет свой рассказ, оборачиваясь какой-то мистической рифмой; одна эпоха оказывается прообразом другой, и извилистый ход времени снова приводит нас к той же точке» [«A History...», с. 264].

Список источников

Гегель Г.В.Ф. Сочинения: [В 14 т.]. – М.; Л., 1935. – Т. 8. – 468 с.
Гейне Г. Собр. соч. в 6 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 3. – 486 с.

История повторяется дважды...

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 8. – 736 с.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – 672 с.

Фукиидид. История. – М.: ACT, 1993. – 733 с.

* * *

«A History of the Church in Russia» by A.N. Mouravieff <...>. Oxford, 1842: [Review] // The Christian Remembrancer. – London, 1845. – Vol. 10, October. – P. 245–331.

КАЖДАЯ ТВАРЬ ПЕЧАЛЬНА ПОСЛЕ СОИТИЯ

В 1997 г. на экраны вышел французский фильм с латинским названием «Post coitum animal triste» – «После соития тварь грустна» (в русском прокате: «Послевкусие страсти»).

Годом раньше был опубликован роман немецкой писательницы Моники Марон «Animal Triste»; виднейший немецкий критик Марсель Райх-Раницкий назвал его «одним из лучших любовных романов года» [Aktuelles aus Bramfeld]. Роману предпослан эпиграф: «Post coitum omne animal triste» («Каждая тварь печальна после соития»), со ссылкой на «Сатирикон» Петрония.

Это изречение чрезвычайно популярно на Западе, где латынь в гораздо большем почете, чем у нас. В середине XX в. во французском и английском языках появилось выражение «грусть после соития» («post-coital tristesse», «post-coital blues»).

В нашу литературу эту сентенцию ввел Венедикт Ерофеев: «Не помню кто, не то Аверинцев, не то Аристотель сказал: “Omnia animalia post coitum opressus est”, т.е.: “Каждая тварь после соития бывает печальной”, – а вот я постоянно печален, и до соития, и после» («Василий Розанов глазами эксцентрика», 1973; опубл. в 1982 г.) [Ерофеев, с. 12].

Ерофеев, едва ли подозревая об этом, шел по стопам американской писательницы Натали Клиффорд Барни (1876–1972). Барни жила в Париже и шокировала публику первых десятилетий XX в. проповедью свободной любви, включая лесбийскую. В 1917 г. она опубликовала в одном из парижских журналов «Мысли амазонки» (отдельное издание: 1921). Среди ее афоризмов был и такой: «Говорят, мужчина печален после соития. Но женщина, возможно,

печальна и до, и во время, и после» [Barney, 1917, p. 127; Barney, 1921, p. 5].

Со ссылкой на Аристотеля цитировал знаменитое изречение Лоренс Стерн в «Жизни и мнениях Тристрама Шенди» (1760) [Стерн, с. 337]. В книге «отца сексологии» Алфреда Кинси «Сексуальное поведение самки человека» (1953) оно приписано Галену, великому греческому врачу II в. н.э. [Sexual Behavior..., p. 637].

Стерн и Ерофеев были ближе к истине, чем Кинси и Моника Марон. Латинское изречение «*Omne animal post coitum triste*» появилось в печати в 1514 г., в комментарии голландских ученых Иоанна Мурмелия и Рудольфа Агриколы к трактату Боэция «Утешение философией» (VI в.) [The Art..., p. 329].

А возникло оно из трактата «Проблемы», который приписывался Аристотелю, но в действительности был написан его учениками. В XXX книге латинского перевода утверждалось: «После любовного соития большинство людей ощущают печаль (*tristiores*)» (в греческом оригинале: «становятся подавленными») (30.1, 955 a23) [Aristotle, p. 467; Душенко, Багриновский, с. 456].

Да и сам Аристотель говорил: «Результатом любовных наслаждений является скорее слабость и бессилие» («О возникновении животных», X, 18; пер. В. Карпова) [Аристотель, с. 75].

В древности это положение считалось биологическим фактом. Плиний Старший определяет специфику человека двумя свойствами: «Человек – единственное живое существо, которое рождается двуногим. Только человек испытывает сожаление после первого соития (*primi coitus paenitentia*)» («Естественная история», X, 83) [Plinius].

Лукреций, рассуждая о телесной любви, замечает: «Из самых глубин наслаждений исходит при этом / Горькое что-то» (букв.: «Посреди источника прелестей поднимается (появляется) нечто горькое») («О природе вещей», кн. IV, пер. Ф. Петровского) [Душенко, Багриновский, с. 365].

Согласно Демокриту, «совокупление – это кратковременный припадок эпилепсии: ибо человек вытряхивается из всего человека» (фрагмент; пер. С. Лурье) [Лурье, с. 343].

Того же мнения был Марк Аврелий: «При совокуплении – трение внутренностей и выделение слизи с каким-то содроганием» («Размышления», VI, 13; пер. А. Гаврилова) [Марк Аврелий, с. 30].

В Средние века имел хождение латинский стихотворный фрагмент, начинавшийся со слов:

Гнусно и коротко наслаждение соития,
И отвращение следует сразу за актом любви.
(*Foeda est in coitu et brevis voluptas
Et taedet Veneris statim peractae*).

Эти строки приписывались Петронию [Kasper, s. 278]; отсюда и появилась у Моники Марон ссылка на «Сатирикон».

Шекспир, возможно, был знаком с этими стихами. В своем 129-м сонете он говорит о «наслаждении, которое сразу сменяется презрением» (*«Enjoyed no sooner but despised straight»*; в пер. Р. Бадыгова: «За утоленьем следует презренье») [Шекспир].

К «Проблемам» Псевдо-Аристотеля, по-видимому, восходит высказывание Бенедикта Спинозы: «...За удовлетворением чувственности следует наивысшая печаль, которая, если не вполне поглощает дух, то во всяком случае расстраивает и притупляет его» (*«Трактат об усовершенствовании разума»* (1661), I; пер. В.Н. Половцовой под загл. *«Трактат об очищении интеллекта»* [Спиноза, с. 62].

После 1514 г. изречение *«Post coitum omne animal triste»* стало обрастать дополнениями: «...кроме петуха», «...кроме петуха и женщины», «...кроме монаха, женщины и петуха», «...кроме петуха и попа, которого ублажили даром» (английский вариант), «...кроме петуха и школьера, которого ублажили даром» (немецкий вариант) [Душенко, Багриновский, с. 456].

Истинность этой сентенции оспорил австрийский публицист Карл Краус в сборнике «Суждения и противосуждения» (1909): «*Omne animal triste* [Всякая животная тварь грустна]. Такова христианская мораль. Но даже животная тварь лишь *post*, а не *propter hoc* [после, а не вследствие этого]» [Kraus, S. 43].

Заметим, что латинская мудрость *«Post hoc, non est propter hoc»* («После этого – не значит вследствие этого») также заимствована у Аристотеля.

Список источников

- Аристотель.* О возникновении животных. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 250 с.
- Душенко К.В., Багриновский Г.Ю.* Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Ерофеев В.В.* Глазами эксцентрика. – Нью-Йорк: Серебряный век, 1982. – 62 с.
- Лурье С.Я.* Демокрит: Тексты. Перевод. Исследования. – Л.: Наука, 1970. – 664 с.
- Марк Аврелий.* Размышления. – Л.: Наука, 1985. – 246 с.
- Спиноза Б.* Трактат об очищении интеллекта; Жизнеописания Спинозы. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 338 с.
- Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена; Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. – М.: Худож. лит., 1968. – 685 с.
- Шекспир У.* Сонеты / Пер. Р. Бадыгова. – Режим доступа: http://www.shekspir.info/sonetyi/sonetyi_per_r_badyigov/79.html (дата обращения: 1.12.2017).
- * * *
- Aktuelles aus Bramfeld: Lesung im Maschenwunder am 25.10.2014. – Mode of access: <https://www.bramfeld.hamburg/aktuelles/311-lesung-im-maschenwunder-am-25-10-2014> (дата обращения: 1.12.2017).
- Aristotle.* Aristotles latine interpretibus variis. – Berolini: G. Reimerum, 1831. – 750 p.
- Barney N.C.* Pensées d'une amazone. – Paris: Emile-Paul freres, 1921. – 244, XXIV p.
- Barney N.C.* Pensées amazoniennes // La Revue mondiale. – Paris, 1917. – T. 119, 1 juillet. – P. 125 – 129.
- Kasper M.* Reclams Lateinisches Zitate-Lexicon. – Stuttgart: Reclam, 2000. – 432 S.
- Kraus K.* Aphorismen und Gedichte: Auswahl 1903–1933. – Berlin: Volk und Welt, 1974. – 126 S.
- Plinius Secundus, Gaius.* Naturalis Historia 10.171.1. – Mode of access: <http://latin.packhum.org/loc/978/1/788#788> (дата обращения: 1.12.2017).
- Sexual Behavior in the Human Female / Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E., Gebhard P.H. – Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1998. – 842 p.
- The Art of Love: Bimillennial Essays on Ovid's Ars Amatoria and Remedies Amoris. – Oxford: Oxford Univ. Pres, 2006. – 375 p.

КАЖДЫЙ СОЛДАТ В СВОЕМ РАНЦЕ НОСИТ МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ

Обычно эти слова приписываются Наполеону I. Строго говоря, это неверно, и всё же в этой легенде есть немалая доля истины.

В изгнании Наполеон говорил, что при нем «каждый солдат надеялся стать генералом» (запись Барри О'Мира от 8 ноября 1816 г.). В печати эти слова появились в книге О'Мира «Наполеон в изгнании» (1822) [O'Meara, p. 186].

В 1818 г. были опубликованы «Размышления о Французской революции» Жермены де Сталь, умершей годом ранее. Здесь говорилось, что при Наполеоне «простой солдат мог надеяться стать маршалом Франции» [Staël, p. 415 (ч. 4, гл. 14)].

И это была чистая правда. Из 28 наполеоновских маршалов не менее половины начали службу солдатами и не принадлежали к дворянскому сословию, а стало быть, при Старом режиме не могли рассчитывать даже на офицерское звание. Среди них были: ученик красильщика Жан Ланн, сын бондаря Мишель Ней, сын трактирщика Иоахим Мюрат, сын каменщика Пьер Франсуа Ожеро, сын кожевенника Лоран де Гувион де Сен-Сир и т.д. Наполеон вознаградил их не только званием маршала, но и самыми высокими титулами, вплоть до герцогских, а Мюрат даже стал королем.

Однако слова о «маршальском жезле в ранце» произнес не Наполеон, а Людовик XVIII.

8 августа 1819 г. король посетил военную школу Сен-Сир в сопровождении маршала Николя Удино, герцога Реджио. Удино, получивший звание маршала и герцогский титул от Наполеона, после Реставрации возглавил королевскую гвардию. Школа Сен-

Сир (основанная тоже Наполеоном) располагалась в пяти километрах от Версаля, и король наблюдал за учениями воспитанников с балкона дворца Сен-Клу. Согласно книге Альфонса дю Бошама «Жизнь Людовика XVIII» (3-е изд., 1825), король несколько раз аплодировал экзерцициям, а затем обратился к воспитанникам школы Сен-Сир со словами: «Дети мои, я доволен как нельзя более; помните, что среди вас нет никого, кто не носил бы в своем ранце маршальский жезл герцога Реджио; извлечь его оттуда зависит от вас» [Beauchamp, p. 287].

В чуть иной форме эти слова приводит генерал Ж.Э. Ла Моттеруж, который в 1819 г. поступил в школу Сен-Сир [La Motterouge, p. 99]; но его поздние мемуары не могут считаться независимым свидетельством.

Казалось бы, Людовик лишь повторил в другой форме слова де Стель о простых солдатах, которые метили в маршалы. Но сходство это лишь мнимое. Хотя среди выпускников школы Сен-Сир насчитывается 11 маршалов Франции, эта школа была элитарной; ее воспитанники отнюдь не были простыми солдатами.

Тем не менее в 1827 г. в примечаниях к французскому переводу валтер-скотовской биографии Наполеона говорилось: «Во Франции, по удачному выражению Людовика XVIII, <...> каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл» [Scott, p. 115]. В авторитетном словаре Эмиля Литтрэ (1863) более осторожно сообщалось, что «эти слова приписываются Людовику XVIII» [Littré, p. 446].

Однако в «Универсальном словаре» 1853 г. автором изречения назван Наполеон [La Châtre, p. 548; та же версия в словаре: Bescherelle, p. 363].

На самом же деле изречение не имеет определенного автора: это «сводная цитата» из высказываний Наполеона, Жермены де Стель и Людовика XVIII.

В России задолго до наполеоновских войн существовала пословица «Всякий солдат хочет быть генералом, а матрос адмиралом». Она приведена в собрании пословиц А.А. Барсова (1770) [Барсов, с. 35]. А в опере-водевиле А.А. Шаховского «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец» (1814) говорилось: «Худой тот солдат, которой не надеется быть фельдмаршалом» [Шаховской, с. 33].

В реальности в русской армии простые солдаты фельдмаршалами не становились, но в генералы по крайней мере один из них вышел. Это был дед знаменитого Михаила Дмитриевича Скобелева – Иван Никитич Скобелев (1778 или 1782–1849). Сын сержанта-однодворца (т.е. не дворянин по происхождению), он начал военную службу солдатом и дослужился до звания генерала от инfanterии.

Чтобы пословица стала реальностью, требовались потрясения невиданного масштаба – такие, какие случились во Франции в 1789 г., а в России – в 1917-м.

Список источников

- Барсов А.А.* Собрание 4.291 древних российских пословиц. – М.: Тип. Моск. ун-та, 1770. – 320 с.
- Шаховской А.А.* Ломоносов, или Рекрут-стихотворец. – СПб.: Тип. Имп. театра, 1816. – 91 с.
- * * *
- Beauchamp A. de.* Vie de Louis XVIII, roi de France et de Navarre, continuée jusqu'à sa mort. – 3 ed. – Paris: J.-J. Naudin, 1825. – T. 1. – 386 p.
- Bescherelle L.-N.* Dictionnaire national ou Dictionnaire universel de la langue française. – Paris: Garnier Frères, 1875. – T. 1. – 1319 p.
- La Châtre M.* Le dictionnaire universel: panthéon littéraire et encyclopédie illustrée. – Paris: Administration de librairie, 1853. – T. 1. – 1620 p.
- La Motterouge J.-E. de.* Souvenirs et campagnes. – Paris: P. Lethielleux, 1895. – T. 1. – 531 p.
- Litrré E.* Dictionnaire de la langue française. – Paris: Hachette, 1863. – T. 2, part. 1. – 1396 p.
- O'Meara B.* Napoléon en exil. – Paris: Garnier Frères, 1897. – T. 1. – 502 p.
- Scott W.* Vie de Napoléon. – Bruxelles: Laurent Frères, 1827. – T. 3. – 365 p.
- Staël A.-L.-G.* Considérations sur les principaux événements de la révolution française. – Paris: Charpentier, 1845. – 664 p.

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ СВОЮ ЦЕНУ

Главный герой комедии Уайльда «Идеальный муж» (1895) – сэр Роберт Чилтерн, политик с большим будущим. Ему противостоит миссис Чивли, «женщина с прошлым». Путем шантажа она пытается склонить Чилтерна поступиться моральными принципами:

«– Дорогой мой сэр Роберт, вы человек практичный, так что у вас, я полагаю, есть своя цена. В наши дни она есть у каждого. Трудность лишь в том, что многие стоят ужас как дорого. Например, я» [Wilde, p. 605].

К тому времени изречение «Каждый человек имеет свою цену» имело за собой более чем полуторавековую историю. Традиционно оно приписывается Роберту Уолполу (1676–1745), наиболее известному британскому политику XVIII в. Уолпол считается первым премьер-министром в истории Великобритании, хотя в его время это наименование еще не было официальным. Он принадлежал к партии вигов (либералов) и в 1721–1745 гг. возглавлял правительство в должности канцлера казначейства, т.е. министра финансов.

В 1776 г. вышла книга под названием «Ричардсониана, или Попутные размышления о нравственной природе человека». Ее автором был умерший к тому времени художник-портретист Джонатан Ричардсон (1667–1745). Согласно Ричардсону, «один великий министр сказал о людях, с которыми ему приходилось иметь дело, что “здесь нет ни одного человека, каким бы патриотом он ни казался, о котором я бы не знал, какова его цена”» [Richardson, р. 178 (гл. 42)]. Мало кто сомневался, что «великим министром» здесь назван Уолпол.

В 1798 г. историк Уильям Кокс (родившийся уже после смерти Уолпола) напечатал трехтомный труд «Записки о жизни и правительственной деятельности сэра Роберта Уолпола». Здесь говорилось (гл. 14):

«Политическая аксиома: *все люди имеют свою цену*, которую обычно приписывали ему и которую так часто повторяли в стихах и прозе, была искажена путем опущения слова *этн*. Цветистое красноречие он презирал; он считал, что за декларациями мнимых патриотов кроются корыстные виды их самих или их близких, и говорил о них: «*Все эти люди имеют свою цену*» [Сохе, р. 757].

В 1818 г. были посмертно опубликованы «Политические и литературные анекдоты» ученого и писателя-сатирика Уильяма Кинга, современника Уолпола. Кинг рассказывал, что однажды Уолпол хотел провести в Палате общин решение, которое, как он знал, встретит сильную оппозицию со стороны тори. «Проходя через зал Суда по ходатайствам, он встретил члена оппозиционной партии, чья жадность, как он мог судить, не отвергла бы крупную взятку. Он отвел его в сторону и сказал: «Сегодня решается такой-то вопрос, дайте мне свой голос, и вот вам чек на 2000 фунтов»». Чек был принят [King, р. 28].

В другой раз, слушая дебаты в Палате лордов, Уолпол заметил стоявшему рядом с ним Уильяму Левисону-Гаузру: «Видите, с каким пылом и страстью они оппонируют [правительству], а ведь я знаю цену каждому в этой Палате, кроме троих, и один из них – ваш брат». (Брат Уильяма Джон был видным политиком-консерватором.) Уолпол, замечает Кинг, прожил недостаточно долго, чтобы увидеть, что «lord Гаузр имел свою цену, как и все остальные» [King, р. 44, 45].

Первый известный случай цитирования сентенции «Каждый человек имеет свою цену» относится к 1734 г. И слова эти были сказаны отнюдь не Уолполом – напротив, они адресовались ему. В течение всего правления Уолпола консерваторы не переставали обвинять его в продажности и мздоимстве. Эти обвинения едва ли были безосновательны: Уолпол, сын провинциального землевладельца, к концу жизни сколотил огромное состояние, а его художественная коллекция, купленная Екатериной II, положила начало собранию Эрмитажа.

13 марта 1734 г. в парламенте выступил политик-тори Уильям Уиндем, в прошлом военный министр. Намекая на продажность

правительства вигов, он заметил: «...Есть старое изречение, что *каждый человек имеет свою цену*, если вы можете ее предложить; я надеюсь, что это не относится к каждому человеку, однако боюсь, что, вообще говоря, это правда» [Proceedings, p. 627].

О продажности английских политиков любили говорить деятели Великой французской революции. В 1791 г. Камилл Демулен писал, что «Уолпол установил в парламенте ценник на [человеческие] совести» [Desmoulins, p. 593].

Однако с упрочнением парламентского строя во Франции коррупция и здесь стала нормой политической жизни. Весной 1846 г. либерал Леон де Мальвий на заседании Палаты депутатов обвинил в продажности правительство Франсуа Гизо. Министр внутренних дел Дюшатель возразил: «Факты! приведите же факты!», а правительственное большинство депутатов начало ему аплодировать. Тогда де Мальвий, обернувшись к залу, воскликнул: «Да разве нам не известен ценник на ваши совести, который недавно на вас нацепили?» [Biographie, p. 321].

Те же нравы царили в политической жизни Америки эпохи Марка Твена. В речи, написанной в 1873 г. по случаю годовщины Декларации независимости США, Твен заметил: «Думаю, я вправе сказать – и я говорю это с гордостью, – что у нас имеются некоторые законодательные органы, которые продаются по самым высоким ценам в мире» [Billington, p. 57]. (Эта речь была написана для обеда в американском посольстве в Лондоне, но прочесть ее писателю не удалось.)

Почти двадцать лет спустя Твен записал:

«Билл Стайлс ведет в конгрессе кулуарную кампанию за одного кандидата в сенаторы. Жалуется на низкий моральный уровень законодателей:

– Просто руки опускаются. Нет ни одного человека настолько высоконравственного, чтобы, однажды продавшись, оставаться продавшимся несмотря ни на что» («Записные книжки», 1890–1891) [Zall, p. 51].

А в конце XX в. появился исторический анекдот:

«Однажды Авраам Линкольн вышвырнул из своего кабинета человека, предложившего ему громадную взятку. Его спросили, отчего это так его взволновало. Линкольн ответил:

– Каждый человек имеет свою цену, а этот прохвост слишком близко подобрался к моей» [Solomon, p. 117].

Стоит заметить, что подкуп парламентариев в известном смысле был показателем значимости роли парламента и парламентской оппозиции. Там, где парламент ничего не решает или его решение известно заранее, незачем покупать голоса.

Список источников

- Billington J.H.* Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations. – Mineola (New York): Dover Publications, 2010. – 520 p.
- Biographie des députés précédée d'une histoire de la législature de 1842 à 1846.* – Paris: Pagnerre, 1846. – 335 p.
- Coxe W.* Memoirs of the Life and Administration of Sir Robert Walpole. – London, 1798. – Vol. 1.
- Desmoulin C.* [L'empire de la Tribune appartient à 2 sortes d'hommes...] // Révolutions de France et de Brabant. – Paris, 1791. – № 78, Mai. – P. 587–616. – Неозглавленная статья; название дано по первым словам.
- King W.* Political and Literary Anecdotes of his own Times. – London: J. Murray, 1818. – 252 p.
- Proceedings and Debates in the last Session of Parliament // The London Magazine. – London, 1734. – Vol. 3, December. – P. 613–635.
- Richardson J.* Richardsoniana: Or, Occasional Reflections On the Moral Nature of Man. – London: J. Dodsley, 1776. – 336 p.
- Solomon R.C.* The New World of Business: Ethics and Free Enterprise in the Global 1990 s. – Lanham (Maryland): Rowman & Littlefield Publishers, 1994. – 337 p.
- Wilde O.* The Collected Works. – Hertfordshire: Wordsworth, 1997. – 954 p.
- Zall P.M.* Mark Twain Laughing. – Knoxville: University of Tennessee Press, 1986. – 199 p.

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

В сказочной пьесе Маршака «Двенадцать месяцев» (1943) находим следующий диалог:

«КАНЦЛЕР. Только вашу высочайшую резолюцию на этом ходатайстве.

КОРОЛЕВА (*нетерпеливо*). Что же я должна написать?

КАНЦЛЕР. Одно из двух, ваше величество: либо “казнить”, либо “помиловать”.

КОРОЛЕВА (*про себя*). По-ми-ло-вать... Каз-нить... Лучше напишу “казнить” – это короче» [Маршак, с. 316].

Маршак обыгрывал общеизвестную к тому времени фразу «Казнить нельзя помиловать». Фраза возникла как пример при изучении пунктуации. От правильной расстановки запятых в ней зависела жизнь двоечника – главного героя мультфильма «В стране невыученных уроков» (1969).

Когда же она возникла? По историческим меркам – не так уж давно, где-то в конце XIX в. В октябре 1900 г. в «Журнале Министерства юстиции» появилась заметка А.Л. Боровиковского о проекте нового гражданского уложения. Автор упрекал редакторов проекта «в странной склонности на запятые», а для иллюстрации приводил «якобы исторический анекдот»: «Приговор о смертной казни был конфирирован так: “помиловать нельзя казнить”; как читать: “помиловать нельзя, казнить” – или “помиловать, нельзя казнить”? – Прочли в первой редакции – и, быть может из-за запятой, человека повесили» [Боровиковский, с. 25].

Стоит заметить, что Александр Боровиковский, сенатор и обер-прокурор гражданского кассационного департамента, в 1870-е годы

прославился как защитник на крупных политических процессах. И писал он не только юридические трактаты, но и стихи.

В «Теории литературы» А.А. Русанова (1929) приведен анекдот «о какой-то “высокой” особе, которая на запрос, что делать с пойманными преступниками, ответила письмом без знаков препинания: “казнить нельзя помиловать”» [Русанов, с. 18]. В «Литературной энциклопедии» (1935) говорилось не о письме, а о «депеше» [Щерба, стб. 367]. Ни должности, ни имени «высокой особы» ни один из авторов, включая Боровиковского, не сообщает, хотя по смыслу резолюции речь должна была идти о царе.

По странному совпадению (если это можно считать совпадением) почти одновременно – летом 1903 г. – исторический анекдот с очень похожей фразой появился в американской печати [напр.: *The following story...*]. Его героиней была императрица Мария Фёдоровна, вдова Александра III. Согласно американским газетчикам, «вдовствующая императрица была очень любима в России. Вот одна из историй, по которой можно судить о ее характере. На столе у своего супруга она увидела документ, касавшийся одного политического заключенного. На полях Александр III написал: “Помиловать нельзя; сослать в Сибирь” (“Pardon impossible; to be sent to Siberia”). Императрица взяла перо и переставила точку с запятой: “Помиловать; нельзя сослать в Сибирь” (“Pardon; impossible to be sent to Siberia”»]. И по сей день этот пример приводится в англоязычной печати в рассуждениях о важности пунктуации.

В испаноязычных странах похожая фраза приписывается императору Карлу V (XVI в.). Император будто бы наложил такую резолюцию на решении некоего судьи: «Простить невозможно исполнить его приговор» («*Perdón imposible que cumpla su condena*»). Однако эта версия появилась уже после истории о Марии Фёдоровне и, по всей видимости, вторична.

Но каким образом в русской и американской печати почти одновременно появился «пунктуационный анекдот» очень близкого содержания?

В качестве исторической параллели можно привести легендарный рассказ, связанный с польским восстанием 1863 г. Восстанию предшествовали грандиозные мирные манифестации, начавшиеся в Варшаве в 1861 г. В июне 1862 г. в Петербурге была обнаружена подпольная прокламация о «подвиге капитана Алек-

сандрова». Здесь сообщалось, что варшавский военный телеграфист Александров будто бы получил шифрограмму с приказом царя по поводу мирной демонстрации: «Разгонять холодным оружием, а если нужно, то употреблять картечь». Однако наместнику Царства Польского генералу Лидерсу Александров передал содержание шифрограммы иначе: «Приказано действовать увещеваниями». За это он был приговорен к расстрелу, замененному пожизненной каторгой [Писарев, с. 451; Русско-польские., с. 435, 442, 483].

Эта революционная легенда получила широкую огласку, в том числе в польской печати. Поляки предлагали даже воздвигнуть памятник герою-телеграфисту (который, по-видимому, никогда не существовал) [Кацнельсон, с. 188].

Резолюция «Казнить нельзя помиловать» имела предшественниц на латыни, хотя и не столь лаконичных. В «Хронике» Альберика из Труа-Фонтен (умер ок. 1252 г.) рассказывалось о заговоре венгерской знати против королевы Гертруды, убитой в 1213 г., и приводился вымышленный ответ венгерского архиепископа заговорщикам, допускавший двойное прочтение:

1. «Reginam occidere, nolite timere, bonum est si omnes consentiunt, ego non contradico» («Королеву убить; не следует бояться, это хорошо; если все согласны, не возражаю и я»).

2. «Reginam occidere nolite, timere bonum est, si omnes consentiunt, ego non, contradico» («Королеву убивать не следует, бояться это хорошо; [даже] если все согласны, я – нет; возражаю»).

В несколько ином виде эта легенда приведена в «Истории Англии» Матвея Парижского (?–1259) [Душенко, Багриновский, с. 182].

А в 1327 г. английская королева Изабелла будто бы написала тюремщику своего мужа Эдуарда II записку: «Edwardum occidere nolite timere bonum est», т.е.: «Эдуарда убить, не смейте бояться, это хорошо», или: «Эдуарда убить не смейте бояться; это хорошо». Эта фраза приведена в «Хронике» Джекфри ле Бейкера, современника Изабеллы. Тюремщик понял записку верно, и Эдуард был убит. Фраза включена в драму Кристофера Марло «Эдуард II» (1592) [Душенко, Багриновский, с. 182].

В России XIX в. важность пунктуации обычно иллюстрировалась примером из латинского трактата Квинтилиана «Воспита-

ние оратора» (I в. н.э.). В «Учебной книге русского языка» (1823) эта история излагается так:

«В одной духовной было сделано завещание: *После смерти воздвигнуть статую, золотую пику держащую, statuam auream hastam tenentem*. Как решишь завещание, думали судьи: воздвигнуть ли золотую статую с копьем, или статую с золотым копьем?» [Учебная книга..., с. 90].

Этот пример можно встретить даже в популярной литературе XX в. Однако у римлян (и в средневековых рукописях тоже) знаков пунктуации не было, так что устранять возможность двойного толкования приходилось иначе. Нынешняя система пунктуации появилась лишь вместе с книгопечатанием.

На рубеже 1980–1990-х в русский политический язык вошла фраза «Уйти нельзя остаться». Имелась в виду территориальная целостность СССР, а затем – и Российской Федерации. В 2006 г. в Краснодаре даже прошла научно-практическая конференция «Россия и Кавказ: уйти нельзя, остаться» (здесь, как видим, запятая предусмотрительно поставлена).

Вскоре эта фраза стала применяться к руководителям государств – Саакашвили, Назарбаеву, Путину и т.д. В печати и Рунете нередки такие заголовки, как: «Асад: уйти нельзя остаться»; «Из Крыма уйти нельзя остаться»; «Британия – Евросоюз: “Уйти нельзя остаться”».

Список источников

- Боровиковский А.Л. Экскурсии в область русской речи. – СПб., 1900. – 27 с. – Отд. отт. из «Журнала мин-ва юстиции», 1900, № 10.
- Душенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Кацнельсон Д.Б. Образы русских революционеров в польской повстанческой поэзии 1861–1864 гг. // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.: сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 167–206.
- Маршак С.Я. Собр. соч. – М.: Худож. лит., 1968. – Т. 2. – 599 с.
- Писарев Д.И. Литературно-критические статьи: Избранное. – М.: Худож. лит., 1940. – 477 с.
- Русанов А.А. Теория литературы. – Самара: Самиздатторг, 1929. – 239 с.

Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 609 с.

Учебная книга русского языка. – М.: Университетская тип., 1823. – 158 с.

Церба Л.В. Пунктуация // Литературная энциклопедия: В 11 т. – М.: ОГИЗ, 1935. – Т. 9. – Стб. 366–370.

* * *

The following story is told of the Czarina... [Unnamed article] // The Wasp. – San Francisco, 1903. – July 4. – P. 656. – Заметка не озаглавлена; название дано по первым словам.

...КАК ВЕРЕВКА ПОДДЕРЖИВАЕТ ПОВЕШЕННОГО

26 марта 1924 г. лейборист Алфред Эммот произнес в британском парламенте речь, в которой процитировал слова, будто бы сказанные председателем Коминтерна Григорием Зиновьевым: «...Он развязал кампанию оскорблений против правительства Его Величества и сказал (возможно, в коммунистических кругах это считается юмором), что они “должны поддерживать британскую лейбористскую партию, партию Макдональда, как веревка “поддерживает” повешенного”» [цит. по: O'Toole].

В данном случае метафора о веревке, поддерживающей повешенного, была позаимствована у Ленина:

«Если я выступаю, как коммунист, и заявляю, что приглашаю голосовать за Гендерсона против Ллойд Джорджа, меня наверное будут слушать. <...> ... Я хотел бы поддержать Гендерсона своим голосованием точно так же, как веревка поддерживает повешенного; <...> приближение Гендерсонов к их собственному правительству <...> ускорит политическую смерть Гендерсонов и Сноуденов, как это было с их единомышленниками в России и в Германии» («Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (июнь 1920), гл. IX: «“Левый” коммунизм в Англии») [Ленин, т. 41, с. 73]. В том же 1920 году в Москве был опубликован английский перевод книги Артур Гендерсон (Хендерсон), был тогда лидером Лейбористской партии.

Англоязычные и немецкоязычные авторы обычно приводят эту метафору как ленинскую, и в том же контексте.

Однако ранее Ленин использовал ее в другом контексте: «Говорят, что мы без финансовой поддержки Англии и Франции не обойдемся. Но поддержка эта “поддерживает”, как веревка под-

держивает повешенного» (речь о войне на I Всероссийском съезде Советов 22 июня 1917 г.) [Ленин, т. 32, с. 290]. «...“финансовая поддержка союзников”, обогащая банкиров, “поддерживает” русских рабочих и крестьян только так, как веревка поддерживает повешенного» («Задачи революции», I. 3; опубл. 9–10 октября 1917 г.) [Ленин, т. 34, с. 233].

Именно это значение метафоры было исходным и основным вплоть до начала XX в.

По-английски метафора о веревке и финансистах встречается у Вальтера Скотта: «Генеральные откупщики <...> поддерживали правительство [Людовика XV], хотя, как верно заметил Мирабо, лишь в том смысле, в каком веревка поддерживает повешенного» («Жизнь Наполеона Бонапарта» (1827), т. 1, гл. 3) [Scott, p. 19].

Этот оборот вплоть до начала XX в. не получил распространения в странах английского языка. Зато он был прекрасно известен во Франции, хотя здесь эти слова обычно не приписывались Мирабо. В 1892 г. в журнале, посвященном историческим и филологическим разысканиям, упоминались «слова, приписываемые Людовику XIV, который заставил Фуке, своего министра финансов, вернуть награбленное: “Финансисты поддерживают королевство, как веревка поддерживает повешенного”» [Comme la corde...].

Обычно это выражение использовалось как анонимное – например, у бельгийского экономиста Эмиля де Лавелэ (Лавле): «В XVIII веке много дискутировали о роскоши. “Роскошь, – говорит финансист, – поддерживает государства”. – “Да, – отвечает экономист, – как веревка поддерживает повешенного”» («Элементы политической экономии» (1882), гл. 2, § 1) [Laveleye, p. 265].

Впервые же эта история появилась в сборнике исторических анекдотов и изречений «Шарпантиана» (1724). Автором сборника был умерший к тому времени археолог и литератор Франсуа Шарпантье (1620–1702). Здесь мы читаем:

«Человек, не знающий толка в делах, восхваляя откупщиков, сказал, что “только они и поддерживают государство”. “Это верно, – заметил кто-то, – дельцы [gens d'affaires] поддерживают Францию, как веревка поддерживает повешенного – удушая его”» [Charpentier, p. 141–142].

Этот анекдот публиковался множество раз вплоть до конца XIX в., обычно в несколько измененном виде и без ссылки на источник.

Анонимный публицист эпохи Реставрации применил метафору о веревке не к финансистам, а к ультрапоялистам: «Вы смеете претендовать на то, что аристократия поддерживает трон! А я показал, что аристократия поддерживает трон, как веревка поддерживает повешенного» [Adresse.., р. 69].

Список источников

Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1958–1965. – Т. 1–55.

* * *

Adresse de l'auteur des «Considérations sur l'état actuel des sociétés en Europe» à la chambre des députés. – Strasbourg: L. Eck, 1819. – 86 p.

Charpentier F. Carpentariana: ou Remarques d'histoire, de morale, de critique, d'érudition, et de bons mots. – Paris: Nicolas le Breton, 1724. – 491 p.

Comme la corde soutient un pendu // L'Intermédiaire des chercheurs et curieux. – Paris, 1892. – № 582, 20 mai. – P. 493.

Laveleye E. de. Éléments d'économie politique. – Paris: Hachette, 1882. – 297 p.

O'Toole G. [псевд.]. *The Capitalists Will Sell Us the Rope with Which We Will Hang Them // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations* [Авторский сайт]. – Mode of access: <http://www.quoteinvestigator.com/2018/02/22/rope> (дата обращения: 1.04.2018).

Scott W. The Life of Napoleon Bonaparte: Emperor of the French. – Paris: A. and W. Galignani, 1827. – Vol. 1. – 858 p.

КАРЛИКИ НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ

История этой метафоры начинается в XII в. В трактате Иоанна Солсберийского «Металогика» (1159), III, 4, читаем: «Бернард Шартрский говорил, что мы подобны карликам, сидящим на плечах гигантов, чтобы видеть больше и дальше, чем они, – не потому, что у нас острее зрение или выше рост, но потому, что их гигантские фигуры поднимают нас ввысь» [Burian, p. 697].

Бернард Шартрский (? – ок. 1130), французский философ и богослов, был основателем Шартрской философской школы. Видное место отводилось в ней Платону и Аристотелю, разумеется, истолкованным в духе христианского мировоззрения.

Уже в XIX в. было обнаружено близкое по смыслу, но более раннее высказывание Вильгельма из Конша – ученика Бернарда Шартрского и учителя Иоанна Солсберийского. Латинский грамматик Присциан, работавший на рубеже V–VI вв., писал, что авторы грамматических сочинений «чем моложе [т.е. чем позднее они родились], тем прозорливее». Вильгельм из Конша так прокомментировал эти слова: «Хорошо сказано, что современные авторы прозорливее, но не мудрее древних. <...> Ныне мы располагаем всеми их сочинениями, а сверх того всем, что было написано от начала времен до наших дней. И потому мы видим больше, чем они, но знаем не больше» (комментарии к «Грамматическим наставлениям» Присциана, написанные до 1123 г.) [Ehlers, S. 290].

На одном из витражей Шартрского собора изображены четыре евангелиста на плечах четырех великих пророков (Исаия, Иеремия, Иезекииль и Даниил). Витраж был создан между 1224 и 1250 гг., т.е. либо в последние годы жизни Бернарда Шартрского,

либо вскоре после его смерти. Фигуры пророков по размеру больше, чем фигуры евангелистов, причем взгляд евангелистов устремлен на изображение Христа. Это можно понимать так, что евангелисты, хотя сами они меньше пророков, «видят больше», ибо они видят Мессию, о котором говорили пророки [Zwerge auf den Schultern].

Изобразительная метафора того же рода встречается в манускрипте 1410 г.: коротышка Кедалион сидит на плечах гиганта Ориона. Это иллюстрация сюжета из греческой мифологии: бог Гефест дал Кедалиона в поводыри ослепленному Ориону [Zwerge auf den Schultern].

Метафорой Бернарда Шартрского воспользовался знаменитый еврейский ученый-талмудист Исаия бен Мали ди Трани, живший в Италии примерно в 1180–1250 гг.:

«Кто видит дальше – карлик или великан? Конечно, великан, ведь его глаза расположены выше, чем у карлика. Но если карлик находится на плечах великана, кто видит дальше? <...>

Так что мы – такие же карлики, усевшиеся на плечи великанов. Мы постигаем их мудрость и идем дальше. Мы становимся мудрыми благодаря их мудрости и можем сказать всё то, что мы говорим, но не потому, что мы более велики, чем они» (трактат «Ответы», ответ 62) [Leiman, p. 92].

Испанский гуманист Хуан Луис Вивес в трактате «Об учениях» (1531) отказывался считать новейших мыслителей карликами: «Неверно и глупо кем-то придуманное сравнение, которому многие приписывают великую тонкость и глубину: “По отношению к древним мы – карлики, взобравшиеся на плечи великанов”. Это не так. И мы не карлики, и они не великаны, а все мы люди одного роста, и благодаря их наследству мы можем подняться даже чуточку выше, лишь бы сохранить их деятельную страсть, горение духа, доблесть и любовь к истине» [Шестаков, с. 467].

Полвека спустя Мишель Монтень замечает: «Мнения наши перерастают одно в другое: первое служит стеблем для второго, второе для третьего. Так мы и поднимаемся со ступеньки на ступеньку. И получается, что тому, кто залез выше всех, часто выпадает больше чести, чем он заслужил, ибо, взобравшись на плечи предыдущего, он лишь чуточку возвышается над ним» («Опыты», кн. III (1588), 13; пер. Н. Рыковой) [Монтень, с. 267].

Эта метафора встречалась в латинском трактате испанца Диего де Эстелла (1578) [Mackay, p. 73]. Отсюда она попала в знаменитую книгу Роберта Бёртона «Анатомия меланхолии» (II изд.: 1624): «Карлик, стоящий на плечах великана, может видеть дальше самого великана» [Merton, p. 4, 7].

Однако наиболее известно высказывание Исаака Ньютона в письме к Роберту Гуку от 5 февраля 1675 г.: «То, что сделал Декарт, было хорошим шагом. Вы добавили много [новых] решений, особенно там, где речь идет о философском рассмотрении цветов тонких пленок [т.е. явления интерференции света. – К.Д.]. Если я видел дальше, то потому, что стоял на плечах гигантов» [Merton, p. 31].

По-своему истолковал старинную метафору Генрих Гейне: «Не пристало нам жаловаться на ограниченность его [Лютера] взглядов. Карлик, стоящий на плечах великана, может, конечно, видеть дальше, чем сам великан, особенно если наденет очки; но для возвышенного кругозора недостает ему высокого чувства исполненного сердца» («К истории философии и религии в Германии» (1834), кн. I; пер. А. Горнфельда) [Гейне, с. 222].

Николай Михайловский, виднейший теоретик русского народничества, считал, что Россия может и должна обойтись без капиталистической фазы развития. Это позволит ей опередить Европу, сидя на ее плечах: «Положение России представляет пока действительно громадные выгоды: но, между прочим, потому, что мы позже других вышли на работу цивилизации и, как карлик на плечах великана, можем следить за причинами и результатами настоящего положения старой, многострадальной Европы, черпая из нее для себя уроки» [Михайловский, с. 71].

Эрнст Джонс в своей биографии Фрейда рассказывает такой эпизод: австрийский психиатр Вильгельм Штекель считал, что превзошел своего учителя Фрейда в толковании символов; дескать, «карлик на плечах великана видит дальше, чем сам гигант». Услышав об этом, Фрейд мрачно заметил: «Может, и так, но этого не скажешь о вши на голове астронома» [Jones, p. 136].

Список источников

Гейне Г. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 4. – 462 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

Михайловский Н.К. Литературные и журнальные заметки. Май 1872 // Отечественные записки. – СПб., 1872. – № 5. – С. 51–75 (2-я паг.).

Монтень М. Опыты. – М.: Наука, 1979. – [Т. 2], кн. 3. – 534 с.

Шеснаков В.П. Эстетика Ренессанса. – М.: Искусство, 1981. – Т. 1. – 495 с.

* * *

Burian L.G. Images and Ideas in the Middle Ages. – Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1983. – Vol. 1. – 1119 p.

Ehlers J. Otto von Freising: Ein Intellektueller im Mittelalter. – München: C.H. Beck, 2013. – 383 S.

Jones E. The Life and Work of Sigmund Freud. – New York: Basic Books, 1955. – Vol. 2: Years of maturity, 1901–1919. – 512 p.

Leiman S.Z. From the pages of Tradition: Dwarfs on the Shoulders of Giants // Tradition: A Journal of Orthodox Jewish Thought. – New York, 1993. – Vol. 27, № 3 (Spring). – P. 90–94.

Mackay A.L. A Dictionary of Scientific Quotations. – London: CRC Press, 1991. – 312 p.

Merton R.K. On the Shoulders of Giants: The Post-Italianate Edition. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 319 p.

Zwerge auf den Schultern von Riesen // Wikipedia: Die Freie Enzyklopädie. – Mode of access: https://de.wikipedia.org/wiki/Zwerge_auf_den_Schultern_von_Riesen#cite_ref-4 (дата обращения: 1.12.2017).

КВАСНОЙ ПАТРИОТИЗМ

В 1941 г. В.В. Виноградов датировал выражение «квасной патриотизм» 1820-ми годами, а в качестве его наиболее вероятного автора назвал князя Петра Андреевича Вяземского [Виноградов].

«Выражение *квасной патриотизм* шутя пущено было в ход и удержаналось», – писал Вяземский в «Старых записных книжках» [цит. по: Виноградов, с. 241]. В 1827 г. в № 11 «Московского телеграфа» за подписью «Г. Р.-К.» была помещена его рецензия на книгу Франсуа Ансело «Шесть месяцев в России» (Париж, 1826). В заключении этой, весьма подробной рецензии Вяземский писал:

«Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что свое. Тюрго называл это *лакейским патриотизмом, du patriotisme d'antichambre*. У нас его можно бы назвать *квасным патриотизмом*. Я полагаю, что любовь к отечеству должна быть слепа в пожертвованиях ему, но не в тщеславном самодовольстве: в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, которого бы он народа ни был, не хотел бы выдрать несколько страниц из истории отечественной и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам? Истинная любовь ревнива и взыскательна. Равнодушный всем доволен, но что от него пользы? Бесстрастный в чувстве, он бесстрашен и в действии» [Вяземский, 1878, с. 244].

В 1831 г. отсюда возникло выражение «квасные патриоты» – в заметке А.Ф. Воейкова «Любопытная новость», опубликованной в № 48 журнала «Молва» под псевд. А. Кораблинский. Эта заметка, согласно В.В. Виноградову¹, была «доносом на либерализм Н.А. По-

¹ Псевдоним «А. Кораблинский» в статье Виноградова не раскрыт.

левого». Воейков писал: «Если находятся еще в России *квасные патриоты*, которые наперекор Наполеону почитают Лафайета человеком мятежным и пронырливым, то пусть они заглянут в № 16 “Московского телеграфа” (на 464 стр.) и уверяются, что “Лафайэт самый честный, самый основательный человек во Французском королевстве, чистейший из патриотов, благороднейший из граждан, хотя вместе с Мирабо, Сиесом, Баррасом, Баррером и множеством других был одним из главных двигателей революции”; пусть сии *квасные патриоты* увидят свое заблуждение и перестанут Презренной клеветой злословить добродетель!» [цит. по: Виноградов, с. 239].

Как бы в ответ Воейкову Николай Полевой заявил: «...*Квасного патриотизма* я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю <...>» (предисловие к роману «Клятва при Гробе Господнем», 1832) [Полевой, с. IX]. С тех пор выражение «квасной патриотизм» нередко приписывалось Полевому [Виноградов, с. 240].

Для Воейкова выражение «квасные патриоты» было «чужим»; он использовал его иронически. Зато Белинский с начала 1840-х годов многократно использовал это выражение в полемике со славянофилами, например: «...У нас так много *квасных патриотов*, которые всеми силами *натягиваются* ненавидеть все европейское – даже просвещение, и любить всё русское – даже сивуху и рукопашную дуэль» («Мысли и заметки о русской литературе», 1846) [Белинский, с. 437].

В том же 1846 г. «наших так называемых квасных патриотов» осудил Гоголь: «После их похвал, впрочем, довольно чисто-сердечных, только плюнешь на Россию» («О лиризме наших поэтов») [цит. по: Виноградов, с. 241].

Несколько десятилетий спустя Вяземский, словно бы продолжая мысль Белинского, замечает: «В этом [квасном] патриотизме нет большой беды. Но есть и *сивушный патриотизм*; этот пагубен: упаси Боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная» («Старая записная книжка») [цит. по: Виноградов, с. 241].

Заметим еще, что В.В. Виноградов цитирует, вслед за Н.В. Соловьевым, эпиграмму, написанную будто бы В.А. Жуковским: «Наевшись щей, напившись кваса, / Их разобрал патриотизм...» [Вино-

градов, с. 238; Соловьев, с. 64]. В действительности эта эпиграмма написана уже после смерти Жуковского. Ее автор – С.А. Соболевский; с 1921 г. она публикуется под загл. «По поводу дворянских собраний 1864–1865 гг.» [Львов-Рогачевский, с. 57]¹.

Близкое по смыслу выражение «казенный патриотизм» принадлежит Герцену. Обращаясь к славянофилам, он говорил: «...Ваш независимый патриотизм <...> близко подошел к казенному» («“Колокол” и “День”», статья в «Колоколе» от 10 июля 1863 г.) [Герцен, с. 210].

Стоит сказать еще о французском предшественнике «квасного патриотизма», поскольку этот сюжет не исследован толком ни у нас, ни во Франции.

Значение французского «*le patriotisme d'antichambre*» – где-то между «квасным патриотизмом» (когда речь идет о целых народах) и «местечковым патриотизмом» (когда речь идет об отдельных провинциях и городах). Вяземский, по всей вероятности, взял это выражение у Стендяля, который трижды приводил его со ссылкой на выдающегося экономиста и государственного деятеля Жака Тюрго (1727–1781). В трактате Стендяля «О любви» (1822) читаем:

«...варварский плод, нечто вроде Калибана, чудовище, исполненное бешенства и глупости: *патриотизм передней*, как выражался г-н Тюрго по поводу “Осады Кале” <...>. Я видел, как это чудовище заставляло тупеть самых умных людей». «Одной из форм этого патриотизма является неумолимая ненависть ко всему иностранному» (перевод М. Левберг и П. Губера) [Стендаль, с. 152, 153].

Раннее печатное упоминание о «патриотизме передней» мы находим в сочинении Жана Антуана Кондорсе «Жизнь Вольтера» (1789). Здесь патриотизм вольтеровских трагедий противопоставляется «*патриотизму передней*, который ныне столь преуспел на французской сцене» [Condorcet, p. 24].

В 1812 г. был опубликован первый том «Литературной корреспонденции» Мельхиора Гrimма – рукописного журнала XVIII в., который рассыпался европейским государям. В составле-

¹ В комментариях к книге Виноградова «История слов», последнее издание которой вышло в 1999 г. в Институте русского языка, эта ошибка осталась неисправленной.

нии «Корреспонденции», кроме Гримма, видную роль играл Дени Дидро, причем можно полагать, что статьи о театре писал именно он. В номерах «Корреспонденции» за 1770–1771 гг. неоднократно говорилось о «патриотизме передней», всякий раз со ссылкой на Тюрго.

В январе 1770 г. на сцене «Комеди Франсез» состоялась премьера одноактной комедии Никола Шамфора «Купец из Смирны» (*Le marchand de Smyrne*). В «Литературной корреспонденции» за этот месяц отмечалось, что в комедии больше всего раздражают «плоские и преувеличены похвалы французскому народу, которые встречаются здесь на каждом шагу, – похвалы, на которые не скучат наши второразрядные авторы в доказательство своего патриотизма. Г-н Тюрго, интендант Лиможа, называет это *патриотизмом передней*. Ничто не способно более унизить великую нацию и способствовать ее разложению, чем это нескончаемое обилие пошлых похвал <...>» [Grimm, Diderot, p. 27].

В мартовском номере «Корреспонденции» за тот же год сообщалось о выходе в свет сборника из двух трагедий Пьера Лорана де Беллуа: «Гастон и Баярд» (напечатанной впервые) и «Осада Кале» (1765). О предисловии к первой из этих трагедий автор «Корреспонденции» высказался в самых нелестных выражениях и, между прочим, заметил: «Именно о «Предисловии к «Гастону и Баярду»» г-н Тюрго, интендант Лиможа, сказал, что оно отдает *патриотизмом передней*» [Grimm, Diderot, p. 61]. (Хотя, как мы видели выше, это выражение встречалось в «Корреспонденции» двумя месяцами раньше.)

Наконец, в майском номере за 1771 г. появился отзыв на постановку «Гастона и Баярда» в «Комеди Франсез». Патриотический пафос трагедии автор «Корреспонденции» расценил как «*патриотизм передней*, как его называет Тюрго, столь же вульгарный, сколь и ребяческий» [Grimm, Diderot, p. 487].

Стендаль (который, несомненно, был знаком с первым томом «Корреспонденции») относил высказывание Тюрго не к «Гастону и Баярду», а к «Осаде Кале» – вероятно, потому, что эта трагедия гораздо дольше держалась в репертуаре. Во втором издании путевых очерков «Рим, Неаполь и Флоренция» (1826) Стендаль писал:

«Мудрец Тюрго, который любил свою страну и в лести ей видел лишь промысел мошенников и глупцов, назвал *патриотиз-*

мом передней энтузиазм дураков, восхищавшихся пошлыми комплиментами господина де Беллуа.

Бонапарт подражал Беллуа и, пожелав поработить французов, наградил их именем “великого народа”; <...> он находил недостойным, чтобы пишущие историю признавали изъяны или ошибки своей страны» [Stendhal, p. 250].

В трактате «О любви» Стендаль говорит о «патриотизме передней» как о свойстве итальянского национального характера, тогда как французы XIX в., вообще говоря, от этого недостатка освободились.

Проспер Мериме так не думал. В «Письме из Мадрида» от 25 октября 1830 г., опубликованном в журнале «Revue de Paris», он писал: «...патриотизм передней столы же силен в Испании, как и во Франции» [Mérimée, p. 28].

«Патриотизм передней» не стал идиомой французского языка и ныне упоминается почти исключительно в связи со Стендалем. Меткому выражению Вяземского повезло куда больше.

Список источников

- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 9. – 804 с.
- Виноградов В.В.* Квасной патриотизм // Виноградов В.В. История слов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. – С. 237–242. (Дата журн. публ. статьи: 1941.)
- Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. – СПб.: С.Д. Шереметев, 1878. – Т. 1. – LX, 355 с.
- Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 17. – 540 с.
- Львов-Рогачевский В.Л.* Революционные мотивы в русской поэзии. – Тула: Гос. изд-во, 1921. – 230 с.
- Полевой Н.А.* Клятва при гробе Господнем: [В 4 ч.]. – М.: Университет. тип., 1832. – Ч. 1. – LXIV, 258 с.
- Соловьев Н.В.* История одной жизни. А.А. Войкова – «Светлана»: [В 2 т.]. – Пг.: Тип. «Сириус», 1916. – Т. 2. – 188 с.
- Стендаль.* Собр. соч.: В 12 т. – М.: Правда, 1978. – Т. 7. – 400 с.
- * * *
- Condorcet J.-A.-N.* Vie de Voltaire. – Paris: Dubisson, 1864. – 192 p.
- Grimm F.M., Diderot D.* Correspondance littéraire, philosophique et critique... – Paris: F. Buisson, 1812. – Т. 1. – 515 p.
- Mérimée P.* [Lettre] au directeur de la Revue de Raris. Madrid, 25 october // Revue de Paris. – Paris, 1831. – Т. 22. – P. 28–43.
- Stendhal.* Rome, Naples et Florence. – Paris: Delaunay, 1826. – Т. 1. – 348 p.

КОТОРЫЙ ЧАС? – ВЕЧНОСТЬ

В апреле 1913 г. в Петербурге вышла первая книжка стихов Осипа Мандельштама «Камень». В ней было всего 23 стихотворения, в том числе вот это шестистишие:

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?

И Батюшкова мне противна спесь:
«Который час?» – его спросили здесь,
А он ответил любопытным: «вечность»

[Мандельштам, с. 102].

Чтобы понять, о чём здесь речь, нужно обратиться к биографии Константина Батюшкова. В 1822 г. он вернулся из Италии; поехал на Кавказ, потом в Крым. Душевный недуг, давно уже мучивший его, принял форму мании преследования. Поэт трижды пытался покончить с собой, сжег свою библиотеку и все рукописи. В 1824 г. он был помещен в больницу для душевнобольных в Зонненштейне (Саксония), где пробыл четыре года. В начале августа 1828 г. врач Антон Дитрих, по происхождению немец, перевез его в Москву, где он пробыл пять лет, а всю остальную жизнь – в Вологде, в доме своего племянника. Здесь он и умер, всеми забытый, в 1855 г.

В 1829 г. Дитрих составил для В. Жуковского «Записку» о болезни Батюшкова на немецком языке. «Записка» была написана на основе дневника, который Дитрих вел с марта 1828 по май

1830 г., поэтому ее ценность как документа исключительно высока. Почти через 60 лет «Записка» была опубликована в первом томе «Сочинений» Батюшкова (1887). По сообщению Дитриха, Батюшков «спрашивал сам себя несколько раз во время путешествия [в Россию], глядя на меня с насмешливой улыбкой и делая рукой движение, как будто бы он достает часы из кармана: “Который час?” – и сам отвечал себе: “Вечность”» (перевод А.В. Овчинниковой) [Дитрих, с. 500].

Слова эти были сказаны по-немецки: «Was ist die Uhr? – Die Ewigkeit!» [Батюшков, с. 342]. Фразы, сказанные Батюшковым на других языках (французском, итальянском, латыни, русском и даже греческом), Дитрих педантично записывал на языке оригинала, что в переводе Овчинниковой не отражено. Поэтому предположение, что Батюшков произнес свои слова «скорее всего по-французски», неубедительно [Булкина, с. 445].

Именно этот эпизод имел в виду Мандельштам. Почему, собственно, он говорил о «спеси» Батюшкова – поэта, которого ценил необычайно высоко?¹ Сборник «Камень» был поэтическим манифестом нового поэтического направления – акмеизма, и Мандельштам, вероятно, спорил не столько с Батюшковым, сколько с современными ему поэтами-символистами, которые во всем земном видели символы чего-то надмирного и вневременного.

Однако Мандельштам не знал обстоятельства, крайне существенного: эти слова Батюшков не придумал, а лишь процитировал. Истинный автор «диалога о вечности» был назван в 1960 г. [Цывловская, с. 108]. Это был Жак Бридэн, французский проповедник XVIII в.

Ныне его имя даже на его родине почти забыто. Жак Бридэн (J. Bridaine), или «аббат Жак», родился на юге Франции в 1701 г. Образование получил в иезуитской школе в Авиньоне, затем в Париже. В 1725 г., после посвящения в сан, он стал членом Королевской миссии, занимавшейся обращением протестантов в католиче-

¹ Самого Мандельштама Юрий Тынянов, как известно, сближал именно с Батюшковым как зачинателем нового стихотворного языка: «Мандельштам – поэт удивительно скрупой»; это – «скрупость Батюшкова, работающего в период начала новой стихотворной культуры над стиховым языком»; «Мелодия его стиха почти батюшковская» («Промежуток», 1924 г.) [Тынянов, с. 187, 188].

ство. Сорок с лишним лет Бриден странствовал, читая проповеди, которые импровизировал по кратким рукописным наброскам. Он обошел едва ли не все города Центральной и Южной Франции. В 1744 г. его проповеди произвели огромное впечатление в Париже. Умер он под Авиньоном в 1767 г., во время своего 256-го миссионерского путешествия.

Среди его проповедей особенно запомнилась одна – о вечности. Она была прочитана в парижской церкви Св. Сульпиция (Сен-Сюльпис) и сразу же причислена к шедеврам ораторского искусства. Целиком или во фрагментах она включалась в курсы французской литературы и пособия по красноречию, прежде всего для проповедников, но не только.

«О! знаете ли вы, что такое вечность? – спрашивал Бриден своих слушателей. – Это маятник, который, качаясь в могильном безмолвии, неустанно твердит лишь два слова: “Всегда, никогда! Никогда, всегда!” И при каждом таком ужасном качании какой-то отверженный кричит: “Который час?” И голос другого несчастного ему отвечает: “Вечность”» («*Quelles heure est-il?*» – «*L'éternité*») [Boudet, p. 383].

Это место проповеди привлекло особенное внимание и впоследствии цитировалось чаще всего. Вольтер отметил его на полях книги М. Ламберта «Мемуары светского человека» («*Memorial d'un mondain*», т. 1, 1776) [Voltaire, p. 164].

Кардинал Жан Мори, знаменитый оратор, включил проповедь о вечности в свои «Основы церковного и судебного красноречия» (1777; загл. I изд.: «Избранные рассуждения о различных предметах религии и литературы») [Maury, p. 46–50]. Посвященный Бридену отрывок из этой книги был напечатан в «Вестнике Европы» в 1804 г. [Мори]. И хотя фрагмент о маятнике сюда не попал, ссылочный Вильгельм Кюхельбекер записал в своем дневнике: «Бриден <...> заслуживает быть бессмертным в памяти потомства, если бы он даже и ничего другого не написал» (запись от 30 июля 1832 г.) [Кюхельбекер, с. 167].

Фрагменты «Проповеди о вечности» приводились в общеизвестном труде Жана Франсуа де Лагарпа «Лицей, или Курс древ-

ней и новой литературы» (1799–1805) [La Harpe, p. 203]. Однако здесь фрагмент о маятнике опущен [La Harpe, p. 203]¹.

Т.Г. Цявловская приводит пример обращения к «Проповеди о вечности» в «Балладе, обращенной к луне» Альфреда Миоссе (1829): «Qui sonne / L'heure aux damnés d'enfer? <...> / Quel âge / A leur éternité?» («Который пробил час проклятым в ад? / Сколько лет / Их вечности?») [Цявловская, с. 108; Musset, p. 104–105; французскую цитату и ее перевод я даю в уточненном виде.]

В 1843 г. к этому образу обратился основатель экзистенциализма Сёрен Кьеркегор. В книге «Две назидательные речи» (1843) он приводит «средневековую притчу»: «Несчастный, ожидая в аду, восклицает: “который час?”, а дьявол ему отвечает: “вечность”» [Kierkegaard, S. 147].

В 1846 г. вышла в свет книга стихов Генри Лонгфелло «Башня в Брюгге», куда вошло и стихотворение «Старинные часы на лестнице». Оно посвящалось Эдгару По (один из известнейших рассказов которого называется «Колодец и маятник»), а эпиграфом послужила цитата на французском языке с подписью «Жак Бриден»:

«Вечность – это маятник, который, качаясь в могильном безмолвии, неустанно твердит лишь два слова: “Всегда, никогда! Никогда, всегда!”» [Longfellow, p. 383].

Этот возглас стал рефреном всех девяти строф стихотворения.

В 1857 г. Шарль Бодлер опубликовал стихотворение в прозе «Часы», где бриденовский диалог переведен в другой план – «сериюминутной вечности»:

«...Если какой-нибудь невежа побеспокоит меня, пока мои глаза устремлены на этот прелестный циферблат, если какой-нибудь зловредный, нетерпимый дух или некстати подвернувшийся бес обратится ко мне с вопросом: что ты там выисматриваешь так старательно? Что видишь в глазах этого создания? Расточительный и праздный смертный, видишь ли ты, который час? – я без колеба-

¹ Так что неверно утверждение, что диалог о вечности «воспроизведен Лагарпом в “Курсе древней и новой литературы”» [Булкина, с. 445].

ний отвечу: да, вижу вечность!» (пер. Е.В. Баевской) [Бодлер, 2011, с. 44]¹.

Вечность, о которой говорил Бриден, это проклятая вечность отверженного. Казалось бы, то же значение она должна иметь и у Батюшкова – лишенного свободы душевнобольного, навсегда отрезанного от мира. Обычно так и считается, например: «Речь идет об адских муках, <...> именно это свое ощущение пытался передать больной Батюшков» [Булкина, с. 445]. Так же истолкованы слова Батюшкова в моей первой заметке об этой цитате [Дущенко, с. 23].

Однако «Записка» Дитриха противоречит такому истолкованию. Диалог из проповеди Бридена Батюшков цитирует «с на смешливой улыбкой». Он «живет в постоянном согласии лишь с небесами». «Он объявляет себя сыном Бога и называет себя Константин Бог»; он утверждает, что «встречается с ангелами и святыми, среди которых он особенно называл двоих: Вечность и Невинность» [Дитрих, с. 500–501]².

Как видим, для больного Батюшкова вечность отнюдь не проклятие, напротив – эта вечность свята. Диалог из проповеди Бридена обретает совершенно иной смысл: пациент доктора Дитриха уже живет в вечности, и не вечность его тяготит, а земное существование.

Список источников

- Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. – Т. 1. – 360 с.*
Бодлер Ш. Стихотворения в прозе: Парижский сплин; Фанфарло; Дневники. – СПб.: Наука, 2011. – 247 с.
Булкина И. [Рец.] // Новое лит. обозрение. – М., 2007. – № 5 (87). – С. 443–445. – Рец. на кн.: Новиков Н.Н. К. Н. Батюшков под гнетом душевной болезни: историко-литературный психологический очерк. – Арзамас: АГПИ, 2005. – 296 с.

¹ В комментарии [Бодлер, 2011, с. 207] отмечается близость этого фрагмента со строками Мандельштама, указывается их непосредственный источник – записи доктора Дитриха, но Бриден и его проповедь не упомянуты.

² И. Булкина ставит под сомнение достоверность этих сообщений: «У Дитриха получается, что Батюшков сходит с ума в духе немецких романтиков» [Булкина, с. 445]. Но нет никаких оснований предполагать, будто Дитрих специально придумывал высказывания своего пациента ради создания романтической легенды.

- Дитрих А.* О болезни русского Императорского Надворного Советника и дворянина господина Константина Батюшкова / Пер. с нем. А.В. Овчинниковой // Майков Л.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. – М.: Аграф, 2001. – С. 487–520.
- Душенко К.В.* «Спесь Батюшкова», или Ошибка Мандельштама // Культурология: Дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – № 3. – С. 21–23.
- Кюхельбекер В.К.* Путешествие; Дневник; Статьи. – Л.: Наука, 1979. – 792 с.
- Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. – СПб., 1997. – 720 с.
- Мори Ж.С.* О красноречии Бридена / Пер. П.И. Шаликова // Вестник Европы. – М., 1804. – Ч. 20, № 8. – С. 295–298.
- Тынянов Ю.Н.* Поэтика; История литературы; Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
- Цявловская Т.Г.* «Влюбленный бес» (Неосуществленный замысел Пушкина) // Пушкин: Исследования и материалы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 101–130.

* * *

- Boudet J.* Les Mots de l'histoire. – Paris: Robert Laffont, 1990. – 1415 p.
- Kierkegaard S.* Entweder / Oder. Zweiter Teil. Zwei erbauliche Reden 16. V. 1843 / Übersetzt von Emanuel Hirsch. – Düsseldorf; Köln: Diederichs 1957. – 447 S.
- La Harpe J.-F. de.* Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. – Paris: F. Didot, 1822. – T. 14. – 515 p.
- Longfellow H.W.* Poems. – Philadelphia: Carey and Hart, 1846. – 383 p.
- Maury J.-S.* Discours choisies sur divers sujets de religion et de littérature. – Paris: Lejay, 1777. – 454 p.
- Musset A. de.* Premieres poésies. 1829–1835. – Paris: Charpentier, 1852. – 356 p.
- Voltaire.* Corpus des notes marginales. – Berlin: Akad.-Verl., 1994. – T. 5. – 912 p.

КРОВЬ, ПОТ И СЛЕЗЫ

10 мая 1940 г. нацистская Германия, захватив перед тем Данию и Норвегию, перешла в решающее наступление на Западе. В тот же день Уинстон Черчилль был назначен премьер-министром. 13 мая он выступил перед Палатой общин:

«...Я повторю перед Палатой то, что уже сказал тем, кто присоединился к новому правительству: “Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжкого труда, слез и пота [blood, toil, tears and sweat]”.

Нам предстоит необычайно суровое испытание. Впереди много долгих месяцев борьбы и страданий.

Вы спросите, каков наш политический курс? Я отвечу: вести войну – на море, на суше и в воздухе, со всей мощью и со всем напряжением, какие дает нам Бог...» [Churchill, vol. 6, p. 6220].

Это одна из двух самых известных речей Черчилля (вторая – Фултонская речь о «железном занавесе»). Сборник речей Черчилля, вышедший в 1941 г., был назван «Кровь, пот и слезы».

Сочетание «кровь и слезы» встречалось в высказываниях Черчилля времен англо-бурской войны – в 1899 и 1900 гг. [Langworth]. В 1931 г. вышел V том исторического труда Черчилля «Мировой кризис», посвященный сражениям на русских фронтах Первой мировой войны. Здесь говорилось:

«Эти страницы повествуют о блестящих победах и тяжелых поражениях. На них запечатлен труд, опасности, страдания и страсти миллионов людей. Бесконечная равнина орошалась их потом, их слезами, их кровью» [Churchill, 1931, p. 17].

10 марта 1932 г. Черчилль дал радиоинтервью в Бостоне. На замечание интервьюера, что готова разгореться «война между двумя державами или более», он ответил: «Я не верю, что мы увидим еще одну большую войну. Ныне война видна без покровов и лишилась своего обаяния. <...> Сегодня войны – не более чем тяготы, кровь, смерть, убожество и лживая пропаганда» [Langworth].

Эту оценку он пересмотрел сразу же после прихода нацистов к власти. За три недели до начала Второй мировой войны Черчилль опубликовал статью «Возможна ли война в Европе – и когда?». Здесь говорилось, что, хотя страдания подвергшихся нападению наций будут тем больше, чем более они будут пренебрегать подготовкой к войне, они, «проливая кровь и слезы», все же смогут взять ход войны в свои руки («Will There Be War in Europe – and When?», газ. «News of the World», 4 июня 1939) [Langworth].

В молодости Черчилль хотел написать биографию Гарибальди. Он, разумеется, знал обращение Гарибальди к волонтерам на площади Св. Петра в Риме 2 июля 1849 г. Это обращение известно в различных версиях. В популярном труде Дж. Тревельяна «Гарибальди – защитник Римской республики» (1907) оно приведено в следующем виде: «... Я не предлагаю вам ни жалованья, ни квартир, ни провианта; я предлагаю вам голод, жажду, форсированные марши, битвы и смерть» [Trevelyan, p. 231].

Именно этими словами вдохновлялся Черчилль, составляя свою знаменитую речь. Однако формула «кровь, пот и слезы» восходит не к Гарибальди.

В июне 1897 г. Теодор Рузвельт, только что назначенный помощником министра военно-морских сил, выступил перед воспитанниками Военно-морского колледжа в Ньюпорте (штат Род-Айленд). В своей речи он напомнил о «крови, поте, слезах, труде и страданиях, через которые в былые дни шли к победам наши предки» [Billington, p. 13]. Речь Рузвельта неоднократно перепечатывалась и вполне могла быть знакома Черчиллю.

Еще раньше, в 1855 г., анонимный британский обозреватель писал о Парагвае: «...Это семя [христианской веры] не прорастет в почве, полной кровью, потом и слезами» [Christian Missions, p. 10].

Впервые же эта триада (в форме: «слезами, потом или кровью») появилась в поэме Джона Донна «Анатомия мира» (1611) [Keyes, p. 15, 274]. В переводе Дм. Щедровицкого:

Пойми, что весь наш мир – зола сухая:
Вот нашей «Анатомии» урок.
Ты б этот пепел увлажнить не смог
Слезами. Даже кровью – невозможно:
Страданья – жалки, смерть сама – ничтожна

[Донн, с. 214].

А в сатирической поэме Байрона «Бронзовый век» (1823) говорилось о «крови, поте и слезах миллионов», выжатых лендлордами: «За что? – За ренту!» [Keyes, р. 15, 274].

Интернациональная идиома «потом и кровью» взята из латыни. О «земле, добытой кровью и потом (*sanguine et sudore*) ваших предков», говорил, обращаясь к римлянам, Цицерон в речи о земельном законе (63 г. до н.э.) [Цицерон, с. 269; Душенко, Багриновский, с. 573].

Список источников

- Донн Д. Стихотворения и поэмы. – М.: Наука, 2009. – 568 с.
- Душенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Цицерон. Речи: В 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – 444 с.
- * * *
- Bartlett J. Familiar Quotations. – 17-th ed. – New York; Boston; London: Little, Brown & Co., 2002. – 1431 p.
- Billington J.H. Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations. – Mineola (New York): Dover Publications, 2010. – 520 p.
- Christian Missions: their Principle and Practice: [Review] // The Westminster Review. – London, 1856. – Vol. 66, № 129, July. – P. 1–28
- Churchill W.S. His Complete Speeches, 1897–1963. – New York: Chelsea House Publishers: 1974. – Vol. 1–8. – 8917 p. – (Сплошная пагинация.)
- Keyes R. The Quote Verifier. – New York: St. Martin’s Press, 2006. – XXI, 387 p.
- Langworth R.M. Blood, Toil, Tears and Sweat: Origins of a Famous Phrase // The Churchill Project [Электронный ресурс]. – 2018. – April 20. – Mode of access: <https://winstonchurchill.hillsdale.edu/blood-toil-tears-sweat-phrase-origins> (дата обращения: 1.10.2018).
- Trevelyan G.M. Garibaldi’s Defence of the Roman Republic. – London; New York: Longmans, Green, and Co., 1908. – 387 p.

КТО В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НЕ СОЦИАЛИСТ...

В 1953 г. французский критик Марсель Берже процитировал две «расхожие фразы», близкие по значению: «Глупец – это тот, кто никогда не меняется»; «Мне жаль тех, кто в двадцать лет не был социалистом» [Berger, p. 211]. Источник первой сентенции хорошо известен – это «Моя апология» (1832) поэта-сатирика Огюста Марселя Бартелеми. Изречение Бартелеми повторил Жорж Клемансо, выступая в сенате 22 июля 1917 г., и с тех пор эти слова нередко приписываются ему.

Ему же иногда приписывалась и вторая сентенция: «Жорж Клемансо сказал <...>: “Возможно ли, обладая благородной душой, не быть социалистом в двадцать лет!”» [Oulès, p. 100]. В молодости Клемансо был леворадикальным республиканцем, но со временем сильно поправел.

Эта мысль приписывалась также Отто фон Бисмарку: «...Бисмарк говорил: у того, кто в двадцать не был социалистом, нет сердца; а у того, кто остался социалистом в тридцать лет, нет головы» [Aftalion, p. 47].

В англоязычной литературе слова, будто бы сказанные Клемансо, цитируются иначе: «Моему сыну двадцать два года. Если бы он не стал коммунистом в двадцать два года, я бы отрекся от него. И я отрекусь от него, если к тридцати годам он останется коммунистом». В 1944 г. это высказывание было включено в сборник занимательных историй и изречений, составленный американским журналистом Беннетом Сёрфом (B. Cerf, «Try and Stop Me») [цит. по: Shapiro, p. 158]. Сборник выдержал множество изданий и разошелся миллионными тиражами. Заметим, что единственный сын Клемансо – Мишель (1873–1964) – никогда не был ни

коммунистом, ни социалистом, а 22 года ему исполнилось задолго до создания французской компартии.

Здесь мы имеем дело с устойчивым топосом европейской культуры, возникшим более двух столетий назад: в молодости человеку свойственно быть демократом (либералом, республиканцем, социалистом, коммунистом), а с возрастом, становясь мудрее, он склоняется к более консервативному образу мыслей.

В дневнике Томаса Джейферсона за январь 1799 г. приведено высказывание президента США Джона Адамса (старшего): «Кто в пятнадцать лет не демократ, из того ничего не выйдет; но не лучше и тот, кто в двадцать лет все еще демократ» [Shapiro, p. 5].

В России о том же говорил Николай Карамзин (со ссылкой на «одного умного человека»): «Я не люблю молодых людей, которые не любят вольности; но не люблю и пожилых людей, которые любят вольность» (письмо к П.А. Вяземскому от 21 августа 1818 г.) [Карамзин, с. 60].

В 1836 г. британский дипломат Джозеф Андрю Блэквелл (1798–1886) опубликовал (без подписи) памфлет «Несколько замечаний о нашей внешней политике». Здесь говорилось: «... Можно быть искренним республиканцем в двадцать лет и искренним консерватором в сорок, не изменяя своим принципам» [Blackwell, p. 58].

До середины XIX в. эта мысль цитировалась как анонимная, а затем была приписана французскому политику Франсуа Гизо (1787–1874) – еще при его жизни. В книге «Закон революций...» Жюстена Дромеля (1862) читаем: «Гизо, если память мне не изменяет, говорил, что он не понимает ни тех, кто до двадцати лет не республиканец, ни тех, кто остается республиканцем после этого возраста» [Dromel, p. 128].

С 1870-х годов та же мысль цитировалась во Франции со ссылкой на английского политика и мыслителя Эдмунда Бёрка (1729–1797), которого считают отцом современного консерватизма: «Мы сомневаемся в благородстве души того, кто в двадцать лет не республиканец; но тот, кто остается им после тридцати, заставляет усомниться в достоинствах своего ума» [O'Toole].

Журналист Альбер Милло цитировал «афоризм», будто бы принадлежащий Адольфу Тьери (1797–1877): «Законченный идиот тот, кто в двадцать лет не республиканец, и тот, кто остается им в сорок лет» [Millaud, p. 24].

В начале XX в. французский историк писал: «В детстве нам приходилось слышать слова человека, знавшего жизнь и не лишенного остроумия: “Тот, кто в двадцать лет не республиканец, обнаруживает крайнюю низость души; но тот, кто и в тридцать остается республиканцем, – дурак. Сегодня мы могли бы добавить: или негодяй”» [Lebey, p. 31; цит. по: Caron, p. 791].

Однако в XX в. с понятием «республиканец» уже не связывалась идея леворадикальной оппозиции. Именно тогда на смену «республиканцу» пришел «социалист». В 1923 г. в газете «Wall Street Journal» появилось изречение, приписанное королю Швеции Оскару II (1829–1907): «У того, кто до двадцати пяти лет не социалист, нет сердца. А у того, кто остается социалистом после двадцати пяти, нет головы» [O'Toole].

В 1929 г. в Нью-Йорке была поставлена пьеса Кенъона Николсона (K. Nicholson) «Пока тебе не исполнилось двадцать пять». Заглавие отсылало к изречению, приведенному выше [O'Toole].

Свою версию этой мысли предложил Дж.Б. Шоу: «Если в двадцать лет вы еще не революционер, то к пятидесяти вы окажетесь древним ископаемым. Если в двадцать вы радикальный революционер, есть надежда, что в сорок вы будете вполне современны!» («Университеты и образование», речь в университете Гонконга 12 февраля 1933 г.) [Shapiro, p. 705].

В 1977 г. в США вышел в свет сборник Лоренса Питера «Цитаты Питера», получивший широкую известность. Здесь за подписью британского политика Бенджамина Дизраэли (1804–1881) приведена фраза: «У того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы» [Peter, p. 131].

Около 1994 г. появилось изречение, созданное по той же модели, но относившееся уже к распаду СССР. Первоначально оно приписывалось Александру Морозу, тогдашнему председателю Верховной Рады Украины: «Тот, кто не жалеет о бывшем [Советском] Союзе, не имеет сердца; тот, кто считает, что его можно сейчас восстановить, не имеет головы». Позднее это высказывание приписывалось и другим лицам. Со ссылкой на В.В. Путина оно цитировалось в «Литературной газете» (2000, № 7): «У того, кто не жалеет о разрушении Советского Союза, нет сердца, а у того, кто

хочет его воссоздания в прежнем виде, нет головы» [Душенко, с. 206].

Список источников

Карамзин Н.М. Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому: (из Осташьевского архива). – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897. – 204 с.

Душенко К.В. Цитаты из русской истории: Справочник. – М.: ЭКСМО, 2005. – 623 с.

* * *

Aftalion F. Libres, égaux, fraternels? – Paris: Plon, 1967. – 251 p.

Berger M. Le style au microscope. – Paris: Calmann-Lévy, 1953. – T. 4: Grands journalistes. – 253 p.

[*Blackwell I.A.*] A Few Remarks on Our Foreign Policy. – London: Ridgway and sons, 1836. – 76 p.

Caron P. [Revue] // Revue d’Histoire Moderne et Contemporaine. – Paris, 1905. – T. 7, № 10. – P. 788–793. – Revue de livre: *Lebey A.* Les trois coups d’Etat de Louis-Napoléon Bonaparte. I. Strasbourg et Boulogne. – Paris: Perrin, 1906. – 519 p.

Dromel J. La loi des revolutions, les générations, les nationalités, les dynasties, les religions. – Paris: Didier, 1862. – 580 p.

Lebey A. Les trois coups d’Etat de Louis-Napoléon Bonaparte. I. Strasbourg et Boulogne. – Paris: Perrin, 1906. – 519 p.

[*Millaud A.*] Lettres du baron Grimm: souvenirs, historiettes et anecdotes parlementaires. – Paris: C. Lévy, 1877. – 374 p.

O'Toole G. [псевд.]. If You Are Not a Liberal at 25, You Have No Heart // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations [Авторский сайт]. – Mode of access: <https://quoteinvestigator.com/2014/02/24/heart-head> (дата обращения: 11.12.2018).

Oulès F. La démocratie économique à la lumière des faits. – Bruxelles: É. Bruylant, 1971. – 354 p.

Peter L.J. Peter’s Quotations. – New York: W. Morrow, 1977. – 540 p.

Shapiro F.R. The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 2006. – 1068 p.

«ЛЕНИНСКАЯ ВЕРЕВКА» И «ПОЛЕЗНЫЕ ИДИОТЫ»

Чуть ли не самое известное на Западе изречение Ленина: «Капиталисты готовы продать нам веревку, на которой мы их повесим». Однако Ленину оно не принадлежит, и родина его – не Россия, а страны английского языка.

У истоков «ленинской веревки» стояла английская пословица, восходящая к XVII в.: «Дай ему подлиннее веревку, и он повесится сам» (*«Give him enough rope and he'll hang himself»*) [The Concise Dictionary..., p. 233].

С середины XIX в. эта пословица вошла в политический язык, например: «Это правительство [Наполеона III] когда-нибудь повесится само, если получит достаточно длинную веревку» (Ф.Б. Гудрич, корреспонденция для «Нью-Йорк таймс» из Парижа от 29 августа 1852 г.) [Goodrich, p. 201].

В 1896 г. Сэмюэл Эдуард Кибл (1853–1946), методистский священник и социальный реформатор, применил ту же метафору к капитализму: «...По мнению немецких социалистов, избавление заключается в самом прогрессе капитализма – при условии, что он получит достаточно длинную веревку, чтобы повеситься самому» (*«Индустриальные фантазии: Исследования в области промышленной этики и экономики»*) [Keeble, p. 20; цит. по: O'Toole].

Контекст, в котором появляются эти слова, очень близок к заключительному абзацу первого раздела «Манифеста Коммунистической партии»: «...С развитием крупной промышленности из под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. *Она производит прежде всего своих собственных могильщиков*» (курсив мой. – К.Д.) [Маркс, Энгельс, с. 436].

На X съезде Социалистической рабочей партии Америки (1901) делегат Томас Карран заявил, что социалисты будут «использовать» буржуазию, «чтобы сплести веревку, которой мы будем душить капиталистов всякий раз, когда они обвиняют нас в попытке разрушить общество» [Proceedings., р. 101; цит. по: O'Toole].

В 1931 г. берлинский журнал «Der Querschnitt» напечатал очерк Сергея Дмитриевского «Папаша Литвинов». Дмитриевский был советским дипломатом-невозвращенцем и приверженцем «национал-коммунизма». Предтечей «национальной революции» в Советской России он считал Сталина, от режима которого сам он сбежал в 1930 г. В очерке, среди прочего, говорилось:

«Осенью 1905 г. он [Максим Литвинов] вместе с Красиным основал газету “Новая жизнь”. Деньги на издание дали миллионеры; тем самым они своими руками свивали веревку, на которой затем были повешены многие из них» [Dmitrijeivskij, S. 160].

Этот очерк в том же году был перепечатан в нью-йоркском журнале «Review of Reviews» под загл. «The Soviet Foreign Minister» [O'Toole].

В книге британского журналиста Джорджа Янга «Наследники Сталина» (1953) читаем: «...Маленков выразил убежденность в том <...>, что западноевропейские капиталистические страны рано или поздно попробуют освободиться от финансового господства Соединенных Штатов. Действительно, эта теория – одно из главных оснований надежды СССР на то, что Запад повесится сам, если дать ему достаточно длинную веревку» [Young, р. 48; цит. по: O'Toole].

Со ссылкой на Ленина это изречение появилось, по-видимому, в 1955 г. Именно тогда малоизвестный калифорнийский журнал поместил неозаглавленную врезку:

«Ленин писал: “Когда наступит время вешать капиталистов, они станут бороться друг с другом за контракт на веревку”.

– Майор Джордж Рейси Джордан» [Jordan; цит. по: O'Toole].

Джордж Рейси Джордан (1898–1996) в 1942–1944 гг. участвовал в поставке в СССР самолетов по программе лендлиза. После войны он занялся бизнесом, политикой и публицистикой; в годы маккартизма обвинял бывшего вице-президента Гарри Гопкинса в пособничестве советскому атомному проекту под видом поставок по ленд-лизу.

Не позднее 1960 г. «ленинская» фраза о веревке становится дежурной цитатой в «старой» эмигрантской печати (например, в брюссельском журнале «Часовой»), а с середины 1970-х – в публицистике эмигрантских авторов «третьей волны».

В 1961 г. художник Юрий Анненков привел (по памяти) записи Ленина, якобы увиденные им в Институте Ленина в 1924 г.: «Капиталисты всего мира и их правительства, в погоне за завоеванием советского рынка, закроют глаза на указанную выше действительность и превратятся таким образом в глухонемых слепцов. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техниками, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против наших поставщиков. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства» [Анненков, 1961, с. 147]. Этот пассаж явно сочинен задним числом, по мотивам уже хорошо известной к тому времени фразы о «ленинской веревке».

Согласно Солженицыну, Ленин «всегда писал и говорил», что западные капиталисты «будут соревноваться друг с другом, чтобы продать нам дешевле, продать быстрее, чтобы Советы купили именно у этого, а не у того. Он говорил: они все нам сами принесут, не представляя себе своего будущего. И в тяжелые минуты, на партийном съезде в Москве, он сказал так: “Товарищи, не паникуйте, когда нам будет очень плохо, мы дадим буржуазии веревку, и она сама удавит себя”. И тогда Карл Радек, может, знаете, был такой находчивый остряк, сказал: “Владимир Ильич, ну откуда же мы наберем столько веревки, чтобы вся буржуазия удавилась?” И Ленин без затруднения ответил: “А сама буржуазия нам ее и продаст...”» [Солженицын, с. 18].

Солженицын, разумеется, знал, что ни на каком «партийном съезде в Москве» ничего подобного не было, поскольку ленинские тексты и материалы съездов РКП (б) он основательно изучил, работая над «Архипелагом ГУЛАГ». Этот исторический анекдот, возможно, принадлежит самому Солженицыну; другие его версии нам неизвестны.

Фразу о веревке как подлинную цитировали затем Андрей Амальрик и Владимир Максимов:

«...Прав был Ленин, когда сказал свою знаменитую фразу, что мы повесим капиталистов на той веревке, которую они нам продадут» [Амальрик, с. 228].

«Великий циник всех времен и народов, господин Ленин в свое время открыто высказался по этому поводу: “Капиталисты продадут нам ту самую веревку, веревку, которой мы их удавим!” Современный прогресс опередил предвидение “кремлевского мечтателя”: в наше время капиталисты уже не продают большевикам эту пресловутую веревку, а дают ее им в кредит» [Максимов, 1980, с. 5; Максимов, 1981, с. 74].

В 1975 г. политолог Илья Земцов, эмигрировавший двумя годами ранее, опубликовал монографию, в которой «ленинская веревка» дана как формула советского политического языка:

«Лицемерный характер политики М[ирного] с[осуществования] четко раскрыт в известной формуле “ленинской веревки”; формуле, которую вождь русской революции завещал своим наследникам: лавировать и маневрировать так, чтобы заставить капиталистов продать веревку, на которой коммунисты их повесят или на которой они сами повесятся» [Земцов, с. 223]. Далее цитировалась якобы ленинская цитата из воспоминаний Анненкова.

И по сей день обе эти цитаты нередко приводятся как подлинные.

* * *

В 1984 г. известный американский советолог Ричард Пайпс писал: «...Отдельные лица и группы <...> не сочувствуют ни коммунизму, ни Советскому Союзу, но по собственным мотивам <...> оказываются на стороне противника, помогая СССР в его делах и способствуя успехам советской стратегии. Это те самые “полезные идиоты”, использовать которых учил Ленин» [Пайпс, с. 74–75 (гл. 2); Pipes, p. 72].

И хотя ни Ленин, ни его соратники о «полезных идиотах» не говорили, это выражение по сей день чаще всего приводится как ленинское. Между тем возникло оно в Западной Европе почти сразу после окончания Второй мировой войны.

В Югославии, по-видимому, уже в 1945 г. существовал аналогичный по смыслу оборот «полезные дураки». Богдан Радица, хорватский историк и дипломат, который в 1940 г. эмигрировал в США, осенью 1945 г. вернулся в Югославию и очень недолгое время был министром информации переходного правительства. В конце декабря того же года он эмигрировал вторично, теперь уже навсегда. В октябре 1946 г. Радица поместил в журнале «Ридерз дайджест» статью «Трагический урок Югославии миру». Здесь говорилось: «На сербохорватском языке у коммунистов есть фраза для искренних демократов, которые соглашаются сотрудничать с ними во благо “демократии”. Это Koristne Budale, или Полезные Простаки» [Raditsa, p. 138]. (Английский перевод смягчен: «budale» означает «дураки».) Заканчивалась статья призывом: «Не будьте Koristne Budale! Не будьте Полезными Простаками!» [Raditsa, p. 150].

В англоязычной печати выражение «полезные простаки» («useful innocents») с конца 1940-х годов встречалось примерно в том же смысле.

24 октября 1946 г. в парижской газете «Paysage» появилась статья под заголовком «“Полезные простаки”, или Использование демократов» [Les “Innocents utiles”...]. Термин «полезные идиоты» чаще всего встречался в связи с послевоенной Италией. В это время итальянская компартия была самой влиятельной из западноевропейских компартий (хотя и не допущенной в правительство), а левые настроения были очень сильны в кругу итальянских интеллектуалов.

В «Нью-Йорк таймс» «полезные идиоты» (useful idiots) впервые встречаются в корреспонденции из Рима от 20 июня 1948 г. Автор цитировал центристскую социал-демократическую газету «L’Umanità», критиковавшую левых социал-демократов, которые на выборах 1948 г. присоединились к прокоммунистическому Народному фронту [Cortesi; Useful idiot (Wikipedia); Popik].

В 1949 г. вышла книга итальянского журналиста Витторио Горрезио «Дражайшие враги». «Полезные идиоты [utili idioti], – писал автор, – это буржуа-интеллектуалы, служащие прикрытием и вовлекающие в обман простые умы», причем «Итальянская коммунистическая партия, возможно, сумела использовать их лучше, чем любая другая» [Gorresio, p. 226].

Семь лет спустя (1955) в еженедельнике Американской федерации труда появилась корреспонденция из Рима, озаглавленная «“Полезные идиоты” укрепляют мощь итальянских красных». Автор пояснял: «В отличие от “попутчика”, который полностью осознает, что помогает коммунизму, “полезный идиот” считает, что, участвуя в кампаниях и движениях, инспирированных коммунистами, он способствует прогрессу демократии. Это тот, кто голосует за красные политические партии, хотя у него и нет партбилета» [Stogel].

И лишь с конца 1950-х годов это выражение стало цитироваться со ссылкой на Ленина, а «полезными идиотами» стали называть преимущественно тех, кто поддерживает политику СССР. 30 июня 1959 г. конгрессмен Эд Дервински включил в стенограммы Конгресса передовицу из чикагской газеты «Daily Calumet». Здесь говорилось, что «лидеры государств и народов», отправляясь в Москву, «становятся тем, что Ленин называет полезными идиотами в коммунистической игре» [Popik].

Задним числом «полезными идиотами» стали называть западных интеллектуалов 1920–1930-х годов из числа «друзей СССР», включая Бернарда Шоу, Герберта Уэллса, Ромена Роллана и т.д.

В СССР выражение «полезные идиоты» появилось в печати уже в 1955 г. – в переведенной с итальянского книге кинокритика Луиджи Кьярини «Сила кино» (1955) (оригинальное издание вышло годом ранее под загл. «Cinema quinto potere»). «Разумеется, – писал Кьярини, – все эти [кинематографические] журналы, поскольку в них участвуют идеалисты, марксисты и католики, не желающие мириться с курсом клерикалов, именуются коммунистическими, а их сотрудников, выдающихся деятелей культуры, называют “полезными идиотами”, ибо подлинные идиоты сами сознают свою бесполезность» [Кьярини, с. 215 (гл. 6)].

Это выражение эпизодически встречалось в советской печати и позже – неизменно в полемическом контексте. Между тем в эмигрантской печати оно, по-видимому, утвердилось довольно поздно. Владимир Буковский в 1982 г. приводил его в другой форме: «В партийном жаргоне существует выражение “полезный дурак”, запущенное в обращение еще Лениным» [Буковский, с. 71]. (Разумеется, в «партийном жаргоне» подобное выражение никогда не существовало.)

Попутно заметим, что выражение «полезные дураки» применительно к XIX в. встречалось по-русски уже в 1941 г.: «Русские “нигилисты” в руках польских агентов, судя по роману Лескова [“Некуда”], были не больше как “полезные дураки” и глупые энтузиасты, которых можно заставить итти в огонь и в воду» [Базанов, с. 80; указано в: Useful idiot (World Heritage Encyclopedia)].

И лишь в XXI в. «полезные идиоты» прочно вошли в русский язык, причем и в России и за ее рубежами этот оборот используется не только в первоначальном, но и в более широком значении. Так, 21 февраля 2018 г. «Вашингтон пост» поместила статью «Полезные идиоты Путина» (D. Milbank, «Putin's Useful Idiots»). Здесь «полезными идиотами» именуются уже не левые интеллектуалы, а правые республиканцы – сторонники Дональда Трампа.

Список источников

- Амальрик А.* СССР и Запад в одной лодке. – Paris: Overseas publications interchange, 1978. – С. 226–239.
- Анненков Ю.П.* Воспоминания о Ленине // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1961. – № 65. – С. 125–150.
- Базанов В.Г.* Из литературной полемики 60-х годов. – Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. – 192 с.
- Буковский В.К.* Пацифисты против мира. – Париж: La Presse libre, 1982. – 102 с.
- Земцов И.* Мирное сосуществование // *Земцов И.* Советский политический язык: Soviet political language. – London: Overseas Publications Interchange, 1985. – С. 222–224.
- Кьянини Л.* Сила кино. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 254 с.
- Максимов В.Е.* Они и мы: с натуры // Третья волна: Альманах литературы и искусства. – Монжерон: «Третья волна», 1980. – [Вып.] 9. – С. 3–7.
- Максимов В.Е.* Сага о носорогах. – Франкфурт/н/М.: Посев, 1981. – 252 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 4. – С. 419–459.
- Милбэнк Д.* Полезные идиоты Путина // Россия сегодня. – 2018. – 22 фев. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20180222/241537169.html> (дата обращения: 10.05.2018).
- Пайпс Р.* Выжить недостаточно: Советская действительность и будущее Америки. – Benson: Chalidze Publications, 1984. – 151 с.
- Солженицын А.И.* Речь в Вашингтоне, 30 июня 1975 по приглашению АФТ-КПП // *Солженицын А.И.* Американские речи. – Париж: YMCA-Press, 1975. – С. 10–51.

Часть II.
История формул языка и культуры

* * *

- Cortesi A. Communist Shift is seen in Europe; Tour of Two Italian Leaders Behind Iron Curtain Held to Doom Popular Fronts // New York Times. – 1948. – 21 June. – P. 14.
- Dmitrijevskij S. Papachen Litwinow // Der Querschnitt. – Berlin, 1931. – Heft 3 (März). – S. 157–163.
- Goodrich F.B. Tricolored Sketches in Paris: During the Years 1851 – 2-3. – New-York: Harper & brothers, 1855. – 368 p.
- Gorresio V. I carissimi nemici. – Milano: Longanesi, 1949. – 340 p.
- Jordan G.R. [Lenin wrote...: Неозаглавленная врезка] // The Commonwealth: Official Journal of the Commonwealth Club of California. – San Francisco, California. – 1955, vol. 31, № 44, October 31. – P. 268.
- Keeble S.E. Industrial Day-Dreams: Studies in Industrial Ethics and Economics. – London: E. Stock, 1896. – 218 p.
- Les «Innocents utiles», ou de l'utilisation des democrates // Paysage. – Paris, 1946. – № 72, 24 octobre. – P. 1. – Изображение первой полосы газеты: Mode of access: museedelapresse.com/archives-de-la-presse/page/35770 (дата обращения: 10.05.2018).
- O'Toole G. [псевд.]. The Capitalists Will Sell Us the Rope with Which We Will Hang Them // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations [Авторский сайт]. – Mode of access: http://www.quoteinvestigator.com/2018/02/22/rope (дата обращения: 1.04.2018).
- Pipes R. Survival is not enough: Soviet realities and America's future. – New York: Simon and Schuster, 1984. – 302 p.
- Popik B. Useful Idiot // The Big Apple [электронный ресурс]. – 2009. – September 10. – Mode of access: https://www.barrypopik.com/index.php/new_york_city/entry/useful_idiot (дата обращения: 10.05.2018).
- Proceedings of the Tenth National Convention of the Socialist Labor Party. – New York: New York Labor News Company, 1901. – 321 p.
- Raditsa B. Yugoslavia's Tragic Lesson to the World // Reader's Digest. – 1946. – Vol. 49, № 294 (October). – P. 138–150.
- Stogel S. «Useful idiots» Keep Italy Reds Strong // AFL News-reporter. – Washington, 1955. – Vol. 4, № 8, February 25. – P. 59.
- The Concise Dictionary of Proverbs. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1998. – 333 p.
- Useful idiot // Wikipedia, the free encyclopedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Useful_idiot (дата обращения: 10.05.2018)
- Useful idiot // World Heritage Encyclopedia. – Mode of access: self.gutenberg.org/articles/eng/Useful_idiot (дата обращения: 10.05.2018).
- Young G.G. Stalin's Heirs. – London: Derek Verschoyle, 1953. – 156 p.

ЛОЖЬ, НАГЛАЯ ЛОЖЬ И СТАТИСТИКА

5 июля 1907 г. в бостонском журнале «Североамериканское обозрение» была напечатана 20-я глава из автобиографии Марка Твена, продиктованная во Флоренции в апреле 1904 г. Здесь великий юморист попытался подсчитать, какова была производительность его писательского труда в разные годы. В молодости он писал в среднем 3 тысячи слов в день, в зрелые годы – 1800, а ныне, на склоне лет, – 1400 слов. Казалось бы, производительность явно идет на спад. Однако в молодости писатель проводил за письменным столом гораздо больше времени, так что в пересчете на час получилось бы примерно то же самое. И далее Твен пишет:

«Цифры часто обманывают меня, особенно когда я компоную их сам; в такого рода случаях справедливо и убедительно нередко цитируемое замечание Дизраэли: “Существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика (*lies, damned lies and statistics*)”» [Twain, p. 471].

Бенджамин Дизраэли (1804–1881), британский премьер-министр и писатель, имел репутацию одного из главных остроумцев своей эпохи. «Автобиография» Твена, безусловно, самый заметный случай цитирования этого изречения, поэтому его обычно приписывают Дизраэли, а нередко и самому Твену.

«*Damned lies*» (что переводится обычно как «наглая ложь») означает буквально «проклятая», «дьявольская» ложь. Встречались также варианты «злостная ложь», «бессовестная ложь»; у братьев Стругацких («Жук в муравейнике») – «беспардонная ложь».

Историей этой фразы в наше время наиболее активно занимался Стивен Горансон (S. Goranson), сотрудник библиотеки Уни-

верситета Дьюка (штат Северная Каролина). Именно он обнаружил самый ранний случай цитирования этой фразы.

13 июня 1891 г. в лондонской газете «National Observer» появилось письмо к редактору по вопросу о государственных пенсиях. Его автором был либеральный публицист Томас Маккей (1849–1912). Письмо начиналось словами: «Сэр, весьма остроумно замечено, что существует три вида неправды: первый – это домысел (fib), второй – прямая ложь (downright lie), и, наконец, самый худший – это статистика» [Mackay, p. 93].

В октябре того же года читатель лондонского журнала «Notes and Queries» («Заметки и вопросы») спрашивал: «Кто сказал: “Существуют три вида неправды: первая – это домысел, вторая – ложь, и наконец статистика”?» Вскоре в журнале появился ответ за подписью «У. Д. Гейнсфорд»: «Это, по-видимому, несколько усовершенствованная версия изречения, имевшего хождение несколько лет назад в “Линкольн-инн” [одна из адвокатских школ в Лондоне], – о судье, который различал три вида лжецов: простые лжецы, наглые лжецы и свидетели-эксперты». В другом ответе приводилась фраза: «Существуют три вида лжецов, а именно: лжец, наглый лжец и горный инженер» [Lee].

О лжецах-экспертах шестью годами раньше говорилось в английском журнале «Природа» от 26 ноября 1885 г.: «Известный юрист, а ныне судья, однажды разделил свидетелей на три класса: простые лжецы, наглые лжецы и эксперты» [Lockyer, p. 74]. Автором этой неподписанной статьи был астрофизик Норман Локъер, полемизировавший с Уильямом Олдингом, профессором химии Оксфордского университета [Donnelly, p. 99].

Почти одновременно это высказывание, со ссылкой на некоего американского судью, появилось в американской печати.

Уже в 1890-е годы фраза о лжи и статистике приписывалась чуть ли не дюжине авторов, чаще всего британских, в том числе: политику-консерватору Артуру Бальфуру (1848–1930); экономисту и эссеисту Уолтеру Баджоту (1826–1877); естествоиспытателю Томасу Гексли (1825–1895) [Lee].

Наиболее правдоподобной Горансон считает версию об авторстве британского политика-либерала Чарлза Дилка (1843–1911), который в 1891 г. в своих речах дважды использовал оборот

«домыслы, ложь и статистика» (fib, lies, and statistics) без ссылок на автора [Lee].

В 1895 г. среди имен предполагаемых авторов появилось имя давно умершего Дизраэли. Тогда же это изречение процитировал, со ссылкой на «мудрого государственного мужа», британский политик Леонард Куртни (1832–1918), выступая в штате Нью-Йорк [Keyes, p. 123; Lee]. Это любопытно уже потому, что два года спустя Куртни стал председателем Королевского статистического общества.

Несколькими столетиями ранее формула «три вида лжи» (*triplex mendacium*) многократно встречалась в морально-богословских трудах и пособиях по практической морали на латыни. Различались: «ложь для забавы», «ложь ради услуги» и «зловредная ложь» (*josogum, officiosum, perniciosum*) [напр.: Altensteig, p. 359]. Позднее, вплоть до XX в., это различие встречалось и в книгах на новых языках, включая английский. В одном из французских трактатов XVII в. суждение о «трех видах лжи» приведено со ссылкой на св. Франциска из Паолы (Francesco di Paola, 1416–1507) [Le Juge, p. 39].

Со сталинских времен изречение о лжи и статистике стало обычной фразой советской публицистики, но почти всегда с оговоркой, что речь идет о статистике буржуазной: «Буржуазная практика, согласно американской пословице, знает три степени лжи: простую ложь, более тонкий обман и статистику» («Задачи и перспективы советской экономической статистики», 1935) [Струмилин, с. 69]; «Согласно поговорке, сложенной в Америке, существуют три вида лжи: ложь детская, ложь сознательная и статистика. В “Америке” [журнал. – К.Д.] богато представлены и эти, так сказать, основные, и прочие разновидности лжи» [Кремлев, с. 44]; «Напомним лишь высказывание знаменитого американского писателя Марка Твена, который говорил: “Существуют три вида лжи: ложь, ухищренная ложь и статистика”. В “свободном мире” искусно используются все три» [Бровченков, с. 3].

Советская статистика была, подобно жене Цезаря, выше подозрений. И лишь историки-эмигранты Михаил Геллер и Александр Некрич в книге «Утопия у власти» (1986) могли написать: «Некий английский остроумец говорил, что есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Он не знал четвертого вида – сталинской статистики, и пятого вида – Сталинской Лжи» [Геллер, Некрич, с. 253].

Другой закордонный автор, сам причастный к советской статистике, вспоминая о периоде конца 1940-х годов, писал: «Многие любили повторять тогда в своем кругу горькую шутку о том, что существует два вида лжи: ложь и статистика. ЦСУ добросовестно выполняло то, что от него требовалось» [Belitsky, с. 12].

Редкий случай цитирования «тройственной формулы» вне идеологического контекста мы встречаем в докладе академика Петра Леонидовича Капицы, прочитанном в Лондонском Королевском обществе (1966): «Говоря о применении статистики, кто-то сказал: «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика». Правда, это было сказано о статистике общественных процессов, но до известной степени это может относиться к применению статистики в физике» [Капица, с. 209].

В наше время вместо статистики в эту триаду нередко вставляются другие слова: «Ложь, наглая ложь и мемуары», «...и цитирование», «...и реклама», «...и предвыборные речи».

Список источников

- Бровченков А.Е. Запад: реклама и действительность. – М.: Политиздат, 1962. – 221 с.
- Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней. – London: Overseas Publications, 1982. – Т. 1. – 930 с.
- Капица П.Л. Мои воспоминания о Резерфорде // Новый мир. – М., 1966. – № 8. – С. 205–215.
- Струмилин Г.С. Статистика и экономика. – М.: Наука, 1979. – 490 с.
- Кремлев Г. «Америка» о кино // Искусство кино. – М., 1949. – № 4. – С. 44–48.
- * * *
- Altensteig J. Lexicon theologicum. – Lugduni: I. Symonetus, 1579. – 670 p.
- Belitsky E. [псевд.?] CEMI, the Central Institute of Mathematical Economics: in Russian. – Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem: Soviet and East European Research Centre, 1974. – 89 с. (На русском языке.)
- Donnelly J.F. Chemical Education and the Chemical Industry in England... – [Leeds]: Univ. of Leeds. School of Education, 1987. – 446 p. – [Электронная публикация]. – Mode of access: http://etheses.whiterose.ac.uk/500/1/uk_bl_ethos_379767.pdf (дата обращения: 1.10.2018).
- Keyes R. The Quote Verifier. – New York: St. Martin's Press, 2006. – XXI, 387 p.
- Le Juge C. Troisième règle de Saint François de Paule. – Paris: H. Iosset, 1661. – 434, [9] p.

- Lee P.M.* Lies, Damned Lies and Statistics / Univ. of York. The Mathematics Department. Materials for the History of Statistics [электронный ресурс]. – Mode of access: york.ac.uk/depts/math/histstat/lies.htm (дата обращения: 1.10.2018).
- [*Lockyer N.*] The Whole Duty of a Chemist // Nature. – London, 1885. – Nov. 26. – P. 73–77.
- Mackay T.* National Pensions: [To the editor of The National Observer] // National Observer. – London, 1891. – June 13. – P. 93–94.
- Twain M.* Chapters from My Autobiography – XX // The North American Review. – Boston, 1907. – Vol. 185, № 618, Jul. 5. – P. 465–474.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Это выражение восходит к роману-эссе Эрнеста Хемингуэя «Смерть после полудня» (1932). Здесь оно появляется при описании боя быков (гл. 7 и 15, пер. И. Судакевича):

«Весь бой подводил к одной-единственной точке кульминации: конечному удару шпаги, подлинной стычке человека и зверя, той вещи, которую испанцы именуют “момент истины”¹, и каждое движение на арене служило для подготовки быка к убийству».

«Конечной целью и кульминационной точкой всего боя был завершающий удар шпагой, а плащ, по идеи, только придатком, который помогал подготовить быка к моменту истины.

В современной же корриде важность плаща несравненно возросла, приемы работы с ним стали куда более опасны, так что момент истины – убийство – превратился в чрезвычайно запутанное дело» [Хемингуэй, с. 72, 175].

В английском оригинале «момент истины» – «the moment of truth»; соответствующий испанский термин: «la hora de la verdad», букв. «час истины» или «пора истины». Форма «el momento de la verdad», нередкая в неиспаноязычной печати, появилась уже в 1960-е годы в результате обратного перевода с английского.

Итак, у Хемингуэя «момент истины» – кульминационный и самый опасный для матадора момент корриды. В английский и другие языки это выражение вошло в значении: «момент решающего (и нередко опасного) испытания».

¹ В переводе Судакевича – обратный перевод на испанский: “la hora de la verdad”.

«Смерть после полудня», не считая небольшого отрывка, до 2015 г. не переводилась на русский. Однако не позднее 1950-х годов «момент истины» проникает в советскую печать.

В романе Георгия Владимова «Три минуты молчания» (1969) это выражение появляется при попытке экипажа спасти тонущее судно:

«— ...Я запомню эту минуту, бичи. <...> Тут есть момент истины!

— Чего? <...>

— Как вам объяснить, что такое “момент истины”? Ну, это... когда матадор хорошо убивает быка. Красиво, по всем правилам» [Владимов, с. 54].

В 1974 г. вышел в свет роман Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого». Автор долго боролся с партийными и военными инстанциями за право издать роман без цензурных поправок. Его первоначальное рабочее название («Убиты при задержании...») менялось несколько раз. Третьим вариантом названия был «Момент истины», но И.С. Черноуцан, консультант отдела культуры ЦК КПСС, заметил: «Повремени. Они из-за одного названия встанут на дыбы, замотают, придется тебе писать еще 50 страниц обоснования и что ты под этим подразумеваешь» [Богомолов, с. 614].

Тем не менее в последующих изданиях роман назывался «Момент истины», а прежнее название стало подзаголовком. Роман имел оглушительный успех: в 2001 г. он вышел сотым изданием.

В самом романе «момент истины» упоминается многократно. «Безусловно, оптимально перед задержанием прокачать их [вражеских разведчиков] на засаде с подстраховкой, попытаться заставить проявить свою суть – это уже залог или вероятная предпосылка незамедлительного получения момента истины!..» (ч. II, гл. 50) [Богомолов, с. 224]. «Их же не сумеют взять теплыми! А момент истины?» (ч. III, гл. 76) [Богомолов, с. 395].

В авторском примечании к первой из этих цитат дается определение: «Момент истины – момент получения от захваченного агента сведений, способствующих поимке всей разыскиваемой группы и полной реализации дела; более расширительно – получение информации, способствующей установлению истины». (Это примечание появилось лишь в 1979 г. [Богомолов, с. 641].)

В романе Богомолова «момент истины» – это и момент решающего для контрразведчиков испытания, и момент получения информации, от которой зависит судьба большойвойсковой операции.

Автор сознательно избегал вымышенных реалий и терминов, но «момент истины», как я полагаю, был исключением. Едва ли это выражение действительно существовало в языке контрразведки в 1944 г.; Богомолову оно понадобилось как сквозная метафора, проходящая через весь роман.

Богомоловский «момент истины», вероятно, возник в результате контаминации хемингуэевского «момента истины» с более ранним выражением «час правды», означавшим время, когда правда выходит наружу. Например: «Слушай, шах! Час правды настал!» (Влас Дорошевич, «Человек правды (Персидская сказка)», 1902) [Дорошевич, с. 138].

В 1937 г. Лев Троцкий по поводу «Московских процессов» заявлял: «Час правды пробил! Никто не повернет уже колесо правосудия назад. Новые и новые разоблачения будут подкреплять грозный вердикт <...>» [Троцкий, с. 4].

В 1992 г. «Моментом истины» была названа телепередача, в которой ведущий Андрей Караулов беседовал с каким-либо известным лицом на «острые» темы. Здесь «момент истины» означал уже почти то же самое, что «час правды».

Список источников

- Богомолов В.О. Сочинения: В 2 т. / Составл., подгот. текста, комментарии Р.А. Глушко. – М.: Вагриус, 2008. – Т. 1. – 720 с.
- Владимов Г.Н. Три минуты молчания: Окончание // Новый мир. – М., 1969. – № 9. – С. 8–95.
- Дорошевич В.М. Сказки и легенды. – Минск: Наука и техника, 1983. – 382 с.
- Троцкий Л. Краткие комментарии к вердикту [Международной комиссии о московских процессах, в беседе с мексиканскими и иностранными журналистами 13 декабря 1937 г.] // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). – Нью-Йорк, 1938. – № 62/63, февраль. – С. 2–4.
- Хемингуэй Э. Смерть после полудня. – М.: АСТ, 2015. – 416 с.

МЕЖДУ УСТАМИ И ЧАШЕЙ

14 июля 1921 г. Илья Ильф предложил своим одесским друзьям отпраздновать взятие Бастилии. «Единственный тост прозвучал в тот вечер за нашим столом. Он был лаконичен и выразителен. «Так выпьем же за расстояние, которое остается между губами и чашей», – сказал Ильф, и, чокнувшись стаканами, мы выпили» [Лишина, с. 329].

Широкую известность этот оборот получил как эпиграф к драматической поэме Альфреда де Мюссе «Уста и чаша» (1832): «Между устами и чашей (*Entre la coupe et les lèvres*) всегда найдется место для несчастья», с подписью: «Старинная пословица» [Musset, p. 169].

Генрих Гейне в частном письме от 9 мая 1854 г. дал свой вариант пословицы: «Между устами и чашей всегда найдется грозное место для демонов случайности» [Neue Briefe, S. 723].

В классическом сборнике Эразма Роттердамского «Пословицы» (1.5) (1523) содержалось латинское изречение: «*Multa cadunt inter calicem supremaque labra*» – «Многое может случиться между устами и чашей» (букв. Многое пропадает...) [Душенко, Багриновский, с. 382; в издании опечатка: «...labia»]. Отсюда пословица и попала в основные европейские языки.

Эразм шел по стопам римского грамматика Авла Геллия, который цитировал Катона Старшего: «Ныне, говорят, хорошо уродились хлеба и травы. Но не слишком на это рассчитывайте. Я часто слышал, что между ртом и куском многое может встрять; действительно, очень долг путь от колоса до куска [хлеба]» («Аттические ночи», XII, 18, 1; пер. А. Грушевого) [Геллий, с. 104–105].

Латинская пословица «*inter os et offam*» («между ртом и куском»), разъясняет Геллий, тождественна греческой: «Велико расстояние между бокалом и краями губ» (в оригинале это гекзаметрический стих) [Геллий, с. 105].

В свою очередь, греческая пословица восходит к легенде об Анкее, правителе острова Самоса. Когда Анкей посадил виноградные лозы, один из его слуг сказал: «Межу краем чаши и краем губ велико расстояние». Когда же поспел первый урожай, пришло известие, что огромный вепрь разоряет виноградники; в схватке с ним Анкей погиб [Душенко, Багриновский, с. 309].

Сходный мотив встречается в «Одиссее» Гомера (песнь XXII). Антиноя, один из женихов Пенелопы,

Как раз поднять золотой собирался
Кубок двуухий; его меж руками он двигал, готовясь
Пить вино из него. Помышления даже о смерти
Он не имел. <...>
В горло нацелясь, стрелой поразил Одиссей Антиноя.

...Из рук его чаша
Выпала наземь.

(«Одиссея», XXII, 9–18; пер. В. Вересаева) [Гомер, с. 260]

В 1900 г. Леонид Андреев писал о современном человеке: «...Постоянная двойственность между плачем по судаке и аппетитным пожиранием этого самого оплакиваемого судака весьма явственно ощущается им и глубоко печалит его. Между его устами и чашей всегда остается пространство» (очерк «Когда мы, живые, едим поросенка») [Андреев, с. 416].

Широкая российская публика узнала это выражение в 1987 г., после выхода на советские экраны польской мелодрамы «Межу устами и краем кубка». Фильм был экранизацией одноименного романа Марии Родзевич («*Miedzy ustami a brzegiem rucharuu*», 1889), необычайно популярного в Польше, прежде всего среди женской аудитории. На протяжении всего романа молодой заносчивый граф добивается любви простой шляхтянки; но здесь – в отличие от древней легенды и поэмы де Миоссе – все кончается счастливо.

Список источников

- Андреев Л.Н.* Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1996. – Т. 6. – 720 с.
- Геллий, Авл.* Аттические ночи: Книги XI–XX. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2008. – 449 с.
- Гомер.* Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Вересаева. – М.; Л.: Худож. лит., 1953. – 319 с.
- Душенко К.В., Багриновский Г.Ю.* Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Лишина Т.* «Так начинают жить стихом...»: Отрывок из кн. воспоминаний // Прометей. – М.: Молодая гвардия, 1968. – Т. 5. – С. 321–332.
- * * *
- Musset A. de.* Poésies complètes. – Paris: Charpartier, 1841. – 436 p.
- Neue Briefe von Heinrich Heine // Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft. – Leipzig: A.H. Payne, 1875. – Bd. 1. – S. 721–725.

МЫ ЧУЖИЕ НА ЭТОМ ПРАЗДНИКЕ ЖИЗНИ

Для начала напомню контекст. Остап Бендер и Киса Воробья-ников, поиздевавшись в дороге, гуляют по парку «Цветник» – гордости курортного Пятигорска:

«В «Цветнике» было много музыки, много веселых людей и очень мало цветов. Симфонический оркестр исполнял в белой ратковине «Пляску комаров». В Лермонтовской галерее продавали нарзан. Нарзаном торговали в киосках и вразнос.

Никому не было дела до двух грязных искателей брильянтов.

– Эх, Киса, – сказал Остап, – мы чужие на этом празднике жизни».

(«Двенадцать стульев», гл. 36) [Ильф, Петров, т. 1, с. 334].

Фраза Остапа почти без изменений перекочевала в роман из дневника Ильфа, который вместе с Петровым побывал в Пятигорске в июне 1927 г.:

«...попали в «Цветник». Взяли 32 копейки. Вообще берут. Обещают музыку. Но что за музыка, ежели все отправлено экономией. <...> На празднике жизни в Пятигорске мы чувствовали себя совершенно чужими» [Ильф, Петров, т. 5, с. 134].

В классическом комментарии Юрия Щеглова к диалогии о великом комбинаторе указан ближайший литературный источник фразы Остапа – лермонтовские «Стансы» (1831):

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

Имя Лермонтова тесно связано с Пятигорском, а лермонтовские мотивы не раз появляются в «кавказских» главах «Двенадца-

ти стульев» [Щеглов, с. 298]. Однако само выражение «праздник жизни» принадлежит Пушкину:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина.

(«Евгений Онегин», заключительная строфа) [Пушкин, с. 190]

Как видим, и у Пушкина, и у Лермонтова «праздник жизни» окрашен в элегические тона. И уж тем более у Некрасова:

Праздник жизни – молодости годы –
Я убил под тяжестью труда.

(Начало стихотворения, 1855) [Некрасов, с. 162]

Сумрачная окраска «праздника жизни» идет от французской поэзии, откуда попало к нам это выражение. По-французски оно звучит «banquet de la vie», т.е. «пир жизни» [Oster, р. 373]. Выражение это ввел Никола Жильбер в «Оде, написанной в подражание многим псалмам»:

На жизненном пиру, злосчастный гость,
Однажды появился я и умираю

[Бабкин, Шендецов, с. 117].

Обычно считается, что ода была написана за несколько дней до смерти поэта, не дожившего до 30 лет; отсюда ее второе название: «Прощание с жизнью». На самом деле ода была опубликована в «Парижской газете» («Journal de Paris») 17 октября 1780 г., а месяц спустя, 16 ноября, Жильбер в припадке безумия проглотил довольно большой ключ, задохнулся и умер [Душенко, с. 249].

Но и у Жильбера был предшественник – древнеримский поэт Лукреций. «Гость на жизненном пиру» (*vita conviva*) появляется в его поэме «О природе вещей» [Markiewicz, с. 253]. Причем у Лукреция «пир жизни» тоже связан с рассуждениями о смерти, более того – о самоубийстве:

Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти? <...>,
Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиществом жизни?
(Пер. Ф. Петровского) [Лукреций, с. 118].

Философское оправдание суицида было обычным не только у римских стоиков, но также эпикурейцев, к которым принадлежал Лукреций.

С фразой Остапа перекликается еще одно, уже не стихотворное изречение. У Герцена читаем: «Не все приглашены природой на пир жизни» («Письма из Франции и Италии. 1847–1852»). В другом месте Герцен указывает автора этой мысли: «...не приглашенные на пир жизни, о которых говорит Мальтюс [т.е. Мальтус]» («С того берега», 1858) [Герцен, т. 5, с. 61; т. 6, с. 65].

Томас Роберт Мальтус, английский экономист, знаменит прежде всего своим «Опытом закона о народонаселении» (1798), в котором сформулирован так называемый «закон Мальтуса»: «Население возрастает в геометрической прогрессии, а средства пропитания – только в арифметической». Во II издании «Опыта...» (1803) появилась еще одна броская сентенция:

«Человек, явившийся в уже занятый мир, если родители не могут его прокормить и если обществу не нужен его труд, не имеет права требовать для себя даже крох пропитания, ибо он совершенно лишний на этом свете. На великом пиществе Природы для него нет прибора» [Malthus, p. 531]. (Здесь, кстати сказать, употреблено слово *feast*, первое значение которого «праздник», и лишь затем – «пир», «пищество».) Это место (в другом переводе) приведено в предисловии к русскому переводу «Опыта...» [Мальтус, с. XV].

Это высказывание получило скандальную известность, и в следующих изданиях книги автор его снял. Но именно оно, наряду с «законом Мальтуса», цитируется чаще всего, – например, у Салтыкова-Щедрина: «...он фаталистически поставлен был в положение человека, которому нет места на жизненном пире» («Дневник провинциала в Петербурге», 1873) [Салтыков-Щедрин, с. 136].

Тот же образ встречаем у поэта Лиодора Пальмина:

Многим нет места на жизненном пире,
И тяжела их судьба.
(«Песнь о труде», 1887) [Пальмин].

Для гуляющих по «Цветнику» Остапа и Кисы «не нашлось прибора» на пиршестве жизни. И сверху взирает на них не только тоскующий Лермонтов, но и безжалостный Мальтус.

Список источников

- Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. – Л.: Наука, 1981. – Т. 1. – 696 с.
- Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН СССР, 1954–1966.
- Душенко К.В.* Последние слова знаменитых людей: Легенды и факты. – М.: ЭКSMO, 2016. – 262 с.
- Ильф И., Петров Е.* Собр. соч. – М.: Худож. лит., 1961. – Т. 1–5.
- Лукреций, Тим Карп.* О природе вещей. – М.: Худож. лит., 1983. – 383 с.
- Мальтус Т.* Опыт закона о народонаселении / Перевод И.А. Вернера. – М.: К.Т. Солдатенков, 1895. – LXIV, 249 с.
- Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – 719 с.
- Пальмин Л.И.* Песни о труде // Поэты-демократы 1870–1880-х годов. – Л.: Сов. писатель, 1968. – С. 437.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 6. – 695 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1965. – Т. 4. – 611 с.
- Цеглов Ю.К.* Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: И. Лимбах, 2009. – 635 с.
- * * *
- Malthus T.R.* An Essay on the Principle of Population, or, A View of its Past and Present Effects on Human Happiness. – London: J. Johnson, 1803. – 640 p.
- Oster P.* Citations françaises. – Paris: Le Robert, 1993. – 934 p.

НА ШИПКЕ ВСЕ СПОКОЙНО

В июле 1877 г. русские войска заняли оставленный турками Шипкинский перевал через Балканский хребет. К началу сентября защитники Шипки отбили несколько атак противника, а затем началось «Шипкинское сидение», продолжавшееся до конца декабря, когда турецкая армия под Шипкой была разгромлена. За время «сидения» Шипкинский отряд потерял почти 10 тыс. человек больными и обмороженными.

В июне 1879 г. в Лондоне открылась огромная (180 картин) выставка Василия Верещагина. Здесь была представлена и серия картин, посвященных русско-турецкой войне. В декабре картины Верещагина увидели парижане, а в феврале—марте 1880 г. — петербуржцы. За 40 дней число посетителей составило 200 тыс. человек — фантастическая цифра для тогдашней России.

Многие полотна были огромного размера, но был здесь и небольшой триптих с изображением русского часового в горах. На первой картине он только что заступил на пост, на второй уже занесен метелью по колени, а на третьей лежит, почти полностью засыпанный снегом. Под триптихом было написано: «На Шипке все спокойно. (Рапорт генерала Радецкого)».

Федор Федорович Радецкий командовал Южным отрядом, охранявшим перевалы через Балканы, включая Шипкинский. Художественный обозреватель «Русского вестника» задавался вопросом: «...Какой смысл хотел придать художник подлинным словам рапорта?» [Письмо из Петербурга, с. 368].

На этот вопрос Верещагин ответил в своих воспоминаниях о русско-турецкой войне. В начале сентября 1877 г. он совершил поездку из лагеря под Плевной на Шипку:

«Мы <...> застали его превосходительство за любимейшим времяпрепровождением – за картами. С самого утра бравый генерал уже садился за зеленый стол и, едва отрываясь для принятия пищи и необходимейших распоряжений, не поднимался до самого вечера, до ночи. <...> Добродушный, рассеянный, хладнокровный в опасности, Радецкий был любим в войсках <...>. Справедливость требует, однако, сказать, что его проживание в пяти верстах от места действия и редкие из-за карт посещения батарей, землянок и траншей – в последние он, кажется, очень редко заглядывал – были причиною того, что целая дивизия вымерзла на Шипке» [Верещагин, с. 134, 135].

Итак, Верещагин прямо обвинял Радецкого в беспечности – а вернее сказать, в преступной халатности, приведшей к гибели целой дивизии.

Насколько это обвинение было оправданным? Прежде всего заметим, что Верещагин был на Шипке задолго до начала морозов. Трудно поверить, что генерал, «любимый в войсках», четыре месяца только и делал, что сидел за карточным столом, не заботясь о своем замерзающем отряде. Во всяком случае, отзывы о Радецком военных историков вполне благоприятны.

Верещагин в своей подписи к картине говорил о «рапорте Радецкого» в единственном числе. Но почти сразу же отсюда возникла легенда о множестве донесений Радецкого с фразой «На Шипке все спокойно».

Уже в 1881 г. можно было прочесть, что Радецкий «в самые тяжкие дни для его шипкинских орлов <...> скромно и кратко доносил, что на Шипке “все спокойно”, чтобы только не поселить в обществе и в войсках под Плевною напрасной тревоги» [Война 1877..., с. 554]. А век спустя советский историк И.А. Федосов утверждал: «Ежедневно командующий шипкинским отрядом генерал Ф.Ф. Радецкий передавал в Петербург лаконичные телеграммы со словами: “На Шипке все спокойно”» [Федосов, с. 122].

Между тем в печати времен войны (откуда Верещагин только и мог позаимствовать эту фразу) о подобных донесениях Радецкого не сообщалось. Позднейшие историки, упоминая о таких донесениях, не давали себе труда сослаться на источники. Тут, безусловно, действовала сила внушения верещагинского триptyха: зачем доказывать то, что и без того всем известно?

Верещагин и в самом деле заимствовал название триптиха из русской печати. Однако эта фраза

1) не принадлежала Радецкому;

2) появилась летом, за несколько недель до начала «Шипкинского сидения»;

3) позднее уже не повторялась.

Согласно «Дневнику пребывания» Александра II на Балканах, «с вечера 15-го августа ружейная перестрелка [на Шипке] почти прекратилась и сегодня утром все спокойно». «Начальник штаба армии генерал-адъютант [Артур Адамович] Непокойчицкий сегодня [17 августа] телеграфировал с Шипки, что там все спокойно и отряд наш в безопасности» [Серафим (Чичагов), с. 260, 265].

Это сообщение подтверждается в другом документальном сборнике: «В “Московские ведомости” телеграфировали из Горного Студеня от 16-го августа утром: “На Шипке все спокойно” [Гарковенко, с. 604].

В сборнике официальных телеграмм с театра военных действий оборот «все спокойно» несколько раз встречается в телеграммах вел. кн. Николая Николаевича, главнокомандующего Действующей армией на Балканах, но ни разу – в связи с положением на Шипкинском перевале осенью–зимой 1877 г. [Полный сборник, с. 92, 101, 136].

В репродукциях верещагинского триптиха указывается: «Местонахождение неизвестно». Предполагают, что художник уничтожил его (что с ним иногда случалось). Сохранилось лишь авторское повторение, меньшее по размерам.

Почти за 20 лет до русско-турецкой войны в США появилась фраза почти с тем же значением: «На Потомаке все спокойно» – «All quiet along the Potomac». Потомак – река на границе штатов Вирджиния и Мэриленд. В районе ее правого притока – реки Бул-Ран – в 1861–1862 гг. шли ожесточенные сражения «южан» с «северянами». В периоды временного затишья дежурной фразой военных корреспондентов было: «На Потомаке все спокойно».

Журналисты выдавали ее за цитату из приказов генерала «северян» Дж. Б. Макклеллана. Но достоверность этих приказов не больше, чем достоверность «рапорта Радецкого». Газетчики взяли эти слова из стихотворения Этел Бирс «Сторожевая застава» (1861),

в котором высмеивалась пассивность Макклеллана [Mencken, p. 1000; Rees, p. 168–169].

19 сентября 1870 г., в ходе франко-пруссской войны, немцы осадили Париж. Решено было взять город измором, так что осада затянулась на четыре месяца с лишним. Телеграммы генерала Теофила фон Подбельски (T. von Podbielski, 1814–1879) из штаб-квартиры германской армии нередко заканчивались или начинались словами: «Под Парижем без перемен» («Vor Paris nichts Neues», букв. «Под Парижем – ничего нового») [Geflügelte Worte, S. 461].

Подобные обороты встречались в сообщениях немецкого командования в Первую мировую войну, например 30 нояб. 1914 г.: «На Западном фронте не произошло ничего нового» («Von der Westfront ist nicht Neues zu melden») [Geflügelte Worte, S. 461]. Отсюда появилось заглавие романа Ремарка «На Западном фронте без перемен» («Im Westen nichts Neues», 1929).

В 1966 г. на советские экраны вышел фильм «Волшебная лампа Алладина» (режиссер Б. Рыцарев, сцен. В. Витковича и Г. Ягдфельда). Постоянным рефреном фильма стала фраза «В Багдаде все спокойно». Один из персонажей спрашивает: «Знаешь, почему я прожил восемьдесят пять лет? Потому что все время говорил: “В Багдаде все спокойно!”»

А заканчивался фильм усыпляющей мантрой:

В Багдаде все спокойно.
В Багдаде все спокойно,
спокойно, спокойно,
В Багдаде все спокойно,
спокойно, спокойно...

Ныне эта фраза по популярности превосходит классическое «На Шипке все спокойно».

Список источников

Верещагин В.В. На войне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. – М.: И.Д. Сытин, 1902. – 316 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции: [В 3 т.] / Под ред. генерал-майора Зыкова. – СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1881. – Т. 2. – 490–868 с.

Гарковенко П. Война России с Турцией 1877–1878 года: подробное описание... – М.: Тип. К. Индриха, 1879. – 955 с.

Письмо из Петербурга // Русский вестник. – М., 1880. – Т. 146, кн. 3. – С. 360–376. – Подпись: W.

Полный сборник официальных телеграмм восточной войны 1877–1878 гг. – СПб.: Шредер, 1878. – Вып. 1. – 180 с.

Серафим, митрополит (Чичагов Л.М.). Дневник пребывания Царя-Освободителя в дунайской армии. – 2-е изд. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1887. – XXV, 518 с.

Федосов И.А. Россия и освобождение Болгарии. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 188 с.

* * *

Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein Verlag, 2001. – 650 S.

Mencken H.L. A New Dictionary Of Quotations On Historical Principles From Ancient & Modern Sources. – New York: A.A. Knopf, 1942. – 1352 p.

Rees N. Sayings of the century: the stories behind the twentieth century's quotable sayings. – London: Allen & Unwin, 1987. – 270 p.

НАСТУПИТЬ НА ЛЮБИМУЮ МОЗОЛЬ

Во фразеологических словарях это выражение дается как анонимное. Однако у него есть автор, а точнее, два автора.

В рецензии А.И. Кирпичникова (1897) на второе издание «Метких и ходячих слов» М. Михельсона (1896) указывалось: «Изобретатель этого выражения <...>, сколько мне известно, Лесков» [Добродомов, с. 63].

Действительно, в русский язык этот оборот попал из романа-хроники Лескова «Соборяне». В 1872 г. роман был напечатан в журнале «Русский вестник» (№ 4–7), а в 1878 г. вышел отдельным изданием.

Место действия лесковской хроники – уездный город Старгород, а один из ее персонажей – Варнава Препотенский, молодой учитель математики в уездном училище. В части II, гл. 4, читаем:

«Термосесов же, устрания его с дороги, наступил ему на ногу, отчего учитель, имевший слабость в затруднительные минуты заговариваться и ставить одно слово вместо другого, вскрикнул:

– Ой, вы мне наступили на самую мою любимую мозоль!

По поводу “любимой мозоли” последовал смех».

«...Он вырвался из рук удерживавших его Термосесова и Ахиллы и, прыгая на своей “любимой мозоли”, наскочил на предводителя...» [Лесков, т. 4, с. 192].

Этот сюжет возникает еще раз в части III, гл. 4:

«— Однако же вы должны согласиться, что люди семинария воспитанского лучше, — пролепетал, путая слова, Варнава.

— Ну вот, — перебил Термосесов, — то была “любимая мозоль”, а теперь “семинария воспитанского”! Вот Цицерон!

– Он это часто, когда разгорячится, хочет сказать одно слово, а скажет совсем другое, – вступил за Препотенского Ахилла и при этом пояснил, что учитель за эту свою способность даже чуть не потерял хорошее знакомство, потому что хотел один раз сказать даме: “Матрена Ивановна, дайте мне лимончика”, да вдруг выговорил: “Лимона Ивановна, дайте мне матренчика!” А та это в обиду приняла» [Лесков, т. 4, с. 197].

Итак, Лесков дважды говорит о свойстве Препотенского «ставить одно слово вместо другого» и дает соответствующие примеры. По предположению Игоря Добродомова, в реплике учителя о любимой мозоли также содержалась обмоловка: «...наступили на мою самую мобимую люзоль!» «Но из-за сходства в рукописном начертании слов *мо-* и *лю-* эта обмоловка не была замечена, поскольку ее в значительной степени затмила экстравагантность выражения» [Добродомов, с. 63].

Действительно, говоря о «любимой мозоли», Препотенский должен был бы «перепутать слова», а между тем в его фразе ничего не перепутано.

Однако принять гипотезу о «мобимой люзоли» мешают два обстоятельства. Во-первых, «любимая мозоль» встречается в «Соборянах» трижды, и трудно представить себе, чтобы наборщики «Русского вестника» ошиблись во всех трех случаях. Во-вторых, даже если бы так и случилось, Лесков должен был заметить и исправить эту ошибку, готовя книжное издание «Соборян», но там мы находим все ту же «любимую мозоль».

Возможно, по первоначальному замыслу автора Варнава действительно должен был сказать «мобимая люзоль»; отсюда замечание о его склонности «перепутывать слова», предшествующее этой фразе. Но затем писатель решил, что фраза достаточно смешна и нелепа даже без этой обмоловки.

Очень скоро выражение «наступить на любимую мозоль» обрело переносный смысл. В чеховской юмореске «Правила для начинающих авторов» (1885) указывалось: «В печатном мире существуют приличия. Здесь так же, как и в жизни, не рекомендуется наступать на любимые мозоли» [Чехов, т. 3, с. 207].

В повести «Полunoщники» (1891) Лесков использует это выражение уже в качестве идиомы:

«— …Что вам на любимую мозоль, что ли, кто наступил?» [Лесков, т. 9, с. 178].

Пять лет спустя Чехов включил «любимую мозоль» в монолог Тригорина из II действия «Чайки»:

«— Вы, как говорится, наступили на мою самую любимую мозоль, и вот я начинаю волноваться и немного сердиться» [Чехов, т. 12, с. 29].

Вторым – а по хронологии первым – автором «любимой мозоли» был Уильям Теккерей.

В 1855 г. сразу в двух петербургских журналах – «Современнике» и «Библиотеке для чтения» – был напечатан новый роман Теккерея «Ньюкомы» (1854). В том же году оба перевода толстенного романа вышли отдельными изданиями – случай нечастый в истории русского книгопечатания.

В гл. 30 романа имелась реплика (цитирую перевод С.М. Майковой, опубликованный в «Современнике»):

«— Клэйв наступил Барнсу на ногу, – восклицает веселый лорд Кью, – и зашиб ему любимую мозоль, так что он не в состоянии выходить <...>. Вот о чем мы смеялись» [Теккерей У. Ньюкомы, записки.., с. 377].

Анонимный переводчик «Библиотеки для чтения» дал чуть иной вариант: «…и придавил любимую мозоль Барнса» [Теккерей У. Ньюкомы: История… с. 421].

В советском переводе Р. Померанцевой использована лесковская формула: «…Наступил Барнсу на любимую мозоль» [Теккерей, 1978, с. 367].

В оригинале: «hurt <...> favourite corn», букв. «повредил <...> любимую мозоль». Так что старые переводы («зашел», «отдавил») были точнее.

Подобные обороты встречались в англоязычной печати и до Теккерея. Но «любимая мозоль» не использовалась в переносном смысле и не стала идиомой английского языка.

В книгах Лескова неоднократно упоминается «Ярмарка тщеславия» Теккерея. Вероятно его знакомство и с «Ньюкомами»: новый роман Теккерея едва ли прошел мимо его внимания, к тому же «Современник» в 1855 г. был «главным» русским журналом.

Список источников

- Добродомов И.Г.* Наступить на любимую мозоль // Русский язык в школе. – М., 1993. – № 1. – С. 63–64.
- Лесков Н.С.* Собр. соч. в 11 т. – М.: Гослитиздат, 1956–1958.
- Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. в 18 т. – М.: Наука, 1974–1982.
- Теккерей У.* Ньюкомы, записки весьма почтенного семейства. – СПб.: тип. Штаба отдел. корп. вн. стражи, 1855. – 901 с.
- Теккерей У.* Ньюкомы: История одной достопочтенной фамилии. – СПб.: [б. и.], 1855. – 1042 с.
- Теккерей У.* Собр. соч.: В 12 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 8: Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи... – 493 с.

НАЧАЛЬНИК ВСЕГДА ПРАВ

«Поправка в том виде, как она изложена, напоминает мне старый анекдот про военный устав, пункт первый которого гласит: начальник всегда прав, а пункт второй говорит: если начальник неправ, то смотри пункт первый», – так говорил С.М. Шахрай 1 ноября 1991 г. на V Съезде народных депутатов РСФСР [Пятый (внеочередной)..., с. 63]. «Старый анекдот» был тогда вовсе не стар: у нас он появился лишь в перестроенную эпоху.

В таком виде это правило родилось в бейсболе. Его приписывают Билли Мартину, тренеру знаменитой команды «Нью-Йорк Янкиз». Команда принадлежала судостроительному магнату Джорджу Стейнбрэннеру, прозванному «Начальником» за свою привычку вмешиваться в тренерский процесс и увольнять тренеров чуть ли не ежегодно. Мартин пять раз становился тренером «Янкиз» и столько же раз увольнялся. В 1976 г. газетчики сообщили, что в кабинете Мартина висела табличка:

Правило № 1: Начальник всегда прав.

*Правило № 2: Если начальник неправ, смотри правило № 1
[Opening...].*

По словам Мартина, он получил эти указания от владельца клуба, но тем же указаниям должны были следовать игроки во взаимоотношениях с тренером [Pere, Hollander, p. 40].

До этого у американцев была в ходу очень похожая фраза: «Начальник всегда прав, особенно когда он неправ». Причем поначалу вместо слова the boss (начальник по работе) стояло superior (старший по званию) – «The superior is always right, specially when

he is wrong». В книгах по военной истории эту фразу называли «пьемонтским речением». И действительно, она была заимствована у итальянцев.

В 1866 г. в Милане вышла в свет комедия Пауло Фамбри «Капрал на неделю». В finale капрал с говорящей фамилией Терремото (Землетрясение) поучает своего барабанщика: «В армии старший по званию всегда прав, особенно когда он неправ». А далее великолдушно уточняет: «Об этом правиле подчиненный всегда должен помнить, а начальник – всегда забывать» [Fambrì, p. 192]. Этими словами и заканчивается комедия.

Однако крылатой фраза стала без уточнений. Она попала (по-итальянски) во французские и английские словари цитат: «Nel militare, il superiore ha sempre ragione ma specialissimamente poi quando ha torto». По-итальянски же она приведена в справочнике М. Михельсона «Русская мысль и речь» (1903–1904) [Михельсон, с. 80 (2-я паг.)].

По-видимому, именно благодаря Фамбри формула «Начальник всегда прав» стала ходячей, хотя родилась она много раньше. Французский иезуит Франсуа Невё в трактате «Духовное убежище для монашествующих» (1708) писал: «Начальник всегда прав, или, по крайней мере, разум требует слушаться своего начальника, даже если его приказания кажутся неразумными» [Nerueu, p. 103].

Невё следовал заветам первого иезуита – Игнатия Лойолы (1491–1556): «Дабы во всем быть правым, мы должны всегда быть готовым верить: то, что видится мне белым, – черно, если иерархическая Церковь определяет так» («Правила, необходимые для согласия с Церковью», 36», 13); пер. А.Н. Коваля) [Игнатий Лойола, с. 217]. Следует также «вверять себя руководству и управлению божественного Провидения, через посредство Начальников, как мертвое тело, которое можно повернуть в любом направлении» («Правила...», 36».). Это правило было включено в «Установления Общества Иисуса» (1558), VI, 1, 1 [Constitutiones.., p. 71; Манн, с. 536 (коммент.)].

Это наставление обычно цитируется в осуждение иезуитов, хотя ничего специально иезуитского в нем нет. Один из столпов православия Иоанн Лествичник, живший за девять веков до Лойолы, указывал: «Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает, ни в добром, ни во мнимо худом; ибо за все должен

отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его», т.е. его духовный наставник («Лествица», 4, 3) [Иоанн Лествичник, с. 32].

Армейская дисциплина и орденское послушание слились воедино в тоталитарных партиях XX в. Лозунг «Муссолини всегда прав» в 1934 г. был включен в «Фашистский декалог» («10 заповедей фашиста») [Markiewicz, Romanowski, s. 250]. Первая из «12 заповедей» нацистской партии, сформулированных в марте 1933 г., после прихода Гитлера к власти, гласила: «Фюрер всегда прав!», а последняя: «Правильно то, что служит [нацистскому] движению и тем самым Германии, т.е. ее народу!» [Klinksiek, S. 146 р.].

Для большевиков непогрешимым начальником была партия. «Партия в последнем счете всегда права», – заявил Лев Троцкий на XIII съезде РКП (б) 26 мая 1924 года [Тринадцатый съезд.., с. 158].

Другой видный большевик, Георгий Пятаков, в 1928 г. почти слово в слово повторил Игнатия Лойолу: «Если партия <...> потребует белое считать черным – я это приму и сделаю это моим убеждением» [Валентинов, с. 85].

Но почему С. Шахрай решил, что цитирует «старый анекдот про военный устав»? Возможно, ему вспомнился роман «Последнее лето», которым завершается трилогия Константина Симонова «Живые и мертвые»: «Это еще в старой армии ходило. Фельдфебель новобранца учит, говорит ему – запомни, что есть субординация: я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак!» [Симонов, с. 340]. Едва ли эта народная мудрость родилась в старой армии – скорее, уже в советской.

Еще одно «азбучное военное правило» приведено в книге «Аракчеев» (1956) эмигрантского историка Павла Богдановича, бывшего полковника Генерального штаба: «Начальник всегда прав, и если случаются ошибки, то в них виноват начальник его штаба» [Богданович, р. 123].

Список источников

Богданович П.Н. Аракчеев, граф и барон Российской империи (1769–1834). – Буэнос-Айрес: [б. и.], 1956. – 138 с.

Валентинов Н.В. Разговор с Пятаковым в Париже // Страницы истории: Дайджест прессы. 1989, июль–декабрь. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 69–86.

Часть II.
История формул языка и культуры

Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – XXIV, 883 с.

Игнатий Лойола. Духовные упражнения. Духовный дневник. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 376 с.

Иоанн Лествичник. Лестница, возводящая на небо. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. – 368 с.

Мани Т. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1959. – Т. 4. – 544 с.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. – М.: Терра, 1994. – Т. 2.–580, 250 с. – [Репринт издания 1904 г.].

Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 10–17 июля, 28 окт. – 2 нояб. 1991 г.: Стеногр. отчет: [В 3 т.]. – М.: Республика, 1992. – Т. 3. – 510 с.

Симонов К.М. Живые и мертвые: роман в трех книгах. – М.: Сов. писатель, 1972. – Кн. 3: Последнее лето.–576 с.

* * *

Constitutiones Societatis Iesu, anno 1558. – London: J.G. and F. Rivington, 1838. – 140 с. [Перепечатка римского издания 1558 г.]

Fambri P. I bozzetti militari e il caporale di settimana. – Milano: F. Sanvito, 1866. – 192 p.

Markiewicz H., Romanowski A. Skrzydlate słowa. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1990. – 1213 s.

Nepveu F. Retraite spirituelle pour les personnes religieuses. – Paris, 1708.

Klinksiek D. Die Frau im NS-Staat. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1982. – 180 S.

Opening the Mail With Billy Martin // New York Times. – New York, 1976. – July 6. – P. 47.

Pepe Ph., Hollander Z. The Book of Sports Lists II. – New York: Pinnacle Books, 1980. – 256 p.

НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ ТРИДЦАТИ

В сентябре 1964 г. власти Калифорнийского университета в Беркли запретили политическую деятельность на расстоянии ближе чем 26 футов (8 м) к территории университета и у входов в студенческие городки. Студенты ответили на это сидячей забастовкой и прочими акциями гражданского неповиновения.

Так началась «первая серьезная заваруха шестидесятых». Вмешалась полиция. Среди арестованных оказался 24-летний Джек Уайнберг, ассистент преподавателя математики, активист только что созданного «Движения за свободу слова». В ноябре, после освобождения, он дал интервью репортеру «Сан-Франциско кроникл». На вопрос, кто стоит за участниками движения (подразумевалось: не коммунисты ли?), Уайнберг ответил: «У нас, в нашем движении, говорят, что нельзя верить никому старше тридцати». И добавил: «Мне, конечно, 24 года, и я не могу продолжать делать это бесконечно. Но к тому времени я уже буду кем-то другим» [Benet; цит. по: Jack Weinberg].

Фраза «Не верь никому старше тридцати» стала лозунгом молодежной культуры, питомником которой как раз и был Калифорнийский университет.

Леворадикальный журналист и сатирик Пол Краснер рассказывал, что в 1965 г. его пригласили участвовать в т.н. «Комитете Вьетнамского дня», созданном на базе «Движения за свободу слова». Он ответил: «Мне уже больше тридцати». Но «они уже изменили лозунг на другой: “Не верь никому!”» [Krassner, p. 162].

Как это нередко бывает, лозунг стали приписывать более известным лицам, в том числе певцу Бобу Дилану, но чаще всего –

идеологу американских бунтарей Джерри Рубину, хотя Рубину было уже тридцать шесть [Eigen, Siegel, p. 110]. В 1976 г. он написал книгу «Взросление в 37 лет», в которой привел другой знаменитый лозунг, действительно принадлежащий ему: «Если не знаешь, что делать, – поджигай!» («When in doubt, burn») [см.: Rubin, p. 127].

Сам же Уайнберг математикой больше не занимался. После бурных шестидесятых он посвятил себя охране окружающей среды, десять лет проработал в «Гринпис», а в апреле 2000 г. отметил свое 60-летие. Газета «Berkeley Daily Planet» откликнулась на это событие заголовком: «Не верь никому старше тридцати – кроме Джека Уайнберга» [Don't trust...].

Мысль Уайнберга не так уж нова. В 1903 г. была напечатана пьеса Джорджа Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек», а в приложении к ней – «Правила революционера». Одним из этих правил была общеизвестная фраза «Кто умеет – делает сам, кто не умеет – учит других», другим – «Каждый человек старше сорока – негодяй» [Augard, p. 272].

Почти то же самое говорил «подпольный человек» Достоевского, безымянный герой «Записок из подполья» (1864): «Дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живет дольше сорока лет, – отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут» [Достоевский, с. 100].

«Записки из подполья» – о чем уже мало кто помнит – были ответом на революционный роман Чернышевского «Что делать?», вышедший годом раньше (1863). Здесь «некий романтик» – вероятно, студент, – на дружеской вечеринке заявляет: «Только до 25 лет человек может сохранять честный образ мыслей» [Чернышевский, с. 143].

Почему до 25-ти, а не до тридцати или сорока? Должно быть, потому, что сам говоривший услышал эти слова от «очень умной женщины», а для женщины в те времена двадцать пять уже считались возрастом зрелости. Впрочем, «ее тут же уличили, что за полчаса перед тем она хвалилась, что ей 26 лет». Понятно, что Чернышевский не принимал эту мысль всерьез.

Другое дело – ростовщик Гобсек, герой одноименной повести Бальзака (1830). Гобсек, прежде чем подписать договор о ссуде молодому юристу, требует от него метрическую выписку, а на во-

прос, зачем она ему, отвечает: «До чего же глупа молодежь! <...> Запомните хорошенько, чтоб вас не провели при случае, – ежели человеку меньше тридцати, то его честность и дарования еще могут служить в некотором роде обеспечением ссуды. А после тридцати уже ни на кого полагаться нельзя» (пер. Е. Корша).

Фраза Уайнберга словно бы списана у Бальзака, хотя едва ли его читали американские бунтари.

Через два года после «Гобсека» вышла из печати вторая часть «Фауста», которую Гёте писал несколько десятилетий. Один из персонажей трагедии, Бакалавр, – настоящий пророк молодежного бунта; он вполне мог бы стать вожаком калифорнийских студентов. (Кстати: бакалавр в старых университетах был чем-то вроде ассистента преподавателя или, если угодно, аспиранта.) Среди прочего он говорит Мефистофелю:

Чуть человеку стукнет тридцать лет,
Он, как мертвец, уже созрел для гроба.
Тогда и надо всех вас убивать.

(«Фауст», ч. II, акт II; пер. Б. Пастернака) [Гёте, с. 256].

Комментаторы русского перевода «Фауста» Гёте полагали, что эта мысль подсказана суждениями французского просветителя Клода Адриана Гельвеция (1715–1771), «утверждавшего, что лишь до 30–35 лет в человеке под влиянием внешнего мира пробуждаются все те мысли, на которые он способен». На самом деле Гельвеций говорил нечто иное:

«Ошибаются те, кто утверждает, что прекрасными творениями великих людей мы обязаны первому пылу молодости и, если можно так выразиться, свежести органов чувств. Расин создал “Александра” и “Андромаху”, не имея тридцати лет, а в пятьдесят лет он написал “Гофолию”, и эта последняя вещь, наверное, не ниже первых двух» («О человеке» (1769; опубл. в 1773 г.), II, 12; пер. П. Юшкевича) [Гельвеций, с. 110–111].

А вот Дидро возражал: «... они [прекрасные творения] не могут быть плодом старости» («Последовательное опровержение книги Гельвеция “О человеке”» (1773–1774); пер. К.А. Киспоеva) [Дидро, с. 387].

Вполне согласуется с мнением гётеевского Бакалавра лозунг из поэмы Маяковского «150 000 000» (1919):

Стар – убивать.
На пепельницы черепа! [Маяковский, с. 125].

Представление о 30-летнем возрасте как роковом рубеже, после которого человек необратимо меняется к худшему, едва ли могло утвердиться до XIX в. Аристотель, главный авторитет науки и философии вплоть до Нового времени, считал, что «тело достигает цветущей поры от тридцати до тридцати пяти лет, а душа – около сорока девяти лет» («Риторика», II, 14, 1390 b); пер. Н. Платоновой [Античные риторики, с. 99].

В неолатинских сочинениях цитировалась поговорка «Sexagenarios de ponte» – «Шестидесятилетних – с моста!» (в более вольном переводе: «Стариков – в реку!») [Chokier, p. 3].

Выражение «сбрасывать шестидесятилетних с моста» приведено у Эразма Роттердамского («Пословицы», 1.5.37). Оно, с вариантами, встречается у ряда римских авторов (напр.: Макробий, «Сатурналии», I, 5, 10), а его происхождение объяснялось по-разному. Две версии приводит Овидий («Фасты», V, 621–634). По одной из них в майские иды (середина месяца) с моста бросают в реку лишь чучела стариков – в память о древних человеческих жертвоприношениях Сатурну. По второй версии (принадлежащей, вероятно, самому Овидию) молодежь низвергала стариков с помостов для голосования, «чтобы на выборах шли только свои голоса» (пер. Ф. Петровского) [Душенко, Багриновский, с. 588].

Список источников

- Античные риторики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 352 с.
Бальзак О. де. Собр. соч.: В 15 т. – М.: Худож. лит., 1952. – Т. 3. – 672 с.
Гельвеций К.-А. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1974. – Т. 2. – 687 с.
Гёте И.В. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1976. – Т. 2. – 510 с.
Дидро Д. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1986. – Т. 2. – 604 с.
Душенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 5. – 407 с.

Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. – Т. 2. – 520 с.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. – М., 1939. – Т. 11. – 748 с.

* * *

Augard T. The Oxford Dictionary of Modern Quotations. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, [1996]. – 530 p.

Benet J. Growing Pains at UC // San Francisco Chronicle. – San Francisco, 1964. – November 15. – P. 6.

Chokier J. Facis historiarum centuriæ duæ. Centavria prima. – Leodii: L. Streel, 1650. – 168 p.

Don't trust anyone over 30, unless it's Jack Weinberg // The Berkeley Daily Planet. – Berkeley, 2000. – April 6. – P. 1.

Eigen L.D., Siegel J.L. The Macmillan Dictionary of Political Quotations. – New York, 1993. – 785 p.

Jack Weinberg // Wikipedia, the free encyclopedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Jack_Weinberg#cite_note-benet-10 (дата обращения: 1.10.2018)

Krassner P. How a Satirical Editor Became a Yippie Conspirator in Ten Easy Years. – New York: Putnam, [1971]. – 319 p.

Rubin J. Do it; scenarios of the revolution. – New York: Simon and Schuster, 1970. – 256 p.

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПИАНИСТА!

В 1970 г. вышла книжка Виталия Коротича о поездке в Америку. Называлась она «Не стреляйте в пианиста!..». Знаменитая фраза приведена здесь целиком, правда, с пропагандистским довеском: «На дальнем западе Соединенных Штатов над эстрадой старых баров до сих пор сохраняется колоритный плакат: “Не стреляйте в пианиста – он делает все, что может!” Сейчас в музыкантов стреляют не так часто, как полстолетия назад, зато из тридцати семи президентов, которые были избраны за всю историю страны, стреляли в каждого пятого» [Коротич, с. 51].

Обычно эта фраза связывается с именем Оскара Уайльда, более конкретно – с его посещением шахтерского города Ледвилл (штат Колорадо). Ледвилл расположен в Скалистых горах на высоте выше 3 км над уровнем моря. В 1879 г. здесь были обнаружены огромные залежи серебра, и уже через год население города превысило 40 тысяч.

В 1882 г. молодой Уайльд начал лекционное турне по Америке, «чтобы, – как он говорил, – подстричь варварские когти американского орла ножницами культуры» (письмо к Дж. Керзону) [Oscar Wilde., p. 24]. 13 апреля он приехал в Ледвилл по приглашению мэра и в переполненном зале городского театра прочитал лекцию о декоративном искусстве. Мэр пригласил английского гостя посетить одну из шахт и даже назвал его именем рудную жилу.

Вернувшись в Европу, Уайльд в своих публичных лекциях об Америке не раз описывал посещение Ледвилла. Самый полный из этих рассказов содержится в посмертно опубликованном сбор-

нике «Впечатления об Америке» (1906). Повествование выдержано в стилистике «юмора Дикого Запада»:

«Из Солт-Лейк-Сити путь лежит через обширные равнины Колорадо и затем вверх по Скалистым горам, на вершине которых расположен Ледвилл, самый богатый город в мире. Он также пользуется славой самого буйного города, где каждый держит при себе револьвер. Мне говорили, что, если я отправлюсь туда, меня или моего проводника непременно застрелят.

“Я не испугаюсь ничего, что бы ни сделали с моим проводником”, – отвечал я.

То были шахтеры – люди, работающие с металлом, поэтому я прочитал им лекцию об Этике Искусства. Выдержки из автобиографии Бенвенуто Челлини, кажется, пришлись им весьма по душевному. Меня засыпали упреками за то, что я не привел Челлини с собой. Я объяснил, что некоторое время назад он умер. “Кто его застрелил?” – спросили меня.

Потом меня отвели в зал для танцев, где я увидел единственный разумный метод художественной критики из всех, с какими мне доводилось встречаться. Над пианино висела табличка:

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПИАНИСТА.

ОН ДЕЛАЕТ ВСЁ, ЧТО МОЖЕТ!

(Please do not shoot the pianist. He is doing his best!)

Смертность среди пианистов в этой местности удивительно велика.

Затем меня пригласили отужинать; приняв приглашение, мне пришлось спуститься в шахту в раскачивающейся бадье, в которой невозможно держаться с изяществом. Очутившись в сердцевине горы, я получил ужин, где на первое было подано виски, на второе виски и на третье виски» [Wilde, 1906, p. 30–32].

А вот более ранний рассказ Уайльда о том же:

«...Вечером я посетил игорный дом. Здесь были шахтеры со своими подружками, а в углу сидел пианист – самый обычный пианист; над его пианино висела табличка: “Пожалуйста, не стреляйте в пианиста; он делает все, что может”. Я был поражен тем, что плохое искусство здесь считают заслуживающим смертной казни, и почувствовал, что в этом далеком городе, где револьвер

нашел эстетическое применение в области музыки, моя апостольская миссия будет гораздо успешнее; так оно и вышло» («Isle of Wight Observer» (Англия), 10 марта 1883 г.) [цит. по: O'Toole].

В более ранних версиях знаменитой фразы местом действия служит церковь, а мишенью оказывается органист:

«Несколько лет назад пастор, совершивший службу в Пулвилле (Арканзас), сказал:

– Я вынужден еще раз извиниться за отсутствие тенора, приглашенного для нашего хора. Он должен прибыть со следующим поездом и в следующее воскресенье обязательно займет свое место. И кстати сказать, я бы предложил покончить с обыкновением стрелять в органиста во время службы. Эта привычка выставляет нас на посмешище и раздражает прихожан, поскольку церковь наполняется пороховым дымом. У бедняги есть свои недостатки, но он делает все, что может. Вдобавок это уродует новый орган» («The Northampton Mercury» и «The Hemel Hempstead Gazette» (Англия), 2 августа 1879 г.) [цит. по: O'Toole].

В другой заметке, опубликованной в Англии в том же году, дело происходит в Калифорнии, а словесное внушение превратилось в табличку: «Настоятельно просим не стрелять в органиста. Он делает все, что может» [цит. по: O'Toole].

Эти анекдоты были заимствованы из американской печати.

31 июля 1882 г., вскоре после поездки Уайльда в Ледвилл, в «Вашингтон пост» цитировалась табличка, вывшенная в ледвиллской церкви: «Пожалуйста, не стреляйте в органиста; он делает все, что может». Эту табличку будто бы видел корреспондент газеты «Springfield Republican» [Popik]. Но в конце концов возобладала версия с пианистом.

В достоверность этого анекдота поверить трудно. Еще при жизни Уайльда одна из техасских газет писала: «Старая история о табличке “Пожалуйста, не стреляйте в пианиста – он делает все, что может” – есть чистой воды вымысел» («San Antonio Daily Light», 25 ноября 1893 г.) [цит. по: Popik].

Список источников

Коротич В.А. «Не стреляйте в пианиста!..». – М.: Молодая гвардия, 1970. – 96 с.

* * *

Oscar Wilde in Quotation / With Attributions Tweed Conrad. – Jefferson (North Carolina); London: McFarland & Co., 2014. – 247 p.

O'Toole G. [псевд.]. Please Do Not Shoot the Pianist. He Is Doing His Best // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations [Авторский сайт]. – Mode of access: <https://quoteinvestigator.com/2017/06/17/pianist> (дата обращения: 1.10.2018).

Popik B. «Please do not shoot the piano player. He is doing his best» // The Big Apple [электронный ресурс]. – 2006. – December 23. – Mode of access: barry-popik.com/index.php/new_york_city/entry/please_do_not_shoot_the_piano_player_he_is_doing_his_best (дата обращения: 1.10.2018).

Wilde O. Impressions of America / Ed. Stuart Mason. – Sunderland: Keystone Press, 1906. – 40 p.

НЕТ ГЕРОЯ ДЛЯ СВОЕГО КАМЕРДИНЕРА

В «Войне и мире» (т. IV, ч. 4, гл. 5) Толстой противопоставляет истинное величие Кутузова мнимому величию Наполеона:

«Простая, скромная, и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мимо управляющего людьми, которую придумала история.

Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии» [Толстой, с. 186].

К тому времени французская фраза «Нет героя для своего камердинера» («Il n'y a pas de héros pour son valet de chambre») – успела войти в пословицу. По-французски просто лакей – «valet de pied» или «laquais», тогда как «valet de chambre» (камердинер) служит в богатом дворянском доме. Первоначально же имелся в виду камердинер, служащий у высокопоставленных и титулованных особ, включая государей.

Слово «лакей», в отличие от слова «камердинер», имеет отчетливую негативную окраску; то же относится к французскому и английскому «laquais». Тем не менее в России «valet de chambre» в этой фразе очень часто переводится как «лакей» (примеры можно найти еще до «Войны и мира»). Такая замена вплоть до XX в. почти не встречается в других европейских языках – английском, немецком, итальянском, польском и т.д.

Первоначальный смысл изречения вовсе не в том, что «у лакея свое понятие о величии», а в том, что он знает *своего* хозяина слишком близко.

Это касается не только слуг. В кн. III «Опытов» (1588), гл. 2, Монтень писал: «Бывали люди, казавшиеся миру редкостным чу-

дом, а между тем ни жены их, ни слуги не видели в них ничего замечательного» [Монтень, с. 22].

В 1724 г. вышло издание «Опытов» Мишеля Монтеня с комментариями Пьера Кота. К высказыванию Монтеня, приведенному выше, Кот поместил примечание: «Надо поистине быть героем, чтобы быть им в глазах своего камердинера. Маршал де Катина» [Boudet, p. 521; Ашукин, Ашукина, с. 181].

Никола де Катина (1637–1712), маршал Людовика XIV, одержал ряд крупных побед в войне с Augсбургской лигой (1688–1697), но в начале Войны за испанское наследство (1701) потерпел серьезное поражение и был отстранен от командования, после чего удалился в свой замок, где и умер.

В 1785 г. были опубликованы «Письма к госпоже Каландрини» Шарлотты Аиссе (ок. 1693–1733), более известной под именем «м-ль Аиссе». 13 августа 1728 г. м-ль Аиссе писала: «Напомню вам слова госпожи Корнюэль – что никто не был героем для своего камердинера или Отцом Церкви для своих современников» [Aissé, p. 114]. В письме речь шла об Амбренском соборе Французской католической церкви (1727–1728). Этот собор лишил янсениста Жана Соанена его епископства за неподчинение папе римскому.

Анн-Мари де Корнюэль (1605–1694), хозяйка парижского салона, была известна своим остроумием. Однако едва ли первая часть процитированной выше фразы принадлежала ей. Ее имя не упоминалось в этой связи до публикации «Писем» м-ль Аиссе.

В печати это изречение появилось в 1760 г. в романе Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», IV, 10. Здесь оно оспаривается:

«Суждение слуг мне кажется самой строгой и самой верной оценкой добродетели господ <...>.

Говорят, никто не бывает героем для своего камердинера. Может быть, это и верно, но справедливый человек всегда внушает своему камердинеру уважение, – достаточно убедительное доказательство, что героизм – суэтная видимость, а надежнее добродетели нет ничего» (отредактированный пер. Н. Немчиновой и А. Худадовой) [Руссо, с. 393].

«Новую Элоизу» читали все, и с 1760-х годов изречение о герое и камердинере получило хождение во французской, английской и немецкой печати. Оно встречается, например, в комедии

Сэмюэла Фута «Хозяин» (1764): «Говорят, и я думаю, что тут есть доля правды, что никто не может быть героем для своего камердинера» [Foote, p. 30–31]. В английской версии неизменно сохраняется термин «valet de chambre», который использовался главным образом применительно к Франции.

Немецкий литератор Томас Аббт писал: «Это почти уже стало пословицей: “Великий человек исчезает в глазах своих камердинеров”» («О заслугах», 1765) [Abbt, S. 339]. Шотландец Джеймс Босуэлл замечает: «...согласно герцогу де Ларошфуко, никто не может быть героем для своего камердинера» («Отчет о Корсике», 1768) [Boswell, p. 243].

В 1781 г. Муффль д'Анжервиль, биограф Людовика XV, ошибочно приписывал это изречение французскому моралисту XVII в. Жану де Лабрюйеру: «Он [маршал Мориц Саксонский] был велик лишь на войне; во всем остальном он проявлял черты, свойственные мелким, плебейским душам, и подтверждал истинность слов Лабрюйера, что никто не может быть героем в глазах своего камердинера» [Mouffle d'Angerville, p. 360].

Та же версия приведена в немецком биографическом словаре 1782 г.: «Лабрюйер сказал совершенно верно: Plus on approche des grands hommes, plus on trouve, qu'ils font hommes. Rarement ils font grands vis-à vis de leur Valet de Chambre [Чем ближе подходишь к великим людям, тем больше убеждаешься, что они люди. Они редко велики в глазах своих камердинеров (*франц.*)]» [Hoff, S. 160.]. В конце XIX в. эта цитата была включена в авторитетный английский словарь цитат У. Кинга с указанием на авторство Лабрюйера и предположительной ссылкой на его книгу «Характеры» [King, p. 234]. Вероятно, отсюда, ее взял Мориц Михельсон, автор фундаментального справочника «Русская мысль и речь», причем здесь ссылка на «Характеры» Лабрюйера дана уже без знака вопроса [Михельсон, с. 246]. В «Крылатых словах» Н.С. и М.Г. Ашукиных (1955) та же цитата приведена со ссылкой на немецкий справочник Георга Бюхмана «Geflügelte Worte» («Крылатые слова») [Ашукин, Ашукина, с. 182], хотя ее нет ни в одном из многочисленных изданий этого справочника, как прижизненных, так и посмертных, дополненных. В действительности Ашукины, вероятно, взяли эту цитату у Михельсона; ту же ошибку совершил автор настоящей статьи [Дущенко, с. 414].

В XIX в. был указан античный предшественник этого изречения. Согласно Плутарху, царь Македонии Антигон I (?–301 до н.э.) сказал поэту Гермодоту, который в своих стихах называл его «сыном Солнца»: «Неправда, и это отлично знаем я да тот раб, что выносит мой ночной горшок» («Изречения царей и полководцев», 28; пер. М. Гаспарова) [Плутарх, с. 511].

Эта история заставляет вспомнить известное высказывание Пушкина: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. – Охота тебе видеть его на судне» (письмо к П.А. Вяземскому, ноябрь 1825) [Пушкин, с. 244].

Александр Герцен писал: «...Толпа <...> не понимает людей, глубоко чувствующих. Помнится, Дидротова кухарка очень удивилась, услышав, что ее господин – великий человек. Сколько Дидротовых кухарок!» («Встречи», предисловие (1836), опубл. в 1882 г.) [Герцен, с. 107]. «Дидротова кухарка» затем дважды встречается в письмах Герцена 1837 г.; ее происхождение неясно.

В 1807 г. вышел в свет трактат Гегеля «Феноменология духа». Здесь говорилось: «Для камердинера нет героя; но не потому, что последний не герой, а потому, что тот – камердинер, с которым герой имеет дело не как герой, а как человек, который ест, пьет, одевается...» («Феноменология духа», VI, С, с; пер. Г. Шпета с заменой «лакея» на «камердинера») [Гегель, 1959, с. 357].

Два года спустя вышел роман Гёте «Избирательное сродство» (1809). В ч. I, гл. 5, приведены выдержки «Из дневника Оттилии» – мысли и афоризмы Гёте на различные темы. Одна из этих записей, в сущности, повторяет мысль Гегеля: «Для камердинера, говорят, не бывает героя. Но это потому, что лишь герой может признать героя. Камердинер тоже, вероятно, умеет по достоинству ценить собрата» (пер. А. Федорова с заменой «лакея» на «камердинера») [Гёте, с. 355].

В «Лекциях по философии истории» (1822–1831; опубл. в 1837 г.) Гегель вернулся к этой теме, говоря об отношении историков к историческим личностям:

«Известна поговорка, что для камердинера не существует героя; я добавил, – а Гёте повторил это через десять лет, – но не потому, что последний не герой, а потому что первый – камердинер. Камердинер снимает с героя сапоги, укладывает его в постель,

знает, что он любит пить шампанское и т.д. Плохо приходится в историографии историческим личностям, обслуживаемым такими психологическими камердинерами; они низводятся этими их камердинерами до такого же нравственного уровня, на котором стоят подобные тонкие знатоки людей, или, скорее, несколькими ступеньками пониже этого уровня» (пер. А. Водена) [Гегель, 1993, с. 83–84].

В Англии о «психологических камердинерах» говорилось на полвека раньше, только в несколько иных выражениях. В 1786 г. в альманахе «Английское обозрение» была помещена анонимная рецензия на сатирическую поэму Джона Уолкота «Боцци и Пьоцци». В поэме высмеивались биографы лексикографа Сэмюэла Джонсона (1709–1784), в том числе Джеймс Босуэлл. Знаменитый двухтомник Босуэлла «Жизнь Сэмюэла Джонсона» вышел позднее, в 1791 г., но уже в 1785 г. Босуэлл опубликовал «Дневник путешествия на Гебридские острова с Сэмюэлом Джонсоном».

Автор рецензии замечает: «Характер д-ра Джонсона стал мишенью множества насмешек из-за неуместной мелочности его биографов. <...> Завеса, которой должна быть прикрыта человеческая слабость, была отброшена, и нагота их кумира открылась. <..> Единственный результат, которого добились эти литературные приживальщики (*lackies of literature*), это то, что публика еще раз убедилась в истинности старого изречения: “Никто не может быть героем для своего камердинера”» [Bozzy and Piozzi.., p. 411].

Оскар Уайльд, который едва ли читал лекции Гегеля и рецензии XVIII в., выразил ту же мысль острее и ярче:

«Раньше или позднее они [великие личности] обречены оказаться на уровне их биографов» («Дешевая версия великого человека» (1887); пер. Н. Пальцева) [Уайльд, с. 145];

«Именно такую биографию Гамлета мог бы написать Гильденстэрн» («Дешевая версия великого человека») [Уайльд, с. 145];

«Сегодня у каждого великого человека есть ученики, а его биографию обычно пишет Иуда» («Критик как художник», 1890) [Wilde, p. 242].

Список источников

- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
- Гегель Г.В.Ф. Сочинения: [В 14 т.]. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – Т. 4. – 488 с.
- Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – 572 с.
- Гёте И.В. Собр. соч. в 10 т. – М.: Худож. лит., 1975–1980. – Т. 6. – 477 с.
- Дущенко К.В. История знаменитых цитат. – М.: Азбука-Аттикус, 2018. – 702 с.
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь. – М.: Терра, 1994. – Т. 1. – 779 с. – (Репринт издания 1903 г.)
- Монтень М. Опыты. – М.: Наука, 1979. – [Т. 2], кн. 3. – 534 с.
- Плутарх. Моралии. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: ФОЛИО, 1999. – 1118 с.
- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 13. – 658 с.
- Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961. – Т. 2. – 768 с.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худож. лит., 1940. – Т. 12. – 426 с.
- Уайльд О. Избр. произв.: В 2 т. – М.: Республика, 1993. – Т. 2. – 544 с.
- * * *
- Abbt T. Vom Verdienste. – Berlin; Stettin: F. Nicolai, 1765. – 429 S.
- Aïssé C.-E. Lettres de Mademoiselle Aïssé à Madame C[alandrini]. – Lausanne: J. Mourer; Paris: La Grange, 1788. – 242 p.
- Boswell J. An account of Corsica, the journal of a tour to that island, and memoirs of Pascal Paoli. – Dublin: J. Exshaw, 1768. – 282 p.
- Boudet J. Les Mots de l'histoire. – Paris: Robert Laffont, 1990. – 1415 p.
- Bozzy and Piozzi, or the British Biographers... // The English Review. – London, 1786. – Vol. 7. – P. 411–413.
- Foote S. The Patron, a Comedy in Three Acts. – London: G. Kearsly, 1764. – 74 p.
- Hoff H.G. Kurze Biographien oder Lebensabrisse merkwürdiger und berühmter Personen neuerer Zeiten... – Brünn: Neumann, 1782. – Bd. 3. – 334, [23] S.
- King W.F.H. Classical and Foreign Quotations, Law Terms and Maxims, Proverbs, Mottoes, Phrases, and Expressions... – London: Whitaker & Sons, 1887. – 608 p.
- Mouffle d'Angerville B.-F.-J. Vie privée de Louis XV, ou principaux événements, particularités et anecdotes de son règne. – Londres: J.P. Lyton, 1781. – Т. 2. – 382 p.
- Wilde O. The Major Works. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – 672 p.

НИКОГДА НЕ ГОВОРИ «НИКОГДА»

Мировую известность эта фраза получила после выхода в свет британского фильма «Never Say Never Again» (1983). Фильм был экранизацией шпионского романа Яна Флеминга «Удар грома» (1961), где, однако, этого выражения нет. Ф. Шапиро датирует первое упоминание оборота «Never Say Never Again» 1926 годом [Shapiro, p. 528]. В форме «Never Say Never» он встречалось с конца XIX в.

Между тем это выражение появилось в самом начале XIX в. – но не в Англии, а во Франции. Оно принадлежит Франсуа Оффмáну (1760–1828), автору одноактной комедии «Мнимое сокровище, или Как опасно подслушивать». «Мнимое сокровище» обычно называют комической оперой, но на самом деле это скорее водевиль. В 1802 г. он был поставлен в парижской Комической опере с музыкой Этьена Николя Мегюоля.

Сюжет водевиля вполне обычен: Жеронт – дядя и опекун юной Люсиль – не позволяет ей соединиться с возлюбленным. В сцене IV он говорит: «...Я приказываю вам написать Дорвалю <...>, чтобы он прекратил домогаться вашей руки и никогда не появлялся у вас» [Hoffman, 1803, p. 12]. Но затем, возмечтав обогатиться благодаря этому браку, опекун меняет гнев на милость. В сцене XII происходит следующий диалог:

ЖЕРОНТ. ...Но посмотрим письмо (*читает*): «Сударь, поскольку я никогда не смогу принадлежать Вам...» «Никогда!» Никогда не следует говорить «никогда» (Il ne faut jamais dire jamais). Кто может поручиться за будущее?

ЛЮСИЛЬ. Это говорили мне вы, дядюшка.

ЖЕРОНТ. «Никогда!» Я имел в виду: «в настоящее время», но никогда нельзя говорить «никогда» о будущем [Hoffman, 1803, p. 19].

После 1802 г. «Мнимое сокровище» ставилось не слишком часто, и фраза Жеронта, возможно, была бы забыта, если бы не нашумевший эпизод с министром юстиции Эркюлем де Серром.

В 1816 г. был принят закон об амнистии тех, кто во время «Ста дней» перешел на сторону Наполеона. Амнистии не подлежали «цареубийцы» – депутаты Конвента, голосовавшие за казнь Людовика XVI. Они изгнались из страны навсегда, если в 1815 г. приняли какую-либо должность от «узурпатора».

На заседании Палаты депутатов 17 мая 1819 г. де Серр подтвердил, что «лица, внесенные в указ об изгнании, не вернутся во Францию» [Gallois, p. 510; Biographie des ministres.., p. 270], а два месяца спустя, 19 июня, повторил: «Для временно изгнанных возможно обращение к воле короля, для цареубийц – никогда!» [Salis, p. 189].

Этот запрет был крайне непопулярен в обществе. 1 июля в масонской газете «La renommée» появился отчет о празднестве, устроенном в Париже ложей Великий Восток. Здесь были спеты куплеты на злобу дня:

Когда славные французские государи
Скитались, изгнанные, без всякой надежды,
Я слышал, как говорили: никогда
Не будут они править во Франции.
Их отсутствие было долгим... но
Никогда не следует говорить «никогда».

Разве будущее нам открыто?
Я слышал голос, который воскликнул:
«Никогда несчастный изгнаник
Не вернется на родину».
Это возможно... но
Никогда не следует говорить «никогда».
(...mais / Ne faut jamais dire jamais) [Paris: Chronique...].

В 1829 г. вышел II том сочинений Офмана. Здесь сообщалось, что на другой день после выступления де Серра с его «ужасным словом “Никогда!”» состоялось представление «Мнимого сокровища» и публика бурно аплодировала словам Жеронта: «Никогда не следует говорить “никогда”» [Hoffmann, 1829, p. 322]. А в музыкальном справочнике 1869 г. утверждалось, что именно после этого случая фраза вошла в пословицу [Clément, Larousse, p. 669–670].

«Мнимое сокровище» действительно было поставлено в 1819 г. в театре «Драматическая гимназия», однако премьера состоялась 13 сентября – почти через три месяца после скандального эпизода. Так что немедленный отклик публики на «ужасное слово “Никогда!”» не мог иметь места. Если же зрители действительно аплодировали фразе Жеронта, значит, «ужасное слово» все еще было живо в их памяти.

С середины XIX в. выражение «Никогда не следует говорить “никогда”» появилось в немецкой печати («*Man tuß niemals nie-mals sagen*»); нередко – как правило политики или дипломатии.

История с «ужасными словами» де Серра отозвалась эхом 40 лет спустя, в годы Третьей Республики. 4 декабря 1879 г. в Палате депутатов левый республиканец Шарль Флоке потребовал полной амнистии коммунаров. В ответ раздались голоса центристов: «Нет, нет! Никогда!» Флоке возразил: «В политике никогда не следует говорить: “Никогда”» [Chambre des députés.., p. 136]. Закон о всеобщей политической амнистии был принят всего семь месяцев спустя, 6 июля 1880 г.

Однако обычно фраза: «В политике никогда не следует говорить “никогда”» – цитируется со ссылкой на Наполеона III. Он действительно произнес эти слова за 12 лет до Флоке, но не на публике. В печати слова императора появились лишь в 1892 г., в I томе «Моего дневника» Эрнеста Пинара, министра внутренних дел Второй империи [Pinard], а широкую известность получили с 1905 г., когда их процитировал Эмиль Оливье в X томе своего 18-томного труда «Либеральная империя».

20 октября 1867 г. Гарибальди выступил в поход на Рим. Наполеон III выслал войска на помощь папе, хотя большая часть французов сочувствовала гарибальдийцам. 5 декабря «римский вопрос» обсуждался в Палате депутатов. Государственный ми-

министр – т.е. глава правительства – Эжен Руз сказал: «Мы заявляем, что Италия не захватит Рим. Никогда, никогда Франция не поддержит такое насилие над своей честью и над католической верой!» Большинство Палаты поддержало министра. На другой день на заседании правительства Наполеон III похвалил Руз за его выступление, но добавил: «В политике никогда не следует говорить “никогда”. Допустим, что папа и Виктор Эммануил придут к соглашению; во что обратится тогда красноречие государственного министра?» [Ollivier, p. 229].

Действительно, в 1870 г., после начала франко-пруссской войны, французские войска были отозваны из Рима, и король Виктор Эммануил включил Рим в состав Италии.

Список источников

- Biographie des ministres Français: depuis juillet 1789 jusqu'à ce jour. – Bruxelles: H. Tarlier, 1826. – 316 p.
- Chambre des députés. Séance du jeudi 4 Décembre // Annales du Sénat et de la Chambre des députés. – Paris: Imprimerie du Journal officiel, A. Wittersheim, 1880. – T. 10. – P. 15–145.
- Clément F., Larousse P. Dictionnaire lyrique ou Histoire des opéras. – Paris: Larousse, 1869. – 765 p.
- Gallois L.-C.-A.-G. Biographie de tous les ministres: depuis la constitution de 1791, jusqu'à nos jours. – Paris: Les Marchands de Nouveautés, 1825. – 586 p.
- Hoffman F.-B. Le trésor supposé, comédie en un acte et en prose, mêlée de musique. – Paris: Huet, 1803. – 32 p.
- Hoffmann F.-B. Oeuvres. Théâtre. – Paris: Lefebvre, 1829. – T. 2. – 531 p.
- Ollivier E. L'empire libéral. – Paris: Garnier frères, 1905. – T. 10: L'agonie de l'empire autoritaire. – 652 p.
- Paris: [Chronique des événements] // La renommée. – Paris, 1819.–2. Semestre, 1 июля 1819, № 17. – P. 65.
- Pinard E. Mon Journal. – Paris: E. Dentu, 1892. – T. 1. – 451 p.
- Salis G de. Mémorial de la session de 1818. – Paris: D'Hacquart, 1819. – 204 p.
- Shapiro F.R. The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 2006. – 1068 p.

О МЕРТВЫХ ИЛИ ХОРОШО, ИЛИ НИЧЕГО

Это изречение существует в двух вариантах. Первый появился, вероятно, в XVI в.: «*De mortuis et absentibus nil nisi bene*» – «О мертвых и отсутствующих [не говорят] ничего, кроме хорошего». Позднее его сократили: «*De mortuis nil nisi bene*» – «О мертвых ничего, кроме хорошего». Именно так цитируется эта сентенция в Западной Европе. В Центральной и Восточной Европе появилась вторая форма: «*De mortuis aut bene aut nihil*» – «О мертвых или хорошо, или ничего». В России только она и известна [Душенко, Багриновский, с. 142].

В Западной Руси это изречение уже в 1-й половине XVII в. цитировалось на родном языке: «...памятаючи на то, ижь о мертвых альбо нечого, альбо добре мовити треба». Эти слова содержались в протестации (жалобе) Лаврентия Древинского, старшины Виленского православного братства, о похищении униатами братского имущества. Протестация, датированная 15 июня 1630 г., была адресована Варшавскому старостинскому суду [Акты.., с. 519]. Можно не сомневаться, что ее составитель был знаком с латынью.

В Великороссии эта сентенция стала известна в XVIII в. В конце 1790-х годов протоиерей Петр Алексеев послал письмо императору Павлу I, в котором содержался отзыв Петра I (несомненно, легендарный) о патриархе Никоне. Протоиерей писал, что этот «анекдот с примечаниями» он решается поднести государю «не для того, чтоб обесславить преждеусопших мужей, ибо сие и неверные запретили: *de mortuis aut bene, aut nihil...*» [Рассказ.., стб. 93].

В сборнике пословиц И.М. Снегирёва (1848) к поговорке: «Костями не шевели!» – давалось примечание: «Это тоже, что: *de mortuis aut bene, aut nihil*» [Снегирев, с. 181].

«Неверные», т.е. древние греки, действительно запрещали дурно отзываться о мертвых. Изречение «Мертвых не хули» («Об умерших не злословить») приписывалось Хилону, одному из Семи мудрецов [Диоген Лаэртский, с. 84].

Изречение «О мертвых и отсутствующих ничего, кроме хорошего» восходит к Платону: «Хвалят <...> Солонов закон, запрещающий дурно говорить об умершем. И действительно, благочестие требует считать умерших священными, справедливость – не касаться тех, кого уже нет» («О мертвых и отсутствующих [не говорят] ничего, кроме хорошего» («Солон», 21) [Платон, 1994, с. 105]. А в платоновых «Изречениях спартанцев» (61) читаем: «Платону передали, что один очень злозычный человек отзываются о нем хорошо. “Уж не сказал ли ему кто-нибудь, – удивился Платон, – что я умер?”» [Платон, 1999, с. 469].

Требование не злословить об отсутствующих мы находим у римлян. 29-я элегия из II книги «Элегий» Секста Проперция заканчивалась строкой: «*Absenti nemo non noscisse velit*» – «Пусть никто не говорит плохо об отсутствующих» [Душенко, Багриновский, с. 142].

Старую мудрость подвергли сомнению в век Просвещения. Вольтер замечает: «О живых следует говорить уважительно; о мертвых – только правду!» («Письма, написанные в 1719 г. об “Эдипе”», примечание к письму I, опубликованное в 1785 г.) [Guerlac, p. 109].

На латыни ту же мысль высказал англичанин Сэмюэл Джонсон в очерк «Юнг» (1781) из «Жизнеописаний английских поэтов»: «В знаменитом изречении *De mortuis nil nisi bonum* меня всегда поражало то, что предпочтение отдается скорее женственной слабости, нежели мужественному разуму. Под могильной плитой порицание слышно не больше, чем похвала. *De mortuis nil nisi verum* – *De vivis nil nisi bonum* [О мертвых – только правду. О живых – только хорошее] – лучше отвечало бы здравому смыслу» [Johnson, p. 60].

Эта мысль, выраженная на латыни в различных формах, нередко встречалась у русских авторов XIX столетия.

В 1858 г. в Москве вышла книжечка польского выпускника Московского университета, подписанная «Хризостом Бургардт» (по всей вероятности, псевдоним). Автор писал: «Известна всем поговорка: *de mortuis aut nihil, aut bene* – это слишком религиозно! По-моему, скорее бы можно было приноровить это к живым, действуя подчас в духе политики Маккиявелли, и сказать: *de vivis aut nihil, aut bene* [о живых или хорошо, или ничего]; а во всяком случае первую непременно представить в такой форме: *de mortuis aut pura veritas, aut nihil!* [о мертвых или чистую правду, или ничего]» [Бургардт, с. 25]. Однако далее сентенция «О мертвых или хорошо, или ничего» не опровергается, а, напротив, подтверждается: «чистая правда» оказывается восторженной похвалой покойному профессору Т.Н. Грановскому.

Владимир Одоевский в предисловии к сборнику «Русские ночи» (написано ок. 1860 г., опубл. в 1913 г.) «не позволил себе» говорить дурного о Константине Аксакове (не названном здесь по имени), сославшись на поговорку «*De mortuis seu bene, seu nihil*» [Одоевский, с. 185]. Однако в своих заметках, не предназначавшихся для печати, он, вслед за Вольтером, отвергает эту сентенцию: «Нам так часто повторяют, и сами мы повторяем: *De mortuis aut bene, aut nihil*, что совестно спросить: да есть ли смысл в этой фразе? – Никто из нас, кажется, и не подумал, что если бы эта фраза была справедлива, то вся история должна бы состоять из панегириков. <...> Неужели можно выхвалять или молчать относительно зла, сделанного напр. в русской литературе Булгариными и Сенковскими, или напр. Аракчеевыми для целой России? – Знаменитое присловье надоено переделать так: *de mortuis seu veritas, seu nihil* [о мертвых или ничего, или правду]» [Из бумаг..., стб. 359, 360]¹.

Иного мнения, чем Сэмюэл Джонсон, был Генрих Гейне: «*De mortuis nil nisi bene* [О мертвых ничего, кроме хорошего], но о живых следует говорить только дурное» (из посмертно изданных «Мыслей и афоризмов»; пер. Е. Лундберга) [Гейне, с. 190].

О том же, не одобряя такого поведения, писал А.Н. Майков в посмертно опубликованной эпиграмме «*De mortuis...*» (середина 1870-х годов):

¹ Эта цитата и цитата из книги Бургардта указаны в «Живом Журнале» Игорем Старковым [Старков].

Давно всеобщею моралью решено:
«Об мертвых говори хорошее одно».
Мы ж заключение прибавили такое:
«А о живых – одно дурное» [Русская эпиграмма, с. 164].

Список источников

- Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. – Т. 4: 1588–1632. – 529, 25, 20 с.
- Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. – М.: Русский язык, 1982. – 958 с.
- Бургардт Х. Литературные заметки. – М.: Тип. Штаба резервов армейской пехоты, 1858. – 87 с.
- Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1959. – Т. 9. – 747 с.
- Душенко К.В., Багриновский Г.Ю.* Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Диоген Лазертский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
- Из бумаг князя В.Ф. Одоевского // Русский архив. – М., 1870. – Т. 12, ч. 1. – Стб. 278–360.
- Одоевский В.Ф.* Русские ночи. – Л.: Наука, 1975. – 319 с.
- Плутарх. Моралии.* – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: ФОЛИО, 1999. – 1118 с.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 706 с.
- Рассказ Петра Великого о патриархе Никоне: Всеподданнейшее письмоprotoиерея Алексеева к императору Павлу Петровичу // Русский архив. – М., 1863. – Т. 1. – Стб. 91–102.
- Русская эпиграмма. – М.: Худож. лит., 1990. – 367 с.
- Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. – М.: Университетская тип., 1848. – 503 с.
- Старков И.* История одного фейка, или «Ничего кроме правды» // «Живой журнал», запись 9 января 2018. – Режим доступа: <https://starkov-blues.livejournal.com/442410.html> (дата обращения: 1.10.2018).
- * * *
- Guerlac O.* Les citations françaises: Recueil de passages célèbres, phrases familières, mots historiques. – Paris: Armand Colin, 1954. – 459 p.
- Johnson S. Young* // Johnson S. Prefaces, Biographical and Critical, to the Works of the English Poets. – London: J. Nichols, 1781. – Vol. 10. – P. 1–113.

ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА: ИСТОРИЯ МЕТАФОРЫ

Ранняя статья Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» была опубликована в 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике»; все его авторы были немецкими лево-гегельянцами. Молодой Маркс видит в религии форму иллюзорного сознания, не навязанную чьей-то волей, а возникающую из условий социального бытия:

«...Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. <...> Она претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной действительностью. <...>

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительно-го убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть *опиум народа* [das Opium des Volkes]. <...>

Религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого» [Маркс, с. 414–415].

И содержание, и тональность этих пассажей резко отличаются от высказываний французских деистов и атеистов XVIII в., которые в религии видели заблуждение непросвещенного ума и орудие сознательного обмана. Между тем у Маркса религия, в сущности, признается носительницей неких высших смыслов, хотя бы и иллюзорных.

Считается, что формула «Религия – опиум для народа», заведомо искажающая мысль Маркса, появилась в Советской России.

Но это не так. Еще при жизни Маркса Иоганн Губер, профессор философии Мюнхенского университета, писал: «Религия, – утверждает Карл Маркс, духовный отец “Интернационала”, – “есть опиум для народа” [Opium für das Volk]» («Религиозный вопрос», 1875) [Huber, 1875, S. 10]. Того же мнения был другой немецкий философ, Густав Портиг: «Карл Маркс называет религию “опиумом для народа”» («Религия и искусство в их взаимоотношениях», 1879) [Portig, S. 438].

В 1878 г. на английском вышла статья Иоганна Губера «Социал-демократия в Германии», опять-таки с формулой «опиум для народа» («opium for the people») [Huber, 1878, p. 818].

Искаженную формулу, родившуюся в Германии, пришедшие к власти большевики сделали официальным лозунгом. Британский журналист Артур Рэнсом, побывавший в Москве весной 1919 г., сообщал, что на стене Китай-города, возле ворот часовни Иверской Божьей Матери, повешена доска с надписью: «Религия – опиум для народа». «Эта доска, висящая там уже давно, по форме отчасти напоминает обычные оклады икон. Я видел, как старый крестьянин, явно неграмотный, истово перекрестился на часовню, а потом, повернувшись налево, столь же истово перекрестился на антирелигиозную надпись» («Шесть недель в России», 1919) [Ransome, p. 64].

У метафоры Маркса довольно долгая и отнюдь не простая родословная. Опиумные препараты с древности использовались для лечения самых различных недугов. В XVIII в. они настолько вошли в моду, что их даже прописывали грудным детям как успокаивающее. Именно тогда впервые появилось сравнение религиозности с опиумом.

В 1761 г. вышел в свет знаменитый эпистолярный роман Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». В письме 45 главная героиня, Юлия Вольмар, сообщает: «Муж даже находит, что я стала веселее, и очень этим доволен. Набожность, по его мнению, – опиум для души: в малых дозах бодрит, оживляет и поддерживает, в слишком сильных дозах усыпляет или же приводит в исступление, а то и убивает» (пер. Н. Немчиновой и А. Худадовой) [Руссо, с. 617]. Заметим, что в романе Руссо господин де Вольмар – атеист, но вовсе не богооборец.

В 1780 г. философ-просветитель Жан Робине включил изречение «Набожность есть опиум для души» («La Dévotion est un

opium pour l'âme») в шестой том своего «Универсального словаря...» (статья «Набожность») [Robinet, p. 46].

В романе маркиза де Сада «Новая Жюстина, или Злоключения добродетели» (1799) главная героиня говорит неаполитанскому королю Фердинанду: «...Ты поощряешь невежество. Это опиум, который ты даешь своему народу, чтобы, одурманенный этим снотворным, он не чувствовал нанесенных тобою ран» [Sade, p. 243]. Здесь речь прямо не идет о религии. Однако следует помнить, что у французских просветителей невежество неизменно сближалось с «предрассудком», т.е. религией; не случайно далее Жюстина предлагает Фердинанду ввести свободу мысли и вероисповедания.

Тогда же уподобление религиозности опиуму становится обычным у немецких просветителей, а затем и романтиков. Иоганн Готфрид Гердер называл «устремленность к внезапному, бурному, сокровенному переживанию присутствия Бога» «недостойным, неестественным, разрушительным состоянием». «Мы называем это состояние *духовным, религиозным*: но возможно ли нечто столь же бездуховное и опустошающее душу? Это опиум души, и ее грэзы отнюдь не чарующи» («Древнейшее свидетельство человеческого рода», кн. I (1774), опубл. в 1806 г.) [Herder, S. 149, 150].

Кант сравнил с опиумом предсмертное отпущение грехов: «Намерение тех, кто под конец жизни приглашает духовника, обыкновенно состоит в том, что в его лице они хотят иметь утешителя <...> из-за упреков совести. Здесь следовало бы скорее возбудить и обострить эти упреки, дабы не упустить из виду, что доброго еще нужно сделать или какие все еще наличествующие последствия зла можно устраниТЬ <...>. Но давать вместо этого совести как бы опиум – это вина по отношению к нему самому и к другим <...>» («Религия в пределах только разума», 2-е изд. (1794) II, 1; пер. Н.М. Соколова) [Кант, с. 148].

Один из вождей романтизма Ахим фон Арним говорит о своем герое: «...Религия стала для него новой разновидностью опиума» (роман «Бедность, богатство, вина и раскаяние графини Долорес», 1810) [Arnim, S. 124].

У Новалиса метафора «религия – опиум» перемещается в социальную плоскость. Среди его мыслей и афоризмов, опублико-

ванных в 1798 г. в журн. «Атенеум» под заглавием «Цветочная пыльца», есть высказывание о религии «филистеров»: «Ваша так называемая религия действует просто как опиум, прельщая, помогая забыться, притупляя боли немощных. Ваши утренние и вечерние молитвы для них все равно что завтрак и ужин» [Novalis, S. 95].

В 1830 г. Гёте опубликовал неодобрительную рецензию на сборник проповедей Фридриха Вильгельма Круммахера «Взгляд в царство благодати» (1828). Круммахер в то время был пастором в промышленном городке Гемарк (в окрестностях Вупперталя). Жителей этой местности, занятых физическим трудом и духовно неразвитых, замечает Гёте, «требуется лишь убаюкать ко сну. Поэтому эти проповеди можно было бы назвать *наркотическими проповедями*» [Goethe, S. 172].

С метафорой «религия – опиум» соперничала метафора «религия – алкоголь». Девять лет спустя после рецензии Гёте Фридрих Энгельс, лично слышавший проповеди Круммахера, напечатал статью «Письма из Вупперталя. I» (1839). Здесь религия и алкоголь метафорически уравнены как одурманивающие средства: «Ткачи-одиночки сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и иссушают свой спинной мозг у жаркой печки. Удел этих людей – мистицизм или пьянство». В кузнечной или сапожной мастерской «восседает мастер, справа подле него – Библия, слева, по крайней мере очень часто, – водка» [Энгельс, с. 456].

В 1833 г. в Нью-Йорке вышли в свет 20 выпусков продолжавшегося издания, озаглавленного «Посланники истины, или Пилюли для благочестивых: Серия либеральных трактатов». Одни выпуски были подписаны, другие нет. Большая часть подписанных выпусков принадлежала Роберту Дейлу Оуэну, сыну знаменитого английского утописта Роберта Оуэна.

Последний, 20-й выпуск назывался «Прусский пастырь (Из английского сочинения)». Именно здесь содержалось самое развернутое сопоставление религии с опиумом:

«...Мы часто слышим, что религия делает мужчин и женщин счастливыми. И это правда. Религия время от времени делает людей счастливыми. Иногда она захватывает экзальтированное воображение фанатика и наполняет его (да! мы должны это признать) невыразимой и торжествующей радостью; радостью, сравнимой – не только по своей интенсивности, но и по своему источнику (а

также – увы! – по своей длительности), – с радостью турка, которого возносит на седьмое небо его любимый опиум. На чистые души и нежные сердца религия иногда действует скорее ободряюще, чем опьяняюще, скорее дает надежду, чем внушает веру; она отвлекает от бед настоящего смутным, но отрадным предвосхищением, – пока люди не придут к заключению, что религия <...> исцеляет печаль и врачует надломленный дух. Так оно и есть – в том смысле, в каком бокал вина после ужина поднимает настроение и на время отгоняет прочь жизненные заботы <...>.

Религия ярого кальвиниста, радикального пуританина, восторженного методиста или, скажем, инквизитора Торквемады, или Моисея, истребителя моавитян [отсылка к Книге Чисел, гл. 25. – К.Д.], может быть названа Опиумной Религией [Opium-Religion]. Ее проявления внезапны и могущественны; она позволяет пережить экстаз во время припадков радостного возбуждения; она страшна в холодные, мрачные часы сомнения и отчаяния; она то возносит на небеса, то погружает в пропасти ада» [The Prussian Shepherd, p. 4].

Наряду с «Опиумной Религией», продолжает автор, существует менее опасная для души «Винная Религия» (Wine-Religion). Такова, например, религия квакеров или социниан, терпимая и далекая от мистицизма [там же, р. 4–5]. Однако для себя самого автор выбирает «полное воздержание» от всякой религии.

По иронии истории Оуэн-младший, главный автор антирелигиозных памфлетов «Посланники истины», в 1850-е годы увлекся спиритизмом и опубликовал нашумевшую книгу «Шаги на границе иного мира» (1860) [Owen].

В 1843 г. Маркс познакомился с Генрихом Гейне, который последние восемь лет жизни провел в «матрасной могиле» и с опиумными препаратами был знаком не понаслышке. У Гейне метафора «религия – опиум» дается со знаком плюс: «Да здравствует религия, которая в горькую чашу страданий человеческого рода вливает несколько сладких усыпляющих капель духовного опиума, несколько капель любви, надежды и веры!» («Людвиг Бёрге. Книга воспоминаний», 1840) [Heine, S. 287].

А в 1850 г., на краю могилы, поэт говорил Адольфу Штару и его жене Фанни Левальд: «Опиум – тоже религия. <...> Между опиумом и религией существует большее родство, нежели боль-

шинство людей может себе представить» (А. Штар, «Два месяца в Париже», 1851) [Stahr, S. 310, 311].

В 1843 г. социалист-левогегельянец Мозес Гесс, автор термина «отчуждение» и близкий знакомый Маркса, опубликовал статью «Свобода единственная и полная!». Здесь говорилось:

«Религия, пожалуй, может помочь смириться с несчастным сознанием рабства, возвысив его до раскаяния, при котором преображается любая реакция на зло и тем самым на всякую боль, как опиум помогает при мучительных болезнях; вера в реальность нереального и в нереальность реального, пожалуй, способна дать страдающему пассивное удовлетворение, но не деятельное мужество сознательно и самостоятельно противостоять злу и освободиться от зла. <...>

До тех пор пока не достигнута единственная и полная свобода, человек живет не вполне человеческой, но – в большей или меньшей степени – животной жизнью; он либо обладает несчастным сознанием – сознанием собственного убожества, либо погружается в праздность и гедонизм, [либо] хватается за привычные одурманивающие средства – опиум, религию и водку» [Heß, S. 94, 95].

Как видим, Гесс отчасти предвосхищает мысли Маркса, высказанные годом спустя, но очевидна разница в тоне обоих высказываний. В статье Маркса «водка» была бы невозможна.

В 1848 г., в год «Весны народов», Чарльз Кингсли, английский пастор и идеолог христианского социализма, начал издавать газету «Политика для народа». В номере от 27 мая появилось его второе «Письмо к чартистам»:

«...Мы никогда не говорили вам, что истинным “Путеводителем реформатора”, истинной книгой бедняка, истинным “Гласом Божиим против тиранов, дармоедов и обманщиков” была Библия. <...> Это наша вина. Мы использовали Библию как какое-то полицейское руководство, как дозу опиума, чтобы успокаивать перегруженных выночных животных, всего лишь как книгу, позволяющую держать в узде бедняков. <...> Мы говорили вам, что Библия учит терпению, но не сказали, что она обещала вам свободу. Мы говорили вам, что Библия проповедует права собственности и обязанности труда, а между тем (видит Бог!) она десятикратно чаще проповедует *обязанности собственности и права труда*» [Kingsley, p. 59].

Кингсли, в сущности, продолжал традицию протестантских проповедников эпохи Английской революции, когда Библия действительно была «Гласом Божиим против тиранов».

Михаил Бакунин уподоблял религию русского мужика не опиуму, а водке (называя ее, согласно тогдашнему просторечному употреблению, вином): «...Церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде – один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого» («Государственность и анархия. Прибавление А», 1873) [Бакунин, с. 512].

В 1905 г. Ленин точно процитировал формулу Маркса, однако истолковал ее в чисто бакунинском духе: «Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» («Социализм и религия», 1905) [Ленин, с. 143]. Какой уж тут «вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира»...

К метафоре «религия – опиум» не раз обращались самые разные мыслители XX в. Жан Кокто замечает: «Опиум похож на религию, как иллюзионист на Иисуса» («Письмо к Жаку Марите-ну», 1926) [Dournon, p. 629].

Иначе комментировал формулу Маркса Джордж Оруэлл: «Разве тут сказано не о том, что человеку невозможно жить хлебом единственным, что одной ненависти недостаточно, что мир, достойный людского рода, не может держаться «реализмом» и силой пулеметов? Если бы Маркс предвидел, как велико окажется его интеллектуальное влияние, возможно, то же самое он сказал бы еще не раз и еще яснее» (эссе «Мысли в пути», весна 1940 г.; пер. А. Зверева) [Оруэлл, с. 235].

В середине XX в. сходство с опиумом нашли в марксистской идеологии.

В 1946 г. в Нью-Йорке вышел сборник рассказов видного критика Эдмунда Уилсона «Воспоминания о Ведьмином округе». Один из персонажей рассказа «Издательский дом Милхолландов и его проклятая душа» говорит: «...Флаглер хотел выпустить “Руководство по коммунизму”, но, пока он собирается его издать, публика

будет по горло сыта коммунизмом, как теперь она по горло сыта сексом. Я говорил тебе о мудром изречении старого д-ра Антихриста: “Марксизм – это опиум интеллектуалов”??» [Wilson, p. 313].

24 января 1955 г. в еженедельнике «Newsweek» было приведено высказывание Клэр Люс (1903–1987), американского политика и дипломата: «Коммунизм – это опиум интеллектуалов, против которого нет средств – разве что в том смысле, в каком гильотина может быть названа средством от перхоти» [Safire, p. 506]. (Заключительную метафору Люс позаимствовала из романа Вудхауз «Старая, верная...», 1951.)

В том же 1955 г. в Париже вышла книга Раймона Аrona «Опиум интеллектуалов». Автор пытался ответить на вопрос: почему западные интеллектуалы тяготеют к марксизму и к левым идеологиям вообще. Книге предпосланы два эпиграфа. Первый – из Маркса: «Религия – это вздох угнетенной твари...» и т.д. Второй – высказывание французского философа Симоны Вейль (1909–1943): «Марксизм, безусловно, религия в худшем смысле этого слова. В частности, подобно всем низшим формам религиозной жизни, она постоянно используется, говоря столь справедливыми словами Маркса, в качестве опиума народа» [Aron, p. 7].

Эта цитата взята из незавершенной статьи «Существует ли марксистское учение?», писавшейся в 1943 г. и опубликованной в сборнике Вейль «Угнетение и свобода» (1955).

Симоне Вейль также принадлежит афоризм «Опиум народа не религия, а революция», вошедший в сборник «Гравитация и грация» (1947) [Weil, p. 206].

Список источников

- Бакунин М.А. Философия; Социология; Политика. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 12. – 576 с.
Маркс К. К критике гегелевской философии права // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 1. – С. 414–429.
Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – 377 с.
Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. – М.: Гослитиздат, 1961. – Т. 2. – 768 с.
Энгельс Ф. Письма из Вуппертала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 1. – С. 451–472.

Часть II.
История формул языка и культуры

* * *

- Arnim A. von.* Armut, Reichtum, Schuld und Buße der Gräfin Dolores. – Berlin: Real-schulbuchhandlung, 1810. – Bd. 2. – 416 S.
- Aron R.* L'Opium des intellectuels. – Paris: Calmann-Lévy, 1955. – 337 p.
- Dournon J.-Y.* Le grand dictionnaire des citations françaises. – Paris: Acropole, 1982. – 906 p.
- Goethe J.W.* Werken. – Stuttgart; Tübingen: J.G. Gotta, 1842. – Bd. 56. – 245 S.
- Heine H.* Über Ludwig Börne. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1840. – 376 S.
- Herder J.G. von.* Alteste Urkunde des Menschengeschlechte. Erster Band. 1774. – Tübingen: J.G. Gotta, 1806. – 455 S. – (Sammtliche Werke. Zur Religion und Theologie: Fünfter Theil.)
- Heß M.* Die Eine und ganze Freiheit! // Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz. – Zürich: Verlag des Literarischen Comptoirs, 1843. – Jg. 1, Juli. – S. 92–97.
- Huber J.* Die religiöse Frage: Wider Edward von Hartmann. – München: T. Ackermann, 1875. – 40 S.
- Huber J.* Social Democracy in Germany // The International Review. – New York, 1878. – Vol. 5, November-December. – P. 793–832.
- [*Kingsley C.*] Letters to the Chartists. II // Politics for the People. – London, 1848. – May 27. – P. 58–59. – Подпись: Parson Lot (Пастор Лот).
- Novalis.* Blütenstaub // Athenaeum. – Berlin, 1798. – Bd. 1. – S. 70–106.
- Owen R.D.* Footfalls on the Boundary of Another World. – Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1860. – 546 p.
- Portig G.* Religion und Kunst in ihrem gegenseitigen Verhältnis. Erster Theil. – Iserlohn: J. Bädeker, 1879. – 478 S.
- Ransome A.* Six Weeks In Russia In 1919. – London: Allen, 1919. – 170 p.
- Robinet J.-B.-R.* Dictionnaire universel des sciences... – Londres: Libraires Associés, 1780. – T. 6. – 687 p.
- [*Sade D.-A.-F. de.*] La Nouvelle Justine ou les malheurs de la vertu. – [Paris: Издатель неизвестен, 1799]. – 370 p. – На титуле ложные дата и место издания: En Hollande, 1797.
- Safire W.* Safire's Political Dictionary. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2008. – 896 p.
- Stahr A.* Zwei Monate in Paris: Zweiter Theil. – Oldenburg: Schulze, 1851. – 367 S.
- The Prussian Shepherd [from an English Work] // Messengers of Truth Or Pills for the Pious: A series of Liberal Tracts. – New York: G.H. Evans, 1833. – Vol. 1, № 20. – P. 1–8.
- Weil S.* La Pesanteur et la Grâce. – Paris: Plon, 1948. – 210 p.
- Wilson E.* Memoirs of Hecate County. – New York: Ballantine, 1967. – 411 p.

ОСТАВИТЬ ИМ ТОЛЬКО ГЛАЗА, ЧТОБЫ ПЛАКАТЬ

В конце 1917 г. Василий Розанов пишет:

«Я прочел в “Новом Времени”, в передовой статье, что “с Германиею Россия может заключить мир *хоть сейчас*, если уступит ей Курляндию и Лифляндию с Ригою, и еще некоторые части отечественной территории”. Думаю, что это из тех опасных иллюзий, за которые мы вообще уже столько поплатились. Не будем даже вспоминать слова Бисмарка, что “побежденному победитель оставляет только глаза, чтобы было чем плакать”» («Апокалипсис нашего времени», № 2) [Розанов, с. 393].

В годы Первой мировой войны это изречение многократно цитировалось в печати стран Антанты, неизменно со ссылкой на «железного канцлера». Ранее эта фраза нередко приписывалась неаполитанскому королю Фердинанду IV (1751–1816) или его жене Марии Каролине Австрийской (1752–1814) – столь же безосновательно, как и Бисмарку.

Но, хотя Бисмарк этих слов не говорил, сказаны они были в его присутствии. В 1878 г. вышла в свет книга Морица Буша «Граф Бисмарк и его люди во время войны с Францией». Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. автор книги был пресс-секретарем Бисмарка и вел подробный дневник. Уже в 1879 г. книга Буша была издана во Франции и России, а в 1898 г. – в США.

Непосредственным поводом произнесения приписанных Бисмарку слов был один из эпизодов франко-прусской войны. В ночь с 31 августа на 1 сентября баварская бригада атаковала французское поселение Базей на правом фланге германской армии. Местных жителей, застигнутых с оружием в руках или хотя бы заподозренных в том, что они брали в руки оружие, баварцы (со-

юзники Пруссии) расстреливали на месте; число жертв этой расправы оценивается в 68 человек.

2 сентября главная французская армия во главе с Наполеоном III была разгромлена под Седаном, а шесть дней спустя Бисмарк устроил в своей штаб-квартире в Реймсе большой обед. Среди приглашенных были Генрих фон Стефан, почт-директор Северогерманского союза, Генрих Абекен, ближайший помощник канцлера в написании депеш и меморандумов, а также американский генерал Филип Шеридан, посланный в Европу в качестве военного наблюдателя. Разговор зашел о базейском инциденте. Фон Стефан сказал, что участие крестьян в защите населенных мест недопустимо: их нельзя опознать по мундиру и они могли незаметно избавиться от оружия. Абекен счел, что с базейцами поступили слишком сурово и войну следует вести более гуманными способами. «Шеридан, – записывает Буш, – <...> держится другого мнения. Он считает, что на войне, именно с политической точки зрения, самое суровое отношение к населению в порядке вещей. Он выразился примерно так: “Правильная стратегия состоит прежде всего в том, чтобы нанести тяжелые удары по регулярным войскам противника, а затем – причинить жителям страны столько страданий, чтобы они затосковали о мире и потребовали бы мира от своего правительства. Им следует оставить только глаза, чтобы оплакивать бедствия войны”» [Busch, p. 118].

Сам Шеридан – один из главных военачальников «северян» в Гражданской войне – поступал именно так. В ноябре–декабре 1864 г. он совершил «Огневой рейд» по долине Шенандоа (Виргиния), которая служила базой для партизанских налетов «южан». Его солдаты забивали скот и лошадей, сжигали дома и зерновые запасы.

После Гражданской войны Шеридана перебросили на войну с индейцами. В кампанию 1868–1869 гг. он напал на зимние квартиры команчей и союзных с ними племен, уничтожая запасы и скот, убивая тех, кто оказывал сопротивление, чтобы заставить остальных вернуться в свои резервации. Не случайно именно Шеридану легенда приписывает изречение «Хороший индеец – это мертвый индеец».

Шеридан не был первым генералом, который говорил о «глазах, чтобы плакать». Эта историческая фраза появилась в XVIII в.

В августе 1746 г., в ходе войны за австрийское наследство, австрийские войска под начальством маркиза Антонио Ботта

д'Адорно подошли к Генуе. 6 сентября власти Генуэзской республики подписали капитуляцию, после чего Ботта, не входя в город, потребовал выплаты разорительной контрибуции. Согласно «Мемуарам» герцога Армана де Ришелье (1696–1788), «Ботта хотел оставить генуэзцам *только глаза, чтобы оплакивать руины республики*» [Richelieu, p. 373].

Ранее этот оборот встречался в итальянской и французской литературе применительно к личным несчастьям: «у него (не) остались только глаза, чтобы плакать».

В войне за испанское наследство Ришелье воевал в районе Генуи против австрийцев, так что перед нами достаточно осведомленный свидетель. Однако приведенная выше фраза, как легко заметить, – не слова Ботта д'Адорно, а метафора повествователя. Зато итальянец Карло Ботта в своей многотомной «Истории Италии», публиковавшейся с 1824 г., привел эти слова как ответ маркиза на жалобы разоряемых генуэзцев: «Хорошо еще, что у них остались глаза, чтобы плакать» (в другом месте: «Это война, и у них есть глаза, чтобы плакать») [Botta, p. 147, 180]. Позднейшие авторы, в том числе русские, уже не сомневались в подлинности этой цитаты: «Маркиз Ботта объявил им, что оставит им только глаза, чтобы плакать» [Шелгунов, с. 259].

Во 2-й половине XIX в. «фраза Ботта» была включена в словарь итальянского языка в следующем виде: «У него остались только глаза, чтобы плакать. У того, кто произнес эти слова в Генуе, остались зубы, чтобы кусать свои губы со стыда» [Dizionario.., p. 564].

По-видимому, в политический язык этот оборот первыми ввели якобинцы – сразу же после публикации «Мемуаров» Ришелье (1793). В письме комиссара Конвента Жозефа Мари Кюссе, прочитанном в Конвенте 5 сентября 1793 г., говорилось: «...Если австрийцы продолжат [грабеж населения], я прибегну к репрессиям; и я жду декрета Конвента, который приказал бы распределять военную добычу среди несчастных, которым оставили лишь глаза, чтобы плакать» [Cusset, p. 576].

А несколько месяцев спустя генерал Анн Жильбер де Лаваль с гордостью заявлял: «Мы продолжаем опустошать богатый край наших жестоких врагов. <...> В конце концов мы оставляем им только глаза, чтобы плакать» (письмо от 17 января 1794 г., зачитанное в Парижской коммуне 2 февраля) [Extrait, p. 279].

Из французского это выражение попало в немецкий и английский языки.

20 октября 1800 г. мэр немецкого города Шпайер (на Рейне), включенного в 1792 г. в состав Франции, произнес речь по случаю девятой годовщины Французской Республики. О «Робеспьеце и его банде палачей» он высказался так: «С сатанинским смехом изверги человечества издевались над этим добрым народом. Кроме глаз, чтобы плакать, вам не оставили ничего!» [Weiß, p. 31].

В 1816 г. Джон Хобхаус, друг Байрона, позднее видный государственный деятель, опубликовал публицистическую книгу в виде серии писем из Парижа. Здесь осуждалась политика союзных держав по отношению к побежденной Франции: «Союзники одолели французов и распорядились своей победой так, словно бы – как сказал один джентльмен во Франции моему другу в октябре прошлого года – не оставили им ничего, кроме глаз, чтобы плакать» [Hobhouse, p. 230 (1-я паг.)].

Список источников

Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – 541 с.

Шелгунов Н.В. Теоретические гуманные попытки XVIII века // Луч: Учен.-лит. сб. – СПб., 1866. – Т. 2. – С. 219–279.

* * *

Busch M. Graf Bismarck und seine Leute während des Krieges mit Frankreich: Nach Tagebuchblättern. – Leipzig: Grunow, 1889. – 635 S.

Botta C. Storia d'Italia continuata da quella del Guicciardini sino al 1789. – Parigi: Boudry, 1832. – Vol. 9. – 487 p.

Dizionario della lingua italiana. – Torino; Napoli: Unione tipografico-editrice torinese, 1869. – Vol. 3, parte 1. – 702 p.

Hobhouse J.C. The substance of some letters written by an Englishman Resident at Paris During the Last Reign of the Emperor Napoleon. – London: Ridgways, 1816. – Vol. 2. – 253, 135 p.

Extrait d'une letter du citoyen Laval, general de brigade, du 28 nivose // Mercure de France. – Paris, 1794. – № 6, 8 fev. – P. 278–279.

Cusset J.-M. Lettre à la Convention national // Gazette national ou Le monitor universel. – Paris, 1793. – T. 17, № 249, 6 Sept. – P. 575–576.

Richelieu L.-F.-A. Memoires du marechal duc de Richelieu. – Paris: Buisson, 1793. – T. 6. – 408 p.

Weiß J.A. Den Manen Ihrer freyen Voreltern die speierischen Bürger. – Speyer: Kranzbühler, 1800. – 56 S.

ОСТАЛИСЬ ОТ КОЗЛИКА РОЖКИ ДА НОЖКИ

На сцене песенка о козлике впервые была исполнена в 1849 г. – в водевиле Н.И. Куликова «Цыганка». Аполлон Григорьев сообщал: «В водевиле “Цыганка” Самойлова спела несколько цыганских песен <..> одну неудовлетворительно (“Жил-был у бабушки серенький козлик”)» [Григорьев, с. 52]. Здесь любопытно причисление «Козлика» к цыганскому репертуару, который, впрочем, понимался тогда очень широко.

В 1855 г. Тургенев опубликовал комедию «Месяц в деревне», написанную еще в 1850 г. В IV действии пьесы читаем:

ШПИГЕЛЬСКИЙ. ...Если вам непременно хочется знать мое мнение насчет Натальи Петровны, Веры Александровны, господина Беляева и вообще здешних жителей, слушайте же, я вам спою песенку. <...>

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Жил-был у бабушки серенький козлик,
Фить как! вот как! серенький козлик!
Фить как! вот как! серенький козлик!

Второй куплет:

Вздумалось козлику в лес погуляти,
Вздумалось козлику в лес погуляти,
Фить как! вот как! в лес погуляти!
Фить как! вот как! в лес погуляти!

<...> Третий куплет:

Серые во-лки козлика съели,
Серые во-лки козлика съели (*подпрыгивая*).
Фить как! вот как! козлика съели!
Фить как! вот как! козлика съели!

[Тургенев, с. 419–420].

Песенку эту Шпигельский выбрал с вполне очевидным намеком. В рецензии на спектакль БДТ «Месяц в деревне» Марина Дмитревская спрашивает: «И кто же тут козлик, от кого остались рожки да ножки?» И вполне обоснованно отвечает: «Да все! Да от всех! В лес погуляти вздумалось и Наталье Петровне, и Беляеву» [Дмитревская, с. 15].

В том же 1855 г. «Серенький козлик» появился в песенниках, а в 1864 г. мэтр русской педагогики Константин Ушинский включил его в свой знаменитый сборник «Родное слово» под загл. «Козлик». Здесь песенка приняла почти знакомый нам вид с финалом:

Напали на козлика
Серые волки.
.....
Оставили бабушке
Рожки да ножки [Ушинский, с. 40].

В конце XIX в. последние две строки немного подправили:

Остались от козлика
Рожки да ножки.

В сборнике П.А. Бессонова «Детские песни» (1868) концовка дана в стиле черного юмора:

Остались бабушке
Хвостик да рожки.
.....
На поминки к бабушке
Съехались гости.

.....
Съехались гости,
Хлоп козлика вó щи.
Вот так,
Вот сяк,
Хлоп козлика вó щи [Русская поэзия.., с. 672].

«Серенький козлик» – переделка польской песенки, возникшей, вероятно, в XVII в. Ее ранняя версия была записана в 1713 г.: «*Była babusia domu bogatego...*» – «Жила-была бабушка богатого рода, / Был у нее козлик очень рогатый». О рукописи, содержащей запись этой песни, сообщил академик В.Н. Перетц в 1901 г. [Перетц, с. 96]. «Тургеневский» текст песенки гораздо ближе к польскому, чем текст в сборнике Ушинского.

Различные варианты «Козлика» записали польские фольклористы. В этих записях козлик «съел у бабушки огород капусты»; бабушка прогнала его в «зеленый бор», а после нашла «одни только рожки». «Рожки да ножки» – не перевод с польского, а устойчивый оборот русских фольклорных сказок, включенный в песенку.

Современный польский вариант песенки называется «*Była babuleńka*». В 1953 г. по ее сюжету был снят мультфильм «Козлик», выигравший конкурс анимационных фильмов в Карловых Варах; это была первая международная победа в истории польской мультипликации. Жутковатая сцена гибели козлика здесь оказывается сном, приснившимся бабушке.

Мелодии польского и русского «Козлика» разнятся довольно заметно. К тому же под польскую мелодию детишкам можно и станцевать; наш «Козлик» заунывнее и протяжнее.

В 1985 г. Вл. Арсеньев предположил, что мелодия песенки восходит к танцу № 3 из цикла Моцарта «6 немецких танцев», написанного в 1791 г. [Арсеньев]. Эта версия получила у нас широкое распространение.

Действительно, ритм танца № 3 совпадает с ритмом песенки, а начало нашего «Козлика» очень похоже на фрагмент моцартовской музыки. Однако в этой музыке есть немалое сходство и с польской мелодией; между тем польская песенка на целый век старше музыки Моцарта. Вероятно, Моцарт обработал мелодию, известную и в немецких землях, и в Польше.

В 1940 г. советские дети впервые прочли зощенковские «Рассказы о Ленине». Один из рассказов назывался «Серенький козлик». Когда Митя, младший брат Володи Ульянова, пел песенку про козлика, у него, рассказывает Зощенко, «дрожал голосок и дергались губенки». Однажды дети стали петь эту песенку у рояля, и Митя опять начал всхлипывать.

«Маленький Володя, увидев это, обернулся к Мите, сделал страшное лицо и нарочно ужасным и громким голосом запел:

“На-па-али на-а коз-ли-ка серые вол-ки...”

Тут Митя, конечно, не выдержал и зарыдал еще больше.

Старшая сестра сделала брату замечание – зачем он дразнит Митю.

И на это маленький Володя ответил:

– А зачем он боится? Я не хочу, чтоб он плакал и боялся. Дети должны быть храбрыми.

Митя сказал:

– Тогда я не буду больше бояться.

Дети снова запели эту песенку. И Митя храбро спел ее до конца. И только одна слезинка потекла у него по щеке, когда дети заканчивали песенку: “оставили бабушке рожки да ножки”.

Маленький Володя поцеловал своего младшего братишку и сказал ему:

– Вот теперь молодец! [Зощенко, с. 249]

Зощенко по-своему пересказал эпизод из воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой. Володя тогда был уже гимназистом (в гимназию он поступил в 9 лет), а Мите было лет пять. Старший брат постоянно – а не один только раз – пугал его при исполнении «Козлика», «пока малыш, не выдержав, не заливается в три ручья» («Детские и школьные годы Ильича», 1925) [Ульянова, с. 12–13]. Благостный финал истории, а также воспитательная мотивировка поведения Володи относятся к области художественного вымысла.

Список источников

Арсеньев Вл. Вечно юный вальс // Известия. – М., 1985. – 20 марта. – С. 6.

Григорьев А.А. Летопись московского театра. IV: Самойлова 4-я // Москвитянин. – М., 1951. – Ч. 6, № 21, ноябрь. – С. 41–52 (2-я паг.).

- Дмитревская М. Все разумное действительно? // Петербургский театральный журнал. – СПб., 2009. – № 2. – С. 10–15.
- Зощенко М.М. Избр. произв.: В 2 т. – Л.: Худож. лит., 1968. – Т. 1. – 536 с.
- Перетц В.Н. Заметки и материалы для истории песни в России // Известия отделения рус. яз. и словесности имп. Академии наук. – СПб., 1901. – Т. 6, кн. 2. – С. 53–135.
- Русская поэзия детям. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 768 с.
- Ульянова А.И. Детские и школьные годы Ильича. – М.: Детгиз, 1965. – 30 с.
- Ушинский К.Д. Родное слово: Для детей мл. возраста. Год первый. – СПб.: Тип. Рогальского и К°, 1864. – 110 с.
- Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. – М.: Худож. лит., 1979. – Т. 9–10. – 573 с.

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО

«От великого до смешного» – привычный, однако неточный перевод французского оборота «du sublime au ridicule». Впервые он появился в рассуждениях о литературных жанрах и стилях, поэтому вместо слова ‘grand’ (великое) используется ‘sublime’ – ‘возвышенное’, ‘высокое’, ‘величественное’. Это различие соблюдается в иноязычных версиях: «from the sublime to the ridiculous» (англ.), «vom Erhabenen bis zum lächerlichen» (нем.), «dal sublime al ridicolo» (ит.), «od wzniosłości do śmieszności» (польск.). Как мы увидим ниже, в первом переводе на русский (1813) было то же самое: «от высокого до смешного». Форма «от великого до смешного» получила преобладание лишь во второй половине XIX в.

Добавим еще, что ‘ridicule’ означает не столько ‘смешное’ в смысле ‘забавное’, сколько ‘достойное смеха’, ‘смехотворное’, ‘нелепое’.

Толстой в «Войне и мире» саркастически замечает: «“Du sublime (он что-то sublime видит в себе) au ridicule il n'y a qu'un pas”, – говорит он. И весь мир 50 лет повторяет: *sublime! Grand! Napoléon le grand!*» («От величественного ... до смешного только один шаг. ... Величественное! Великое! Наполеон Великий!», авторский перевод) [Толстой, с. 165].

Эта фраза была произнесена Наполеоном при весьма печальных для него обстоятельствах. 5 декабря 1812 г. он оставил свою разгромленную армию и отправился в Париж в сопровождении генерала де Коленкура. 10 декабря император прибыл в Варшаву и остановился в Английской гостинице. Для решения вопроса о формировании добровольческого польского корпуса он вызвал к себе троих: французского посланника в Варшаве Доминика де

Прадта, графа Станислава Потоцкого и Тадеуша Матушевича (министр финансов герцогства Варшавского).

Их разговор – а вернее, длинный монолог Наполеона, изредка прерываемый репликами его собеседников, – приведен в книге Прадта «История посольства в Великое герцогство Варшавское» (1816). Беседа, скорее всего, была записана Прадтом в тот же день. Такова была дипломатическая практика, и так же записывал свои беседы с Наполеоном Коленкур. Сам Коленкур присутствовал при начале беседы, а потом слышал ее частично из соседней комнаты. Его записи в основных чертах совпадают с мемуарами Прадта.

Когда все собрались, Наполеон на какое-то время задумался, а после спросил: «Как долго я нахожусь в Варшаве?.. восемь дней... да нет, два часа», – со смехом поправил он себя. После чего произнес: «*От величественного до смешного только один шаг*» (курсив здесь и далее мой. – К.Д.) [Pradt, p. 214].

Польские собеседники императора сказали, что рады видеть его в добром здравии и вне опасности. «Опасность! ну что вы! – ответил Наполеон. – Я живу посреди волнений, для меня чем больше забот, тем лучше. Только бездельники короли жиреют у себя во дворцах; мое место на коне и в военном лагере. *От величественного до смешного только один шаг*» [Pradt, p. 215].

Затем император, вопреки очевидности, стал уверять поляков, что все обстоит хорошо: «Армия превосходна; у меня сто двадцать тысяч человек; я всегда побивал русских. Они не осмеливаются показываться перед нами. Это уже не те солдаты, что были при Фридланде и Эйлау» [Pradt, p. 215]. Он долго и сбивчиво говорил, что полгода спустя, разбив русских у Одры, снова будет стоять на Немане; что всему виной климат; что противник ни на что не способен и во всех сражениях был побежден; что французские лошади не так выносливы, как русские; что, возможно, он слишком долго оставался в Москве. «Что ж! такова великая арена политики: кто ничем не рискует, ничего не получит. *От величественного до смешного только один шаг*» [Pradt, p. 218].

Как видим, знаменитая фраза всякий раз появляется неожиданно и не очень-то к месту, перебивая ход разговора. В самом конце, сообщает Прадт, Наполеон повторил ее «еще дважды или трижды» [Pradt, p. 219] – настолько прочно она застряла у него в голове.

Об этой беседе многие узнали еще до выхода в свет мемуаров Прадта – от польских собеседников императора. Е. Тарле в книге «Нашествие Наполеона на Россию» (1940) цитировал (в своем переводе с французского) некое письмо, отправленное из Варшавы. Здесь слова Наполеона переданы так: «Я покинул Париж в намерении не идти войной дальше польских границ. Обстоятельства увлекли меня. Может быть, я сделал ошибку, что дошел до Москвы, может быть, я плохо сделал, что слишком долго там оставался, но *от великого до смешного – только один шаг*, и пусть судит потомство» [Тарле, с. 282].

Тарле счел это свидетельство совершенно достоверным, и слова Наполеона чаще всего цитируются у нас по его книге. Однако «письмо из Варшавы» никак нельзя считать надежным и независимым источником.

Оно взято из сборника Н.Ф. Дубровина «Отечественная война в письмах современников» (1882) [*Extrait d'une lettre de Varsovie*]. Неизвестны ни его дата, ни отправитель, ни происхождение, ни местонахождение. Согласно этому письму, в беседе с Наполеоном участвовал генерал Тайи, военный комендант Варшавы, что опровергается записями Прадта и Коленкура. Но главное – это письмо почти целиком повторяет хорошо известный документ, опубликованный под названием «Речь к французскому посланнику и к польским министрам, произнесенная Наполеоном в Варшаве во время бегства его из России». Частично «Речь...» согласуется с записями Прадта и Коленкура, частично же им противоречит – прежде всего там, где Наполеон рассыпается в похвалах польскому корпусу. Вероятно, ее источником были пересказы слов Наполеона, курсировавшие в Варшаве.

В марте 1813 г. «Речь...» появилась во французском эмигрантском журнале «*L'Ambigu*» [Discours..]; в апреле, уже по немецки, – в «Русско-немецком листке» (Берлин), а затем, в переводе с немецкого, в «Вестнике Европы».

Заметим, что в «Вестнике Европы» фраза Наполеона переведена: «*Шаг от высокого до смешного очень мал*» [Речь., с. 139]. (В «Русско-немецком листке»: «*Vom Erhabenen bis zum Lächerlichen...*» [Rede Napoleons., S. 67].) Именно в таком виде ее впервые узнал русский читатель.

В 1934 г. было опубликовано письмо графини Марии Терезы Тышкевич, отправленное князю Талейрану из Варшавы 20 декабря 1812 г. и перехваченное австрийцами. Речь Наполеона перед польскими министрами здесь близка к тексту, опубликованному журналом «*L'Ambigu*». Знаменитая фраза выглядит так: «Возможно, я совершил ошибку, войдя в Москву, и еще одну, оставаясь там слишком долго; потомство рассудит; *смешное соседствует с величественным* (*le ridicule est à côté du sublime*), так что в этом нет ничего удивительного» [Dard, p. 323].

Наконец, еще одну версию слов Наполеона привел, со слов графа Потоцкого, М.И. Кутузов: «В сентябре я еще был повелителем мира, а теперь уже нет», и, улыбнувшись, он [Наполеон] добавил: «*так мало расстояние между величественным и смешным*» (*tant la distance est petite entre le sublime et le ridicule*)» (письмо к жене из Плоцка от 2 (13) февраля 1813 г.; закавыченные слова Наполеона приведены по-французски) [Голенищев-Кутузов, с. 691]. Источник у Кутузова был вполне надежный, так что можно предположить, что Наполеон, повторяя фразу многократно, произнес ее и в таком виде.

16 марта 1818 г. граф Александр де Бальмен, наблюдавший за Наполеоном на о-ве Св. Елены в качестве российского комиссара, в своем донесении сообщал: «В Варшаве Бонапарт говорил: «*От величественного до смешного только один шаг*». На Св. Елене он дважды в день повторяет: «*От Капитолия до Тарпейской скалы только один шаг*»» (в оригинале по-французски) [Из бумаг..., стб. 565, 673].

В здании Капитолия заседал римский сенат; Тарпейская скала – часть Капитолийского холма, откуда сбрасывали преступников и изменников. Наполеон – или же Бальмен – несколько изменил изречение Октава Мирабо, одного из вождей Великой французской революции: «Невелико расстояние от Капитолия до Тарпейской скалы».

Благодаря Наполеону фраза «От великого до смешного...» вошла в историю. Однако она ему не принадлежит.

В 1683 г. вышли в свет «Диалоги мертвых древних и новейших лиц» Бернара де Фонтенеля. В одном из диалогов беседуют Сенека и французский поэт Поль Скаррон, автор комической поэмы «Вергилий наизнанку». Скаррон замечает: «...Смешное царит

надо всем, и ничто не создано для того, чтобы относиться к нему серьезно. Я переложил в бурлескные вирши божественную “Энеиду” вашего Вергилия, и, право, нельзя было яснее показать, что великолепное и смешное [*le magnifique et le ridicule*] настолько близки, что соприкасаются друг с другом» [Fontenelle, p. 235].

Эту мысль Скаррон поясняет примером, в котором при желании можно увидеть пророчество о судьбе Наполеона: «Всё на свете напоминает перспективную живопись: разбросанные там и сям мазки образуют, например, если смотреть на картину с известной точки зрения, фигуру императора. Но измените точку зрения – и те же самые мазки представлят вам оборванца» (пер. С. Шейнман-Топштейн) [Фонтенель].

Мысль Фонтенеля не раз повторялась во французской и английской печати, а свою нынешнюю форму обрела во второй половине XVIII в. В 1777 г. в Амстердаме была напечатана – на французском языке – антология «Новые и философские мысли». Среди прочих изречений здесь, без указания автора, приведено следующее: «*От великого до смешного*, говорит Фонтенель, *один только шаг*; от насмешки до оскорблений и того меньше (*de la raillerie à l'insulte il y en a encore moins*)» [Pensées nouvelles.., p. 75].

Август Коцебу, опубликовавший «Речь...» Наполеона в своем «Русско-немецком листке», заметил: «Шаг от высокого до смешного не только очень мал, да еще и невозвратен» [Речь.., с. 143]. То же самое говорит один из героев романа Лиона Фейхтвангера «Изгнание» (1939): «*От великого до смешного один только шаг, но от смешного к великому пути уже нет*» [Feuchtwanger, S. 478].

Американский просветитель Томас Пейн считал иначе. Во 2-й части своего знаменитого трактата «Век разума», опубликованной в 1795 г., он писал: «Один лишний шаг, и возвышенное становится смешным; еще один лишний шаг, и смешное снова становится возвышенным» («...One step above the sublime, makes the ridiculous») [Knowles, p. 563].

Список источников

Голенищев-Кутузов М.И. Письма // Русская старина. – СПб., 1872. – Т. 5, № 5. – С. 687–705.

Из бумаг графа де Бальмена, русского пристава при первом Наполеоне, на острове святой Елены // Русский архив. – М., 1870. – Т. 7. – Стб. 659–734.

Речь к французскому Посланнику и к Польским Министрам, произнесенная Наполеоном в Варшаве во время бегства его из России // Вестник Европы. – М., 1813. – Ч. 69, № 9/10. – С. 139–143.

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год. – М.: Военное изд-во, 1992. – 303 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худож. лит., 1940. – Т. 12. – 426 с.

Фонтенель Б. де (Фонтенель, Ле Бовье де). Рассуждения о религии, природе и разуме. – М.: Мысль, 1979. – 304 с. – Mode of access: <https://unotices.com/page-books.php?id=67896> (дата обращения: 1.12.2017).

Extrait d'une lettre de Varsovie // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1882. – XXIV, 691 с.

* * *

Dard E. Une lettre inédite de la Comtesse Tyskievitch adressee a Talleyrand // Revue d'histoire diplomatique. – Paris: A. Pedone, 1933. – P. 321–329.

Discours de l'Empereur (Napoléon) en passant par Varsovie, le 5 Décembre dernier, tenu en Présence de l'Ambassadeur de France et des Ministres Polonais // L'Ambigu: ou Variétés littéraires, et politiques. – Londres, 1813. – Т. 40, № 359, 20 Mars. – P. 612.

Feuchtwanger L. Exil: Roman. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1964. – 502 S.

Fontenelle B. de. Entretiens sur la pluralité des mondes; suivis des Dialogues des morts. – Paris: Delalain, 1822. – 350 p.

Knowles E. The Oxford Dictionary of Quotations. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. – 1136 p.

Pensées nouvelles et philosophiques. – Amsterdam: Marc-Michel Rey, 1777.

Pradt D.-D. de. Histoire de l'ambassade dans Le Grand Duché de Varsovie en 1812. – Paris: Pillet, 1815. – 239 p.

Rede Napoleons, gehalten auf seiner Durchreise durch Warschau, in Gegewart des französischen Gesandten und der polnischen Minister // Das russisch-deutsche Volksblatt. – Berlin, 1813. – № 9, 20. April. – S. 66–68.

ОТКРЫТЬ И ЗАКРЫТЬ АМЕРИКУ

Выражение «открыть (открывать) Америку» в значении «открывать давно открытое», «изрекать банальности» звучит для нас настолько естественно, как если бы оно существовало всегда и во всех языках. Однако это не так. Выражение «открыть Америку», в отличие от выражения «изобретать велосипед», – не интернациональный, а русский фразеологизм.

В «Русской мысли и речи» М.И. Михельсона (1903) в качестве иллюстрации к выражению «Америку открыть» приведено первое из «Писем к тетеньке» Салтыкова-Щедрина (1881): «Изобретем сначала порох, потом компас, потом книгопечатание, а между прочим, пожалуй, откроем и Америку» [Михельсон, с. 17].

В качестве второй иллюстрации к выражению «Америку открыть» Михельсон привел цитату из романа И.А. Гончарова «Обрыв» (1869), V, 6, хотя здесь это выражение использовано не в значении «открывать давно известное»: «...открыть Америку, новый свежий воздух; поднять человека выше, нежели он был, дать ему больше, нежели он имел» [Михельсон, с. 17].

Михельсон в качестве первой иллюстрации к словарной статье нередко указывал первоисточник выражения. Вероятно, поэтому в «Крылатых словах» М.А. Булатова (1958) была принята версия об авторстве Щедрина [Булатов, с. 14].

На самом деле это не так, хотя Щедрин, по-видимому, способствовал укоренению этого оборота в русской литературе. «Открытие Америки» – одна из его излюбленных сатирических метафор начиная с 1860 г.:

«В 1857 году, после долгих и мучительных колебаний, “Русский вестник” открыл Англию. “Не открыть ли нам Америку?” –

шепнул А.А. Краевский г. Дудышкину» («Характеры», 1860) [Салтыков-Щедрин, т. 4, с. 200];

«...он [глуповец] не может ни изобрести порох, ни открыть Америку» («Наши глуповские дела», 1861) [там же, т. 3, с. 505];

«...Директор департамента призывает к себе столоначальника и говорит ему: “Любезный друг! я желал бы, чтоб вы открыли Америку”» («Господа ташкентцы», «Введение», 1870) [там же, т. 7, с. 14];

«...с непоколебимою решимостью в Тетюшах открыть Америку» «Благонамеренные речи», XIV (1875) [там же, т. 11, с. 179–180].

Однако выражение «открыть Америку» в переносном смысле появилось в печати раньше – по-видимому, в середине 1840-х годов, почти одновременно у Белинского и Герцен¹:

«После Коломба легко не только поставить яйцо на носок, но и открыть Америку» (Белинский, рецензия «“Тайна жизни”. Соч. П. Машкова» в журн. «Отечественные записки», 1845, № 2) [Белинский, т. 8, с. 607];

«...целые годы трудиться для того, чтоб приблизительно открыть закон, давно известный в другой сфере, разрешить сомнение, давно разрешенное: труд и усилие тратятся для того, чтоб во второй раз открыть Америку, – для того, чтоб проложить тропинку там, где есть железная дорога» (Герцен, «Письма об изучении природы», письмо первое, в журн. «Отечественные записки», 1845, № 4) [Герцен, с. 113];

«...открытую Америку всем казалось так легко открыть!» (Белинский, «Мысли и заметки о русской литературе», 1846) [Белинский, т. 9, с. 456].

Итак, выражение «открыть Америку» либо принадлежит Белинскому, либо возникло в кружке московских «западников», участниками которого были и Белинский, и Герцен.

Отдаленным предшественником оборота «открывать Америку» можно считать латинское выражение «Ilias post Homerum» – «“Илиада” после Гомера», т.е. сочинение уже сочиненного. Оно появилось в XVII в., напр.: «...как говорят, *Илиада*, задуманная после Гомера» (Д. Сеннерт, «De Scorbuto Tractatus», 1654). «Ilias

¹ Впервые отмечено в моей рецензии на сборник «Русская судьба крылатых слов» (СПб., 2010) [Душенко, с. 347–348].

post Homerum» – заглавие труда немецкого историка Якоба Фридриха Реймана (1728), своего рода гомеровской энциклопедии [Душенко, Багриновский, с. 276]. Однако в новых языках это выражение встречается редко.

В 1960-е годы появилось выражение «открыть Америку через форточку» – возможно, под влиянием оборота «открыть окно в Европу»: «...Скажите, какой великий конструктор нашелся! Посмотрите на него! Главный теоретик! Да ты еще толком сопромат не усвоил, а туда же: Америку через форточку открываешь!» (Елена Чернай, повесть «Такой парень», 1968) [Чернай, с. 10].

Оно может означать не только открытие давно открытого, но и «дойти до чего-то своим умом», получить нужный результат нетрадиционным путем: «Учитель предлагает детям примеры, а те “открывают Америку через форточку”: находят общую закономерность, которую после, как и при традиционной системе, закрепляют на практике» (из Рунета).

В советское время в обиход вошло выражение «закрыть Америку». Сперва оно воспринималось как цитата из стихотворения Маяковского «Христофор Коломб» (1925):

Я б Америку закрыл,
слегка почистил,
а потом
опять открыл –
вторично [Маяковский, с. 38].

Маяковский, сам того не зная, шел по стопам Салтыкова-Щедрина. В 1931 г. (уже после смерти Маяковского) была опубликована 4-я черновая редакция «Сказки о ретивом начальнике» Щедрина, написанная на полвека раньше, в 1882 г. Подчиненные «крайтого начальника» представляют ему, среди прочих идиотских проектов, проект под названием: «Необходимо Америку снова закрыть». «А он читает и ничего не понимает. <...> “Необходимо Америку снова закрыть” – но, кажется, сие от меня не зависит?» [Салтыков-Щедрин, т. 15, кн. 1, с. 295].

Четвертая редакция «Сказки...» долгое время включалась в основной текст сатирического романа Щедрина «Современная идиллия»; ныне ее печатают лишь в приложениях к роману.

Щедринская фраза пошла в народ благодаря Сталину. 25 ноября 1936 г. он прочел доклад о проекте Конституции СССР, где по-своему изложил этот сюжет (цитирую по официальной стенограмме вместе с ремарками):

«Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует? (*Общий смех, аплодисменты.*) Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? (*Общий смех.*) И, сказав это, положил резолюцию: “Закрыть снова Америку!”» (*Общий смех.*)».

Далее докладчик обрушился на западных «господ», которым «СССР давно уже намозолил глаза»:

«Что это за страна, вопят они, на каком основании она существует (*общий смех*), и если ее открыли в октябре 1917 г., то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И, сказав это, постановили: закрыть снова СССР. <...> Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что “закрыть” на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то “сие от них не зависит”... (*Взрыв веселого смеха, бурные аплодисменты.*)» [Сталин, с. 557–558].

В конце 1940-х годов сам Иосиф Виссарионович попробовал «закрыть Америку»; в сущности, именно к этому сводилась кампания по борьбе с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом».

А в конце XX в. державник-евразиец Александр Дугин заявил: «Закрыть Америку наш религиозный долг» [Дугин, 1999, с. 658; Дугин, 2005, с. 368 (с датировкой: «Январь 1989»)].

Список источников

- Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Академия наук СССР, 1953–1959.
Булатов М.А. Крылатые слова. – М.: Детгиз, 1958. – 191 с.
Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН СССР, 1954. – Т. 3. – 362 с.
Дугин А. Абсолютная родина. – М.: Арктогея-центр, 1999. – 750 с.
Дугин А. Конспирология. – М.: РОФ «Евразия», 2005. – 614 с.
Душенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

- Душенко К.В.* История нескольких метафор // Новое литературное обозрение. – М., 2011. – № 4. – С. 344–348.
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. – М.: Терра, 1994. – Т. 1. – 779 с. – (Репринт издания 1903 г.).
- Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – Т. 7. – 535 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1965–1977.
- Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. – М.: Госполитиздат, 1953. – 612 с.
- Чернай Е.* Такой парень // Радуга. – Киев, 1968. – № 6. – С. 5–73.

ОТКУДА МЫ? КТО МЫ? КУДА МЫ ИДЕМ?

Так называется картина Поля Гогена, написанная в 1897–1898 гг. на Таити. В сущности, она представляет собой ряд символов, связанных не просто с рождением, жизнью и смертью, но с бытием и инобытием человека.

Название – что весьма необычно – помещено в левом верхнем углу огромной (почти четыре метра на полтора) картины и разбито на три строки без знаков пунктуации, причем все слова начинаются с прописных букв:

D'où Venons Nous
Que Sommes Nous
Où Allons Nous

В 1896–1897 гг., незадолго до начала работы над этой картиной, Гоген делает заметки для очерка «Католическая церковь и современность», где резко критикует католическую догматику. Но здесь же он пишет: «Кто мы, откуда, куда мы идем? Каково наше идеальное, естественное, разумное предназначение?» [Daix, p. 330].

Стоит напомнить, что с 11 до 14 лет (в 1859–1862 гг.) Гоген учился в т.н. младшей семинарии, расположенной в окрестностях Орлеана. Среди его преподавателей был епископ Орлеанский Феликс Дюпанлу. В 1875 г. Дюпанлу издал «Изложение основных истин католической веры, извлеченное из сочинений Фенелона». В сущности, это был катехизис, по которому Дюпанлу, по всей вероятности, преподавал и в семинарии.

В катехизисе Дюпанлу приведено высказывание Франсуа Фенелона (1651–1715): «Мы оказываемся в этом мире внезапно, словно упав с облаков; мы не знаем, ни кто мы, ни откуда мы пришли, ни куда мы идем, ни с кем мы живем, ни куда мы отправимся отсюда. У кого вызывает хотя бы малейшее любопытство эта глубокая тайна? Никто не желает ее постичь. Находят удовольствие во всём, хотят узнать всё, кроме того единственного, что действительно важно узнать» [Duperloup, p. 47].

Эти слова содержались в «Письме о бытии Божием», с которого начинаются посмертно изданные «Письма о различных предметах, касающихся религии и метафизики» (1718) [Fénelon, p. 12].

В знакомой нам форме «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?» эти вопросы, по-видимому, появилось во время Великой французской революции, причем не в религиозном, а в сугубо политическом контексте. И поставлены они были революционерами радикального толка. 10 сентября, полтора месяца спустя после термидорианского переворота, экс-якобинец Антуан Мерлен (Мерлен де Тионвиль) на заседании Конвента сформулировал «три вопроса: откуда мы? где мы? куда мы идем?» («...d'où venons-nous? où sommes-nous? où allons-nous?») [Convention nationale, p. 121]. Имелось в виду: каким путем пойдет Франция после Термидора?

Месяц спустя, 11 октября, Лоран Лекуантр, по политическим взглядам близкий к Дантону, выступил в Конвенте с большой обвинительной речью против оставшихся в живых деятелей якобинской диктатуры. В частности, он сказал: «Я не раз сожалел о том, что мы не поставили в Конвенте вопросы: “Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?”» [Lecointre, p. 38].

Вскоре затем публицист Жак Винсен Делакруа, необоснованно обвиненный Конвентом в «проповедовании любви к королевской власти», писал: «Многие граждане, недовольные прошлым, ворчащие по поводу настоящего и нетерпеливо ожидающие будущего, задают мне вопросы, подобные тем, что недавно задал один из наших законодателей в Конвенте: “Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?” Я отвечаю: “Мы были несчастливы; мы не стали счастливы; возможно, мы никогда не будем счастливы”» [Delacroix, p. 229–230].

17 августа 1816 г. Эммануэль Лас Казес записал слова Наполеона-изгнанника: «“Откуда я? Кто я? Куда я иду?” Вот таинственные вопросы, на которые мы ищем ответа в религии». Вполне возможно, что юного Наполеона тоже учили клирики, цитировавшие «Письмо о бытии Божием» Фенелона [Las Cases, p. 420].

Но история этого вопрошания восходит к древности. «Кем мы были? Кем стали? Где мы были? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освобождаемся? Что такое рождение? Что возрождение?» На эти вопросы должен был дать ответ т.н. «Апокриф Иоанна», гностическое сочинение II в., которое цитировал Климент Александрийский («Извлечения из Феодота», 78, 2) [Тертуллиан, с. 375 (коммент.)].

В талмудическом трактате «Поучения отцов» («Пиркей Авот», 3:1) читаем:

«Акавия, сын Махалалеля, говорит: “Сосредоточься на трех вещах, и ты не впадешь в грех. Помни, откуда ты явился, куда идешь, и перед кем тебе придется держать ответ. Откуда ты явился – из зловонной капли. Куда идешь – туда, где прах и черви. Перед кем ты будешь держать ответ – перед Верховным Царем всех царей, да будет благословенна святость Его”» (пер. Т. Есиповой) [Пиркей Авот, с. 67].

Мусульманский богослов Газали (1058–1111) призывал по-знать, «что ты есть сам по себе, откуда ты пришел и куда уйдешь, для чего ты пришел <...> зачем тебя создали, что есть твое счастье, и в чем оно, что есть твое несчастье, и в чем оно» («Эликсир счастья», ч. I, унван I; пер. А. Хисматулина) [Газали, с. 7].

Франческо Петрарка спрашивал: «Для чего мы рождены, откуда и куда мы идем?» – «Quod nati sumus, unde et quo pergitimus» (лат.) («О невежестве собственном и многих иных» (1368), 2, 9) [Корелин, с. 197].

В XVII в. тем же вопросом задавался Паскаль: «Что же он [человек] такое, откуда пришел, куда идет». Ответ давался неутешительный: «И как я не знаю, откуда пришел, так не знаю, куда иду» («Мысли», опубл. в 1670 г.; пер. Э. Линецкой) [Паскаль, с. 77, 116].

В 1714 г. вышла книга А.-Ф. Буро-Деланда «Размышления о великих людях, умерших при курьезных обстоятельствах». Здесь рассказывалось, что на смертном одре философ и математик Пьер Гассенди (1592–1655) произнес: «Я не знаю, кто призвал меня в

этот мир; не знаю, каково было мое назначение и почему меня отзывают» [Boureau-Deslandes, p. 120 (гл. 16)]. Первая часть этой фразы взята дословно из «Мыслей» Паскаля, изданных уже после смерти Гассенди, а значит, эта история сочинена самим Деландом.

Согласно более поздней версии, появившейся уже в XIX в., Гассенди прошептал на ухо другу: «Я родился, не зная для чего, жил, не зная как, и умираю, не зная ни для чего, ни как» [Delrieu, p. 295].

В латинских трактатах XVII в. Аристотелю приписывалась предсмертная фраза: «Nudus veni, dubius vixi, incertus morior, quo vadim nescio, Tu, Domine, Ens entium, miserere mei» – «Нар пришел, в сомнении жил, в неизвестности [о будущем] умираю, куда иду, не знаю, Господи, Сущее из сущих, помилуй меня!» [Aggravi, p. 5–6].

В XIX в. почти ту же фразу стали приписывать Жаку Пететину (1744–1808), председателю лионского Общества врачей. Сам он привел ее со ссылкой на Аристотеля, заметив: «Эта молитва стоит всех остальных, что бы ни говорили учителя всех сект» [Petetin, p. 339].

Список источников

Газали (Абу Хамид Мухаммад аль-Газали ат-Туси). Кимиай-ий са'адат (Эликсир счастья). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – Ч. 1. – 332 с.

Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография: Критическое исследование. – М.: Тип. Е. Лисснера и Ю. Романа, 1892. – Вып. 1. – 586 с.

Паскаль Б. Мысли. – СПб.: Азбука, 1999. – 334 с.

Пиркей Авот = Поучения отцов / Совр. comment. раввина Р.П. Булка. – М.: Знание; Иерусалим: ДААТ, 2001. – 212 с.

Тертуллиан. Избранные сочинения. – М.: Прогресс, 1994. – 448 с.

* * *

Aggravi G.F. Anti-Lucerna fisica oroscopante. – Padova: M. Cadarin, 1664. – 280 p.

Boureau-Deslandes A.-F. Reflexions sur les grands hommes qui sont morts en plaisantant. – Rochefort: Le Noir, 1714. – 202, [14] p.

[Convention nationale:] Seance de quartidi, 24 Fructidor // Mercure de France. – Paris, 1794. – T. 11, № 44, 30 fructidor (16 september). – P. 116–122.

Daix P. Paul Gauguin. – Paris: J. Clattés, 1989. – 418 p.

Delacroix J.-V. XXIII Discours: Entretien du Spectateur avec un Membre de la Convention, et qui servit de prétexte à la plus effroyable dénonciation // Delacroix J.-V.

- Le Spectateur françois pendant le gouvernement révolutionnaire. – Paris: F. Buisson, 1794. – P. 229–244.
- Delrieu A.* Les morts plaisantes // Revue universelle. – Bruxelles: Société belge, 1837. – T. 5. – P. 293–303.
- Dupanloup F.* Exposition des principales vérités de la foi catholique, tirée des ouvrages de Fénelon. – Tours: A. Mame et fils, 1875. – 392 p.
- Fénelon F. de.* Lettres sur divers sujets concernant la religion et la métaphysique. – Paris: Jacques Estienne, 1718. – 278 p.
- Las Cases E.* Mémorial de Sainte-Hélène. – Paris: Le Seuil, 1968. – 733 p.
- Lecointre L.* Les crimes de sept membres des anciens Comites de Salut Public et de Surete Generale: Ou, Denonciation formelle a la Convention nationale... – Paris: Maret, 1794. – VIII, 250 p.
- Petetin J.-H.* Électricité animale. – Paris: Brunot-Labbe; Lyon: Reymann et Co., 1808. – 382 p.

ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ СУДЯТ

Русско-турецкая война, начавшаяся в 1768 г., затянулась надолго. Русской армией командовал фельдмаршал П.А. Румянцев, под началом которого находился корпус генерал-поручика И.П. Салтыкова. Весной 1773 г. в распоряжение Салтыкова прибыл генерал-майор Александр Суворов. Суворову было уже 52 года, но его главные победы были еще впереди.

Одной из главных помех для корпуса Салтыкова, перешедшего на правый берег Дуная, была крепость Туртукай (ныне городок Тутракан на юго-востоке Болгарии). Крепость прикрывала перевоправу через Дунай в его узком месте. 10 (21) мая Суворов в ночной атаке захватил Туртукай с минимальными потерями; крепость минировали и взорвали. Это был первый бой Суворова с турками.

Почти 40 лет спустя Егор Борисович Фукс издал историю Итальянского похода, попутно затронув некоторые другие эпизоды из жизни полководца. В частности, он сообщал: «За взятие Туртукая без воли и ведома главного начальства был Суворов отдан под суд и приговорен к лишению чинов и жизни. Древний Рим предавал своих победителей, за нарушение предписаний Сената, смерти. Но Екатерина, миловавшая человечество, написала на докладе: “Победителя судить не должно”. И сею строкою спасла спасителя своего царства» [Фукс, с. 184–185 (ч. 1, гл. 9)].

Фукс был правителем канцелярии при Суворове в его Итальянской кампании 1799 г., но в турецких кампаниях не участвовал. В действительности Туртукай был взят по приказу фельдмаршала Румянцева, и никакого суда над Суворовым не было [см.: Суворов, с. 492].

Отсюда во второй половине XIX в. появилось изречение «Победителя (или: победителей) не судят».

Прообраз этого изречения мы находим у Тацита. В 69 г. н.э. Цивилис, вождь германского племени батавов, союзного римлянам, решил восстать против Рима. Однако батавы считались союзниками римлян, поэтому Цивилис решил выступить под видом участия в гражданской войне на стороне Веспасиана против Вителлия. Согласно Тациту, своим соплеменникам он говорил: «Разобьют вас – скажем, что действовали по приказу Вителлия, а у победителя никто объяснений не потребует» (Тацит, «История», IV, 14; пер. Г.С. Кнаббе; курсив мой. – К.Д.) [Тацит, 2001, с. 696]. В латинском оригинале: «*victoriae rationem non reddi*», что можно перевести: «у победы никто не спросит отчета». Разумеется, эти слова вложены в уста Цивилиса самим Тацитом: сочинение вымышленных речей полководцев было нормой в античной историографии.

С взятием Туртукая связана еще одна легенда о Суворове. 10 мая 1773 г. Суворов на клочке бумаги карандашом набросал донесение Салтыкову: «Ваше Сиятельство! Мы победили. Слава Богу, слава Вам». Через какое-то время стали рассказывать, что Суворов послал главнокомандующему Румянцеву стихотворное донесение:

Слава Богу, слава Вам.
Туртукай взят, и Суворов там!

Первым об этом сообщил Иоганн Фридрих Антинг в 1-й части биографии Суворова, изданной по-немецки в 1793 г. Антинг, немецкий полковник на русской службе, с 1794 г. был личным секретарем Суворова. О донесении Румянцеву здесь говорилось: «В оригинале это две стихотворные строки; в переводе они выглядят так: *Gott und Ihnen die Ehre; – Turtukaj ist genommen, Suworow ist da*» [Anthing, S. 103]. По-русски это двустишие появилось в 1799 г. в русском издании книги [Антинг, с. 116]. Первая часть немецкого издания была отредактирована Суворовым; таким образом, он «авторизовал» одну из легенд о себе.

Однако известность двустишие получило в форме, приведенной у Егора Фукса:

Слава Богу, слава Вам.
Туртукай взят, и я там!

Фукс добавляет еще, что Румянцев будто бы отправил это донесение Екатерине II в качестве «беспримерного лаконизма беспримерного Суворова» [Фукс, с. 84 (ч. 1, гл. 4)].

Турки очень скоро восстановили укрепления Туртукая, и в ночь с 16 на 17 июня 1773 г. Суворову пришлось штурмовать крепость вторично. Этот бой был гораздо упорнее: почти все русские офицеры были ранены. Турецкие укрепления взорвали еще раз, а Суворов получил орден Св. Георгия II степени.

Свою версию легендарной резолюции Екатерины предложил Сталин. В начале 1946 г. предстояли первые после войны выборы в Верховный Совет. 9 февраля, выступая на предвыборном собрании, Stalin сказал:

«Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. *Победителей можно и нужно судить*, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности. Я считаю, что избирательная кампания есть суд избирателей над Коммунистической партией как над партией правящей. Результаты же выборов будут означать приговор избирателей. <...> Коммунистическая партия готова принять приговор избирателей» (курсив мой. – К.Д.) [Сталин, с. 22].

Фантастическое лицемерие этого пассажа не требует комментариев.

А накануне Второй мировой войны, на совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 г., Гитлер заявил руководству вермахта: «Я найду пропагандистские причины для начала войны <...>. Победителя не спросят потом, правду он говорил или нет» [Ширер, с. 565; Cohen, p. 173]. Так оно, вероятно, и было бы, окажись нацистская Германия победителем. Но случилось иначе, и ее оставшиеся в живых вожди очутились на скамье подсудимых.

Список источников

- Фукс Е.Б.* История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. – М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1811. – 187 с.
- Антинг И.Ф.* Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского. – СПб.: тип. Гос. медицинской коллегии, 1799. – Ч. 1. – XIV, 211 с.
- Сталин И.В.* Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. – М.: Госполитиздат, 1946. – 24 с.
- Суворов А.В.* Письма / Издание подготовил В.С. Лопатин. – М.: Наука, 1986. – 808 с.
- Тацит, Публий Корнелий.* Анналы; Малые произведения; История. – М.: ACT, 2001. – 986 с.
- Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха: В 2 т. – М.: Воениздат, 1991. – Т. 1. – 653 с.
* * *
- Anthing J.F.* Versuch einer Kriegs-Geschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski. – Gotha: [без указания издателя], 1795. – 1. Teil. – XVIII, 196 S.
- Cohen J.M., Cohen M.J.* The Penguin Dictionary of Twentieth-Century Quotations. – London: Penguin Books, 1995. – 640 p.

ПОМНИ О СМЕРТИ

Так обычно переводится у нас латинское выражение «*Memento mori*». Точнее был бы перевод: «Помни, что ты смертен» или: «Помни, что придется умирать».

С конца XVIII в. это изречение цитируется как формула приветствия и прощания монашеского ордена траппистов, основанного в 1664 г. [напр.: Addison, p. 46]. Потом назывались и другие монашеские ордена, построенные на началах крайнего аскетизма: камальдулов, картезианцев, паулинов и т.д. [Markiewicz, Romanowski, s. 50], а само это изречение стало датироваться эпохой Средневековья.

В действительности «*Memento mori*» утвердилось в литературе – как новолатинской, так и на новых языках, – в XVI в., прежде всего в Германии и Англии. Так, например, называлось стихотворение немецкого литератора Адама Валассера, включенное в его сборник «Искусство хорошо умирать» (*Kunst wol zusterben*), 1569) [Walasser, S. 309].

Вопреки распространенному мнению, какой-либо связи этого выражения с монашескими орденами в текстах XVI–XVII вв. не прослеживается.

В IV книгу своих написанных на латыни «Эпиграмм» (1607) английский поэт Джон Оуэн включил двустишие «Слухи о смерти Генриха IV, французского короля»:

То, что короли боятся слышать, а их слуги – говорить,
Тебе говорит сама мольба: помни, что и ты смертен [*memento mori*] [Owen].

Три года спустя Генрих IV погиб от кинжала католического фанатика. Это покушение было двенадцатым по счету, так что свою смертность король должен был ощущать постоянно.

Вероятно, ближайшим источником выражения «*Memento mori*» было высказывание одного из Отцов Церкви Иеронима (IV в.): «*Memento mortis tua et non peccabis*» – букв. «Помни о своей смерти [т.е.: что ты смертен] и не греши» («Письма», 139) [Душенко, Багриновский, с. 367]. Эти слова нередко цитировались как в Средние века, так и в Новое время. Возможно, сам Иероним отталкивался от стиха поздней ветхозаветной Книги премудростей Иисуса, сына Сирахова: «Помни, что смерть не медлит, и завет ада не открыт тебе» (Сир. 14:12).

Греческий церковный деятель Григорий Богослов, старший современник Иеронима, наставлял: «Помни непрестанно страшную смерть, как будто она у тебя перед глазами» («Мысли, писанные двустишиями») [Григорий Назианзин, с. 98]. «О памяти смерти» – название одной из бесед Иоанна Лествичника (VII в.). Здесь говорилось: «Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий» («Лествица», 6, 4) [Иоанн Лествичник, с. 81]. Полтора века спустя другой греческий богослов, Феодор Студит, предписывал: «Всегда содержи в уме своем мысль о смерти» («Письма», 484) [Православная энциклопедия, с. 309].

Такова была христианская традиция, сохранившаяся до наших дней. Другое значение имело это напоминание у античных авторов эпохи Римской империи.

У Сенеки («Письма к Луцилию», 26, 8; 26, 10) изречение «*Meditare mortem*» – «Размышляй о смерти» – приведено как высказывание Эпикура. Здесь оно связано с размышлением о самоубийстве, в котором римские стоики видели последнюю гарантию свободы личности:

«“Размышляй о смерти!” – Кто говорит так, тот велит нам размышлять о свободе. Кто научился смерти, тот разучился быть рабом. Он выше всякой власти и уж наверное вне всякой власти. Что ему тюрьма и стражи, и затворы? Выход ему всегда открыт! Есть лишь одна цепь, которая держит нас на привязи, – любовь к жизни. Не нужно стремиться от этого чувства избавиться, но убить его силу нужно: тогда, если обстоятельства потребуют, нас

ничего не удержит и не помешает нашей готовности немедля сделять то, что когда-нибудь все равно придется сделать» (пер. С. Ошерова) [Сенека, с. 50].

А Плиний Младший предлагает поэту Октавию Руфу помнить о смерти, дабы стараться обрести бессмертие в памяти потомков: «Держи перед глазами [свою] смертность (Habe ante oculos mortali-tatem); единственное, что вырвет тебя из ее власти, это твои стихи; все остальное, хрупкое и тленное, исчезает и гибнет, как сами люди» («Письма», II, 10, 4; в переводе С. Ошерова цитата начинается со слов «Помни о смерти...») [Плиний Младший, с. 30].

В качестве возможного источника выражения «Помни о смерти» назывался также (как мы полагаем, безосновательно) рассказ Геродота о египтянах, которые на пиршествах обносят вокруг гостей изображение лежащего в гробу покойника, со словами: «Смотри на него, пей и наслаждайся жизнью! После смерти ведь ты будешь таким!» («История», II, 78; пер. Г.А. Стратановского) [Геродот, с. 103].

В начале XIX в. в Германии появилось латинское выражение «*Memento vivere*» – «Помни о жизни!», или: «Помни, что нужно жить!» (позднейший вариант: «*Memento vitae*»).

Его немецкая версия – «*Gedenke zu leben*» – появилась раньше, в VIII книге романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796). В пятой главе описывается «Зала Прошедшего» – домашняя усыпальница, символика которой напоминает масонскую. Напротив двери стоит «статуя почтенного мужа», держащего перед собой свиток со словами: «Помни о жизни!» [Гёте, с. 446]. Этот «почтенный муж», рассказывает его племянница, «сознавался, что он не мог бы жить и дышать, если бы время от времени не давал себе поблажки и не наслаждался вволю тем, что не всегда сам счел бы извинительным и похвальным» [Гёте, с. 445].

Этот девиз высоко оценил Шиллер. В письме к Гёте от 3 июля 1796 г. он писал: «Надпись: “Помни о жизни!” превосходна, тем более что она напоминает о проклятом *memento mori* и чудесно торжествует над ним» [Briefwechsel., S. 168].

Позднее слова «*Memento vivere*» нередко цитировались как девиз Гёте. Герцен связывал его с эпохой Возрождения: «“Humanitas, humaniora” [лат. «человечность, больше человечности»] раздавалось со всех сторон, и человек чувствовал, что в этих

словах, взятых от земли, звучит *vivere memento*, идущее на замену *memento mori*, чтоими он новыми узами соединяется с природой; *humanitas* напоминало не то, что люди делаются землей, а то, что они вышли из земли, и им было радостно найти ее под ногами, стоять на ней <...>» («Письма об изучении природы», VI, 1846) [Герцен, с. 232].

В 1843 г. английский поэт и прозаик Томас Гуд, известный у нас как автор социально-обличительной «Песни о рубашке», опубликовал роман «Исповедь Феникса». Один из персонажей романа замечает: «...*Memento vitae* – это требование природного инстинкта: “помни об искусстве жить”. Покойники, знаете ли, не читают своих некрологов» [Hood, p. 434].

В совершенно ином смысле предлагал «помнить о жизни» американский писатель Эпес Сарджент (1813–1880), приверженец спиритуализма: «Теперь известно, что мы можем постичь наше будущее предназначение уже здесь, в земной жизни. Банальная фраза “*Memento mori*” ныне преобразована в более глубокую “*Memento vivere*”, что означает: “Помни, что тебе еще жить после смерти”» («Научные основы спиритуализма», 1880) [Sargent, p. 175].

Список источников

- Геродот.* История в девяти книгах. – М.: Ладомир, 1993. – 600 с.
Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН ССР, 1954. – Т. 3. – 362 с.
Гёте И.В. Собр. соч. в 10 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 7. – 526 с.
Григорий Назианзин [Григорий Богослов]. Собрание творений: В 2 т. – Сергиев Посад, 1994. – Т. 2. – 596 с.
Душенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
Иоанн Лествичник. Лествица. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. – 368 с.
Плинний Младший. Письма. – М.: Наука, 1984. – 407 с.
Православная энциклопедия. – М.: Правосл. энциклопедия, 2001. – Т. 2. – 750 с.
Сенека. Нравственные письма к盧цилию. – М.: Наука, 1977. – 383 с.

* * *

Addison [pseud.]. Interesting Anecdotes, Memoirs, Allegories, Essays and Poetical Fragments. – London: Printed for the Author, 1794. – [Vol. 1]. – 240 p.
Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe: in den Jahren 1794 bis 1805. – Stuttgart; Tübingen: J.G. Cotta, 1856. – 432 S.

Часть II.
История формул языка и культуры

- Hood T.* The Confessions of a Phoenix // The New Monthly Magazine. – London, 1843. – Part I, April. – P. 427–442.
- Markiewicz H., Romanowski A.* Skrzydlate слова. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1990. – 1213 s.
- Owen J.* Ioannis Audoeni Epigrammatum liber quartus. – Mode of access: <http://www.philological.bham.ac.uk/owen/4lat.html> (дата обращения: 1.12.2017).
- Sargent E.* The Scientific Basis of Spiritualism. – 2 ed. – Boston: Colby and Rich, 1881. – 372 p.
- Walasser A.* Kunst wol zusterben. – Dillingen: S. Mayer, 1569. – 315 S.

ПОРОК НАКАЗАН, ДОБРОДЕТЕЛЬ ТОРЖЕСТВУЕТ

В XII в. папа Иннокентий III утверждал: «Никакое зло не остается безнаказанным, никакое добре дело – невознагражденным» («Nullum malum praeterit impunitum, nullum bonum irtemperatur relinquiri») (трактат «О бренности человеческого существования», 1190-е годы) [Душенко, Багриновский, с. 443]. В XIV в. мы встречаем это положение у Фомы Аквинского, главного богословского авторитета Средних веков: «Ни одно злое дело не остается безнаказанным у Бога, судьи праведного, и ни одно добре дело не остается невознагражденным» («Комментарий к “Сентенциям” Петра Ломбардского», 14, 15, 1) [Thomae de Aquino].

Из подобного рода высказываний возникла французская сентенция «*La vertu est récompensée et le vice est puni*» – «Добродетель вознаграждается, а порок наказывается». Ее возможный источник – предисловие Шарля Перро к сборнику своих стихотворных сказок 1695 г. «Добродетель в них всегда вознаграждается, а порок наказывается», – писал он о народных сказках [Перро, с. 276].

Правда, в одном из русских переводов сочинений основателя неоплатонизма Плотина читаем: «Все мы очень хотим, чтобы добродетель была достойно вознаграждена, а порок – примерно наказан» («Эннеады», III, 2, 6; пер. С.И. Еремеева) [Плотин, 2003]. Однако в более строгом переводе Т.Г. Сигаша нет ничего похожего на эти слова [Плотин, 2005, с. 135].

В английский язык эту сентенцию, по-видимому, ввели Ричард Стил и Джозеф Аддисон. В их журнале «Болтун» за 1709 г. о романах и сказках говорилось: «...В сочинениях подобного рода мы всегда имеем удовольствие видеть, что порок наказан, а добро-

детель вознаграждается (vice punished and virtue rewarded)» [Steele, Addison, 1709; цит. по: Steele, Addison, 1711, р. 15].

Одним из главных бестселлеров XVIII в. был роман Сэмюэла Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740–1741). В IV томе «Памелы» одобряются пьесы, «в которых порок наказывается, а добродетель вознаграждается» [Richardson, р. 67 (письмо XI)].

Того же мнения держался Николай Карамзин. В автобиографическом романе «Рыцарь нашего времени» (1802–1803) он пишет о романах Федора Эмина: «...Во всех романах <...> герои и героини, несмотря на многочисленные искушения рока, остаются добродетельными; все злодеи описываются самыми черными красками: первые, наконец, торжествуют, последние, наконец, как прах, исчезают. В нежной Леоновой душе <...> буквами неизгладимыми начерталось следствие: “<...> Итак, добродетельный всегда побеждает, а злодей гибнет!” Сколь же такое чувство спасительно в жизни, какою твердою опорою служит оно для доброй нравственности, нет и нужды доказывать» [Карамзин, с. 765].

Зато в программном предисловии Теофиля Готье к его роману «Мадемуазель де Мопен» (1836) эта сентенция уже не более чем предмет насмешки:

«Разумеется, добродетель – почтенное свойство, и нам отнюдь не хочется – Боже сохрани! – ею пренебрегать. Это порядочная, достойная женщина. <...> Мы даже согласимся, что для своего возраста она еще хоть куда и прекрасно сохранилась. Очень приятная бабушка, но все-таки бабушка...»

«...Подлаживаясь под понятия критиков <...>, я настроил современную драму, <...> где провиденциальная идея была подана в форме страсбургского паштета из гусиной печени, который до последней крошки поедает герой, совершивший перед тем несколько изнасилований; паштет добавляется к угрываниям совести, и все вместе приводит к тяжелейшему несварению желудка, от которого он и умирает. Такой, можно сказать, высоконравственный финал, доказывающий, что существует божественная справедливость, что порок всегда бывает наказан, а добродетель – вознаграждена» (пер. Е. Баевской) [Готье, с. 18].

В России изречение «Порок наказан, добродетель торжествует» появилось под влиянием французского, а может быть, и анг-

лийского языка. В этой или близкой форме оно широко цитировалось с 1830-х годов. Оно применялось – и применяется до сих пор – в двух контекстах: более общем, восходящем непосредственно к христианскому богословию, и более узком, применительно к сфере искусства.

Во втором смысле оно всегда носит оттенок иронии; этот оттенок со временем перешел и на употребление сентенции в ее первоначальном смысле. Начало этому положил уже Пушкин:

И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен – и в романе,
И там уж торжествует он.

(«Евгений Онегин», гл. 3-я (1824), XI–XII) [Пушкин, с. 56].

Баратынский в предисловии к своей поэме «Наложница» (1831) с иронией упоминает о людях, «называющих нравственными сочинениями только те, в которых наказывается порок и награждается добродетель» [Баратынский, с. III]. Критик Н.И. Надеждин, цитируя это высказывание, добавляет: «если еще таковые люди существуют подлинно в наше время» [Надеждин, с. 235].

Едва ли не окончательно похоронил эту формулу Белинский. Вот несколько примеров.

«Здесь уже не детям, но всему человечеству, без различия пола и возраста, говорит Борис Михайлович, – с чрезвычайными ошибками против грамматики, т.е. синтаксиса и умения ставить знаки препинания, – что добродетель полезна и рано ли, поздно ли будет торжествовать, а порок вреден и непременно будет наказан» (Рецензия на роман Б. Федорова «Князь Курбский», 1843) [Белинский, т. 7, с. 587].

«Мальчику задают тему: “Порок наказывается, добродетель торжествует”. Сочинение, в форме хрии или рассуждения, должно быть представлено через три дня, а иногда и завтра. Что может

знати мальчик о пороке или добродетели?» (Рецензия на книгу Н.Ф. Кошанского «Общая риторика», 1844) [Белинский, т. 8, с. 512].

«Какого бы рода и содержания ни была пьеса, <...> к концу добродетель награждается, порок наказывается» («Александринский театр», 1845) [Белинский, т. 8, с. 545].

«К концу романа герои соединяются законным браком и живут счастливо. Добродетель награждена, порок наказан» (Рецензия на роман Поля Февала «Сын тайны», 1847) [Белинский, т. 10, с. 120].

Некрасов предпослал своей незаконченной «Повести о бедном Климе» (1841–1848) эпиграф:

«Добродетель никогда не остается без награждения, а порок без наказания.

С детской прописи [Некрасов, с. 5].

Герцен, рассказывая об обструкции, устроенной в 1831 г. профессору М.Я. Малову студентами Московского университета, с очевидным сарказмом пишет: «Видя, что порок наказан и нравственность торжествует, государь ограничился тем, что высочайше соизволил утвердить волю студентов и отставил профессора» («Былое и думы», ч. I (1856), гл. 6) [Герцен, с. 118].

Сатирическая комедия Салтыкова-Щедрина «Смерть Пазухина» (1857), запрещенная к постановке, заканчивалась репликой: «Господа! представление кончилось! Добродетель... тьфу, бишь порок наказан, а добродетель... да где ж тут добродетель-то!» [Салтыков-Щедрин, с. 127].

Персонаж комедии А.Н. Островского замечает: «Значит, отадут ему вас, отадут деньги — добродетель награждается, порок наказан» («На всякого мудреца довольно простоты» (1868), V, 1) [Островский, с. 67].

Не так было еще у Державина в начале XIX в.:

Порок из праха не воспрянет,
А добродетель вечно станет
Пить свет и жизнь Творца с очес.

(Ода «Тление и нетление», 1813) [Державин, с. 177].

Здесь Державин обращался к христианской проповеднической традиции.

В 1864 г. цензура запретила драму Козьмы Пруткова «Торжество добродетели». Рукопись надолго затерялась и была опубликована лишь в 1959 г. Одной цитаты достаточно, чтобы понять почему: «...Нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуется вместе с тем малейшему указанию власти» [Прутков, с. 321].

За 29 лет до публикации прутковской драмы Владимир Набоков взял то же заглавие для памфлетного эссе о советской литературе: «Все благополучно, добродетель торжествует. <...> Мы возвращаемся к самым истокам литературы, к простоте, еще не освященной вдохновением, и к нравоучительству, еще не лишенному пафоса. Советская литература несколько напоминает те отборные елейные библиотеки, которые бывают при тюрьмах и исправительных домах для просвещения и умиротворения заключенных» («Торжество добродетели», в газ. «Руль» (Берлин), 5 марта 1930 г.) [Набоков, с. 403].

И совершенно по-новому, с неожиданной силой прозвучала старинная формула в начале первого тома «Архипелага ГУЛАГ» (1973):

«Представление о справедливости в глазах людей исстари складывается из двух половин: добродетель торжествует, а порок наказан. Посчастливилось нам дожить до такого времени, когда добродетель хоть и не торжествует, но и не всегда травится пасами. Добродетель битая, хилая, теперь допущена войти в своем рубище, сидеть в уголке, только не пикать. Однако никто не смеет обмолвиться о пороке. Да, над добродетелью измывались, но порока при этом – не было. Да, сколько-то миллионов спущено под откос – а виновных в этом не было».

«Молча о пороке, вгоняя его в толовище, чтоб только не выпер наружу, – мы СЕEM его, и он еще тысячекратно взойдет в будущем. Не наказывая, даже не порицая злодеев, мы не просто оберегаем их ничтожную старость – мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости. Оттого-то они “равнодушные” и растут, а не из-за “слабости воспитательной работы”. Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не

наказуется, но всегда приносит благополучие. И неуточно же, и страшно будет в такой стране жить!» [Солженицын, с. 183, 185].

Сравнительно недавно к нам из английского языка пришло «обратное» изречение: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным» (англ. «*No good deed ever goes unpunished*»).

«Оксфордский словарь пословиц» (2008) датирует его первое появление, в несколько иной форме, концом 1930-х годов [Speake, p. 133]. Но широкую известность фраза получила благодаря нью-йоркскому журналисту Уолтеру Уинчеллу. Его колонку сплетен и слухов публиковали 2000 газет с 50 млн читателей по всему миру. Еще 20 млн человек слушали его субботнюю вечернюю радиопрограмму. 2 октября 1942 г. в печати появилось высказывание Уинчелла: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным в Вашингтоне» [Popik]. Спустя всего девять лет фраза «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным» цитировалась как «старинное изречение». В 1957 г. она была приписана американскому литератору и дипломату Клер Люс (1903–1987) [Popik].

Между тем ранняя версия этого изречения и в самом деле появилась очень давно – в XII в., только не по-английски, а на латыни (что осталось незамеченным англоязычными исследователями). Его автором был Уолтер (Вальтер) Мап (ок. 1140 – ок. 1210), придворный английского короля Генриха II и каноник собора Св. Павла. Перу Уолтера Мапа принадлежит сочинение «О придворных безделицах» («*De nugis curialium*», ок. 1182) – сборник занимательных новелл, а также анекдотов и случаев из придворной жизни. Этот сборник был хорошо известен историкам литературы, но на английский переведен лишь в 1923 г.

Одна из новелл сборника (ч. IV, гл. 6) называлась «История о юном Эвдоне, обманутом дьяволом» («*De Eudone ruero a Demone decepto*»). Здесь мы читаем: «...Он не оставил ни одного доброго дела безнаказанным, ни одного дурного – не вознагражденным (*nullum et bonum impunitura, nullum malum irremuneratum*); и когда он не смог найти ни соперника, ни сопротивления себе на земле, <...> он бросил вызов небесам» [Mapes, p. 164]. В английском переводе: «...left no good deed unpunished, no bad one unrewarded» [Map, p. 181].

Как видим, Мап «перевернул» высказывание своего современника папы Иннокентия III, приведенное в начале этой статьи:

«Никакое зло не остается безнаказанным, никакое добре дело – невознагражденным».

Вторая часть формулы Мата – «Ни одно дурное дело не остается невознагражденным» (англ. «No bad deed goes unrewarded») – вошла в обиход с 1980-х годов, а обе части вместе – лишь в XXI в.

Иногда это высказывание ошибочно приписывалось Оскару Уайльду – вероятно, потому, что в своей тюремной исповеди он заметил: «Каждый получает наказание и по своим добрым, и по своим злым делам» («De profundis» («Из глубины»), 1897, опубл. в 1904 г.; пер. Р. Райт-Ковалевой) [Уайльд, с. 289].

Список источников

- Баратынский Е.А. Наложница. – М.: Тип. А. Семена, 1831. – XXVII, 93 с.
- Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Академия наук СССР, 1953–1959.
- Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 8. – 719 с.
- Готье Т. Мадемуазель де Мопен. – М.: ТЕРРА, 1997. – 352 с.
- Державин Г.Р. Сочинения. – СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1866. – Т. 3. – 782 с.
- Дущенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. – М.; Л.: Худож. лит., 1964. – Т. 1. – 810 с.
- Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1996. – 435 с.
- Надеждин Н.И. Наложница, сочинение Е. Баратынского: [Рец.] // Телескоп. – М.: 1831. – Май, № 10. – С. 228–239. – Рец. на кн.: Баратынский Е.А. Наложница. – М., 1831.
- Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т.: Художеств. произв. – Л.: Наука, 1981. – Т. 8. – 782 с.
- Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. – М., 1973. – Т. 3. – 759 с.
- Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями. – М.: Правда, 1984. – 288 с.
- Плотин. Эннеады. – Киев: PSYLIB, 2003. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/ploti01/index.htm> (дата обращения: 1.12.2017).
- Плотин. Третья эннеада. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. – 320 с.
- Прутков, Козьма. Полн. собр. соч. – М.; Л.: Сов. писатель, 1965. – 477 с.
- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 6. – 695 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1965. – Т. 4. – 611 с.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. [Ч.] 1–2. – Paris: YMCA-Press, 1975. – 606 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

Уайлд О. Стихотворения; Портрет Дориана Грея; Тюремная исповедь. – М.: Худож. лит-ра, 1976. – 766 с.

* * *

Map W. De Nugis Curialium. – London: The Honorable Society of Cymmrodorion, 1923. – 283 p.

Mapes, Gualteri [Map, Walter]. De nugis curialium distinctiones quinque. – London: Camden Society, 1850. – 248 p.

Popik B. No good deed goes unpunished (in Washington) // The Big Apple [Электронный ресурс]. – 2009. – January 21. – Mode of access: https://www.barrypopik.com/index.php/new_york_city/entry/no_good_deed_goes_unpunished_in_washington (дата обращения: 10.05.2018).

Richardson S. Pamela; Or, Virtue Rewarded: In a Series of Letters from a Beautiful Young Damsel to Her Parents. – 3 th ed. – London: S. Richardson, 1742. – Vol. 4. – 494 p.

Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs. – 6 th Ed. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2015. – 400 p.

[*Steele R., Addison J.*] Sheer-Lane, January 6 // The Tatler. – 1709. – № 117, Jan. 7. – P. 14–20.

[*Steele R., Addison J.*] The Lucubrations of Isaac Bickerstaff. – London, 1711. – Vol. 3. – 470 p.

Thomae de Aquino, Sancti. Scriptum super Sententiis. Liber IV, distinctio XV [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.corpusthomisticum.org/snp4015.html> (дата обращения: 10.05.2018).

ПОСКРЕБИТЕ РУССКОГО, И ВЫ НАЙДЕТЕ ТАТАРИНА

В «Дневнике писателя» за январь 1877 г. Достоевский с огорчением восклицал: «Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что <...>. Мы у них в пословицу вошли» [Достоевский, с. 22].

Эта пословица – «Поскребите русского, и вы найдете татарина» (*франц.* «Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare»). Она приписывалась самым различным деятелям наполеоновской эпохи – консервативному мыслителю Жозефу де Местру, австрийскому фельдмаршалу герцогу Шарлю де Линю, писательнице Жермене де Сталь и, разумеется, самому Наполеону.

2 января 1823 г. эту фразу записал в своем дневнике Джеймс Галлатин, сын и секретарь посланника США во Франции [Gallatin; цит. по: Guerlac, p. 227]. Почти тогда же сходные изречения стали появляться во французской печати.

В 1827 г. публицист Жан Ансело писал: «Русские подобны выстроенным их руками кирпичным зданиям, которые первый же несчастный случай лишает покрывающего их ровного слоя белой краски: под блестящей оболочкой цивилизации, так прежде временно их укрывшей, нетрудно обнаружить татар» («Шесть месяцев в России»; пер. В. Мильчиной) [цит. по: Кюстин, с. 506 (коммент.)].

Согласно опубликованным в 1824 г. мемуарам Жанны-Луизы де Кампан, камеристки Марии Антуанетты, «Наполеон говорил, что, если поскрести русского, можно увидеть варвара» [Campan, p. 81]. В издательском примечании к мемуарам М.-Ж. Лафайета приводилось высказывание об Александре I, которое приписывалось Наполеону: «Его находят добрым и любезным; но, если чуть поскрести, почувствуется казак» [La Fayette, p. 403].

Отождествление русских вообще с казаками-варварами, на-
шествие которых угрожает Европе, было в высшей степени харак-
терно для Наполеона-изгнанника. Широко цитировалась его фраза:
«Лет через десять вся Европа, возможно, будет *казацкой* либо *респу-
бликанской*» (запись Лас Казеса 18 апреля 1816 г.) [Las Cases,
p. 215].

Важно отметить, что в изречении «Поскребите русского...»
«татарин» (по крайней мере, в 1-й половине XIX в.) – не столько
этноним, сколько синоним «варвара», так же как и «казак». Одна
из версий «европейской пословицы» выглядела так: «Поскребите
русского, и вы найдете казака; поскребите казака, и вы найдете
медведя» [Ferrand]. И, по всей вероятности, медведь в этой форму-
ле предшествовал «варвару», «казаку» и «татарину».

В знаменитой книге Астольфа де Кюстинга «Россия в
1839 году» (1843) читаем: «Нравы русских жестоки, несмотря на
все претензии этих полудикарей, и еще долго будут таковыми ос-
таваться. Еще не прошло и столетия с тех пор, как они были на-
стоящими татарами; лишь Петр Великий стал принуждать мужчин
брать с собой жен на ассамблеи; и многие из этих высокочек циви-
лизации сохранили под теперешним своим изяществом медвежью
шкуру: они всего лишь вывернули ее наизнанку, но стоит их по-
скрести, как шерсть появляется снова и встает дыбом» (пер.
В. Мильчиной) [Кюстинг, с. 290].

Кюстинг приписал эту мысль итальянскому писателю Джузеппе Капечелатро, архиепископу Тарантскому (1744–1836). Веро-
ятно, он перепутал Капечелатро с его старшим современником
маркизом Карабчиоли. Луи Антуан Карабчиоли (L.-A. Caraccioli,
1719–1803), французский писатель, поэт и историк итальянского
происхождения, много путешествовал по Европе. Он имел репута-
цию одного из главных остроумцев эпохи, чрезвычайно богатой на
остроумцев.

Литератор Жан-Пьер Лабуисс-Рошфор в своих мемуарах пи-
сал: «Он [Карабчиоли] говорил о московитах, тогда столь мало
известных, а ныне, кажется, желающих захватить столь большое
место в истории: “Поскребите руку даже самого образованного
русского, и вы обнаружите под его кожей медвежью шкуру (*la
peau de l'ours*)”» [Labouisse-Rochefort, p. 410].

Обозреватель парижского еженедельника «Меркурий девятнадцатого столетия» распространил эту формулу на европейскую цивилизацию вообще:

«Что бы ни говорила европейская гордыня, наша цивилизация всё еще не более чем варварство, покрытое лаком хороших манер, обманчивая видимость. Каракчиоли говорил: “Поскребите руку даже самого образованного русского, и вы обнаружите под его кожей медвежью шерсть (*le poil de l'ours*)”. Примените эти слова к самому блестящему обществу – обществу французскому; уберите танцы, музыку, статуи и картины; проникните в суть вещей, и вы найдете волчьи законы, право сильного, нигде нет понятия о законах здравого смысла и правилах справедливости» [Chronique.., p. 93].

Взгляд на русских во Франции претерпел заметные изменения к концу XIX в., чему способствовали два основных фактора: начало русско-французского сближения перед лицом германской угрозы и знакомство с новой русской литературой, а затем также музыкой и музыкальным театром.

Историк Анатоль Леруа-Больё, проживший в России пять лет, в своей книге «Империя царей и русские» (т. 1, 1881) писал: «“Поскребите русского, и вы найдете татарина”, – говорит пословица; возможно, исторически было бы справедливее перевернуть эту аксиому. Сбрасывая монгольское иго, смывая с себя грязь рабства, отказываясь от одежды и нравов, заимствованных у своих поработителей или же экзотических учителей, русский – славянин-христианин – постепенно оказывался европейцем» [Lerou Beaulieu, p. 267].

А в одном из газетных отзывов на гастроли Чайковского в Париже (1888) можно было прочесть: «Некогда говорили: “поскребите русского, и вы найдете казака. Ныне говорят: “поскребите русского, и вы найдете француза”!» [Чайковский, с. 208].

Достоевский – и не он один – воспринимал «европейскую пословицу» едва ли не как личную обиду. Куда спокойнее относился к ней князь Петр Вяземский. О графе Федоре Ростопчине (1763–1826), среди предков которого были татары, он отзывался так: «Поскребите русского, и вы найдете парижанина. Поскребите парижанина, и вы найдете русского; поскребите еще, и вы опять найдете татарина» («Характеристические заметки и воспоминания

о графе Ростопчине», 1877 г.; в оригинале по-французски) [Вяземский, с. 510].

Немало знатнейших русских фамилий числили своими предками выходцев из татар (или тюрок): Апраксины, Аракчеевы, Мещерские, Нарышкины, Урусовы, Ширинские-Шихматовы, Юсуповы и т.д. Из «военных» фамилий – Суворовы и Кутузовы; из «музыкальных» – Алябьевы, Балакиревы, Рахманиновы, Скрябины, Танеевы; из «литературных» – Аксаковы, Булгаковы, Гаршины, Державины, Карамзины, Огаревы, Тургеневы, Чаадаевы, Языковы.

Поэт и партизан Денис Давыдов, потомки которого выехали из Большой Орды в Москву в начале XV в., не без гордости заявлял:

Блаженной памяти мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцире влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскою рукою
Все, что противилось могущему герою.

(«Графу П.А. Строганову…», 1810) [Давыдов, с. 39].

Да и наш современник Владимир Путин, в отличие от Достоевского, не только не комплексует из-за французской пословицы, но даже считает ее исконно русской: «У нас, знаете, говорят: каждого русского, если потереть как следует, там татарин появится» (на пресс-конференции в ходе саммита РФ – ЕС 18 мая 2007 г., согласно «РИА Новости»).

Уже в XIX в. формула «Поскребите… и найдете…» нередко использовалась вне какой-либо связи с русскими. В «Словаре курьезов» Ш. Феррана (1880) читаем: «Слово “русские” может заменяться другими, например: “Поскребите этого хвастуна, и вы обнаружите труса”; “Поскребите этого льстеца, и вы обнаружите лицемера”; “Поскребите этого щеголя, и вы обнаружите дурака”»[Ferrand].

Вот несколько более интересных и более известных примеров.

«Поскребите судью, и вы найдете палача» (Виктор Гюго, «Литературная и философская смесь», 1834) [Hugo, p. 233].

«Поскреби любовника, и ты найдешь врага» (Дороти Паркер, «Баллада о громадной усталости», 1926) [Partnow, p. 308].

«Поскребите актера, и вы найдете актрису» (устная фраза Дороти Паркер) [Parker, p. 40].

«Поскрести иного коммуниста – и найдешь великорусского шовиниста» (Ленин на VIII съезде РКП (б) 19 марта 1919 г.) [Ленин, с. 183].

«К сожалению, еще по адресу многих наших товарищей можно сказать: “Поскребите коммуниста – и вы найдете филистера”. Конечно, скрести нужно чувствительное место – его психику в отношении женщины» (Ленин в беседе с Кларой Цеткин) [Воспоминания.., с. 53].

Список источников

Воспоминания о Ленине: В 5 т. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 5. – 558 с.

Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. – СПб.: С.Д. Шереметев, 1882. – Т. 7. – 514 с.

Давыдов Д.В. Сочинения. – М.: Современник, 1985. – 301 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1983. – Т. 25. – 470 с.

Кюстин А. Россия в 1839 году: В 2 т. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. – Т. 1. – 526 с.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 38. – 579 с.

Чайковский М.И. Жизнь Петра Ильича Чайковского (по документам, хранившимся в архивах в Клину): В 3 т. – М.: Алгоритм, 1997. – Т. 1. – 510 с.

* * *

Chronique hebdomadaire // Le Mercure du dix-neuvième siècle. – Paris, 1827. – Т. 16, – Р. 93–96.

Gallatin J. Diary of James Gallatin. – New York: Charles Scribner's Sons, 1914. – XV, 314 p.

Guerlac O. Les citations françaises: Recueil de passages célèbres, phrases familières, mots historiques. – Paris: Armand Colin, 1954. – 459 p.

Campan J.-L.-H. Journal anecdotique de Madame Campan. – Paris: Baudouin frères, 1824. – 250 p.

Ferrand C. Grattez le Russe... // Ferrand Ch. Dictionnaire des curieux, complément pittoresque et original des divers dictionnaires. – Besançon: Dodivers, 1880. – 204 p. – Mode of access: <http://www.dicoperso.com/list/9/1,G,GR.xhtml> (дата обращения: 1.10.2018).

Hugo V. Littérature et philosophie mêlées. – Paris: E. Renduel, 1834. – Т. 1. – 275 p.

La Fayette G. de. Mémoires, correspondance et manuscrits du général La Fayette, publiés par sa famille. – Paris: H. Fournier; Leipzig: Brochhaus u. Avenarius, 1838. – Т. 5. – 544 p.

Часть II.
История формул языка и культуры

Labouisse-Rochefort J.-P. Trente ans de ma vie (de 1795–1826), ou Mémoires politiques et littéraires. – Toulouse: A. Labouisse-Rochefort; Paris: *Poirée*, 1847. – T. 8. – 662 p.

Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène. – Paris: Le Seuil, 1968. – 733 p.

Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les Russes. – 2 me éd. – Paris: Hachette, 1883. – T. 1. – 609 p.

Parker D. The Uncollected Dorothy Parker / Editor C.Y. Silverstein. – London: Duckworth, 1996. – 256 p.

Partnow E. The New Quotable Woman: The Definitive Treasury of Notable Words by Women from Eve to the Present. – New York: Meridian, 1993. – 714 p.

ПУСТЬ ЕДЯТ ПИРОЖНЫЕ!

В 2005 г. на экраны вышел американо-французско-японский фильм «Мария Антуанетта». Его прокатным слоганом стала фраза «Let them eat cake!» – «Пусть едят пирожные!». В фильме королева произносит ее с улыбкой, сидя в ванной, в то время как толпы парижан, требуя хлеба, идут на Версаль в октябре революционного 1789 года.

В оригинальной, французской версии знаменитая фраза звучит чуть иначе: «Если у них нет хлеба, пусть едят бриоши» – т.е. сдобные булочки.

В революционные годы Марию Антуанетту обвиняли во всех смертных грехах, включая инцест, но только не в том, что она произнесла эту циничную (или до глупости наивную) фразу [Campion-Vincent, Kawan, p. 36]. Откуда же эта фраза взялась?

В печати она появилась в 1782 г., в опубликованной посмертно «Исповеди» Жан-Жака Руссо. Согласно Руссо, «одна великая принцесса», когда ей доложили, что у крестьян нет хлеба, ответила: «Пусть едят бриоши!». «Исповедь» была написана около 1765 г., а эпизод с упоминанием этой фразы датируется примерно 1740 г. [Boudet, p. 151].

Вскоре затем, в 1783 г., закордонная газета «Секретная литературная корреспонденция» опубликовала мемуарный очерк «Портрет герцогини дю Мен» [Staal-Delaunay, 1783]. Речь шла о принцессе Анне Луизе Бенедикте, внучке великого французского полководца принца Конде; в замужестве она стала именоваться герцогиней дю Мен. «Портрет» принадлежал перу ее фрейлины Маргариты де Стель-Делоней, умершей в 1750 г.

Де Сталь-Делоней писала: «Она, дожив до шестидесяти, не имеет ни малейшего понятия о реальной жизни». (Герцогиня дю Мен родилась в 1676 г., а значит, «Портрет...» был написан около 1736 г.) Вся ее жизнь прошла «в погоне за всевозможными радостями и развлечениями». «Говорят, что она никогда не выходит из дома и даже не высовывает голову из окна. <...> Утверждают, будто однажды, когда ей сказали, что у ее крестьян нет хлеба, она наивно воскликнула: “Так пусть едят бриоши!”» [Staal-Delaunay, 1806, p. XVI, XVIII].

Рассказы де Сталь-Делоней и Руссо, возникшие независимо друг от друга, почти в точности совпадают в том, что касается легендарной фразы. И относятся они примерно к одному времени – 1730–1740-м годам. Вполне вероятно, что тогда-то и получила хождение легенда о «хлебе и пирожных», связанная с именем французской принцессы. По отцу герцогиня дю Мен была принцессой королевской крови; не это ли имел в виду Руссо, говоря об «одной великой принцессе»?

В 1823 г. Людовик XVIII опубликовал свое «Описание путешествия в Брюссель и Кобленц (1791)». Здесь рассказывалось, что во время бегства будущего короля из революционного Парижа он со своими спутниками остановился на ферме Воренс. Они заказали мясной пирог и вино, но забыли о хлебе и по этому случаю вспомнили о Марии Терезии Австрийской (1638–1683), супруге Людовика XIV: она якобы «однажды ответила беднякам, которые жаловались ей, что у них нет хлеба: “Но, Бога ради, почему же они не едят корки от пирога?”» [Louis-Stanislas-Xavier; цит. по: Campion-Vincent, Kawan, p. 40].

Уже в XX в. были опубликованы мемуары графини Аделаиды де Буань, которая родилась в 1781 г. и до восьми лет жила в Версале как «подруга для игр» будущего Людовика XVIII. В этих мемуарах знаменитая фраза приписана принцессе Виктории (1733–1799), пятой дочери Людовика XV: «Мадам Виктория отличалась очень малым умом и исключительным добросердечием. Именно она во времена нехватки зерна, когда при ней говорили о страданиях бедняков, у которых не было хлеба, со слезами на глазах произнесла: “Но, Бога ради, почему бы им не удовольствоваться корками от пирога!”» [Boudet, p. 151].

Эта версия заведомо недостоверна, поскольку де Сталь-Делоней записала почти ту же легенду около 1736 г., когда Виктория была трехлетней девочкой.

И лишь полвека спустя после казни Марии Антуанетты зло-получную фразу связали с ее именем. В марсовском выпуске своего ежемесячника «Осы» (*«Les guêpes»*) за 1843 г. известный журналист Альфонс Карр писал: «Мы помним, какое негодование в те времена навлекла на себя несчастная королева под влиянием распускавшихся о ней слухов, будто она, услышав, что народ бедствует и у него нет хлеба, ответила: “Что ж, пусть едят бриоши”. – Несколько дней назад мне случайно попалась книга, датированная 1760 годом, где приводится та же самая фраза герцогини Тосканской; это, по-моему, достаточно ясно доказывает, что фраза не была сказана Марией Антуанеттой, но отыскана и пущена в ход против нее» [Karr, p. 85–86]. (О какой книге 1760 г. шла речь, неясно.)

Карр был прав, отмечая недостоверность фразы, но ошибался, считая, будто такие слухи существовали в революционные годы.

Едва ли не первыми поверили в достоверность апокрифической фразы англоязычные авторы. В романе ирландского писателя Чарлза Левера «Признания Кона Кригана» (1849) утверждалось, что «Мария Антуанетта советовала голодающему люду есть “бриоши”» [Lever, p. 78]. Во французском разговорнике некой мадам де Пейрак, опубликованном в Нью-Йорке в 1856 г. и переизданном в 1860 г., читаем: «Мне всегда хочется сказать то же, что сказала несчастная Мария Антуанетта, когда у народа не было хлеба: “Так дайте им бриоши”» [Reugras, p. 113].

Между тем в романе Дюма-отца «Анж Питу» (1853) эти слова приписаны герцогине де Полиньяк, одной из фавориток Марии Антуанетты [Dumas, p. 73]. В словаре Ляруssa 1872 г. (*«Grand dictionnaire universel du XIXe siècle»*) историческая фраза приписана некой «знатной гетере»; вероятно, имелась в виду мадам Дюбарри или мадам де Помпадур – любовницы короля Людовика XV. Эта версия дожила до конца XX в.: в словаре *«Le nouveau Petit Robert»* (1993) реплика также приписывается мадам Дюбарри [Campion-Vincent, Kawan, p. 33].

Но в конце концов версия об авторстве Марии Антуанетты возобладала и во Франции. В 1869 г. книжный обозреватель журнала *«Polybiblion»* сообщал: «В номере “Фигаро” от 10 ноября

г. Жюль Ришар приписывает Марии Антуанетте известную фразу: “Если у них нет хлеба, пусть едят бриоши”. Прошло уже немало лет с тех пор, как г. Альфонс Карр <...> напомнил, что эта фраза появилась задолго до эпохи несчастной королевы» [Visenot, p. 312].

Итак, слова «Пусть едят пирожные» не только не были произнесены Марией Антуанеттой, но даже не приписывались ей ее современниками. Зато похожая фраза приписывалась в народе генеральному контролеру (министру финансов) Жозефу Фулону – самому ненавистному почти для всех кругов общества министру Людовика XVI.

22 июля 1789 г., вскоре после взятия Бастилии, 74-летний Фулон был повешен на фонаре, а его голову со ртом, набитым сеном, носили по Парижу на пике. Вскоре затем в печати появились якобы сказанные Фулоном слова, проливающие свет на мотивы и способ этой расправы: «Если у них нет хлеба, пусть едят сено» [Luchet, p. 103; в несколько иной форме: Massacre, p. 123].

Легендарные фразы подобного рода появились гораздо раньше. Лютеранские проповедники XVI–XVII вв. утверждали, что владетельные особы говорили голодающему люду, который просил у них хлеба: «Пусть едят дерньмо» («Sie solten Koth essen») [Campion-Vincent, Kawan, p. 34].

Легенда о принцессе, предлагающей голодному люду есть пирожные, вероятно, выросла из пословицы, существующей во многих европейских языках. Она включена, например, в итальянско-испанский словарь Лоренцо Франчозини, опубликованный в 1665 г.: «A falta de pan, buenas son tortas» – исп. «Нет хлеба – сойдут и пирожные» [Franciosini, p. 555].

Ее русский аналог приведен в словаре Даля: «Хлеба не станет, будем пряники есть» [Даль, с. 533]. В XX в. эту пословицу вытеснило рифмованное речение, известное каждому с детства: «Бывают в жизни огорченья – заместо хлеба ешь печенье».

Список источников

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1990. – Т. 3. – 556 с.

* * *

- Boudet J.* Les Mots de l'histoire. – Paris: Robert Laffont, 1990. – 1415 p.
- Campion-Vincent V., Kawan C.S.* Marie-Antoinette et son célèbre dire: deux scénographies et deux siècles de désordres, trois niveaux de communication et trois modes accusatoires // Annales historiques de la Révolution française. – 2002. – [№] 327, janvier-mars. – P. 29–56. – Mode of access: <https://ahrf.revues.org/551> (дата обращения: 10.05.2018).
- Dumas A. (père).* Ange Pitou. – Paris: Dufour, Mulat et Boulanger, 1861. – 493 p.
- Franciosini L.* Vocabolario italiano, e spagnolo novamente dato in luce. – Ginebra: S. Chouët, 1665. – 784 p.
- Karr A.* [On se rappelle quelle indignation...] // Les guêpes. – Paris, 1843. – Mars. – P. 85–86. – (Неозаглавленная заметка; название дано по первым словам.)
- Lever C.J.* The Confessions of Con Cregan: The Irish Gil Blas. – 3 d ed. – London; New York: G. Routledge, 1855. – 305 p.
- [*Louis-Stanislas-Xavier de France*]. Relation d'un voyage à Bruxelles et à Coblenz (1791). – Paris: Urbain Canel, 1823. – 106 p.
- Luchet J.-P.-L. de.* Mémoires pour servir à l'Histoire de l'année 1789. – Paris: Lavillette, 1790. – T. 3. – 348 p.
- Massacre de M. de Foulon // Loisirs d'un Patriote François. – 1789. – 24 juillet. – P. 123–125.
- Peyrac, Madame de.* Comment on parle à Paris, or French as spoken in Paris for the use of pupils. – New York: D. Appleton, 1856. – 252 p.
- Staal-Delaunay M. de.* Portrait de Madam la Duchesse du Maine // Staal-Delaunay M. de. Lettres de Mlle de Launai (Mme de Staal) au chevalier de Ménil, au marquis de Silly et à M. d'Héricourt. – Paris: L. Collin, 1806. – T. 1. – P. XV–XVIII.
- Staal-Delaunay M. de.* Portrait de Mad[am] la Duchesse du M[aine] par Mad. de Stal // Correspondance littéraire secrète. – Paris, 1783. – № 9, 16 février. – (Без нумерации страниц.)
- Visenot* [псевд.]. Chronique // Polybiblion: Revue bibliographique universelle. – Paris, 1869. – T. 4, Décembre. – P. 306–316.

РАЗВЕСИСТАЯ КЛЮКВА И СТАКАН САМОВАРА

В 1910 г. в петербургском театре пародии «Кривое зеркало» была поставлена пародийная пьеса Бориса Гейера под названием «Любовь русского казака». Сенсационная французская драма с убийством и экспроприацией из жизни настоящих русских фермеров в одном действии с вступлением». Где-то «около Санкт-Московии на берегу Волги» девица Аксёнка, которую насильно выдают замуж за казака, со слезами на глазах вспоминает, как сидела со своим любимым Иваном «под развесистыми сучьями столетней клюквы» [Ашукин, Ашукина, с. 520–521].

Но «развесистую клюкву» придумал не Гейер. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Ушакова (1934) сообщалось, что это выражение пошло от описания России, в котором «поверхностный автор-француз пишет, что сидел под тенью величественной клюквы» [Ашукин, Ашукина, с. 520].

Этим французом обычно считали Александра Дюма-отца, побывавшего в России в 1858–1859 гг. Однако в справочнике Ашукиных «Крылатые слова» (1955) версия об авторстве Дюма решительно отвергалась. Согласно Ашукиным, выражение возникло в России как пародийное, вероятно – в 1900-е годы [Ашукин, Ашукина, с. 520]. Первое вполне справедливо, второе – не вполне.

Выражение «à l'ombre d'une klukva» («под сенью клюквы», смесь французского с нижегородским) мы встречаем у самого влиятельного публициста 1870-х годов Михаила Каткова. В передовице редактируемых им «Московских ведомостей» от 16 ноября. 1871 г. он цитировал статью о Москве, опубликованную в популярном парижском еженедельнике «L'Illustration» («Иллюстрация»). Здесь

«самым древним из религиозных памятников, построенных в ограде Кремля» был назван незавершенный к тому времени долгострой – храм Христа Спасителя, никакого отношения к Кремлю не имеющий. Ярый русский патриот Катков не упустил случая подколоть французов: «Пахнуло на нас теми блаженными временами, когда французский турист рассказывал, как он в России сидел *à l'ombre d'une klukva...*» [Катков, 765]

Место безымянного туриста вскоре занял Дюма-отец. У Салтыкова-Щедрина в «Помпадурах и помпадуршах» (гл. «Мнения знатных иностранцев о помпадурах», 1873) упоминается приехавший из Франции «*le prince de la Klioukwa*» («князь де ля Клюквá»), со ссылкой на сочинение некоего «Онисима Шенапана»; это – пародия на путевые заметки Александра Дюма «Из Парижа в Астрахань» (1858) [Салтыков-Щедрин, с. 245].

В начале 1879 г. из Петербурга в Нью-Йорк был прислан Александр Павлович Лопухин, будущий профессор Петербургской духовной академии и издатель «Православной богословской энциклопедии». В англоязычном «Журнале Православной Церкви» он поместил отклик на книгу «Русские сегодня» британского журналиста Гренвилля Марри (в старом написании: Муррей) [Murray]. Эту книгу Лопухин жестоко раскритиковал, сравнив ее с «Впечатлениями о путешествии в Россию» Дюма-отца (1860), где будто бы утверждалось, что «в России существует особый вид женщин, именуемых *babas*; что русские поселяне в жаркие летние дни любят прохладиться в тени вековых деревьев клюквы (*in the shade of a secular klukva tree*); что излюбленный напиток русских – *imenes*, и что в русских городах часто можно встретить людей, кричащих на улицах: “*Isi l'on assassine!*!” (франц. “Здесь убийцы!”)» [Lopukhin, p. 42]. *Imenes*, поясняет Лопухин, это русское выражение «и мне», «которое ученьи автор, вероятно, мог услышать за столом, когда гостям разливают напитки». А «*Isi l'on assassine!*!» – это выкрикиваемое уличными торговцами слово «лососина».

В 1892 г. идеолог народничества Н.К. Михайловский замечает: «Боборыкин писал для иностранцев, которые все равно имеют довольно извращенное понятие о России: <...> там думают, что наша гастрономия исчерпывается двумя супами – *schi* и *raskolnik*, а наши деревенские девушки сидят *à l'ombre d'un immense klukwa* [под сенью громадной клюквы] <...>» [Михайловский, с. 347].

В «Русской мысли» за 1893 г. был помещен отзыв на изданные по-итальянски путевые заметки о России хорвата Иосифа Модрича [Modrich]. Рецензент писал: «Но, однако, и ему почему-то не дается клюква, и в описании русских обедов он заверяет, что наряду с хлебным квасом за каждым столом подается клюкленный квас, изготовленный из клюклы (*klukla*)». «...Впрочем, все это происходило, вероятно, под тенью величественной клюквы – а l’ombre d’un klukwa majestueux». «...Вот что значит усесться “под тень величественной клюквы”!» [Новая книга.., с. 102, 109, 111].

В 1894 г. в парижском журнале «Путеводитель для любопытных» появилась заметка «Вздорные выдумки о России». Приведу ее целиком.

«Вот некоторые из наиболее известных примеров [вздорных выдумок]: в “Путешествии” де Кюстина, кажется, есть трогательная фраза о “величественном дереве, именуемом клюква”, хотя клюква, *oxycoccus palustris* [лат. клюква болотная], – стелющееся травянистое растение. Я отчетливо помню, что в фельетоне, помещенном в “La République Française”, я прочитал своими глазами: “вкусный кусок самовара” (впрочем, это было до “Сердечного союза”!)! Теперь-то известно, что самовар – это медный сосуд для кипячения чая.

Русские читатели могут пополнить эту коллекцию вздорных выдумок, источник которых, увы, далеко не иссяк» [Les bourdes...].

Можно предположить, что автор заметки как раз и был русским читателем. В знаменитой книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843) о «величественном дереве, именуемом клюква», разумеется, не говорилось. Заметим также, что форма ‘*klukwa*’ – норма для немецкого и польского языков, но во французском обычное написание: ‘*klukva*’, как это было еще у Каткова.

В XX в. на смену французскому «à l’ombre d’une klukva majestueux» пришло русское «под тенью (или: сенью) развесистой клюквы».

¹ «Сердечный союз» (l’alliance cordiale) между Россией и Францией был заключен в 1891 г. В 1904 г., после присоединения к нему Британии, он стал называться «l’Entente cordiale» («сердечное согласие»); отсюда – русский термин Антанта.

«...Опять de moujiks russe [русские мужики] сидят под тенью развесистой клюквы и запивают ломти избы стаканами горячего самовара» [Ликиардопуло; указано в статье: Добродомов, с. 55].

«Раньше Россия за границей славилась как страна, где под тенью развесистой клюквы крестьяне пьют напиток, называемый самоваром» («Новое время» по поводу статьи итальянской газ. «Domenica del Corriere» от 6 сентября 1908) [цит. по: Корданский, с. 115].

«Получилась та развесистая клюква, под прохладной сенью которой французские романисты доброго старого времени любили созерцать русского человека отдыхающим за самоваром в полу-денную жару» [Краинхфельд, с. 71].

Но не только развесистую клюкву приписали Дюма-отцу. В книге барона Б.А. Фитингофф-Шеля «Мировые знаменитости» (1899) читаем: «В описании своих мнимых путешествий, совершенных им не выходя из своего кабинета, он [Дюма] позволял себе шутки вроде того, что он отдыхал под тенью клюквы, или что Иоанн Грозный был такой тиран, что он получил прозвание Васильевича за свою жестокость» [Фитингофф-Шель, с. 263 (гл. 23)].

В 1922 г. эмигрант Ф.В. Винберг относил эти (никогда не существовавшие) выдумки к прошлому: «...Теперь уже не найдешь таких иностранцев, который описывали бы завтрак “Ивана Грозного, прозванного Васильевичем за свою жестокость, под тенью развесистой клюквы”, причем завтрак великого царя, по описанию “ученого” француза, состоял из нескольких десятков сальных свечек и ведра водки» [Винберг, с. 200].

Квинтэссенцию якобы всё еще существующих представлений иностранцев о России дал Фёдор Шаляпин. В письме к своей дочери Ирине от 11 июля 1929 г. он говорит о французе (собирательный образ), который, «всем телом и душой преданный русскому языку, с восторгом картавит»:

– Izba qui domine la mer, dans laquelle une jeune cosaque, des stéppes du Dnepr habite après Dostoevsky et Tschaikovsky en lisant l'histoire du tsar Ivan le Terrible surnommé Vasilevitch pour ça cguauté, etc... (В избе, стоящей над морем, живет, по Достоевскому и Чайковскому, молодая казачка днепровских степей, читая историю Ивана Грозного, прозванного Васильевичем за свою жестокость, и т.д.)» [Федор Иванович Шаляпин, с. 493].

Последней из этих легенд была суждена долгая жизнь. В журнале «Наука и жизнь» за 1971 г. утверждалось: «Если французы хотят привести пример удивительной энциклопедической справки, они обычно ссылаются на одно из старых изданий своего знаменитого “Малого Ляруса”, в котором было написано: “Иван IV Грозный, прозванный за свою жестокость Васильевичем”» [Удивительные...].

В истинности этого фантастического утверждения еще и сегодня убеждены многие наши соотечественники.

Список источников

- Аицкин Н.С., Аицкина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Добродомов И.Г.* Еще раз о развесистой клюкве // Русский язык в школе. – М., 2009. – № 7. – С. 54–55.
- Винберг Ф.В.* Крестный путь. – 2-е изд. – Мюнхен: Тип. Р. Ольденбург, 1922. – Ч. 1: Корни зла. – 375 с.
- Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1865 год. – М.: Издание С.П. Катковой, 1897. – 863 с.
- Корданский Ник.* К левому берегу // Современный мир. – СПб., 1908. – № 10. – С. 113–121 (2-я паг.).
- Краухфельд В.П.* Литературные отклики: Последние произведения М. Горького. III // Современный мир. – СПб., 1908. – № 10. – С. 63–81
- [Ликиардопуло М.Ф.] [Рец.:] // Весы. – М., 1907. – № 8. – С. 96. – Подпись: М. Ричардс. – Рец. на кн.: *Péladan* [Л. Le Nimbe noir. – Paris, 1907].
- Михайловский Н.К.* Литературная воспоминания и современная смута. IX // *Михайловский Н.К.* Литературная воспоминания и современная смута: В 2 т. – СПб.: Ред. журн. «Русское богатство», 1900. – Т. 1. – С. 308–350. – (Впервые опубл. под загл. «Литература и жизнь. IX.» в журн. «Русское богатство», 1892, № 6.)
- Новая книга о России // Русская мысль. – М., 1893. – Кн. 5. – С. 90–111 (2-я паг.). – Подпись: Н.
- Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. – М.: Худож. лит., 1969. – Т. 8. – 614 с.
- Удивительные энциклопедические справки // Наука и жизнь. – М., 1971. – № 1. – С. 134.
- Федор Иванович Шаляпин: В 2 т. – М.: Искусство, 1959. – Т. 1: Литературное наследство. Письма. – 768 с.
- Фитингхоф-Шель Б.А.* Мировые знаменитости: Из воспоминаний (1848–1898). – СПб.: Тип. П. Пайкина, 1899. – 276 с.

* * *

Les bourdes sur la Russie // L'intermédiaire des chercheurs et curieux. – Paris, 1894. – T. 30, № 18, 30 décembre. – Col. 673. – Подпись: «A.O.». – Mode of access: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k614685/f341.image.r=Custine> (дата обращения 1.10.2018).

[*Lopukhin I.V.*] Russia Newly Discovered. By a Russian // The Oriental church magazine. – New York, 1879. – Vol. 1, [№ 1], November 1878. – P. 41–65. – (В действительности номер вышел из печати в 1879 г.). – Mode of access: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nyp.33433081979316> (дата обращения: 5.10.2018).
Modrich J. Russia: Note e ricordi di viaggio. – Torino; Roma: Le Roux, 1892. – 550 p.
Murray G.E.C. The Russians of To-day. – London: Smith, Elder, 1878. – XXI, 304 p.

РЕВОЛЮЦИЯ ПОЖИРАЕТ СВОИХ ДЕТЕЙ

В эпопее Солженицына «Красное колесо» читаем: «Дантон хоть успел понять: “Революция подобна Сатурну: она пожирает своих детей”» [Солженицын, с. 531 (паг. 1-я)].

Сатурн – божество древнеримского пантеона, отождествленное с греческим Кроносом, младшим сыном бога Урана (неба) и богини Геи (земли). Согласно Гесиоду («Теогония», 455–502), Кронос стал верховным богом, оскопив своего отца. Своих собственных новорожденных детей он проглатывал, так как ему было предсказано, что один из них лишит его власти. Но от судьбы не дано уйти даже богам: Зевс, укрытый матерью от отца, лишил его власти и воцарился над миром. Перед тем он заставил Кроноса изрыгнуть проглоченных им детей, и те стали олимпийскими богами.

Версия об авторстве Дантона своей популярностью обязана драме немецкого революционера Георга Бюхнера «Смерть Дантона: драматические сцены эпохи террора». Здесь именно Дантон произносит слова: «Революция как Сатурн – она пожирает своих детей» (д. I, явл. 5) [Geflügelte Worte, S. 212]. Драма была написана им в 1835 г., опубликована 15 лет спустя, после смерти автора, а поставлена лишь в 1902 г. Зато в XX в. она ставилась по всему миру.

В 1918 г. «Смерть Дантона» была поставлена и у нас – в переделке Алексея Толстого [Толстой]. Премьера состоялась в московском театре Корша 9 октября, вскоре после официального провозглашения «красного террора», но уже 20 октября пьесу сняли с репертуара как контрреволюционную. В 1923 г. Толстой, теперь уже «красный граф», переделал свою переделку, но это не помогло ей утвердиться на советской сцене. Фразу о Сатурне и революции у Толстого также произносит Дантон.

Другая версия изложена в первом издании пьесы Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака» (1979): «И я вдруг вспомнил плаху, господа. И вопль казненного Демулены: “Революция как Сатурн... пожирает своих детей... Берегитесь, боги жаждут!”» [Радзинский, с. 344]. Позднее вместо «казненного Демулены» в этом пассаже появился «казненный Верньо», однако нестыковка осталась: ведь слова «Боги жаждут» принадлежат Демулену.

Но обычно фразу о революции и Сатурне приписывают Пьеру Верньо, одному из вождей жирондистов. Именно он в июле 1792 г. выдвинул лозунг «Отечество в опасности!». Весной 1793 г. Верньо выступил против учреждения якобинцами Революционного трибунала, а 31 октября по приговору этого трибунала был обезглавлен.

Во время казни Верньо о революции и ее детях не говорил: многочисленные свидетели казни жирондистов ничего подобного не сообщают. Согласно одной из гораздо позднейших версий (1840), эти слова произнес перед казнью «один из жирондистов» [Walsh, p. 154].

Согласно «Истории жирондистов» Альфонса де Ламартина (1847, XXXVIII, 20), после учреждения Революционного трибунала (т.е. весной 1793 г.) Верньо выступил перед жирондистами и заявил: «Теперь, граждане, позволительно опасаться, что революция, подобно Сатурну, начнет пожирать своих детей одного за другим» [Lamartine, p. 263; Ламартин, с. 96].

Противник жирондистов Сен-Жюст также называл автором фразы Верньо, хотя и не связывал ее с его казнью. В обвинительной речи на процессе дантонистов 31 марта 1794 г. он говорил:

«Те, кто в течение четырех лет плел заговоры под покровом патриотизма, теперь, когда имгрозит правосудие, повторяют слова Верньо: “Революция подобна Сатурну: она пожирает собственных детей”. Эбер повторял их во время своего процесса¹; их повторяют все, кто трепещет, кто видит, что разоблачен. Нет, революция пожирает не своих детей, а своих врагов, под какой бы непроницае-

¹ Процесс эбертистов (крайне левого крыла якобинцев) состоялся 21–24 марта 1794 г., после чего они, включая Ж.Р. Эбера, были сразу же казнены.

мой маской они ни скрывались!» (пер. О.С. Заботкиной) [Сен-Жюст, с. 151–152].

В той же речи Сен-Жюст привел слова врагов революции: «Они [революционеры] истребят друг друга» [Сен-Жюст, с. 137]. И хотя оратор решительно отверг такую возможность, именно к этому вела деятельность Революционного трибунала, в конце концов пославшего на гильотину и Робеспьера, и самого Сен-Жюста.

В апреле 1794 г. закордонная французская газета замечает по поводу очередного политического процесса: сбывается «предсказание, что Революция, подобно Сатурну, пожирает своих детей» [Extrait., р. 1]. В 1795 г. эта фраза была включена в «Новый французский словарь», опубликованный в Геттингене, как иллюстрация к статье «Революция» [Snetlage, р. 201].

А впервые эта фраза появилась в печати за полгода до доклада Сен-Жюста. В 1793 г. эмигрант Жак Малле дю Пан, сторонник конституционной монархии, опубликовал в Лондоне «Размышления о природе революции во Франции»; предисловие к книге датировано 4 августа 1793 г. Здесь говорилось: «По примеру Сатурна, революция пожирает своих детей» [Mallet du Pan, 1793, р. 80 (разд. VI)]. В том же году «Размышления...» вышли в английском переводе.

По-видимому, первым на эту цитату указал в 1902 г. проправнук Малле дю Пана, английский экономист и статистик Бернард Малле [Mallet, р. 164]. Тем не менее до начала XXI в. она оставалась вне поля зрения профессиональных историков.

Но почему же Сен-Жюст считал автором фразы Верньо? Тут возможны два объяснения: либо слова эмигрантского публициста приписали Верньо, либо Верньо действительно их произнес, а Малле дю Пан лишь повторил. Но с 1792 г. Малле дю Пан находился в эмиграции, так что первая версия представляется более вероятной.

В пользу этой версии говорит еще одно обстоятельство: среди посмертно опубликованных заметок Малле дю Пана есть и такая: «Пирон говорил о своей “Метромании”: “Это чудовище, которое пожрет [в смысле: затмит. – К.Д.] всех моих остальных детей”» [Mallet du Pan, 1851, р. 478]. (Комедия в стихах «Метромания» (1738) – наиболее известное произведение Алексиса Пирона.)

«Фраза Верньо» не единожды видоизменялась и оспаривалась. «Революциям нередко случается пожирать своих отцов и провозвестников», – писали в 1972 г. американские историки Р. Радош и М.Н. Ротбарт [Radosh, Rothbard, p. 143].

В романе Василия Аксенова «Остров Крым» (1979, опубл. в 1981 г.) читаем: «Есть ходячее выражение: “Революция пожирает своих детей”. Осмелимся его оспорить: она пожирает детей чужих. Троцкий, Бухарин, Блюхер, Тухачевский – это чужие дети, отчаянны гребцы, на мгновение возникающие в потоке. Дети революции – это молотовы, калинины, ворошиловы, ждановы, поднимающийся со дна осадок биопсихологической бури» [Аксенов, с. 564].

Действительно, если речь идет о Верньо, Дантоне, Бухарине, Троцком (или, уже в наше время, Юлии Тимошенко), то всех их следует скорее назвать отцами (или, как Юлию, матерями), чем детьми революции.

27 декабря 2011 г. Владислав Сурков, уходя с должности первого заместителя главы Администрации Президента, заявил: «Стабилизация пожирает своих детей» [Сурков стал...]. Едва ли и он всерьез считал себя «сыном стабилизации» – скорее наоборот.

А в конце 1990-х годов в политологическом журнале можно было прочесть: «Демократия пожирает своих детей» [Пастухов, с. 14].

Следует еще добавить, что первоначально Кронос был богом земледелия. Гораздо позже, уже в эллинистическую эпоху, имя Кронос стали истолковывать как Хронос (время), и Кронос-Сатурн стал богом Времени. Возник образ «всепожирающего времени»: время все создает и оно же все пожирает.

Герцен писал: «Мир был и будет, потому что он есть. Он живет, обновляясь поколениями. – Да, он, как Хронос, пожирает своих детей» [Герцен, с. 187].

Немецкий экономист Карл Родбертус связал тот же образ с высказыванием из «Манифеста Коммунистической партии» («Буржуазия <...> производит <...> своих собственных могильщиков»): «...Капитал превращается в своего собственного могильщика. Так продолжает Хронос пожирать своих собственных детей!» («Zur Erklärung und Abhülfe der Heutigen Creditnoth des Grundbesitzes», 1876) [цит. по: Плеханов, с. 310].

Список источников

- Аксенов В.П.* Рассказы; Повести; Роман; Эссе. – Екатеринбург: У-Фактория, 1999. – 765 с.
- Герцен А.И.* Из римских сцен // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН СССР, 1954. – Т. 1. – С. 183–196. – Написано в 1838; опубл. в 1879 г.
- Ламартин А.* Жирондисты: в 4 т. – СПб.: Экспедиционно-комиссионное дело, 1911. – Т. 3. – 397 с.
- Пастухов В.Б.* Власть и общество на поле выборов, или Игры с нулевой суммой // Полис. – М., 1999. – № 5. – С. 6–16.
- Плеханов Г.В.* Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова // Плеханов Г.В. Сочинения. – М.: Л.: Гос. изд-во, 1925. – Т. 1. – С. 216–364. – Впервые опубл. в 1882–1883 гг.
- Радзинский Э.С.* Беседы с Сократом: пьесы. – М.: Сов. писатель, 1982. – 373 с.
- Сен-Жюст Л.А.* О заговоре, составленном несколько лет назад преступными фракциями, чтобы свести Французскую революцию к перемене династии <...>: Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 11 жерминаля II года // Сен-Жюст Л.А. Речи; Трактаты. – СПб.: Наука, 1995. – С. 136–154. – Заглавие «О дантонистах» дано публикаторами.
- Солженицын А.И.* Собр. соч.: [В 20 т.]. – Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1991. – Т. 20: Красное Колесо: повествованье в отмеренных сроках: Узел IV. Апрель Семнадцатого. – 564, 134 с.
- Сурков стал вице-премьером // Интерфакс [Электронный ресурс]. – 2011. – 27 декабря.
- Толстой А.Н.* Смерть Дантона: Трагедия. – Одесса: Южно-Русско печатное дело, 1919. – 82 с.

* * *

- Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein Verlag, 2001. – 650 S.
- Extrait des Nouvelles de Paris jusqu’au 7 Avril // Nouvelles extraordinaires de divers endroits: 1794. 18 апреля, 1794. – Leyde, 1794. – P. 1–3
- Lamartine A. de.* Histoire des Girondins. – Capolago: Typographie Helvétique, 1847. – Т. 4. – 401 p.
- Mallet B.* Mallet du Pan and the French revolution. – London; New York; Bombay: Longmans: Green, 1902. – 368 p.
- Mallet du Pan J.* Considérations sur la nature de la Révolution de France, et sur les causes qui en prolongent la durée. – Londre; Bruxelles: E. Flon, 1793. – VIII, 103 p.
- Mallet du Pan J.* Miscellanées historiques, politiques et littéraires (extraits des recueils manuscrits de Mallet du Pan) // Mallet du Pan J. Mémoires et correspondance pour servir à l’histoire la révolution française. – Paris: Amyot; J. Cherbuliez, 1851. – Т. 2. – P. 459–500.

- Radosh R., Rothbard M.N.* A New History Of Leviathan: Essays on the Rise of the American Corporate State. – New York: E.P. Dutton & Co., 1972. – 265 c.
- Smetlage L.* Nouveau dictionnaire français contenant les expressions de nouvelle création du Peuple Français. – Gottingue: J.C. Dieterich, 1795. – 250 p.
- Walsh J.-A.* Journées mémorables de la Révolution française racontées par un père à ses fils. – Paris: Poussielgue, 1840. – T. 5. – 492 p.

СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

Ранний случай использования этой метафоры был обнаружен в религиозно-нравственном сочинении – и это едва ли случайно.

В 1882 г. в Кембридже вышел сборник то ли эссе, то ли проповедей под заглавием «Свет Божий на темных тучах». Автором сборника был Теодор Ледьярд Катлер (1822–1909), нью-йоркский пресвитерианский пастор и духовный писатель. В одной из главок – «Доверяться Богу во тьме» – читаем:

«Порой в нашей жизни случается так, словно мы бредем по длинному, темному тоннелю. Нам мешают духота, глубокая тьма и мысли о том, почему нам выпал столь сумрачный путь, тогда как других освещает солнечный свет здоровья и счастья. Все, что мы можем, – это устремить взгляд на яркий свет в конце тоннеля и утешать себя тем, что каждый наш шаг приближает нас к радости и покоя, которые ждут нас в конце пути. Погасите небесный свет, что лучится вдали, и тоннель испытания окажется страшной гробницей» [Cutler, p. 43].

Здесь новая метафора продолжает древнюю христианскую традицию: вера есть свет, указывающий путь во тьме.

В ХХ в. эта метафора вошла в политический язык. В ноябре 1921 г. Дэвид Ллойд Джордж прибыл в Вашингтон на конференцию по ограничению морских вооружений. В беседе с журналистами британский премьер выразил уверенность в том, что конференция будет успешной: он «видит свет в конце тоннеля» [Light at the end...]. В 1932 г., в разгар Великой депрессии, появились высказывания, что уже «виден свет в конце тоннеля» [там же].

В сентябре 1949 г. в «Бюллетене ученых-атомщиков» были опубликованы пространные выдержки из отчета Дэвида Лилиен-

таля, председателя Комитета по атомной энергии обеих палат Конгресса. Согласно Лилиенталю, 14 июня 1946 г. на слушаниях в Сенате влиятельный финансист и политик Бернард Барух заявил: «Свет в конце тоннеля тускл, но он станет ярче, когда мы начнем реально продвигаться вперед».

«В апреле 1947-го, – продолжает Лилиенталь, – когда Комиссия начала свою деятельность, свет в конце тоннеля был так тускл, словно его не было вовсе.

Среди великих мировых наций Россия, только Россия не желала делать шаги, которые могли бы заставить этот свет сиять ярче» [The Great Inquiry.., p. 240].

В последующие десятилетия эта метафора множество раз появлялась в связи с Вьетнамом. 28 сентября 1953 г., когда французские войска воевали в Индокитае, еженедельник «Тайм» привел слова кого-то из окружения французского командующего Анри Эжена Наварры: «Год назад никто из нас не видел возможности победы. <...> Теперь мы видим ее ясно – как свет в конце тоннеля» [Shapiro, p. 547]. В мае 1954 г. осажденный в Дьен-Бьен-Фу французский корпус капитулировал.

Джон Кеннеди на пресс-конференции 12 декабря 1962 г. охарактеризовал положение в Южном Вьетнаме словами: «Мы еще не видим конца тоннеля, но я бы сказал, что сейчас не темнее, а скорее светлее, чем год тому назад» [Rogers, p. 229]. Согласно распространенной точке зрения, широкую известность эта метафора получила именно благодаря Кеннеди [Rees, p. 212; Titelman, p. 326].

Оценка Кеннеди оказалась неверной. В 1965 г. американские военные убедили президента Линдана Джонсона начать бомбардировки Северного Вьетнама. Сам он не был уверен в эффективности этой меры и однажды сказал своему пресс-секретарю Биллу Мойерсу: «Свет в конце тоннеля? Черт возьми, у нас даже нет тоннеля; мы даже не знаем, где этот тоннель» [Dallek].

На публике Джонсон выражался иначе. 9 июня 1966 г., выступая в Белом доме перед выпускниками Школы дипломатической службы, он заявил: «Я призываю вас помнить, что американцы часто проявляют нетерпение, если не видят свет в конце тоннеля <...>. Но политика – не волшебство» [Johnson].

Лет десять спустя появилась новая версия этой метафоры. В одном из американских компьютерных журналов была опубликована статья Дэниэла Эпплтона «Чем не является база данных». Здесь говорилось: «Многим руководителям по вопросам операций и обработки данных “база данных” представляется светом в конце длинного и темного тоннеля. Но <...> нужно многое изменить в способах мышления и управления, прежде чем мы сможем убедиться, что этот свет в конце тоннеля – не свет приближающегося поезда» [Appleton, p. 85].

17 сентября 1981 г. в Комитете по экономике обеих палат Конгресса состоялся следующий диалог между сенатором Маком Меттингли и экономистом Уолтером Хеллером, критиком «рейганомики»:

«МЕТТИНГЛИ: ...Частный сектор крайне заинтересован в том, чтобы увидеть в свете в конце тоннеля...»

ХЕЛЛЕР: Позвольте! Уолл-стрит, кажется, того мнения, что этот свет в конце тоннеля – не дневной свет, а свет приближающегося поезда» [The Reagan economic., p. 34].

Ок. 1989 г. в печати цитировалось высказывание Джона Кинтона, президента британского банка «Барклайс»: «Банкиры порою смотрят на политиков как на людей, которые, увидев свет в конце тоннеля, заказывают прокладку еще нескольких тоннелей».

Тогда же появилось анонимное изречение: «Если вы видите свет в конце тоннеля, значит, вы смотрите не в ту сторону». Позднее его стали приписывать американскому экологу Барри Коммонеру (1917–1993) [Egan, p. 79].

До нас «свет в конце тоннеля» дошел поздно. По-настоящему известным в СССР этот оборот стал лишь после выхода на экраны кинодетектива «Свет в конце тоннеля» (Рижская киностудия, 1974).

Список источников

Appleton D.S. What Data Base Isn't // Datamation the Year Ahead. – Chicago, 1977. – January. – P. 85–92.

- Cutler T.L.* Trusting God In The Dark // Cutler T.L. God's Light On Dark Clouds. – New York: Robert Carter and Brothers; Cambridge (Mass.): John Wilson and Son. Univ. Press, 1882. – P. 43–50.
- Dallek R.* All the President's Words Hushed // Historically Speaking: The Bulletin of The Historical Society. – Boston, 2002. – Vol. 3, № 4. – Mode of access: <http://www.bu.edu/historic/hs/april02.html> (дата обращения: 1.05.2018).
- Egan M.* Barry Commoner and the Science of Survival. – Cambridge (Mass.); London: MIT Press, 2009. – 300 p.
- Green J.* The Macmillan Dictionary of Contemporary Quotations. – London: Macmillan, 1996. – XVI, 518 p.
- Johnson L.B.* Remarks to Graduates of the Senior Seminar in Foreign Policy. June 9, 1966 // The American Presidency Project [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=27639> (дата обращения: 1.05.2018).
- «Light at the end of the tunnel» earliest occurrence // English Language & Usage [электронный ресурс]. – Mode of access: <https://english.stackexchange.com/questions/314848/light-at-the-end-of-the-tunnel-earliest-occurrence> (дата обращения: 1.05.2018).
- Rees N.* Sayings of the century: the stories behind the twentieth century's quotable sayings. – London: Allen & Unwin, 1987. – 270 p.
- Rogers J.* The Dictionary of Cliches. – New York: Wings Books, 1985. – 305 p.
- Shapiro F.R.* The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 2006. – 1068 p.
- The Great Inquiry: Testimony at AEC Hearings // Bulletin of the Atomic Scientists. – 1949. – August–September. – P. 221–250, 254.
- The Reagan economic program and high interest rates: Hearing before the Joint Economic Committee, Ninety-seventh Congress, first session, September 17, 1981. – Washington: U.S.G.P.O., 1982. – 47 p.
- Titelman G.Y.* Random House Dictionary Popular Proverbs and Sayings. – New York: Random House, 1996. – 468 p.

СИЛА ВЫШЕ ПРАВА

Формула «Сила выше права» устойчиво приписывается «железному канцлеру» Отто фон Бисмарку. Она вполне верно передает дух его политической философии, однако сам Бисмарк этого не говорил.

Эта формула возникла в начале 1863 г., через несколько месяцев после назначения Бисмарка главой (министром-президентом) правительства Пруссии. С этого момента начался конфликт правительства с прусским парламентом (ландтагом). Либеральное крыло ландтага, в котором видную роль играл бывший министр внутренних дел граф Максимилиан фон Шверин, упорно отказывалось принять предложенный Бисмарком бюджет.

27 января 1863 г. Бисмарк заявил в ландтаге:

«Один искушенный государственный муж сказал, что вся конституционная жизнь представляет собой ряд компромиссов. Если компромисс невозможен из-за того, что одна из сторон отстаивает свою собственную позицию с доктринерским абсолютизмом, ряд компромиссов прерывается и вместо них возникают конфликты; поскольку же государственная жизнь не может стоять на месте, конфликты становятся вопросами силы (*Machtfragen*); тот, в чьих руках власть (*die Macht*), действует в таком случае по своему разумению» [Bismarck, S. 20].

Против этого заявления резко выступил фон Шверин. Он заметил, что «тезис, которым увенчалась речь министра-президента» – это «Сила выше права (*Macht geht vor Recht*)», и противопоставил ему тезис «Право выше силы (*Recht geht vor Macht*)». Бисмарк при этом не присутствовал. Вернувшись в зал заседаний и узнав, что ему приписали слова «Сила выше права», он возмутился. Фон

Шверин признал, что министр-президент не говорил этих слов, но тем не менее именно к ним сводится суть его речи [Geflügelte Worte, S. 453].

Фон Шверин помирился с «железным канцлером» лишь в 1866 году, после разгрома, учиненного пруссаками Австрии.

Впоследствии Бисмарк дважды публично протестовал против приписанной ему формулы (в прусском ландтаге 1 февраля 1868 г. и в германском рейхстаге 1 апреля 1876 г.) [Geflügelte Worte, S. 454].

Ближайшим источником формулы, приписанной Бисмарку, был лютеровский перевод Библии, напечатанный полностью в 1534 г: «Es geht Gewalt über Recht» – «Сила берет верх над правом» (Аввакум, 1:3). Этих слов нет в оригинальном тексте Библии; Лютер воспользовался уже существовавшей к тому времени поговоркой «Gewalt geht für Recht» («Сила заменяет право») [Geflügelte Worte, S. 454].

Понятно, что в лютеровской Библии такое положение дел – признак грядущей катастрофы государства. В том же контексте встречается эта мысль у Гесиода (VI в. до н.э.):

Правду заменит кулак. <...>

Где сила, там будет и право

(«Труды и дни», 189, 192; пер. В. Вересаева)

[Эллинские поэты, с. 147].

Зато в Новое время Бенедикт Спиноза сформулировал этот тезис в качестве философской истины: «Каждый человек имеет столько права, сколько моши» (лат. «...tantum juris habet, quantum potentia valet») («Политический трактат» (1677), гл. 2, 8) [Спиноза, с. 254; Geflügelte Worte, S. 453].

У Гёте та же мысль вложена в уста Мефистофеля:

Man hat Gewalt, so hat man Recht.

В ком больше силы – тот и прав.

(букв.: У кого сила, у того и право.)

(«Фауст», ч. II (1832); пер. Б. Пастернака)

[Гёте, с. 410].

Другой знаменитый канцлер – канцлер Австрийской империи Клеменс фон Меттерних (1773–1859) – своим жизненным девизом выбрал слова «Истинная сила – в праве». Правда, в печати эти слова появились лишь в 1880 г., в изданной посмертно «Автобиографии» Меттерниха. Написана она была по-французски, как и девиз автора: «La vraie force, c'est le droit» [Metternich, p. 2].

Список источников

Гёте И.В. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1976. – Т. 2. – 510 с.

Спиноза Б. Сочинения: В 2 т. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 2. – 726 с.

Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8 т. – М.: Искусство, 1957. – Т. 1. – 615 с.

Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. – М.: Худож. лит., 1963. – 406 с.

* * *

Bismarck O. von. Die Reden. 1. Sammlung: Reden aus den Jahren 1862–1866. – Berlin: Fr. Kortkampf, 1870. – 352 S.

Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein Verlag, 2001. – 650 S.

Metternich K. Memoires. – Paris, 1880. – Т. 1. – 372 p.

СКЕЛЕТ В ШКАФУ

Происхождение «скелета в шкафу» нередко связывают с врачебной практикой старого времени. Дескать, с конца XVI в. скелеты, которые английские врачи использовали для обучения, прятали в шкафу, поскольку в доме их держать запрещалось. Однако никаких доказательств этому нет. Скрытые скелеты иногда находят в старинных домах, но это скелеты незаконнорожденных младенцев, и держали их не в шкафах [Martin].

С конца XVIII в. скелет был обычной принадлежностью жилища врача. Владимир Даля, в 1826–1828 гг. студент-медик Дерптского университета, снимал каморку на чердаке, а у печки преспокойно стоял «полный остов человеческий», выражаясь словами Даля [Даль, с. 117]. Анатомы действительно нередко держали скелеты в шкафах, но, как правило, остекленных, не делая из этого никакой тайны.

Именно такой скелет фигурировал в комической пантомиме «Скелет Арлекина», известной в Англии с середины XVIII в. С 1770 г. по ее канве стали выпускать книжки с картинками и стихотворными подписями к ним. На картинках изображался анатомический кабинет с чучелами животных и человеческим скелетом в шкафу; по ходу действия скелет вываливался из шкафа [Reid-Walsh]. Последняя такая книжка, раскрашенная вручную, вышла в Лондоне в 1817 г.

В 1814 г. лондонский врач и хирург Джозеф Адамс опубликовал «Философский трактат о наследственных болезнях человеческого рода». В предисловии говорилось: «Два главных источника страдания <...> – это опасность заразиться и страх перед наследственными заболеваниями. <...> Люди словно бы боятся

узнать правду; предосторожности громоздятся одна на другую, чтобы скрыть скелет в шкафу (*skeleton in the closet*) или не позволить ему выбраться оттуда» [Adams, p. V–VI; курсив мой. – К.Д.]. Необходимо добавить, что *closet* может означать не только шкаф (обычно стенной), но также чулан, каморку; у Адамса *closet* используется скорее во втором значении.

Это первое известное упоминание «скелета в шкафу» в значении «постыдная тайна». (Указано Майклом Куинтоном на его персональном сайте в 2014 г. [Quinion].)

«Трактат...» читали по преимуществу медики, но его второе издание (1815) было отрецензировано одним из самых популярных английских журналов «The Eclectic Review», а также журналом «The Critical Review», причем оба журнала цитировали высказывание Адамса о «скелетах в шкафу» [Stowell, p. 468; A Philosophical Treatise, p. 475].

Вторым и, видимо, более важным моментом истории «скелета в шкафу» стал выход книги «Итальянские новеллы» (Лондон, 1823). Автором этого сборника, опубликованного анонимно, был писатель и переводчик Томас Роско (1791–1871). Сборник состоял из 17 новелл, которые проиллюстрировал прославленный рисовальщик Джордж Крукшенк. Одна из новелл называлась «В каждом доме есть свой скелет» («There Is A Skeleton in Every House»); вот ее краткое изложение.

Единственным утешением овдовевшей неаполитанской графини Корсини был ее сын. Повзрослев, он отправился в Болонский университет, где добился больших успехов в учении. Внезапно он тяжело заболел и уже не сомневался, что скоро умрет. Чтобы заранее смягчить горе матери, он написал ей письмо, в котором просил, чтобы она послала ему рубашку, сделанную самой счастливой женщиной в Неаполе; надев эту рубашку, он сразу выздоровеет.

После долгих поисков вдова отыскала замужнюю женщину, у которой, казалось бы, было все для земного блаженства. Вдова посетила ее и рассказала о письме сына. Хозяйка дома ответила: «Сейчас я докажу вам совершенно обратное – что, возможно, еще не рождалась на свет женщина, более несчастная, чем я». Она привела графиню в другую комнату, отодвинула занавеску и указала на скелет, свисающий с потолка. «Это был достойнейший юноша, влюбленный в меня; мой муж застал его здесь и немедленно велел

его повесить <...>; а чтобы увеличить мои муки, он заставляет меня приходить сюда каждый вечер и каждое утро и смотреть на несчастного юношу». Вернувшись домой, графиня нашла письмо с известием о смерти сына, но полученный ею урок помог ей легче перенести этот удар [Roscoe].

Почти та же история помещена, как источник выражения «В каждом доме есть свой скелет», в «Словаре фраз и сюжетов» Э.К. Бревера (1870). Но здесь действие перенесено из Неаполя в Англию, а сюжет стал еще страшнее: скелет стоит в стеклянном шкафу в спальне несчастной леди, и та должна целовать его каждый вечер на глазах мужа [Brewer, p. 827].

Окончательно ввел этот скелет в литературу Уильям Теккерей. В романе «Ньюкомы» (1854) многократно говорится о скелете «in the closet» – что в данном случае означало не «в шкафу», а в «чулане» или «каморке». В тексте романа неоднократно встречаются скрытые отсылки к новелле Роско, например: «У кого из нас <...> нет темной комнаты, где мы храним свои мрачные тайны?» [Теккерей, т. 8, с. 200; пер. Р. Померанцевой].

Именно поэтому в русских изданиях романа (а первое из них вышло всего через год после английского) «скелетов в шкафу» нет. ‘Closet’ переводилось как «комната», «каморка», «чулан». В советском переводе Р. Померанцевой: «А теперь не покажете ли вы нам, сударыня, ту каморку, где у вас спрятан скелет?»; «Так вот, значит, какой скелет таился в чуланчике у Ханимена» (гл. 11); «Какой скелет скрывался в чулане у Барнса Ньюкома» (название гл. 55); «...У этих господ, как и у прочих смертных, были в чуланах свои скелеты» (там же) [Теккерей, т. 8, с. 142, 152; т. 9, с. 207, 212].

В 1856 г. французский переводчик Уилки Коллинза цитировал «мрачную английскую пословицу»: «В каждой семье есть укрытый в доме скелет»¹. В примечании указывался восточный аналог: «В каждой семье есть крокодил, укрытый в колодце» [Collins, 1856, p. 585]. В действительности такой пословицы не существует,

¹ В переводе эта пословица включена в текст новеллы Коллинза, хотя в английском оригинале, опубликованном уже после появления перевода, она отсутствует [Collins, 1857, p. 449].

а образ крокодила, кроющегося на дне водоема, восходит к повести Ф.Р. Шатобриана «Атала» (1801).

В «Анне Карениной» Толстого (1875–1877) главная героиня романа замечает: «У каждого есть в душе свои skeletons, как говорят англичане» [Толстой, с. 111]. Эта реплика показывает, что «skeleton in the closet» к тому времени не успел еще обрушить.

Через год после завершения публикации «Анны Карениной» русский читатель познакомился с только что вышедшей повестью немецкого писателя Фридриха Шпильгагена «Скелет в доме» («Das Skelet im Hause»). Она вышла одновременно в двух разных переводах – в «Вестнике Европы» и в «Журнале иностранных переводных романов». При этом в «Вестнике Европы» немецкую повесть снабдили новым, русско-английским заглавием: «Старая пословица: The skeleton in the house». В примечании пояснялось, что выражение «В доме – скелет» «соответствует нашей поговорке: на душе камень, болячка; вообще: нечистая, неспокойная совесть» [Шпильгаген, № 1, с. 312].

В самой повести давалось более обстоятельное разъяснение. «Скелет <...> есть хронический¹, консервативный недуг; более того: это исключительно аристократический недуг. Чтобы вполне созреть, ему недостаточно одной человеческой жизни; ему нужно по меньшей мере несколько поколений, поколений с историческими традициями <...>. Можем ли мы после того удивляться, что недуг впервые наблюден, изучен, классифицирован и окрещен в Англии: в Англии, стране наследственной мудрости и традиционной глупости, наследственных добродетелей и наследственных пороков, старинных, источенных червями родословных и старинных, изгрызенных крысами домов? <...> Существует страшная легенда, <...> что были такие времена, когда <...> замуровывали в фундаменте дома, которому желали долголетия, невинного младенца. Но <...> я <...> хочу думать, что этого никогда не происходило в действительности и что тут мы имеем дело с образчиком народной поэзии <...>» (гл. 5) [Шпильгаген, № 2, с. 736].

Тогда-то и вошло в русский язык выражение «скелет в доме» (пока еще не в шкафу).

¹ В журнальном тексте опечатка: «иронический».

В 1884 г. был издан цикл очерков Глеба Успенского «Волей-неволей. (Отрывки из записок Тяпушкина)». В начале III части «Записок» их автор пишет: «...Решаюсь рассказать самый возмутительный, самый бесстыдный и подлый факт, тяготеющий на моей совести. Факт этот принадлежит к числу тех “скелетов в доме”, которые, увы! кажется, найдутся на совести всякого смертного» [Успенский, с. 57].

Комментаторы шеститомника Успенского (1956) сообщают, что имелась в виду повесть М. Печориной «Скелет», опубликованная в том же 1884 г. Герой повести, врач, выполняя волю жены, поставил в своем кабинете ее скелет, чтобы муж всегда вспоминал о покойнице [Успенский, с. 393]. Но объяснение это неубедительно. В очерке Успенского «скелет в доме» – синоним постыдной тайны, и выражение это взято либо из повести Шпильгагена, либо из какого-то перевода с английского.

Вплоть до первых десятилетий XX в. «скелет в доме» в русской литературе и публицистике преобладал. «Вся жизнь моего друга была направлена к тому, чтобы скрыть позорную семейную тайну. Этот “скелет в доме”, как говорят англичане», – писала Анастасия Вербицкая в «Ключах счастья» (1909), культовом романе тогдашних гимназисток [Вербицкая, с. 193].

И лишь к середине XX в. «скелет в доме» был вытеснен привычным нам «скелетом в шкафу».

Список источников

- Вербицкая А.Н. Ключи счастья. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – Т. 1. – 511 с.
- Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб.: Литера, 1994. – 477 с.
- Теккерей У.М. Собр. соч.: В 12 т. – М., 1978. – Т. 8–9: Ньюкомы, жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, эскувайром. Кн. 1–2. – 494, 479 с.
- Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 8. – 495 с.
- Успенский Г.И. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Худож. лит., 1956. – Т. 6. – 414 с.
- Шпильгаген Ф. Старая пословица: The skeleton in the house: повесть // Вестник Европы. – М., 1878. – Т. 1, № 1. – С. 312–360; N 2. – С. 731–777.

Часть II.
История формул языка и культуры

* * *

- A Philosophical Treatise on the Hereditary Peculiarities of the Human Race: [Review] // The Critical Review, Or, Annals of Literature. – London, 1816. – Vol. 4. – 471–480.
- Adams J. A Philosophical Treatise on the Hereditary Peculiarities of the Human Race. – 2 d ed. – London: J. Callow, 1815. – VII, 125, 24 p. – Mode of access: <https://archive.org/details/b28146529/page/n9> (дата обращения: 7.10.2018).
- Brewer E.C. Dictionary of Phrase and Fable. – Philadelphia: Claxton, Remsen, and Haffelfinger, 1870. – 979 p. – Mode of access: https://openlibrary.org/books/OL6769344M/Dictionary_of_phrase_and_fable (дата обращения: 10.10.2018).
- Collins W. Les mystères de famille // Revue britannique. – Bruxelles, 1856. – T. 2, Novembre. – P. 585–610.
- Collins W. Uncle George; or, the Family Mystery // The National Magazine. – London, 1857. – Vol. 10, November. – P. 449–457.
- Martin G. A skeleton in the closet // The Phrase Finder [электронный ресурс]. – Mode of access: phrases.org.uk/meanings/skeleton-in-the-closet.html (дата обращения: 10.10.2018).
- Reid-Walsh J. The late 18 th century Harlequinade: a migration from stage to book: A paper given at MIT4 The Work of Stories. – Cambridge (MA), 2005. – May 5–8. – 9 p [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://web.mit.edu/comm-forum/legacy/mit4/papers/reid%20walsh.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).
- Roscoe T. There Is A Skeleton in Every House // [Roscoe T.] Italian Tales of Humour, Gallantry, and Romance, Selected und Translated. – 2 d ed. – London: C. Baldwyn, 1824. – P. 171–175. – Mode of access: [gutenberg.org/files/44561/44561-h/44561-h.htm](http://www.gutenberg.org/files/44561/44561-h/44561-h.htm) (дата обращения: 1.10.2018).
- Stowell W.H. A Philosophical Treatise on the Hereditary Peculiarities of the Human Race: [Review] // The Eclectic Review. – London, 1816. – Vol. 6, November. – P. 456–472.

СМЕРТЬ И НАЛОГИ

«Неизбежны только смерть и налоги». Многие назовут автора этой сентенции: Бенджамина Франклина.

Франклин был первым послом США во Франции и с 1776 по 1785 г. жил в Париже. Задолго до этого он был известен французским ученым как исследователь электричества. Одним из таких ученых был Жан Батист Лерой, физик, член Королевской Академии наук, который и сам занимался изучением электричества.

Их переписка началась еще до назначения Франклина послом. Велась она, разумеется, по-французски. Встретившись в Париже, Франклин и Лерой стали друзьями, а после возвращения Франклина на родину продолжали переписываться.

Письмо, о котором пойдет речь, Франклин написал 13 ноября 1789 г., когда Франция была охвачена революцией. Франклин не слышал о своем друге более года и тревожился о его судьбе:

«Вы еще живы? Или парижская толпа перепутала голову монополиста знаний с головой монополиста зерна и таскает ее по улицам, водрузив на шест? [Намек на судьбу министра финансов Жозефа Фулона. – К.Д.] Многие новости, доходившие до нас из Парижа в течение почти всего последнего года, крайне удручающие. Я искренне желаю и молю Бога, чтобы это кончилось благополучно и счастливо как для короля, так и для нации. Я предчувствую, что голос философии едва ли слышен посреди подобных бесчинств».

И далее – самая любопытная для нас часть письма:

«Наша новая Конституция к настоящему времени принята, и все, по-видимому, говорит в пользу того, что она окажется долго-

вечной; впрочем, в этом мире нет ничего, в чем можно было бы быть уверенным, кроме смерти и налогов (*il n'y a rien d'assurer que la mort et les impôts*)» [цит. по: *Nothing is certain...*].

Эта фраза по-разному переводилась с французского на английский, а потом и на русский.

О смерти Франклин упомянул не случайно: он чувствовал, что конец его близок. Пять месяцев спустя, 17 апреля 1790 г., Франклин скончался в родной Филадельфии на 85-м году жизни. Жан Батист Лерой благополучно пережил революцию и умер в 1800 г. в возрасте 80 лет.

Хотя знаменитое изречение неразрывно связано с именем Франклина, он, собственно, не был его автором, а лишь придал ему классический вид. Формула «Смерть и Налоги» (неизменно с заглавных букв) появилась в Англии начала XVIII в.

В 1716 г. Кристофер Баллок, потомственный актер и по совместительству драматург, сочинил фарс «Сапожник из Престона». Здесь говорилось: «Невозможно быть уверенным в чем бы то ни было, кроме Смерти и Налогов» [Bullock; цит. по: Shapiro, p. 524].

В 1724 г. сатирик Эдвард Уорд издал сочинение в стихах под заглавием «Танцующие дьяволы, или Ревущий Дракон», с подзаголовком «Дурацкий фарс». Здесь мы читаем: «В переменах Судьбы постоянны лишь Смерть и Налоги» [Ward, p. 43].

Два года спустя вышел трактат Даниэля Дефо «Политическая история Дьявола», где упоминались «предметы, столь несомненные, как Смерть и Налоги...» [Defoe; цит. по: Popik].

А в «Журнале для джентльменов» за 1733 г. был помещен сатирический диалог двух землевладельцев. Накануне выборов они обсуждают, за кого голосовать – за кандидата с говорящим именем Смерть или за Диринга, сторонника новых налогов. «Голосуя за Диринга, – замечает один из собеседников, – вы, дражайший, должны будете платить всю свою жизнь; голосуя за мистера Смерть, вы испытаете некоторое облегчение» [Two Freeholders...].

В романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (1936) Скарлетт О’Хара восклицает: «Смерть, налоги и роды! Все это всегда происходит не вовремя!» [цит. по: Shapiro, p. 524].

Не менее известна в Америке другая версия: «В нашей жизни неизбежны только смерть и налоги – увы, не в этом порядке». В различных вариантах она цитируется с 1930-х годов.

Наконец, нередко встречается еще один вариант: «Неизбежны только смерть и налоги. Разница лишь в том, что смерть не становится хуже всякий раз, когда заседает конгресс». Эта фраза чаще всего ошибочно приписывается американскому сатирику Уиллу Роджерсу (1879–1935) или же колумнисту Роберту Куиллену (1887–1948), который включил ее в одну из своих колонок в 1931 г. [Popik]. Однако в журнале «Tax Facts» (Лос-Анджелес) она цитировалась уже в 1923 г. со ссылкой на комика Эда Уинна (Ed Wynn, 1886–1966).

Список источников

- Bullock C. The Cobbler of Preston; a farce. – London: R. Palmer, 1716. – 21 p.
- Ward E. The Dancing Devils: Or, The Roaring Dragon, A Dumb Farce. – London: A. Bettesworth, 1824. – 70 p.
- Shapiro F.R. The Yale Book of Quotations. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 2006. – 1068 p.
- Defoe D. The Political History of the Devil, as Well Ancient as Modern: In two parts. – London: T. Warner, 1726. – Part I. – 434 p.
- Popik B. The difference between death and taxes is that death doesn't get worse every time Congress meets // The Big Apple [электронный ресурс]. – 2009. – December 9. – Mode of access: – https://www.barrypopik.com/index.php/new_york_city/entry/the_difference_between_death_and_taxes_is_that_death_doesnt_get_worse_every (дата обращения: 11.10.2018).
- Two Freeholders, on the Candidates for Kent // Gentleman's Magazine and Historical Review. – London, 1733. – Vol. 3, March. – P. 152.
- Nothing is certain except death and taxes. – This Day in Quotes: The Famous Quotations and Phrases Linked to Each Day of the Year. – 2010. – November 13 [электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.thisdayinquotes.com/2010/11/nothing-is-certain-except-death-and.html> (дата обращения: 11.10.2018).

СХВАТКА БУЛЬДОГОВ ПОД КОВРОМ

В 1990 г. журнал «Нева» опубликовал «перестроечную» повесть Даниила Гранина «Наш дорогой Роман Авдеевич». Действие происходит незадолго до смерти Брежнева, в 1982 г. Некий «столичный историк» замечает: «Думаете, мы в столице осведомлены? Ни черта мы не знаем. Слухов полно, а сведений нет. Как сказал один поэт, все это похоже на драку бульдогов под ковром в темной комнате. Время от времени выкидывают оттуда нового пенсионера, вот и все наши сведения» [Гранин, с. 38].

В доперестроечной советской печати метафора «бульдог под ковром» встречалась уже в 1985 г., однако вне какого-либо политического контекста: «Главный предмет разговора ворочался между нами, как бульдог под ковром» [Глинка, № 6, с. 39].

Между тем в Самиздате и Тамиздате это выражение появилось не позднее 1976 г. Два известных мне ранних примера встречаются в текстах Александра Янова – историка, эмигрировавшего осенью 1974 г., хотя он, по-видимому, пользовался уже существовавшим к тому времени оборотом. В первом случае речь шла о результатах «опричной» политики Ивана Грозного:

«...Полная и окончательная победа бюрократии, <...> переносящая любую меру социальных сил из плоскости политической борьбы в плоскость глухой канцелярской интриги, в бесшумную и беспощадную драку бульдогов под ковром» [Янов. Комплекс., с. 271].

Во втором случае имелась в виду уже борьба внутри кремлевского руководства:

«...В недрах советского руководства существует влиятельная изоляционистско-имперская фракция (я называю ее “правой оппозицией”). 1968–1969 были годами публичного, насколько это возможно в подцензурной печати, объявления ею своих принципов. Годами жестокой политической борьбы “наверху” и идеиной борьбы в прессе. Борьбы, в который я принимал непосредственное участие. Весною и летом 1970 эта фракция правых, символизируемая именами члена Политбюро Полянского, маршала Чуйкова, писателей и идеологов И. Шевцова, В. Чалмаева, В. Лобанова, П. Палиевского, В. Кожинова, А. Иванова, А. Ланщикова, была даже, как все в Москве говорили, близка к победе. Почему она тогда не победила? Разумеется, деталей “драки бульдогов под ковром” не знает никто» [Янов. На полпути.., с. 193].

Почти тогда же появилась ссылка на Уинстона Черчилля, главного политического остроумца ХХ в.: «Что такое закрытое общество? Черчилль подарил нам прекрасный образ: драка бульдогов под ковром. Кто, кого, за что и почему, неведомо постороннему наблюдателю. Можно назвать подобную систему черным ящиком, можно “демократией высшего типа” – результат один: ноль информации из-под ковра» [Болховский, с. 73].

Однако Черчилль ничего подобного не говорил. Метафора «схватка бульдогов под ковром», как я полагаю, имела определенного автора из числа советских диссидентов или эмигрантов. Возможно, когда-нибудь его удастся установить.

Внутри страны «схватка бульдогов» становится обычным оборотом накануне распада СССР, причем авторство Черчилля считалось самоочевидным: «Поистине прав был Черчилль, когда говорил о сталинской политической системе, что это битва бульдогов под ковром...» [Бурлацкий, с. 284].

«Черчилль сказал: “Кремль – это драка бульдогов под ковром”. ГКЧП – бульдоги, вылезшие из-под ковра» [Борев, с. 334].

«Когда-то Черчилль сравнивал малопонятную для европейцев борьбу в кремлевских коридорах со “схваткой бульдогов под ковром”. В эпоху гласности ковер изрядно поистерся, и в прорехах глазу временами открываются различные фрагменты тел участников очередной разборки борцов за власть» [Джалагония].

Но обычно выражение употреблялось без ссылки на автора.

«“Бой бульдогов под ковром”, первоначально сдерживаемый железной хваткой В.И. Ленина, <...> на протяжении 20-х годов становился все ожесточеннее» [Дегтярев, с. 14].

В 1994 г. этот оборот попал в филологический справочник: «“То ли Совет Федерации <...> тот самый ковер, под которым слышно прерывистое дыхание дерущихся бульдогов <...>” (В. Портников)» [Баранов, Карапулов, с. 234–235].

Вскоре отсюда возник оборот «подковерная борьба» и родственные ему: «подковерные интриги», «подковерные игры», «подковерная возня» и т.д.

Идиома «схватка бульдогов под ковром» неизвестна на Западе, не считая переводов с русского. Зато с 1990-х годов она хорошо известна в Польше, причем употребляется обычно вне связи с Россией, как универсальная метафора, например: «Положение заставляет вспомнить метафору Стефана Киселевского: “Схватка бульдогов под ковром – ничего не видно, только время от времени вываливается загрызенный насмерть бульдог”» [Łozinski]. (Ссылка на С. Киселевского (1911–1991), видного некоммунистического публициста эпохи ПНР, ошибочна.)

Список источников

- Баранов А.Н., Карапулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнёры, 1994. – 330 с.
- Болховский М.* Парадоксы «синих книг» // СССР: внутренние противоречия. – Benson (Vermont): Chalidze Publications, 1987. – № 17. – С. 49–176.
- Борев Ю.Б.* Фарисея: послесталинская эпоха в преданиях и анекдотах. – М.: Независимый альманах «Конец века», 1992. – 348 с.
- Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них. – М.: Политиздат, 1990. – 381 с.
- Глинка М.С.* Конец лета: Повесть // Нева. – Л., 1985. – № 5. – С. 71–132; № 6. – С. 6–78.
- Гранин Д.А.* Наш дорогой Роман Авдеевич // Нева. – Л., 1990. – № 11. – С. 3–44.
- Дегтярев Г.П.* НЭП: идеологические тупики реформы // Вестник РАН. – М., 1992. – № 4. – С. 13–27.
- Джалагония В.* «Дорогой читатель!»: [Колонка политического обозревателя] // Эхо планеты. – М., 1996. – № 27, 1–5 июля. – С. 2
- Янов А.Л.* Комплекс Грозного (Иваниана) [Окончание] // Континент. – 1976. – № 10. – С. 265–308.

Янов А.Л. На полпути к Леонтьеву: (Парадокс Солженицына) // СССР: Демократические альтернативы: Сб. статей и документов. – Ахберг, 1976. – С. 188–202.

* * *

Łozinski K. Komendant Główny Policji Marek Bieńkowski podał się do dymisji // Kontraktsty: Niezależny Magazyn Publicystów. – 02.09.2007 [Сетевое издание]. – Mode of access; <http://www.kontraktsty.pl/index.php?action=show&type=quick&&page=48> (дата обращения: 11.10.2018).

ТЕОРИЯ СТАКАНА ВОДЫ

В 2001 г. в Сети появилась игра «Как стать революционером?» – германский ответ на американскую забаву «Как стать миллионером?». За два года в эту полит-игру сыграли 130 тысяч немцев, а вскоре вышла и книжка под тем же названием. Среди прочих вопросов был и такой:

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ «ТЕОРИЯ СТАКАНА ВОДЫ»?

- A. Анджела Девис
- B. Эмма Гольдман
- C. Александра Коллонтай
- D. Роза Люксембург

Правильным считался ответ «С», с пояснением: «Александра Коллонтай, политическая активистка в революционной России, призывала женщин потреблять секс как стакан воды – без раздумий, без обязательств и без всякой романтики».

Именно так обычно и пишут, даже в научных книжках: «известная теория “стакана воды” Александры Коллонтай». (Изредка упоминаются еще Клара Цеткин, Инесса Арманд и опять же Роза Люксембург.)

Обратимся к источникам – вернее, к одному-единственному источнику. Это мемуарная заметка Клары Цеткин «Из записной книжки», опубликованная в переводе с немецкого в 1925 г. [Цеткин]. Дело происходит осенью 1920 г.; Цеткин, только что вернувшаяся из Германии, беседует с Лениным в его кремлевском кабинете. Впрочем, это не беседа, а нескончаемый ленинский монолог, целый трактат, прочитанный перед одним-единственным

слушателем, двадцать три страницы прямой речи вождя. Как историк замечу, что достоверность такого рода записей задним числом крайне сомнительна. Кое-что в записях К. Цеткин согласуется с достоверными высказываниями Ленина, а кое-что прямо им противоречит.

Большая часть ленинского монолога посвящена «половому вопросу», на который, как и на все остальное, Ильич взирает с высот мировой революции. С этой точки зрения «половой вопрос» только помеха: «Сейчас все мысли работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию», нельзя допускать «никакого расточения и уничтожения сил» [О Ленине, с. 57, 62].

А что на деле? «Мне так называемая “новая половая жизнь” молодежи – а часто и взрослых – довольно часто кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. <...> Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой “теории стакана воды” наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась». И дальше: «Я считаю знаменитую “теорию стакана воды” совершенно не марксистской и сверх того противоположной. <...> Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захвачен десятками губ?» [О Ленине, с. 59–60].

Вся «теория стакана воды» известна только по мемуарам Цеткин; никаких ее следов никто до сих пор не нашел. В немецких текстах можно встретить выражение «Glaswassertheorie», во французских – «la théorie du verre d'eau», но все это цитаты из Клары Цеткин. Тем не менее существование «теории» представляется самоочевидным – ведь сам Ленин назвал ее «пресловутой» и «запоминайтой».

Александра Коллонтай о «стакане» не говорила, напротив: в своих теоретических работах она защищала «крылатый Эрос» (духовную близость) против «бескрылого Эроса» (чисто физического влечения). В статье «Дорогу крылатому Эросу!: Письмо к трудящейся молодежи» («Молодая гвардия», 1923, № 3) она призывала любить «не в узкополовом, а в широком значении этого слова» [Коллонтай, 2003, с. 285].

И лишь в ее рассказе «Любовь трех поколений» из сборника «Любовь пчел трудовых» (1923) младшая из трех героинь замечает: «Они мне нравились, и я чувствовала, что нравлюсь им... Все это так просто». «Вас удивляет больше всего, что я схожусь с мужчинами, когда они мне просто нравятся, не дожидаясь, когда я в них влюблюсь? Видите ли, чтобы “влюбиться”, на это надо досуг, я много читала романов и знаю, сколько берет времени и сил быть влюбленной. А мне некогда. У нас в районе сейчас такая ответственная полоса» [Коллонтай, 2008, с. 342, 346].

Сама Александра так не думала.

Благодаря Кларе Цеткин фантомная «теория стакана воды» обрела плоть и стала предметом серьезных дискуссий. Луначарский в публичной лекции «О быте» (1926) говорил: «Любовь, это – вещь простая, вещь физиологическая, продиктованная природой, и нам также легко удовлетворить свои любовные вожделения, как выпить стакан воды. Вот что значит теория “стакана воды”, теория глубоко эксплоататорская, теория мужской подлости» [Луначарский, с. 8].

Так было не только в Советской России. Нобелевский лауреат Элиас Канетти в своей автобиографической книге «История жизни. 1921–1931» (1980) среди прочего рассказывает о круге берлинских левых художников и писателей-авангардистов конца 1920-х годов. В их разговорах участвовал некий богатый молодой человек, имени которого Канетти уже не помнил. Больше всего он любил говорить о «теории стакана воды». «В то время эта теория была общим местом, в Берлине не было ничего банальнее, но когда он говорил о ней, он брал настоящий стакан, подносил ко рту, словно опустошая его, и презрительноставил на стол: “Любовь? – Просто стакан воды – выпит, и кончено!”» [Canetti; цит. по: Vollmer, S. 48].

Откуда же взялся «стакан воды»? Может быть, Ленин слышал от кого-то из своего окружения, что в новом обществе удовлетворить половую потребность будет «просто, как выпить стакан воды»? Заметим, что русский фразеологизм «[просто], как выпить стакан воды» существует с XVIII в. Так, в повести Владимира Одоевского «Княжна Зизи» (1839) читаем: «Она холодна как лед; ей выйти замуж – как выпить стакан воды» [Одоевский, с. 267].

Сам Ленин (пером Клары Цеткин) разъяснял, что «теория стакана воды» «не нова и не коммунистична»: она «проповедовавшась в изящной литературе, примерно в середине прошлого века, как “эмансипация сердца”. В буржуазной практике она обратилась в эмансиацию тела» [О Ленине, с. 60].

Ленин – а скорее Цеткин – допускает существенную неточность. Об «эмансипации плоти» (это более верный перевод) заговорили отнюдь не пресыщенные буржуи. Ученик Сен-Симона Анфантен в 1831 г. провозгласил «реабилитацию плоти» (*франц.* «la réhabilitation de la chair»). А Генрих Гейне, столь ценимый основоположниками марксизма, перевел это на немецкий как «Emanzipation des Fleisches» – «эмансипация плоти» (в работе «К истории новейшей художественной литературы в Германии», 1833) [Laden-dorf, S. 266; Heine, S. 131].

В биографии Фредерика Шопена, написанной Ференцем Листом по-французски, приводились слова Авроры Дюдеван (Жорж Санд), подруги Шопена и главной женщины-эмансипантки той эпохи: «Любовь, как стакан воды, дается тому, кто его просит». Эти слова я цитирую по переводу С.А. Семеновского 1956 г., сделанному с французского издания 1924 г. [Лист, с. 352]. В прижизненных публикациях книги на французском, а также в первых переводах на русский фразы о «стакане воды» не было.

Список источников

- Коллонтай А.М. Большая любовь: повести, рассказы. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 380 с.
- Коллонтай А.М. Марксистский феминизм: Коллекция текстов А.М. Коллонтай. – Тверь: Феминист пресс, 2003. – 298 с.
- Лист Ф.Ф. Шопен. – М.: Музгиз, 1956. – 384 с.
- Луначарский А.В. О быте: [Переработанная стенограмма доклада, прочитанного в Ленинграде 18 декабря 1926 г.]. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 27 с.
- О Ленине: Воспоминания зарубежных современников. – М.: Политиздат, 1966. – 535 с.
- Одоевский В.Ф. Сочинения: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 2. – 365 с.
- Цеткин К. О Ленине: Воспоминания и встречи / Пер. с рукописи Шуль под ред. С. Шевердина. – [М.]: Моск. рабочий, 1925. – 72 с.

Часть II.
История формул языка и культуры

* * *

Canetti E. Die Fackel im Ohr: Lebensgeschichte 1921–1931. – München: K. Hanser, 1980. – 407 S.

Heine H. Zur Geschichte der neueren schönen Literatur in Deutschland. – Paris: Heideloff; Leipzig: Kampe, 1833. – 186 S.

Ladendorf O. Historisches Schlagwörterbuch: Ein Versuch. – Strassburg: K.J. Trübner, 1906. – 365 S.

Vollmer H. Liebes (ver)lust: Existenzsuche und Beziehungen von Männern und Frauen in deutschsprachigen Romanen der zwanziger Jahre: Erzählte Krisen, Krisen des Erzählens. – Oldenburg: Igel, 1998. – 611 S.

ХОЛОДНАЯ ГОЛОВА, ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ И ЧИСТЫЕ РУКИ

Каждый знает слова Феликса Дзержинского: «У чекиста должна быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки».

Менее известно то, что Дзержинский этого не говорил. По-видимому, впервые это изречение появилось в книге Н.И. Зубова «Феликс Эдмундович Дзержинский» (1941, гл. 6): «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» [Зубов, с. 55]. В первом очерке Зубова о создателе ВЧК («Феликс Дзержинский. Краткое описание жизни и деятельности», 1933) этих слов еще не было.

Николай Иванович Зубов служил в ОГПУ, затем в партийных органах, а его литературное творчество сводится к биографиям основателя ВЧК. Последняя из них вышла в 1963 г. («Ф.Э. Дзержинский. Биография»).

Ближайшим предшественником знаменитого изречения был, вероятно, фрагмент биографии Ленина, написанной видным партийным пропагандистом Емельяном Ярославским. Уже при жизни вождя (1920) эта биография была опубликована по-французски в Париже. По-русски, в сильно расширенном виде, книга вышла в 1924 г. В обоих изданиях Ярославский писал:

«Ленин никогда не терял головы. Это о нем можно сказать больше, чем о ком бы то ни было словами Отюста Бланки, великого французского революционера: “Пусть голова ваша будет холодна, как лед, а сердце горячее, как пламя”. Холодная голова, никогда не впадающая в панику, и горячее сердце – это Ленин» [Ярославский, р. 63; Ярославский, с. 205–206].

Бланки не говорил этих слов. Зато нечто весьма похожее писал о нем бланкист Мерме (наст. имя: Габриэль Террай): «...Пламенное воображение и расчетливый ум; горячее сердце и холодная голова. <...> Он действовал быстро и решительно. Он был человек нервный, созданный для действия, мастер внезапного удара. Карл Маркс не был таким смельчаком; исследователь, философ, системотворец, он оставил Бланки далеко позади себя. <...> Карл Маркс сказал, что насилие – повивальная бабка истории. Вероятно, сам он не смог бы принять революционные роды, если бы предоставился случай, а Бланки смог бы» («Социалистическая Франция» (1886), гл. 17: «Бланки») [Merméix, p. 197].

Понятно, что последнее замечание в несравненно большей степени могло быть отнесено к Ленину.

В Англии и Франции оборот «холодная голова и горячее сердце» существовал уже в начале XVIII в. Таковы были качества образцового джентльмена и офицера.

«У него холодная голова и горячее сердце» (*la tête froide et le coeur chaud*) – говорит о герцоге Мальборо (1650–1722) Обри де ла Мотрэ в замечаниях (1732) на книгу Вольтера «История Карла XII» [La Mottraye, p. 24]. Сам Вольтер писал: «Вы знаете, что военачальнику нужна холодная голова и горячее сердце» (письмо к графу Моранжье от 3 октября 1772 г.) [Littré, p. 1853 (статья «Général»)].

В годы Великой французской революции те же требования предъявлялись к революционеру. Так, депутат Конвента Филибер Симоне, гильотинированный 13 апреля 1794 г., в одной из газет был назван «человеком с холодной головой и горячим сердцем» [Extrait., p. 2].

Британский писатель-моралист Джон Леббок предъявлял эти требования к человеку вообще: «Какие качества необходимы для совершенствования человека? Холодная голова, горячее сердце, здравое суждение и здоровое тело» («Как надо жить», 1894). Книга Леббока имела у нас немалый успех: до 1905 г. вышло несколько ее изданий в разных переводах.

К устойчивой формуле «холодная голова и горячее сердце» Н.И. Зубов добавил «чистые руки». Тут он имел предшественника в лице Платона. Его устами афинский стратег Аристид – воплощение справедливости и бескорыстия – замечает: «...поистине по-

добает полководцу иметь чистые руки» («Аристид», 24; пер. С. Маркиша) [Плутарх, с. 380].

Список источников

Зубов Н.И. Феликс Эдмундович Дзержинский: Краткая биография. – М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1941. – 96 с.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 706 с.

Ярославский Е. Жизнь и работа В.И. Ленина. 23 апреля 1870–21 января 1924. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 386 с.

* * *

Ярославский Е. Lénine, sa vie, son oeuvre. – Paris: Librairie de l'Humanité, [1920]. – 66 p.

Litré E. Dictionnaire de la langue française. – Paris: Hachette, 1863. – Т. 1, pt. 2. – 2080 p.

La Motraye A. de. Remarques historiques & critiques sur l'histoire de Charles XII, Roi de Suede, par M. de Voltaire, pour servir de Supplement à cet ouvrage. – Londres: P. Dunoyer, 1732. – 63 p.

Lubbock J. The Use of Life. – New York; London: Macmillan & Company, 1895. – 316 p.

Mermeix. La France socialiste: notes d'histoire contemporaine. – Paris: F. Fettscherin et Chuit, 1886. – 348 p.

Extrait des Nouvelles de Paris jusqu'au 7 Avril // Nouvelles extraordinaires de divers endroits: 1794. 18 апреля, 1794. – Leyde, 1794. – P. 1–3.

ЧЕЛОВЕК РОЖДЕН ДЛЯ СЧАСТЬЯ, КАК ПТИЦА ДЛЯ ПОЛЕТА

Людмила Улицкая в предисловии к повести Ирины Ясиной «История болезни» замечает: «Есть одна расхожая и сомнительная истина, которую в двадцатом веке сформулировал великий пролетарский писатель Максим Горький – “Человек рожден для счастья, как птица для полета”» [Улицкая].

Мнение об авторстве Горького было распространено и в советское время – вероятно, потому, что в темах школьных сочинений соседствовали: «Человек рожден для счастья, как птица для полета» и «Человек – это звучит гордо».

А в романе Бунина «Жизнь Арсеньева» (1930) рассказчик вспоминает, как он любил повторять при своей любимой «польскую пословицу»: «Человек создан для счастья, как птица для полета» [Бунин, с. 284].

Разумеется, Бунин знал автора «пословицы». Да и в советских школах его имя обычно указывалось: В.Г. Короленко. Однако где именно и, главное, в каком контексте появилась эта сентенция, было неведомо даже большинству учителей, не говоря уж о школьниках.

Сентенция взята из рассказа «Парадокс» (1894). Место действия рассказа – уездный город на Украине, среди жителей которого немало поляков. Детство самого Короленко прошло в Житомире Волынской губернии; его отец был русским, а мать польской, и в детстве польский язык был для него родным.

Главный персонаж «Парадокса» – «феномен, или, другими словами, чудо натуры, шляхтич из Заславского повета, Ян Криш-

тоф Залуский». «Феномен» безрук от рождения и зарабатывает на жизнь, демонстрируя свои поразительные способности перед случайной публикой. К своей разноязычной аудитории он обращается по-русски: «— А теперь, — сказал он, насмешливо поворачивая голову, — кому угодно получить афоризм!?. Поучительный афоризм <...>» [Короленко, с. 367].

После чего что-то пишет ногой на листке бумаги. Написанное читает вслух отец мальчика, от лица которого ведется рассказ: «Человек рожден для счастья, как птица для полета». Отец рассказчика со смехом замечает:

«— ...Только, кажется, это скорее парадокс, чем поучительный афоризм, который вы нам обещали.

— Счастливая мысль, — насмешливо подхватил феномен. — Это афоризм, но и парадокс вместе. Афоризм сам по себе, парадокс в устах феномена... Ха-ха! Это правда... Феномен тоже человек, и он менее всего создан для полета...

Он остановился, в глазах его мелькнуло что-то странное, — они как будто затуманились...

— И для счастья тоже... — прибавил он тише, как будто про себя» [Короленко, с. 368].

«Парадокс» — едва ли не самое сумрачное произведение Короленко. За год до публикации рассказа умерла в младенчестве его дочь Леля. В сентябре 1894 г. Короленко прокомментировал «поучительный афоризм» в письме к сестре своей жены, П.С. Ивановской:

«...Смерть моей Лели так меня пришибла, что я никогда, в самые тяжелые минуты моей жизни, не чувствовал себя до такой степени изломанным, разбитым и ничтожным. <...> И потому эта, сама по себе простая и не пессимистическая мысль оказалась как-то непроизвольно с такими пессимистическими придатками, что в общем выводе рождает недоумение и вопрос» [Короленко, с. 473].

Разумеется, в качестве темы для школьных сочинений сентенция «феномена» никаких недоумений и вопросов не вызывала. Трагическая по замыслу фраза стала лозунгом дежурного советского оптимизма.

Но почему Бунин (который знал польский язык и переводил Мицкевича) назвал эту сентенцию польской пословицей? Только ли потому, что у Короленко ее автором оказывается поляк?

Вероятно, отчасти поэтому, но еще и потому, что понастоящему оценить «поучительный афоризм» могла лишь польская аудитория «феномена», знакомая с изречением «Człowiek urodzony jest do pracy, jak ptak do latania» – «Человек рожден для труда, как птица для полета». Оно восходит к польскому переводу Библии, напечатанному в XVI в.: «Człowiek się rodzi na pracę, a ptak na latanie» – «Человек рожден для труда, а птица для полета» (Книга Иова, 5:7).

В латинском тексте Библии сказано: «...Homo ad laborem nascitur et avis ad volatum», что можно перевести двояко: «Человек рождается для страдания, а птица для полета», или же: «Человек рождается для (тяжкого) труда, а птица для полета». Однако в Книге Иова речь идет как раз о страдании; не случайно этому стиху предшествует стих: «Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда».

В синодальном переводе нет ни «птицы», ни «полета». Там сказано: «...Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх». Гораздо ближе к латинскому тексту церковнославянский перевод: «... Человек рождается на труд, птенцы же суповы [т.е. коршуна] высоко парят». «Искры» и «птицы» – различные толкования неоднозначного древнееврейского оригинала.

Правда, в рукописной книге начала XVII в. «Тропник», включенной в один конволют с Домостроем, сказано: «Яко же птица на летание рождается тако же и человек на работу», причем работа рассматривается как наказание за первородный грех [Найденова, с. 127]. Однако «Тропник» был переведен в 1609 г. с польского и носит подзаголовок: «Малый путь к спасению папы Иннокентия».

Заметим еще, что Петрарка, один из зачинателей Возрождения, по-своему перетолковывает это место Писания: «Для человека нет ничего естественнее труда, человек рожден для него, как птица для полета и рыба для плавания <...>» («Письма о делах повседневных» (1359), XXI, 9) [цит. по: Пуришев, с. 21]. Иначе говоря, труд не наказание, а назначение человека.

Иов – едва ли не самый трагический персонаж Ветхого Завета; он наказан Богом жестоко и по видимости беспричинно. То же самое можно сказать о «феномене» из рассказа Короленко. В его

сентенции, «переворачивающей» стих из Книги Иова, проглядывающей трагическая ирония.

Различные смыслы этой сентенции удивительным образом обозначены в рассказе Виктории Токаревой «Самый счастливый день» (1980), хотя едва ли Токарева думала о связи сентенции с Книгой Иова:

«А иногда мне становится все неинтересно, и я спрашиваю у мамы:

– А зачем люди живут?

Она говорит:

– Для страданий. Страдания — это норма.

А папа говорит:

– Это норма для дураков. Человек создан для счастья.

Мама говорит:

– Ты забыл добавить — как птица для полета. И еще можешь сказать — жалость унижает человека» [Токарева, с. 179].

Напомню, что «Жалость унижает человека» — еще одна тема советских школьных сочинений, взятая из Горького (драма «На дне»).

Список источников

Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Худож. лит., 1966. – Т. 6. – 340 с.

Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1954. – Т. 2. – 477 с.

Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв: по Домострою и памятникам права. – М.: Изд.-во Сретенского монастыря, 2003. – 207 с.

Пуришев Б.И. Литература эпохи Возрождения: Идея «универсального человека»: Курс лекций. – М.: Высш. школа, 1996. – 366 с.

Токарева В.С. Самый счастливый день // Новый мир. – М., 1980. – № 2. – С. 177–182.

Улицкая Л.Е. Счастливая Ира // Ясина И.Е. История болезни: В попытках быть счастливой. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – С. 4.

ЧЕРНАЯ КОШКА В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ

О черной кошке в темной комнате практически все население СССР узнало в 1979 г. от интеллигента Груздева, без вины арестованного в сериале «Место встречи изменить нельзя»: «Был такой китайский мудрец Конфуций, так вот он говорил: “Очень трудно искать в темной комнате черную кошку. Особенно если там ее нет”».

Сразу отметим, что в романе братьев Вайнеров (журн. вариант 1975) это изречение звучало иначе: «Очень трудно *поймать* в темной комнате кошку...» – просто кошку, не черную, хотя Шарапов с Жегловым охотились за бандой «Черная кошка» [Вайнеры, с. 29; курсив мой. – К.Д.].

В июне 1973 г., за два года до журнальной публикации «Места встречи...», «Огонек» напечатал отрывок из романа Сергея Сартакова «А ты гори, звезда...». В этом отрывке Ленин напоминает товарищу по партии «афоризм Конфуция»: «Самое трудное – поймать кошку в темной комнате, особенно тогда, когда ее там нет» [Сартаков, с. 10].

Эту мудрость Ильич – т.е., собственно, Сартаков, – почерпнул отнюдь не из трактата Конфуция «Лунь юй», а из мартаовского номера «Иностранной литературы» за 1973 г. Здесь был напечатан роман французско-марокканского писателя Дрисса Шрайби «Осел» (1956). Роман открывался эпиграфом: «Самое трудное – это поймать кошку в темной комнате, особенно тогда, когда ее там нет», с подписью: «Конфуций» [Шрайби, с. 134].

Именно так и приведено это изречение у Сартакова и братьев Вайнеров – со словами *трудно, поймать* (вместо *найти* или

искать) и упоминанием о Конфуции, но без упоминания о цвете кошки.

Во французском оригиналe кошка как раз черная: «un chat noir dans une pièce sombre» [Chraïbi, p. 9]. Это одно из самых ранних известных мне упоминаний о «черной кошке» на французском языке. В том же 1956 г., что и роман «Осел», в Париже вышел роман Жоржа Анри Жиро «На рубежах ада». В одном из эпиграфов к роману цитировалось изречение: «Самое трудное, говорит Конфуций, это поймать черную кошку в темной комнате. Особенно если ее там нет». Изречение было взято из журнала «Пари-матч» от 12 мая 1956 г. [Guiraud, p. 14].

«Это “высказывание” Учителя, – с сожалением замечает российский специалист по Конфуцию, – вошло в массовую политическую культуру России» [Переломов, с. 123].

Между тем в нашей печати оно встречалось – в другой версии – задолго до 1970-х годов. В журнале «Большевик» за 1947 г. критиковался, среди прочих «буржуазных философов», британец С.Э.М. Джоуд (С.Е.М. Joad). «Представления этого философа о философии столь же оригинальны, сколь и невежественны, – указывал советский философ М.А. Дынник. – Так, он заявляет, что <...> философ нередко подобен “слепому человеку, ищущему в темной комнате черную кошку, которой там нет”» [Дынник, с. 44].

Об оригинальности мысли профессора Джоуда говорить не приходится: в англоязычной печати эта фраза известна с начала XX в. Она приписывалась самым разным авторам – Р.У. Эмерсону, лорду Бальфуру, Г.Л. Менкену, Ч. Дарвину. В 2015 г. ее происхождение было подробно прослежено Гарсоном О’Тулом (сетевой псевдоним американского исследователя цитат).

Образ «черной кошки в темной комнате» появился в 1840-е годы в форме анекдотического определения; о философии и прочих отвлеченных материалах тут не могло быть и речи. Вот несколько примеров.

«ТЕМНЫЙ СУБЪЕКТ – слепой негр, который с погашенной свечой ищет черную кошку в темном погребе» [A Dark Subject; это высказывание, как и большая часть нижеследующих, цит. по: O’Toole].

«Определение темноты: <...> слепой эфиоп в темном погребе в полночь в поисках черной кошки» (из лондонского сатирического

еженедельника «Penny Punch» за 1849 г.; перепечатано рядом английских газет).

«ТЕМНОТА. Слепой негритос (A blind darky) с погашенной свечой в темном погребе в поисках черной кошки, которой там никогда не было» [Darkness].

В конце XIX в. эта метафора из области низовой юмористики перекочевала в сферу права и философии, причем *кошку* (cat) нередко заменяла *шляпа* (hat). В апреле 1894 г. вскоре после смерти известного английского судьи Чарльза Боуэна, в печати появилась будто бы рассказанная им история:

«Я часто слышу, как знаменитый адвокат говорит о справедливости в судебном деле. Это всегда напоминает мне историю о Конфуции: однажды он созвал своих учеников и спросил их, какова величайшая из невозможностей, какие только можно помыслить? Никто не мог ответить. Тогда он сказал: это когда слепец ищет в темной комнате черную шляпу, которой там нет» [Silk and Stuff].

Не позднее 1906 г. эту метафору стали относить не к правоведу, а к *метафизику*. С упоминанием *философа* она приведена в посмертно изданной книге американского философа и психолога Уильяма Джеймса (1842–1910) «Некоторые проблемы философии»: «Философа с его неотчетливыми и сомнительными размышлениями о сокровенной природе и причинах вещей уподобляют “слепцу в темной комнате в поисках черной кошки, которой там нет”» [James, p. 9].

Дальнейшее развитие этот сюжет получил у историка христианской мысли Льюиса Брауна: «Кто-то сказал, что философ, ищаший абсолютную истину, подобен слепцу, который темной ночью ищет в подземной пещере черную кошку, которой там нет. Однако эти гностики [т.е. религиозные мыслители вообще] были скорее теологами, чем философами, – так что они эту кошку нашли!» («После Голгофы», 1931) [Browne, p. 81–82].

Два года спустя появилась другая версия этой мысли: «Льюис Браун остроумно сравнил поиски абсолютной истины с попыткой слепца отыскать в подземной пещере черную кошку, которой там никогда не было. Трагедия религии заключалась в том, что теологи всегда могли сотворить эту черную кошку» [Shepherd, p. 1212].

В 1933 г. той же метафорой воспользовался математик Эрик Темпл Белл:

«Професор философии и чрезвычайно ученый теолог часами спорили о философии науки. Оказавшись припертым к стене, теолог повторил старинное сравнение философа со слепцом, который в темном погребе ищет черную кошку, которой там нет. “Да, — ответил профессор, — но, будь он еще и теологом, он бы эту кошку нашел”» [Bell, p. 130].

Этот диалог получил известность в версии британского биолога-эволюциониста Джгулиана Хаксли — с *комнатой* вместо *погреба*: «Теолог воспользовался старым изречением о философе, подобном слепцу, ищущему в темной комнате черную кошку, которой там никогда не было. “Возможно, — ответил философ, — но теолог ее бы нашел”» (приведено в антологии К. Фейдимана «Я верю») [Fadiman, p. 128].

Вместо *философа* в этой истории иногда фигурирует *математик*.

Список источников

- Вайнера, братья* [Вайнер А.А., Вайнер А.В.]. Место встречи изменить нельзя: Роман [Продолжение] // Смена. – М., 1975. – № 20, октябрь. – С. 28–31.
- Дынник М.А.* Современная буржуазная философия в США // Большевик. – 1947. – № 5. – С. 37–50.
- Переломов Л.С.* Учение Конфуция и культура России (XIX–XXI вв.) // Востоковедение и мировая культура. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – С. 118–135.
- Сартаков С.В.* Зимний дождь: [Отрывок из романа «А ты гори, звезда...»] // Огонек. – М., 1973. – № 23, 2 июня. – С. 10–13.
- Шрайби Д.* Осел // Иностранная литература. – М., 1973. – № 3. – С. 132–166.
- * * *
- Bell E.T.* The Search for Truth. – Baltimore: The Williams & Wilkins Company, 1934. – 279 р. – 1-е изд.: 1933.
- Browne L.* Since Calvary: An Interpretation of Christian History. – New York: The Macmillan Company, 1931. – 443 р.
- Chraïbi D.* L’Âne: roman. – Paris: Denoël, 1956. – 117 р.
- Darkness* // Rural Repository: A Semi-Monthly Journal. – New York, 1850. – Vol. 26, February 16. – P. 79, Col. 3.
- Fadiman C.* I Believe: The Personal Philosophies of Certain Eminent Men and Women of Our Time. – New York: Simon and Schuster, 1939. – XIV, 429 р.

Часть II.
История формул языка и культуры

- Guiraud G.H.* Aux frontières de l'enfer: roman. – Paris: La nef de Paris, 1956. – 333 p.
- James W.* Some Problems of Philosophy: A Beginning of an Introduction to Philosophy. – New York: Longmans, Green, and Company, 1911. – 236 p.
- O'Toole G.* [псевд.]. The Philosopher, the Theologian, and the Elusive Black Cat // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations [Авторский сайт]. – Mode of access: <https://quoteinvestigator.com/2015/02/19/philo-cat> (дата обращения: 12.10.2018).
- Shepherd A.W.* Constantine and the Church: [A letter to the editor] // Christian Century Press. – Chicago, 1933. – September 27. – P. 1211–1212.
- Silk and Stuf // The Pall Mall Gazette. – London, 1894. – April 12. – P. 1, Col. 2.

ШТУРМОВАТЬ НЕБО

В «Крылатых словах» Ашукиных (1955, статья «Штурмовать небо») читаем: «Выражение это в значении: вести героическую революционную борьбу, смело разрушая освященные веками установления, впервые употребил К. Маркс» [Ашукин, Ашукина, с. 682]. И далее приводится цитата из письма Маркса о Парижской коммуне:

«...Теперешнее парижское восстание, – если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, – является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского Июньского восстания. Пусть сравнят с этими готовыми штурмовать небо парижанами холопов германско-прусской Священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства» (письмо члену I Интернационала Людвигу Кугельману от 12 апреля 1871 г.) [Маркс, Энгельс, с. 172].

Прежде всего заметим, что перевод в «Собрании сочинений» Маркса и Энгельса неточен. Метафора Маркса сложнее. Он противопоставляет «Himmelsstürmern von Paris» – «штурмующих небо парижан» (а не «готовых штурмовать») «небесным холопам (Himmelsklaven) немецко-прусской священной римской¹ империи» [Marx, Engels, S. 206].

К тому времени выражения «штурмующие небо» и «штурмовать небо» (den Himmel stürmen) были известны в Германии не менее трех веков. Первоначально имелись в виду гиганты, пытавшиеся, согласно греческой мифологии, овладеть Олимпом – обиталищем бо-

¹ В оригинале «священной римской» – со строчных букв.

гов. Согласно Гомеру, юные гиганты От и Эфиальт, сыновья Посейдона, хотели взгромоздить гору Оссу на гору Пелион, «чтоб неба достигнуть» («Одиссея», XI, 315–316; пер. В. Вересаева) [Гомер, 1953]. В менее точном переводе В. Жуковского, сделанном с немецкого языка: «...чтоб приступом небо взять» [Гомер, 2000, с. 128].

Самое раннее известное мне употребление выражения «штурмующие небо» датируется 1571 годом. Оно появилось в анонимном немецком переводе комментария Жана Кальвина к «Деяниям апостолов». Враги протестантизма именуются здесь «безумцами, штурмующими небо» («*unsinnige die Himmelsstürmer*») [Der Apostel., S. 148].

В соответствующем месте французского оригинала (1555) употреблено выражение «неистовствующие гиганты» (*géants furieux*)» [Calvin, p. 605]. О гигантах, воюющих против Бога и его Церкви, в книге Кальвина упоминается неоднократно, например: «преследователи Евангелия, которые атакуют небо, подобно гигантам (*assaillett le ciel comme les géants*)»; «подобно гигантам, они стремятся свергнуть Бога с его трона» [Calvin, p. 432, 848]. Античная гигантомахия – борьба гигантов против олимпийских богов – здесь истолкована в христианском духе, как борьба против Бога. Протестанты называли себя евангелической Церковью, так что «неистовствующие гиганты», «преследователи Евангелия» – это противники Реформации.

Однако уже в XVI в. встречается пример употребления оборота «штурмующие небо» в положительном смысле. Лютеранский богослов Кристоф Фишер в одной из своих проповедей говорил: «Молитва – это таран штурмующих небо (*der Mauerbrecher der Himmelsstürmer*), или, говоря словами Августина, ключ к Царству Небесному» [Vischer].

В 1715 г. австрийский католический проповедник Григорий Себастьян Фриц опубликовал брошюру «Прославленный воин, берущий Царство Небесное силой [букв. «штурмующий небо»], или Великий святой рыцарь Георгий». Ее содержание – восхваление воинской доблести, а в качестве эпиграфа выбран стих из Евангелия от Матфея, 11:12: «Царство Небесное силой берется, и прилагающие силы похищают его» [Fritz, S. 1].

Как видим, в последних двух примерах выражение «штурмующие небо» «накладывается» на евангельскую цитату и использует-

зуется в прямо противоположном значении, чем то, которое оно имело изначально. Во Франции XVII в. также писали о христианских мучениках, претерпевших всевозможные пытки, «дабы взять небо приступом и силой» [Guilliet, p. 253].

В 1675 г. вышла в свет поэма в стихах и prose Михаэля Конгеля «Борцы против неба [букв. «штурмующие небо»], свергнутые с небес» [Kongehl]. Здесь борьба гигантов против богов служит аллегорией Тридцатилетней войны.

В 1763 г. Иоганн Готлиб Вилламов опубликовал в Берлине сборник «Дифирамбы» – подражание одам Пиндара. Один из дифирамбов назывался «Штурмующие небо». Имелись в виду богооборцы греческой мифологии, прежде всего Тифон, низвергнутый Зевсом в Тартар [Willamov].

В XVIII в. оборот «штурмовать небо» применялся также к строителям Вавилонской башни, которые, согласно Ветхому Завету, решили воздвигнуть «башню, высотою до небес», чтобы «сделать себе имя» (Бытие, 11:4): «Сеннахириб <...> в своей гордыне хотел штурмовать небо» [Matthiae, S. 25 (1-я паг.)]; «Вавилоняне хотели штурмовать небо» [Taller, S. 510]. (В первом из этих примеров Сеннахириб – царь Ассирии, разрушивший Вавилон в 689 г. до н.э., – упомянут ошибочно.)

В XVIII в. оборот «штурмовать небо» («to storm the sky») появляется в английской литературе, но только в контексте древнегреческой мифологии.

Генрих Гейне, отталкиваясь от выражения «штурмовать небо», создает грандиозную метафору:

«Иммануил Кант <...> штурмовал небо, он перебил весь гарнizon, сам верховный владыка небес, не будучи доказан, плавает в своей крови; нет больше ни всеобъемлющего милосердия, ни отеческой любви, ни потустороннего воздаяния за посюстороннюю помощь, бессмертие души лежит при последнем издыхании – тут стоны, там хрипение – и старый Лампе [слуга Канта. – К.Д.] в качестве удрученного зрителя стоит рядом, с зонтом под мышкой, и холодный пот и слезы струятся по его лицу. Тогда Иммануил Кант разжалобился и показал, что он не только великий философ, но и добрый человек; и он задумывается и полудобродушно-полуиронически говорит: “Старому Лампе нужен Бог, иначе бедняк не будет счастлив, – а человек должен быть счастлив на земле – так

говорит практический разум, – так уж и быть – ну, пусть практический разум дает поруку в бытии Божьем”» («К истории религии и философии в Германии», кн. 3 (1834); пер. А. Горнфельда) [Гейне, с. 284].

В публицистике эпохи революции 1848 г. и более поздней «штурмующими небо» стали называть радикальных демократов и революционеров. В 1849 г. писатель-демократ Людвиг Каллиш писал о Генрихе Лаубе, одном из зачинателей движения «Молодая Германия»: «В то время Лаубе принадлежал к штурмующим небо и эмансиаторам плоти» [Kalisch, S. 331].

В том же году Рудольф фон Готшаль опубликовал сатирическое стихотворение «Свобода преподавания», написанное в форме монолога ярого ретрограда. Здесь «штурмующие небо» (Himmelsstürmern) упомянуты в одном ряду с «демагогами, якобинцами» и «молодыми гегельянцами» [Gottschall, S. 31].

К нам оборот «штурмовать небо» попал из немецкого языка. Во французском иначе: «prendre le ciel d'assaut» – «брать небо приступом», причем это выражение не было широко распространено.

Во время Крымской войны, 5 декабря 1854 г., командующий русскими войсками князь Михаил Горчаков писал адмиралу А.С. Меньшикову: «Но что такое наши генералы: призовите одного из них и решительно прикажите ему штурмовать небо; он ответит “слушаю”, передаст этот приказ своим подчиненным, сам уляжется в постель, а войска не овладеют и кротовой норкой» [Свечин, с. 29].

После поражения Первой русской революции Ленин писал: «О, как насмехались бы тогда [в 1871 г.] над Марксом наши нынешние “реальные” мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906–1907 гг. революционную романтику! Как издевались бы люди над *материалистом*, *экономистом*, врагом утопий, который преклоняется перед “попыткой” штурмовать *небо!* <...> Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен “штурмовать небо”» [Ленин, с. 377, 379].

Благодаря Ленину в Советской России этот оборот получил значение лозунга. В съезд комсомола (11–17 октября 1922 г.) направил «Привет Ильичу», заканчивавшийся словами: «Комсо-

мольская Россия будет всегда готова по Вашему призыву “штурмовать небо”!» [Славные традиции, с. 119].

Варлам Шаламов вспоминал о 1920-х годах:

«Таких, как я, опоздавших к штурму неба, в Москве было немало. <...>

В вузы поступали тогда не потому, что искали образование, специальность, профессию, но потому, что именно в вузах штурмующие небо могли найти самую ближнюю, самую подходящую площадку для прыжка в космос. Штурмовали небо именно в вузах, [там] была сосредоточена лучшая часть общества. <...> Именно здесь <...> велись споры о будущем, намечались какие-то еще не уверенные, но явно реальные планы мировой революции» (мемуарный набросок «Штурм неба») [Шаламовский сборник, с. 27, 28].

Позднее этот оборот стал применяться к летчикам, а в 1960-е годы – к космонавтам.

Список источников

- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Гейне Г. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 4. – 462 с.
- Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Вересаева. – М.; Л.: Худож. лит., 1953. – 319 с. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1344030011#310> (дата обращения: 5.10.2018).
- Гомер. Одиссея / Пер. В. Жуковского. – М.: Наука, 2000. – 482 с.
- Свечин А.А. Эволюция военного искусства. – М.; Л.: Военгиз, 1928. – Т. 2. – 619 с.
- Ленин В.И. Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 14. – С. 371–378.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 33. – 788 с.
- Славные традиции: сборник документов, очерков, воспоминаний. – М.: Молодая гвардия, 1960. – 463 с.
- Шаламовский сборник. – Вологда: Изд-во Института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1994. – Вып. 1. – 248 с.
- * * *
- Calvin J. Commentaire sur les Actes des Apôtres. – ThéoTeX, 2015. – 1288 p. – [Электронное издание]. – Mode of access: https://theotex.org/perl/theotex_stream.pl?kb=59#top (дата обращения: 5.04.2018).
- Der Apostel Geschicht durch den heiligen Evangelisten Lucam beschrieben <...>, gründlich aussgeleget und erklärt, durch Ioannem Calvinum, aber jetzt dem ge-

Часть II.
История формул языка и культуры

- meinen Mann, so der lateinischen Sprach unerfahren, durch einen Gottliebenden und gelehrten, zu gutem verteutscht. – Heydelberg: Mayer, 1571. – 295 S.
- Fritz G.S.* Glorreicher Himmels-Stürmer. Oder: Der Heilige Groß-Ritter Gregorius, in kurtzer Lob-Rede vorgestellet. – Wien: S. Schmid, 1715. – [9] S.
- Gottschall R. von.* Lehrfreiheit // [Gottschall R. von]. Censur-Flüchtlings: Zwölf Freiheitslieder. – Zürich: Verlag des Literarischen Comptoirs, 1843. – S. 31–37.
- Guilliet S.* Le renouvellement des anciennes alliances et confédérations des maisons et couronnes de France et de Savoie en la pacification des troubles d'Italie, et au mariage du sérénissime Victor-Amédée, prince de Piémont, avec Madame Chrestienne, soeur de Sa Majesté. – Paris: J. du Clou: D. Moreau, 1619. – 325 p.
- Kalisch L.* Shrapnels. – Frankfurt am Main: Literarische Anstalt (J. Rütten], 1849. – IV, 339 S.
- Kongehl M.* Die vom Himmel herabgestürzte Himmel-Stürmer. – [Nürnberg?], 1675. – 24 S.
- Marx K., Engels F.* Werke. – Berlin: Dietz Verlag, 1966. – Bd. 33. – XXXI, 916 S.
- Matthiae C.* Nutz- Und Wehr-Reicher Historischer Schau-Platz, Auff Welchem Der Vier Grossen Monarchien Der Welt Furnehmste Geschichte, So Sich Unsere Zeiten Zugetragen, Vorgestellet Werden. – Franckfurt; Leipzig: J.J. Erythropel, 1701. – 920, 138, 80 S.
- Taller P.* Neu-eröffneter Mit allerhand raren, neuen und seltsamen Waaren, wohleingerichter Auch Auf alle Kirchweyh-Tag und Jahrmarkt aufgeschlagener Geistlicher Kram-Laden: Das ist, Dreyßig sonderbare Kirchweyh-Predigen. – Regensburg: Seidel, 1721. – 1338, [13] S.
- Vischer C.* Die Andere Predigt am tage Vincula Petri // Vischer C. Außlegung der Evangelien, so man auff die Fest der Apostel und andere tage in der Christlichen Kirchen. – Leipzig: Steinman, 1575. – (Без нумерации страниц.)
- Willamov J.G.* Die Himmelsstürmer // Willamov J.G. Sämmtliche poetische Schriften. – Wien: F.A. Schraembl, 1793. – I. Theil. – S. 48–53.

ЭТО ХУЖЕ, ЧЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, – ЭТО ОШИБКА

В феврале 1804 г. в Париже был раскрыт монархический заговор против Первого консула – Наполеона Бонапарта. Арестованные заговорщики сообщили, что во Францию должен прибыть кто-то из принцев – членов королевской семьи. 7 марта Наполеон получил известие, что у самой границы Франции, в герцогстве Баденском, находится младший отпрыск дома Бурбонов – 32-летний Луи Антуан де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский.

В ночь с 14 на 15 марта французские драгуны вторглись на территорию нейтрального герцогства Баденского, захватили герцога Энгиенского и доставили в Венсенский замок под Парижем. Уже 20 марта он был приговорен военным судом к смерти, а на другой день расстрелян и зарыт во рву Венсенского замка. Между тем его полная непричастность к заговору была очевидна.

Это событие имело огромный политический резонанс. Оно не только стало одним из поводов формирования третьей монархической коалиции против Франции, но и легло несмыываемым пятном на репутации Бонапарта. Тогда-то и появилась знаменитая фраза: «Это хуже, чем преступление, – это ошибка».

Впрочем, первоначальной была форма: «Это больше, чем преступление...» («C'est plus qu'un crime...»). И лишь потом, где-то с 1830-х годов, появилось: «Это хуже, чем преступление...» («...pire qu'un crime...»).

Самое раннее известное мне цитирование этой фразы относится к 1814 г. В предисловии ко 2-му изданию своей книги «О французском государстве под властью Наполеона Бонапарта» Луи Андре Пишон писал: «“Это больше, чем преступление, это ошибка”, – сказал один из самых преданных прислужников тиара-

нии, когда совершилось убийство герцога Энгиенского» [Pichon, p. XV]. Заметим, что в момент убийства герцога Пишон находился в США в качестве французского посла; в Париж он вернулся осенью 1804 г.

Сам Наполеон считал, что это слова министра полиции Жозефа Фуше или приписанные Фуше. Об этом он говорил своему секретарю Лас Казесу на о-ве Св. Елены в апреле 1816 г. [Las Cases, p. 210].

В посмертно изданных «Мемуарах» Фуше (1822) фраза также приписана ему. Это, впрочем, мало о чём говорит, поскольку мемуары эти – неподлинные; в тогдашней Франции производство подложных мемуаров было настоящим промыслом.

Другая, более ранняя версия слов Фуше приведена в «Тайной истории правительства Бонапарта» (1810) англо-французского публициста Льюиса Голдсмита:

«Убийство герцога Энгиенского вызвало сильное негодование во всех классах народа. Фуше при мне говорил:

– Это напрасный пушечный выстрел (*C'est un coup de fusil inutilement lâché*)» [Goldsmith, p. 143].

Голдсмит – весьма осведомлённый, однако не беспристрастный свидетель; долгое время он сотрудничал с Наполеоном и выполнял его секретные дипломатические поручения, но в 1809 г. вернулся в Англию, где развернул ожесточенную антинаполеоновскую пропаганду.

Нередко знаменитая фраза приписывалась министру иностранных дел Талейрану¹. Талейран (вместе с Фуше) поддержал план похищения герцога Энгиенского, но, вероятно, не ожидал, что Бонапарт сразу же его расстреляет.

В 1869 г. Шарль Сент-Бёв, рецензируя книгу Э. Булвер-Литтона о Талейране, рассказывал, что друзья предложили Талейрану подать в отставку в знак протеста; он, однако, ответил: «Если, как вы говорите, Бонапарт и виновен в преступлении, это еще не причина, чтобы мне оказаться виновным в глупости» [Sainte-Beuve, p. 52]. Фраза совершенно в духе Талейрана, даже если она сочинена Сент-Бёвом.

¹ Версия об авторстве Талейрана приведена, например, в комментариях к русскому изданию де Кюстин [Кюстин, с. 496].

В примечании к этому месту Сент-Бёв назвал возможным автором фразы о «преступлении и ошибке» Антуана Буле де ла Мерта (1761–1840) – юриста, который при Наполеоне был членом Государственного совета. Эти слова будто бы слышал «из собственных уст» Фуше аудитор Государственного совета Жан Франсуа Дудон (1778–1857). Однако сам Сент-Бёв услышал эту историю не от Дудона, так что достоверность ее сомнительна.

Прожив на Св. Елене два года, Наполеон признал справедливость изречения о преступлении и ошибке. Прочитав приписанные ему слова «Я не совершил преступлений», он сказал: «Я совершил нечто худшее – я совершил ошибки!» (по записи генерала Гаспара Гурго от 28 мая 1817 г.) [Gourgaud, p. 91].

В изгнании экс-император только и говорил, что о случайностях и ошибках, которые помешали ему создать мировую империю. Но в перечне этих ошибок расстрел герцога Энгиенского не значился. В своем завещании Наполеон взял на себя всю ответственность за это дело: «Я велел арестовать и судить герцога Энгиенского, поскольку это было необходимо для безопасности, интересов и чести французского народа, притом что граф д'Артуа [т.е. будущий король Карл X] содержал, по его признанию, шестьдесят убийц в Париже» [Napoléon, p. 582].

Вопрос о личной виновности герцога здесь обойден; в сущности, Наполеон – уже на краю могилы – заявлял: «Это, возможно, было преступлением, но не ошибкой».

В первой завершенной редакции «Войны и мира» (1865) князь Андрей замечает по поводу убийства герцога Энгиенского: «*L'assassinat du duc a été plus qu'un crime, vicomte, ça a été une faute*» («Убийство герцога было более, чем преступление, виконт, это была ошибка») [Толстой, с. 218]. Действие происходит в июле 1805 г., через год с лишним после расстрела герцога и, вероятно, за 7 лет до появления этой фразы в печати. Впоследствии Толстой убрал эту реплику – возможно, потому, что князь Андрей оказывался либо человеком, повторяющим чужую мысль, либо автором исторической фразы.

Список источников

Кюстин А. Россия в 1839 году: В 2 т. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. – Т. 1. – 526 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худож. лит., 1949. – Т. 13. – 883 с.
* * *

Goldsmith L. Histoire secrète du cabinet de Napoléon Buonaparté. – 4 th ed. – London: J.M. Richardson, 1810. – 624 p.

Gourgaud G. Sainte-Hélène. Journal inédit de 1815 à 1818. – Paris: Librairie académique, 1899. – Т. 2. – 578 p.

Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène. – Paris: Le Seuil, 1968. – 733 p.

Napoléon I. Correspondance. – Paris: Imprimerie Impérial, 1869. – Т. 32. – 614 p.

Pichon L.-A. De l'état de la France sous la domination de Napoléon Bonaparte. – Paris: J.G. Dentu, 1814. – 299 p.

Sainte-Beuve C.-A. [Revue]: (suite) // Sainte-Beuve C.-A. Nouveaux Lundis. – Paris: Michel Lévy frères, 1870. – Т. 12. – P. 31–52. – Revue de livre: Bulwer-Lytton H. Essai sur Talleyrand / Traduit de l'anglais <...> par M. Georges Perrot. – Paris, 1868. – Впервые опубл. 26 января 1869 г.

Я НАУЧИЛА ЖЕНЩИН ГОВОРИТЬ...

14 сентября 1957 г. Анна Ахматова прочитала Лидии Чуковской свои новые стихи, в том числе четверостишие под названием «Эпиграмма»:

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!

[Чуковская, с. 201].

(Биче – сокращение имени Беатриче.)

Появление «Эпиграммы» было, по-видимому, связано с ролью «старейшины» советских поэтесс, в которой Ахматова оказалась в середине 1950-х годов. Официальные обвинения 1946 г. с нее так и не были сняты и пока еще публиковались лишь ее переводы, однако с началом «оттепели» общаться с ней уже не было чем-то опасным и предосудительным.

В декабре 1954 г. прошел Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Ахматова рассказывала: «Ко мне подходили поэтессы всех народов. А я чувствовала себя этакой пиковой дамой – сейчас которая-нибудь из них потребует: “три карты, три карты, три карты”» (записано Лидией Чуковской 14 января 1955 г.) [Чуковская, с. 82].

29 октября 1960 г. «Эпиграмма» появилась в «Литературной газете» вместе с тремя другими стихотворениями Ахматовой. Литературовед Лазарь Ильич Лазарев, работавший тогда в «Литгазете», вспоминает: «Это была, по-моему, первая после военных лет газетная публикация стихов Ахматовой. Одно из них – знаменитая

“Эпиграмма”: Но, боже, как их замолчать заставить! Две последние строки тут же стали поговоркой» [Лазарев, с. 187].

За этими двумя строками стоит многовековая литературная традиция.

В последние десятилетия XV в. во Франции появились анонимные фарсы об адвокате Патлене. Франсуа Рабле в молодости участвовал в любительских постановках этих фарсов; именно отсюда он позаимствовал фразу «Вернемся к нашим барапам» [Рабле, с. 26, 43, 276]. В 34 главе III книги «Гаргантюа и Пантагрюэля» (1546) Рабле пересказывает эпизод из фарса, в котором участвовал сам:

«Любящему супругу хотелось, чтобы жена заговорила. Она и точно заговорила благодаря искусству лекаря и хирурга, которые подрезали ей подъязычную связку. Но, едва обретя дар речи, она принялась болтать без умолку, так что муж опять побежал к лекарю просить средства, которое заставило бы ее замолчать. Лекарь ему сказал, что в его распоряжении имеется немало средств, которые могут заставить женщину заговорить, и нет ни одного, которое заставило бы ее замолчать; единственное, дескать, средство от беспрерывной женской болтовни – это глухота мужа» (пер. Н. Любимова) [Рабле, с. 275].

В 1584 г. Гийом Буше, подражатель Монтеня, издал эссеистический сборник «Вечера» (ч. I). Здесь мы читаем: «Есть тысяча способов разговорить женщин, и ни одного способа заставить их замолчать» [Bouchet, p. 270]. Буше привел изречение с ложной ссылкой на древнегреческого поэта Феокрита.

В 1597 г. французский посол в Лондоне Андре де Мессе в беседе с королевой Елизаветой I выразил восхищение ее познаниями в иностранных языках. Королева ответила: «Нетрудно научить женщину говорить, гораздо труднее научить ее держать язык за зубами» [Chamberlin, p. 22]. Этот ответ, записанный де Мюссе и опубликованный в 1922 г., не слишком известен.

Зато прекрасно известна комедия Мольера «Лекарь поневоле» (1666), где повторена фарсовая ситуация из романа Рабле:

«ЖЕРОНТ. Господи, какое словоизвержение! И никак его не остановишь. (*Сганарель.*) Сударь, умоляю вас, сделайте ее опять немой!

СГАНАРЕЛЬ. Увы, это невозможно. Я могу разве что из особого уважения сделать вас глухим» (д. III, явл. 6; пер. Н. Ман) [Мольер, с. 301].

Третью строку «Эпиграммы» можно понимать двояко: «Я научила женщин писать стихи» либо «Я научила женщин выражать свои чувства». В контексте четверостишия явно подразумевается первое значение.

А вот Арсений Тарковский, похоже, имел в виду оба значения, когда, процитировав строку «Я научила женщин говорить...», заметил: «Место было пусто с тех пор, как перестала существовать Сапфо» [Тарковский, с. 269].

Эта оценка характерна для 1960-х годов. Ныне она кажется вовсе не очевидной; достаточно вспомнить об Эмилии Дикинсон (1830–1866) – самом читаемом в нашем веке американском поэте.

Неочевидной была эта оценка и для поэтессы «ахматовского» поколения Надежды Павлович (1895–1979). Процитировав ахматовскую «Эпиграмму», она заметила: «Я чту Ахматову. <...> Но я знаю, как пишутся такие стихи, как ахматовские. <...> Слушая Цветаеву, я ощущала непостижимое. Я не знаю, как делаются такие стихи» [Павлович, с. 117].

Список источников

- Лазарев Л.И. Записки пожилого человека: книга воспоминаний. – М.: Время, 2005. – 539 с.
- Мольер. Полн. собр. соч.: В 3 т. – М.: Искусство, 1986. – Т. 2. – 461 с. – (В этом издании нумерация явлений III действия комедии «Лекарь поневоле» перепутана.)
- Павлович Н.А. Страница памяти // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на родину. – М.: Аграф, 2002. – С. 116–118.
- Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. – М.: Правда, 1981. – 560 с.
- Тарковский А.А. Заметки к пятидесятилетию «Четок» Анны Ахматовой // Новый круг. – Киев, 1992. – № 2. – С. 268–270. [Выступление на вечере А. Ахматовой в музее В. Маяковского в Москве 30 мая 1964 г.]
- Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: 1952–1962. – Л.: Журнал «Нева», 1996. – 655 с.
- * * *
- Bouchet G. Les séries de Guillaume Bouchet, sieur de Brocourt. – Paris: A. Lemerre, 1873. – Т. 2. – 272 p.
- Chamberlin F.C. The private character of Queen Elizabeth. – New York: Dodd, Mead and Co., 1922. – XXI, 334 p.

INTER FAECES ET URINAS, ИЛИ «АНАТОМИЯ – ЭТО СУДЬБА»

В романе Станислава Лема «Осмотр на месте» (1980) инопланетяне, взирающие на землян с предельной степенью отстраненности, рассуждают о связи земной культуры с анатомией человека: «...Ведь им [землянам] приходилось на протяжении целых тысячелетий растрачивать огромную часть своего разума на оправдание, объяснение, а то и переиначивание отношений, с неизбежностью диктуемых устройством тела. Сколько пришлось им мучиться и водить самих себя за нос, чтобы догмат о сотворении по образу и подобию Всевышнего привести в соответствие с тем срастанием органов, которое заставило Августина Блаженного в отчаяньи воскликнуть: *Inter faeces et urinam nascimur*» [Лем, с. 196–197].

Процитированное здесь латинское выражение означает: «Мы рождаемся между фекалиями и мочой» (или: «...среди нечистот и мочи»). Нередко встречается также форма «*Inter faeces et urinas...*»¹.

За 10 лет до «Осмотр на месте», в трактате «Фантастика и фуррология» (1970), Лем ссылался на книгу английского врача и писателя Хэвлока Эллиса «Секс в его отношении к обществу» (1910),

¹ ‘Urinam’ – вин. падеж ед. ч.; ‘urinas’ – вин. падеж мн. ч.; во втором случае семантика аналогична русскому ‘истечения, выделения’. (Этим разъяснениям я обязан Г.Ю. Багриновскому. Ряд других разъяснений, связанных с латынью, принадлежит ему же, а также Д.О. Торшилову, редактору «Большого словаря латинских цитат и выражений» [Душенко, Багриновский].)

где встречается тот же оборот в том же контексте. Процитируем это место:

«...Аскеты <...> оправдывают свой аскетизм в значительной мере эстетическими соображениями, подчеркивая близость сексуальных органов и органов выделения, – взгляд, который в ранней Церкви нашел выражение в презрительном суждении Августина: “*Inter faeces et urinam nascimur*” и который по-прежнему свойственен многим из тех, кто отнюдь не всегда связывает его с религиозным аскетизмом» [Ellis, 1913, p. 120].

Эллис, один из пионеров сексологии, решительно отвергал этот взгляд: «Говорилось с презрением, что мы рождены между мочой и фекалиями; но можно было бы сказать с благоговением, что прохождение через этот канал рождения – таинство Природы, более священное и более значимое, чем всё когда-либо изобретенное человеком» [там же, р. 121].

Два года спустя на ту же тему высказался основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, но гораздо более пессимистически:

«Экскрементальное слишком тесно и неразрывно связано с сексуальным, положение гениталий – *inter urinas et faeces* – остается предопределяющим и неизменным моментом. <...> Гениталии не проделали вместе со всем человеческим телом развития в сторону эстетического совершенствования, они остались животными, поэтому и любовь в основе своей и теперь настолько же животна, какой она была испокон веков» («О наиболее распространенном унижении любовной жизни» (1912), III; пер. М. Вульфа) [Фрейд, с. 144–145].

Отсюда, по Фрейду, следует вывод: «Анатомия – это судьба» («*Die Anatomie ist das Schicksal*») – формула, ставшая знаменитой [Дущенко, с. 776]¹.

С этого времени изречение «*Inter faeces et urinam nascimur*» становится общим местом европейской культуры, чаще всего со ссылкой на Августина. Вот несколько примеров из литературы XX в.

«Возможно, мой образ мышления буржуазен <...>. Но: *Inter faeces et urinam nascimur* – почему этот взгляд не может быть нашим? Что можно против него возразить?» (Роберт Музиль (1880–1942), «Человек без свойств», т. IV, изданный посмертно) [Musil, p. 144].

¹ В цитировавшемся выше переводе М. Вульфа: «Анатомия решает судьбу».

«Святой Августин с ужасом подчеркивает теснейшее соседство половых и выделительных органов: *Inter faeces et urinam nascimur*» (Симона де Бовуар, «Второй пол», 1949) [Beauvoir, p. 271].

«Надпись гласила: INTER FAECES ET URINAM NASCIMUR, – а внизу отец с кудрявым росчерком подписал имя автора: Св. Одон Клюнийский. <...> Что ж, моих знаний хватало, чтобы это перевести. *Inter faeces et urinam nascimur* – “Меж дерьмом и мочою мы рождены”» (Норман Мейлер, «Крутые парни не танцуют» (1984); пер. В.О. Бабкова) [Мейлер, с. 76].

«Ему на ум пришла цитата *Inter faeces et urinam nascimur*. Да, она была вполне к месту. В конце концов, то был “Град Божий” Августина, некогда пересаженный в эту страну – зеленую и невинную» (Лоренс Даррелл, «Ливия, или Погребенная заживо», 1978) [Durrell, p. 263].

В 1972 г. в английском журнале «Notes and Queries» появилась заметка: «Ищу источник этой часто цитируемой фразы, обычно приписываемой Августину или Тертуллиану» [Rawson].

Между тем авторство Августина, как и любого из латинских Отцов Церкви, исключалось по филологическим соображениям. В классической латыни, на которой писал Августин, слово *faeces* (мн. ч. от *faex* – ‘осадок’, ‘отстой’, ‘туща’, ‘грязь’) не имело значения ‘эксременты’ [Душенко, Багриновский, с. 309].

В 1996 г. комментатор сборника стихов английского музыканта Глина Джонса (р. 1942) замечает: «Источник этого изречения неизвестен издателю, несмотря на самые тщательные изыскания; возможно, поэт сочинил его сам» [Jones, p. 166].

Действительный источник был – возможно, впервые, – указан польским филологом Анджеем Скурдо в письме к Э. Ройту (2013). Первоначально знаменитое изречение выглядело иначе: «*Inter sterCUS et urinam nascimur*» («Межу калом и мочой рождаемся»). Оно появилось в анатомических трудах XVI в. «при обсуждении положения матки между мочевым пузырем и толстой кишкой в качестве дежурного предостережения против людской гордыни» [письмо А. Скурдо здесь и далее цит. по: Rojt].

Самая ранняя известная нам цитация этой формулы содержалась в трактате Марка Антонио Дзимары «Проблемы Аристотеля и многих иных философов и врачей» (указано Анджеем Скурдо).

Дзимара (ок. 1479 – ок. 1532), итальянский врач и философ Падуанской школы, написал этот трактат не позднее 1514 г., но в печати он появился лишь после смерти автора, в 1537 г. [Blair; Скурдо цитировал Дзимару по изданию 1557 г.]. Здесь говорилось, что человек «между калом и мочой зачат» («*inter sterCUS et urinam conceptum*» («Вопрос XXII: Почему человек гордится собой более всех животных?») [Zimara, p. 108].

В 1559 г. итальянец Маттео Коломбо в трактате «Об анатомии» вопрошал: «Чем гордишься ты, человечек, пыль и прах, рожденный меж экскрементами (*inter excrementa natus*)?» (кн. 11, гл. 16: «О матке») [Colombo, p. 241]. В XVII в. это высказывание цитировал анатом Франческо Плаццони [Plazzoni, p. 125 (1-я паг.)].

Каспар Бартолин (старший), датский анатом и богослов, писал: «[Эмбрион] лежит между прямой кишкой и мочевым пузырем, наклонившись вперед, словно между одним и другим ложем. Чем же тут гордиться, коль скоро мы рождаемся между калом и мочою?» («Анатомическое устройство человеческого тела», 1626) [Bartholin, p. 120].

В трактате немецкого медика Грегора Ниманна «О жизни плода в материнской утробе» (1628) высказывание приведено в форме «между калом и мочой зачата, развиты и рождены» («*inter sterCUS et urinam conceptos, formatos ac generatos*»), со ссылкой на Арнобия [Nyman, p. 68]. (А. Скурдо, указавший эту цитату, цитирует ее по изданию 1664 г. [Rojt]).

Имелся в виду Арнобий Старший (ок. 240 – ок. 330), раннехристианский апологет, автор трактата «Против язычников». Как справедливо замечает А. Скурдо, у Арнобия речь шла не о зачатии или рождении человека, но о местопребывании души в теле.

Арнобий утверждал, что души, будь они творением Бога, не стали бы жить в человеческом теле (мнение, неправоверное в свете позднейшей христианской догматики). Души «не стремились бы безрассудно в эти земные области, чтобы, облекшись темными телами, жить среди мокрот и крови, среди этих вместилищ нечистот и отвратительных хранилищ мочевой влаги (*inter stercoris hos utres et saccati obscenissimas serias*)» (пер. Н.М. Дроздова) [Арнобий, с. 191–192 (кн. II, гл. 37)].

Отметим также, что отдаленное сходство с формулой «*inter faeces et urinas*» можно найти у Тертулиана, однако в совершенно

иnom контексте: «Христос <...> возлюбил человека в его нечистоте, образовавшегося во чреве, появившегося посредством срамных членов <...>» («О плоти Христа», 4; пер. А.А. Столярова) [Тертуллиан, с. 164].

В XVIII в. оборот «*inter sterlus et urinam*» появляется в сочинениях, написанных на новых языках, например: «...все люди, прежде чем появиться на свет, обитали *inter sterlus et urinam*» [Edwards, p. 206].

Немецкий врач Фридрих Гофман (1660–1742) при описании положения эмбриона приводит это выражение как пословичное: «...откуда известна пословица: между калом и мочою рождается человек» (*Historia corporis humani anatomica*, гл. XIX, § 531) [Hoffmann, p. 54].

Наконец, у Вольтера изречение приводится уже по-французски: «...эмбрион, рожденный между мочой и фекалиями (*entre de l'urine et des excréments*)» («Почитатели Бога, или Похвалы Господу» («Философские диалоги и беседы» (1769), XXV) [Voltaire, p. 245].

Персонаж одной из философских повестей Вольтера замечает: «Я никогда не мог понять, почему существо нематериальное, бессмертное, в течение девяти месяцев обитает бесполезно спрятанным в зловонной оболочке по соседству с мочой и калом» (пер. Валентина Курелла) («Уши графа Честерфилда и капеллан Гудман» (1775), гл. 4) [Вольтер, с. 496].

В XIX в. на это замечание откликнулся Шарль Бодлер: «Могли он, по крайней мере, угадать в таком местопребывании души насмешку, а может, и издевку Пророков над любовью, а в способе размножения – знак первородного греха. Ведь на самом деле мы занимаемся любовью именно посредством органов, служащих для испражнения» («Дневник», разд. «Мое обнаженное сердце», XVIII; пер. Г. Мосесвили) [Бодлер, с. 439].

Вольтер цитировал формулу «между фекалиями и мочой» саркастически. Американский анатом и философ-просветитель Бенджамен Раш, напротив, был солидарен с авторами XVI–XVII вв.: «Философы, описывая неблагородное происхождение человека, говорят, что он формируется “*inter sterlus et urinam*” [между калом и мочой]. Богословы говорят, что он “рожден в грехе, и в беззаконии зачат”. Я считаю, что это столь же верно и столь

же унизительно, как и то, что он зачинается и рождается в болезни»¹ [Rush, p. 349].

В XIX в. формула «*inter faeces et urinas*» стала цитироваться со ссылкой на Августина или других Отцов Церкви: «...Святой Августин, Отец Церкви, весьма саркастически замечает: “Отчего же гордится человек, который рождается между калом и мочой?”» [Schneider, S. 142].

В 6-м издании «Учебника анатомии человека» (1859) австрийца Йозефа Хиртля читаем: «Влагалище расположено между мочевым пузырем и прямой кишкой (*inter feces [так!] et urinas nascimur*, говорит Отец Церкви)» [Hyratl, S. 649 (§ 316)]. (Этих слов не было в 1-м издании, опубликованном в 1846 г.)

Ранний случай цитирования этой формулы в русской печати датируется 1884 годом: «...Блаженный плачущий Иероним совершенно напрасно проплакал целую свою жизнь, размышляя о нашей печальной судьбе, осудившей нас на то, что мы *inter feces et urinas nascimur!*» [Нилидин, с. 144].

Однако, как уже отмечалось выше, ключевым моментом в истории этого изречения стало начало XX в., когда его стали цитировать в трудах по сексологии и психоанализу.

В книге Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949) рядом с этим изречением приводится еще одно: «Тертуллиан определяет ее [женщину] как *Templum aedificatum super cloacam* (храм, возведенный над клоакой)» [Beauvoir, p. 271].

Ссылка на Тертуллиана неверна – как и ссылка на Августина в качестве автора первого изречения.

Ок. 1390 г. английский доминиканец Джон Бромъяд написал объемистый труд «Сумма проповедей», изданный в Венеции в 1586 г. и широко цитировавшийся позднейшими авторами. Здесь мы читаем: «Красивая женщина есть храм, возведенный над клоакой. Так говорил Бернард» [Bromyard, p. 280; указано в кн.: Haskins, p. 422]. Имелся в виду св. Бернард Клервоский (1091–1153). Предыдущее высказывание о женщинах Бромъяд закончил фразой: «Как говорил Диоген», поставив перед ней точку. Вероятно, поэтому авторы XVII в. нередко приписывали изречение о «храме над клоакой» Диогену.

¹ «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50:7).

У голландского филолога Регнеруса Нейхузиуса читаем: «Сократ сказал: красивые женщины – это храм, возведенный над клоакой» [Neuhusius, p. 756]. В огромном трактате о вдовах итальянца Карло Спадаццы (1672) «храмом, возведенным над клоакой» имеется «красивая женщина» (со ссылкой на Сократа), «красивая, но нецеломудренная женщина», а также «распутная вдова» [Spadazza, p. 501, 637, 809]. На Диогена ссылались немецкий историк-иезуит Иоганн Бисселий (1601–1662) и фламандский энциклопедист Лаврентий Бейерлинк (1578–1627) [Bisselius, p. 1239; Beyerlinck, p. 424 (1-я паг.)].

В XIX в. это изречение стали приписывать также св. Августину и св. Иерониму.

Немецкий поэт Филипп фон Цезен в своем романе на библейские темы «Ассенат» (1670) цитировал эти слова со ссылкой на раннехристианского философа Боэция [Zesen, p. 476]. В 1910 г. Хэвлок Эллис также ссыпался на Боэция [Ellis, 1910, p. 55].

Возможно, такая атрибуция возникла под влиянием фрагмента из трактата Боэция «Утешение философией», III, 8, где речь шла о физической красоте – правда, мужской, а не женской: «Что касается внешней красоты, то она преходяща и более быстротечна, чем весеннее цветение. Если бы, как говорит Аристотель, люди обладали глазами Линкея, то они своим взглядом проникали бы через покровы¹. И если бы можно было увидеть то, что находится внутри человека, разве не показалось бы безобразным тело Алкивиада, славившегося своей красотой?» (пер. В. Уковой и М. Цейтлина) [Боэций, с. 234].

Список источников

- Арнобий.* Семь книг против язычников. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 397 с.
- Бодлер Ш.* Мое обнаженное сердце // *Бодлер Ш. Стихотворения. Проза.* – М.: Рипол Классик, 1997. – С. 429–456.
- Боэций.* Утешение философией и другие трактаты. – М.: Наука, 1996. – 414 с.

¹ Предположительно – высказывание из несохранившегося сочинения Аристотеля «Протрептик». Линкей – один из аргонавтов, обладавший зрением сверхчеловеческой остроты

- Вольтер.* Философские повести. – М.: Правда, 1985. – 574 с.
- Душенко К.В.* Большой словарь цитат и крылатых слов. – М.: ЭКСМО, 2011. – 1216 с.
- Душенко К.В., Багриновский Г.Ю.* Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.
- Лем С.* Осмотр на месте: Роман / Пер. К. Душенко // Лем С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Текст, 1994. – Т. 8. – С. 99–350.
- Мейлер Н.* Крутые парни не танцуют // Иностранный литература. – М., 2001. – № 3. – С. 41–137.
- Нилидин А.Н.* Силуэты Крыма: Из путевой книжки. – СПб.: Типо-лит. Шредера, 1884. – 241 с.
- Тертуллиан.* Избранные сочинения. – М.: Прогресс, 1994. – 448 с.
- Фрейд З.* Об унижении любовной жизни // Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. – Минск: Изд-во «Белорус. сов. энциклопедия», 1990. – С. 135–145. – (Оригинальное название: «О наиболее распространенном унижении любовной жизни».)

* * *

- Bartholin C.* Anatomicae institutiones corporis humanis. – Argentoratum [Strasbourg]: C. Scher, 1626. – 417 p.
- Beauvoir S. de.* Le deuxième sexe. – Paris: Gallimard, 1990. – Т. 1. – 408 p.
- Beyerlinck L.* Magnum theatrum vitae humanae. – Lugduni: Huguetan: Ravard, 1665. – Т. 5. – 816, 94, 145 p.
- Bisselius J.* Illustrium, ab orbe condito, ruinarum. Decades IV. Pars II. – Dilingae: I. Mayer, 1663. – 1440 p.
- Blair A.* Authorship in the Popular «Problemata Aristotelis» // Early Science and Medicine. – Cambridge, 1999. – Vol. 4, № 3, January 1. – P. 189–227. – Mode of access: <https://dash.harvard.edu/handle/1/29669455> (дата обращения: 29.10.2018).
- Bromyard J.* Summa Predicantium. – Venice: D. Nicolini, 1586. – Pars 2. – 481 p.
- Colombo R.* De re anatomica libri XV. – Venetia: N. Bevilacqua, 1559. – 269 p.
- Durrell L.* Livia, or, Buried alive. – Harmondsworth: Penguin Books, 1984. – 265 p.
- Edwards J.* Theologia reformata: or, The body and substance of the Christian religion.... – London: J. Lawrence, 1713. – Vol. 1. – 784 p.
- Ellis H.* Sex in Relation to Society. – Philadelphia: F.A. Davis, 1913. – XVI, 656 p. – (Studies in the psychology of sex; Vol. 6.)
- Ellis H.* The evolution of modesty, the phenomena of sexual periodicity, auto-erotism. – Philadelphia: F.A. Davis, 1910. – VII, 374 p. – (Studies in the psychology of sex; Vol. 1.)
- Haskins S.* Mary Magdalene: Myth and Metaphor. – New York: Riverhead Books, 1995. – 502 p.
- Hyrtl J.* Lehrbuch der Anatomie des Menschen. – 6. Aufl. – Wien: W. Braumüller, 1859. – 850 S.
- Hoffmann F.* Opera omnia physico-medica denuo revisa. – Genevae: Fratres de Tournes, 1753. – Pars 3. – 194 p.

Часть II.
История формул языка и культуры

- Jones G.* The Collected Poems / Edited by Meic Stephens. – Cardiff: University of Wales Press, 1996. – 243 p.
- Musil R.* Der Mann ohne Eigenschaften: Roman. Band IV Kapitel 67–128. – Berlin: Volk und Welt, 1980. – Bd. 4. – 528 S.
- Neuhusius R.* Florilegium philologicum. – Amsterdam: J. Janssonium, 1650. – 758 p.
- Nymman G.* Dissertatio de vita foetus in utero. – Witebergae [Wittenberge]: P. Helwig, 1628. – 70 p.
- Plazzoni F.* De partibus generationi inservientibus libri duo. – Leyden: D. Lopes de Haro, 1644. – VIII, 184; VIII, 87 p.
- Rawson C.J.* Inter urinas et faeces nascimur // Notes and Queries. – London, 1972. – № 2. – P. 62-b
- Rojt E.* Agata Bielik-Robson rozmawia z Tadeuszem Bartosiem. Część I: A.B.-R. wymyśla biografię Spinozy // Kompromitacje. Przypadki słabości ludzkich. – Mode of access: <http://kompromitacje.blogspot.com/2013/04/bielik-robson-rozmawia-z-bartosiem1.html> (дата обращения: 29.10.2018).
- Rush B.* Defence of Blood-letting, as a Remedy for Certain Diseases // Rush B. Medical Inquiries and Observations. – 2 d ed. – Philadelphia: J. Conrad & Co, 1805. – Vol. 4. – P. 273–362.
- Schneider P.J.* Medizinisch-polizeiliche Würdigung des Einflusses der körperlichen Züchtigungen... // Magazin für philosophische, medizinische, und gerichtliche Seelenkunde. – Würzburg, 1831. – 6. Heft. – S. 101–169.
- Spadazza C.* Theatrum viduile, seu de viduis, ac privilegiis viduilibus. – Ferrariae: A. Maresta, 1672. – 972 p.
- Voltaire.* Dialoges. – Paris: Delangle Frères, 1826. – T. 2. – 403 p. – (Oeuvres complètes avec des remarques et des notes.)
- Zesen P. von. Assenat.* – Amsterdam: Hagen, 1670. – 551 p.
- Zimara M.A.* Problemata Aristotelis ac philosophorum medicorumque complurium. – Coloniae: A. Birckmann, 1555. – 202 p.

Часть III. О НЕКОТОРЫХ «НЕКРЫЛАТЫХ» ЦИТАТАХ И ТОПОСАХ КУЛЬТУРЫ

«ТРИ ГРАЦИИ СЧИТАЛИСЬ В ДРЕВНЕМ МИРЕ...»: ЭПИТАФИЯ – МАДРИГАЛ – ЭПИГРАММА¹

Владимир Солоухин в одном из своих эссе заметил: «В отличие от Лермонтова с его юношеской саркастичностью и позой Пушкин был добр и весел с самого начала, с самых ранних стихотворений. Возьмем одну из эпиграмм Лермонтова, написанную в альбом женщине: “Три грации имелись в древнем мире. Родились вы – всё три, а не четыре”. Пушкин никогда бы женщину такой эпиграммой обидеть не смог. <...> Вероятно, он написал бы в подобном случае: “Родились вы – и стало их четыре”» [Солоухин, с. 174].

Однако предложенное Солоухиным завершение эпиграммы появилось до Пушкина и в его время уже считалось банальностью.

Эпиграмма, неточно процитированная выше, приведена в «Записках» Екатерины Сушковой, опубликованных в 1870 г. Лето 1830 г. шестнадцатилетний Лермонтов проводил в деревне среди своих многочисленных кузин. «Была тут одна барышня, соседка Лермонтова по Чембарской деревне, и упрашивала его <...> написать ей хоть строчку правды для ее альбома. <...> Он начал:

“Три грации...”

Барышня смотрела через плечо на рождающиеся слова и воскликнула: “Михаил Юрьевич, без комплиментов, я правды хочу”.

– Не тревожьтесь, будет правда, – отвечал он, и продолжал:

¹ Впервые опубликовано в журн.: Культурология: Дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – № 4. – С. 33–38.

“Три грации считались в древнем мире,
Родились вы... всё три, а не четыре!”» [М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях..., с. 95].

Позднее, однако, было обнаружено, что та же история приведена в московском периодическом издании «Листок» от 24 февраля 1831 г., но здесь эпиграмма приписана «молодому человеку Николаю Максимовичу» [Лермонтов, 1979, с. 523]. Поэтому ныне она помещается не в основном корпусе сочинений Лермонтова, а в разделе «Dubia» [Лермонтов, 1999, с. 224].

Обиженная Лермонтовым барышня предполагала увидеть совсем другую концовку – комплиментарную и уже хорошо ей известную. Такая концовка содержалась в альбоме девицы А. Лукиной (велся с 1821 по 1837 г.):

«Три Грации досель считались в мире,
Но как родились вы, то стало их четыре» [Вацуро, с. 42].

Этот альбомный мадригал, как установил еще в 1917 г. Б.В. Нейман¹, представляет собой переработку заключительного двустишия одного из стихотворений Василия Петрова (1736–1799), придворного поэта Екатерины II [Нейман, с. 70–71]. Стихотворение озаглавлено «К Ъ...» и адресовано неизвестной актрисе; поскольку с конца XIX в. оно не перепечатывалось, приведем его целиком:

Девиц избранный хор,
Всегда мужей пленяет взор;
Ты, выступая в театр, даров твоих со блеском
Всех нудишь чтить тебя сердец и дланей плеском;
Во лике дев видна,
Как промеж звезд луна.
Суровый бог гремящей брани,
Услыши глас твоей гортани,
Пустил бы грозный меч из рук;
Забыл бы в век оружий звук.

¹ Борис Владимирович Нейман (1888–1969), профессор Московского ун-та. Между прочим, именно он еще до Андроникова разгадал «загадку Н.Ф.И.» – Натальи Фёдоровны Ивановой.

Три только Грации во всем считались мире:
Когда родилась Ты; вдруг стало их четыре
[Русская поэзия, с. 446 (1-я паг.)].

Заключительное двустишие кажется «довеском» к основной части стихотворения – вероятно, потому, что само оно представляет собой переработку латинского двустишия.

В.П. Петров по образованию был филологом-классиком: он окончил Славяно-греко-латинскую академию, затем преподавал в ней риторику, а среди его переводов центральное место занимает полный перевод «Энеиды» Вергилия. Двустишие, послужившее источником Петрову, носит название «Об умершей девушке» и до XIX в. включительно печаталось среди сочинений римского поэта и ритора Авсония (ок. 310 – ок. 395):

Tres fuerant Charites, sed, dum mea Lesbia vixit,
quattuor. At perii: tres numerantur item [Ausonius, S. 425].

Харит было три, но когда родилась моя Лесбия,
[стало] четыре. Она умерла, и снова [их] насчитывается три.

В переводе Ю.Ф. Шульца:

Были три Хариты; при Лесбии стало четыре.
Лесбии нет, – и теперь снова их в мире лишь три
[Авсоний, с. 220].

Авсоний из Бурдигалы в Галлии (нынешнее Бордо) был признанным мастером жанра эпитафии, а кроме того, считался во Франции первым «французским» поэтом. Эпиграмма (в первоначальном, античном смысле этого термина) «Об умершей девушке» печаталась во всех изданиях его сочинений, а также в популярных антологиях и пособиях по латыни и латинской литературе. В XVII–XVIII вв. неоднократно печатались также ее переводы на немецкий и французский языки, обычно вместе с латинским оригиналом. Немецкий перевод принадлежал Симону Даху (Simon Dach, 1605–1669). По смыслу он весьма точен, но выполнен – как и двустишие Петрова – шестистопным рифмованным ямбом [Dach, S. 510].

«Четвертую Хариту сих времен» («vierdte Charis dieser Zeit») воспевал старший современник Даха, основатель немецкого силлабо-тонического стихосложения Мартин Опitz (1597–1639) в своей «Утешительной песне» («Trost-Lied») [Opitz, S. 32]. Это выражение у него восходит, по-видимому, к той же эпиграмме [Herbert, S. 61].

Во Франции – во всех трех известных мне переводах XVIII в. – греческие «хариты» были заменены римскими «грациями» [Ambigu littéraire, p. 44; Ausone, p. 123; Recueil d'épitaphes.., p. 107].

В Западной Европе двустишие «Об умершей девушке» воспроизводилось целиком. В русской переделке печальный конец был отброшен, а упоминание об адресате в 3-м лице заменено обращением во 2-м лице (вы). Тем самым латинская эпитафия превратилась в русский мадригал, в 1820-е годы переделанный в сатирическую эпиграмму. Ее концовка («три, а не четыре») неожиданно перекликается с концовкой латинского двустишья («снова их в мире лишь три»), которую Петров в своей переделке отбросил.

В XX в. авторство многих эпиграмм, приписываемых Авсонию, было поставлено под сомнение; предполагалось даже, что они были сочинены (т.е. сфальсифицированы) гуманистами XV в. Еще сравнительно недавно один из немецких исследователей писал: «Эпиграмма [«Об умершей девушке»] приписывается Авсонию, но ее неантитчный ход мысли [der unantike Gedanke] свидетельствует о том, что она появилась в Новое время» [Trillmich, S. 335].

Однако в 1950 г. в Ватиканской библиотеке был обнаружен сборник эпиграмм на латинском языке, первоначально хранившийся в библиотеке монастыря Боббио близ Пьяченцы (именно этот монастырь изображен в романе Умберто Эко «Имя Розы»). В 1955 г. сборник был опубликован под названием «Epigrammata Bobiensia» («Эпиграммы из Боббио»). Сборник, по-видимому, был известен с XV в.: 27 эпиграмм из него были опубликованы гуманистами, по большей части в составе сочинений Авсония [Dostállová].

Анонимная эпиграмма «Об умершей девушке» помещена в «Epigrammata Bobiensia» под номером 33 [Epigrammata Bobiensia, p. 86]. Написана она не позднее начала V в. (время составления сборника) и, как и весь сборник, вышла, по-видимому, из круга

римского сенатора и писателя Симмаха, младшего современника Авсония [The Conflict., p. 212].

Ее ближайшая параллель – поздняя греческая эпиграмма, приписанная Платону («Палатинская антология», IX, 506):

Девять считается Муз. Но их больше: ведь Музою стала
С Лесбоса дева Сапфо. С нею их десять теперь.

(Пер. Л. Блуменау) [Платон, с. 695].

Форма же эпиграммы «Tres fuerant Charites», по наблюдению немецкого филолога Фарука Гревинга, восходит к двустишию Марциала («Эпиграммы», VI, 6):

Comoedi tres sunt, sed amat tua Paula, Luperce,
quattuor <...> [Grewing, S. 103].

Тroe в комедии лиц, а любит, Луперк, твоя Павла
Всех четырех: влюблена даже в лицо без речей.
(Пер. Ф.А. Петровского) [Марциал, с. 168].

Как видим, латинская лирическая эпитафия, ставшая, после ряда переработок, русской язвительной эпиграммой, сама была переработкой еще более древнего сатирического двустишия.

Список источников

- Авсоний. Стихотворения / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1993. – 356 с.
- Бацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. – Л., 1979. – С. 3–56.
- Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. в 10 т. – М.: Воскресенье, 1999. – Т. 1. – 503 с.
- Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4 т. – Л.: Наука, 1979. – Т. 1. – 575 с.
- М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – 671 с.
- Марциал. Эпиграммы. – М.: Худож. лит., 1968. – 488 с.
- Нейман Б.В. К вопросу об источниках поэзии Лермонтова // Журн. Мин-ва народ. просвещения. – СПб., 1917. – Ч. 118, № 3/4. – С. 70–77 (3-я паг.).
- Платон. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – 832 с.
- Русская поэзия / Под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: типолит. А.Э. Винеке, 1893. – Т. 1. – 886, 412 с.

Часть III.

О некоторых «некрылатых» цитатах и топосах культуры

Солоухин В.А. Камешки на ладони // Новый мир. – М., 1986. – № 8. – С. 154–174.

* * *

*Ambigu littéraire: ou, Tout ce qu'il vous plaira / Par M.D.***. – Londres; Paris: P. de Lormel, 1782. – 126 p.*

Ausone. Oeuvres / Traduites par Pierre Jaubert. – Paris: Delalain, 1769. – T. 1. – 375 p.

Ausonius. Opuscula. – Stutgardiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1976. – 561 S.

Dach S. Werke. – Hildesheim; New York: Olms, 1977. – 1038 S.

Dostálová V. Epigrammata Bobiensia (Magisterská diplomová práce). – Brno: Masarykova Univerzita. Filozofická fakulta, 2006. – Mode of access: http://www.is.muni.cz/th/52299/ff_m/diplomka.txt (дата обращения: 15.07.2018).

Epigrammata Bobiensia / A cura di Franco Munari. – Roma: Storia e Letteratura, 1955. – Vol. 2. – 145 p.

Grewing F. Martial, Buch VI: ein Kommentar. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. – 592 S.

Herbert R. Versuch eines Gesamtbildes über das Verhältnis von Martin Opitz zur Antike. – Jena: Thüringische Landesuniversität, 1926. – 67 S.

Opitz M. Weltliche und geistliche Dichtung. – Berlin; Stuttgart, [1889]. – 384 S.

Recueil d'épitaphes sérieuses, badines, satiriques et bMode of accesssesques / Par D.L. P. [Pierre Antoine de La Place]. – Bruxelles: Barvois, 1782. – T. 2. – 492 p.

The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century. – Oxford: The Clarendon Press, 1963. – 222 p.

Trillmich W. Charitengruppe als Grabrelief und Kneipenschild // Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts. – Berlin, 1996. – Bd. 111. – S. 311–349.

ВОЛЬТЕР И ФЕОФИЛАКТ КОСИЧКИН: ОБ ЭПИГРАФЕ К ПУШКИНСКОМУ ПАМФЛЕТУ «ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ»¹

Памфлет Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» появился в «Телескопе» в 1831 г. (ч. 4, № 13) за подпись «Феофилакт Косичкин». Памфлету предписан латинский эпиграф:

«In arenam cum aequalibus descendit.

Cic.»

В академическом собрании сочинений (1949) дается перевод: «Я вышел на арену вместе с равными мне. Цицерон» [Пушкин, т. 11, с. 571]. Позднейшие варианты: «Я вышел на арену с равными себе»; «Я вышел на арену померяться с равными себе» [Бабкин и Шендецов, с. 617; А. С. Пушкин об искусстве, с. 352].

Вопрос об источнике и переводе эпиграфа в 1972 г. рассматривал Я.М. Боровский, будущий соавтор «Словаря латинских крылатых слов». Согласно Боровскому, эпиграф восходит к Тациту («Диалог об ораторах», 22, 1). Здесь в споре о преимуществах «старого» и «нового» красноречия Марк Апр говорит: «Перехожу к Цицерону, у которого шли такие же сражения с его современниками [cum aequalibus], какие у меня с вами». Пушкин «вполне самостоятельно использовал этот текст, введя в него, помимо фиктивного авторства Цицерона, художественный образ “in arenam

¹ Впервые опубликовано в журн.: Новое лит. обозрение. – М., 2010. – № 5. – С. 150–155. Перепечатывается с небольшими изменениями.

descendi?”» (т.е., в сущности, сам сочинил латинский эпиграф). Исходя из этого, Боровский предложил другой перевод: «Я вышел на арену против своих современников» [Боровский, с. 117].

Этот перевод, однако, явно расходится с содержанием памфлета. Обращение к поисковой системе books.google.com (недоступной, по понятным причинам, в 1972 г.) приводит к совсем другим выводам. В изложенном выше версии справедливо лишь указание на фиктивное авторство Цицерона¹. В лондонском «Monthly Review» за 1775 г. изречение «in arenam cum aequalibus descendere» («выходить на арену с равными себе») приписано Сенеке [A Second Letter.., р. 44; то же, без ссылки на Сенеку: An Appendix to the Observation.., р. 353]. В книге Чарлза Батлера «Жизнь Эразма» (1825) оно приведено с пояснением: «совет древних <...> вести борьбу только с равными» [Butler, р. 162]. В действительности этот «совет древних» появился, по-видимому, в очень позднее время и встречается крайне редко.

Можно с уверенностью сказать, что самая «заметная» цитация этого изречения – и самая ранняя из всех нам известных – содержалась в письме Вольтера к аббату Трюблे от 27 апреля 1761 г. [Voltaire, 1817–1820², т. 34, р. 263]. Изречение дано здесь (как и в «Торжестве дружбы») в 1-м лице единственного числа прошедшего времени и приписано Цицерону. Именно отсюда, как мы полагаем, Пушкин взял свой эпиграф.

Всего пять лет спустя после написания письмо к Трюбле было напечатано в «Письмах г. де Вольтера к своим друзьям на Парнасе» [Voltaire, 1766, р. 41–44], а затем перепечатывалось в сборниках писем и собраниях сочинений Вольтера. Только в XVIII в. оно публиковалось не менее 16 раз, в том числе по-английски [Voltaire, 1770, р. 46], и даже попало, как образцовое, в раздел «Письма шутливые и приятельские» «Нового письмовника» (1787) [Nouveau manuel.., р. 93].

¹ Хотя, например, Валентин Непомнящий и после публикации статьи Боровского не сомневался: «Эпиграф к памфлету <...> – из Цицерона». [Непомнящий, с. 393].

² В дальнейшем тексты Вольтера цитируются по этому собранию сочинений, имевшемуся в библиотеке Пушкина.

Полный перевод вольтеровского письма помещен в конце настоящей статьи. Письмо к Трюбле было эпизодом полувековой борьбы Вольтера со своими литературными противниками; чтобы правильно «прочесть» его, необходимо знать предысторию взаимоотношений адресатов.

Аббат Никола Шарль Жозеф Трюбле (1697–1770), бретонец по происхождению, архидьякон Сен-Мало, был известен как писатель-эссеист и критик; он также издавал «Христианский журнал» (Вольтер, впрочем, в письме к Даламберу от 19 марта 1761 г. назвал Трюбле атеистом, а его «Христианский журнал» – всего лишь средством заручиться поддержкой королевы при избрании в академики) [Voltaire, 1817–1820, t. 41, p. 127].

Основное сочинение Трюбле – «Очерки по различным вопросам литературы и морали» – появилось на свет в 1735 г., а затем неоднократно переиздавалось¹. Наибольшую – причем скандальную – известность получила глава «О поэзии и поэтах» 4-го тома расширенного издания «Очерков» (1760). Трюбле был, в некотором роде, протеже де Ламотта и Фенелона и, вслед за ними, отрицал возможность современного стихотворного эпоса, виднейшим примером которого была вольтеровская «Генриада» (1723). Критику вольтеровской эпопеи у Трюбле можно свести к двум положениям, которые неоднократно цитировались во французской печати: «“Генриада”, столь совершенная с точки зрения поэзии и стихосложения, наводит на меня скуку. Скуку и зевоту в “Генриаде” наводит на нас не поэт, а поэзия, или, вернее, стихи»; «Я бы желал, чтобы Вольтер написал “Генриаду” в прозе» [Trublet, p. 233, 234]. (Тут приходит на мысль знаменитая резолюция Николая I Бенкендорфу от 14 декабря 1826 г.: «...цель г. Пушкина была бы выполнена», если бы он переделал «Бориса Годунова» «в историческую повесть или роман наподобие Валтера Скотта») [Цявловский, с. 214].

Стоит все же подчеркнуть, что Трюбле вел свою критику в уважительном тоне, со всеми возможными эquivokами: не то чтобы Вольтер был плох как поэт – ложен сам жанр современной эпопеи

¹ В сокращенном переводе книга вышла в Москве в 1793 г. под загл. «Размышления о красноречии вообще, и особенно о проповедническом красноречии, из сочинений г. аббата Трюблета».

в стихах. Несравненно более резко отзывались о «Генриаде» зачленные литературные недруги Вольтера – Гюйо-Дефонтен («В ней больше прозы, чем стихов, и больше ошибок, чем страниц» [La Hargre, p. 335]) и Жан Фрерон.

Всех их, включая Трюбле, Вольтер высмеял в сатирической поэме «Бедняга» (*«Le Pauprême Diable»*, 1758). Строку о Фрероне из этой сатиры И.И. Дмитриев сделал концовкой своей эпиграммы «Ответ» (1806): «Нахальство, Аристарх, таланту не замена; / Я буду всё поэт, тебе наперекор! / А ты – останешься всё тот же крохобор, / Плюгавый выползок из <гузна> Дефонтена» [Дмитриев, с. 357]. Двенадцать лет спустя той же строкой Пушкин завершил свою эпиграмму «На Каченовского» (1818).

Аббат Трюбле выведен в «Бедняге» заурядным сочинителем, который черпает свое остроумие из чужих книг и бесед (это мнение было всеобщим в литературных кругах). «Он громоздит банасть на банальность; / Он компилирует, компилирует, компилирует...» [Voltaire, 1817–1820, t. 9, p. 32]. Стока «Il compilait, compilait, compilait...» навсегда «прилепилась» к Трюбле; она еще и поныне встречается в качестве крылатого слова.

Чуть раньше Вольтер вывел Трюбле в главе 22 «Кандида» (1759) под именем «архидьякона Т...»: «...Он скучнейший из смертных! С какой серьезностью преподносит он то, что и так всем известно! Как длинно рассуждает о том, о чем и походя говорить не стоит! Как тупо присваивает себе чужое остроумие! Как портит всё, что ему удается украсть! Какое отвращение он мне внушает!» (пер. Ф. Сологуба) [Вольтер, 1971, с. 462]. Всё же Вольтер и в «Бедняге», и в «Кандиде» соразмерял силу удара – бранных эпитетов по отношению к Трюбле он не употреблял.

Целью жизни Трюбле было стать членом Французской академии. Вакансия освобождалась лишь в случае смерти одного из академиков, причем во вступительной речи новоизбранный академик должен был говорить о своем умершем предшественнике. Злые языки утверждали, что у Трюбле уже написаны сорок речей о каждом из «бессмертных», дабы быть готовым на любой случай [Grimm, p. 78]. 7 марта 1761 г., после двадцати пяти лет стараний, Трюбле большинством в один голос был избран в Академию, а 13 апреля прочитал в ней вступительную речь. Эту речь он, по совету друзей, послал могущественному «фернейскому изгнаннику»,

сопроводив ее любезным письмом. Письмо было, в сущности, предложением мира и забвения старых обид. Сам Вольтер занял академическое кресло еще в 1746 г. и, по оценке Фридриха Великого, «один стоил целой Академии» («Похвальное слово Вольтеру» 26 ноября 1778 г.) [цит. по: Oster, p. 297].

Избрание Трюбле было Вольтеру неприятно: он хотел видеть академиком Дидро, о чем писал Даламберу 9 февраля 1761 г. [Voltaire, 1817–1820, t. 41, p. 121]. В своем ответе Трюбле он, разумеется, об этом не упоминал. В письме к аббату д’Оливе от того же числа (27 апреля) Вольтер замечает: «Я говорю с аббатом Трюбле простодушно [naïvement]. Вы увидите, что я столь же прост, как и он» [там же, p. 374]. Вольтеровское простодушие, конечно, всего лишь маска. Вольтер вполне ясно дает понять, что считает Трюбле литературным ничтожеством. Уже в первой публикации письма, при жизни обоих участников переписки, в особой сноской отмечалось: «Все это письмо пронизано тонкой иронией» [Voltaire, 1766, p. 41].

Непременный секретарь Берлинской академии наук Жан Анри Формей, хорошо знавший и Трюбле, и Вольтера, сообщал в своих мемуарах: «Самолюбие ввело Т[рюбле] в заблуждение, и он буквально понял все то, что носило отпечаток самой явной иронии» [Formey, p. 186].

Возможно, однако, что Трюбле *предпочел* не заметить обидного для него смысла письма, довольствуясь тем, что предложенный ему мир Вольтер принял. В ответном письме от 10 мая Трюбле рассыпается в похалах: «Тысяча благодарностей, сударь и достославный собрат, за ответ, которым вы меня удостоили. Он столь же изыскан, сколь любезен, и, еще того лучше, исполнен веселости. Это свидетельство вашего доброго самочувствия, единственной вещи, которой Вам может недоставать. Дай Бог, чтобы Вы сохранили его долгое время, а с ним всю привлекательность и весь огонь вашего гения! Таково желание даже ваших врагов; и если они не любят Вас лично, они любят ваши произведения; из этого правила нет исключений, и горе тем, кто попытался бы стать таковым! Что до меня, то я люблю и писания и писателя и с чувством привязанности и уважения остаюсь скромным и верным слугой моего достославного собрата» [Voltaire, 1832, t. 59, p. 418].

Переписка Вольтера была Пушкину хорошо известна; мало того: со временем она интересовала его все больше. В библиотеке Пушкина имелось полное собрание сочинений Вольтера 1817–1820 гг. в 42 томах, причем все 11 томов писем разрезаны целиком [Модзалевский, с. 363]. В последний год жизни Пушкин написал две статьи, темой которых была переписка Вольтера: отзыв на сборник неизданных ранее писем 1836 г. и заметку-мистификацию «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», опубликованную уже после смерти поэта. В отзыве на сборник 1836 г. Пушкин замечает: «Кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться, и передать сделкам и купчиям всю заманчивость остроумного памфлета» [Пушкин, т. 12, с. 75]. Фиктивное письмо Вольтера к Дюолису, сочиненное Пушкиным для этюда «Последний из свойственников...», «насыщено типичнейшими атрибутами индивидуальной манеры “фернейского старца”» [Зaborов, с. 98]. В собственной переписке Пушкина можно найти параллели эпистолярной стратегии Вольтера, но эта тема заслуживает особого исследования.

Напомним контекст «цицероновской» цитаты у Вольтера: «...Я никогда не считал себя персоной настолько важной, настолько значительной, чтобы пренебрегать некоторыми своими прославленными врагами, которые нападали лично на меня в течение последних сорока лет <...>. Итак, просто из скромности я в конце концов дал им по рукам, видя в них совершенно равных себе; et in arenam cum aequalibus descendit, как говорит Цицерон». Именно здесь – точка пересечения саркастического вольтеровского письма (которое было согласием на предложение мира) и сокрушительно-го пушкинского памфлета (который был объявлением войны).

Вопрос о допустимости «выхода на арену» против недостойного противника решался Пушкиным по-разному в разные годы. 2 января 1822 г. он писал П. Вяземскому из Кишинева: «...бранись с тобою за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти в арену вместе с этим хилым кулачным бойцом – ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться – довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы» [Пушкин, т. 13, с. 34].

В 1831 г. Пушкин, по-видимому, смотрел на дело иначе, «попольтеровски». Влиятельному противнику следует дать жестокий отпор, даже если для этого придется «сойти в арену»; но при этом Пушкин, как и Вольтер, облачается в маску литературной посредственности, демонстративно самоумалывается, чтобы оказаться «совершенно равным» с презирами противниками. Резонно предположить, что пушкинский эпиграф не просто заимствован у Вольтера, но дан как *отсылка* к вольтеровскому письму, понятная для посвященных.

Еще несколько слов о переводе эпиграфа. Основное значение латинского «descendere» – «сходить, спускаться». Пушкинский оборот «сойти в арену» цитировался выше; его вариант у Пушкина – «нисходить в арену»: «Министры Людовика XVI нисходят в арену с писателями» («О ничтожестве литературы русской», 1834) [Пушкин, т. 11, с. 272]. С учетом такого авторского словаупотребления эпиграф, вероятно, следовало бы перевести: «Я сошел в арену с равными мне». Такой перевод соответствует и контексту пушкинского памфлета: автор «нисходит» до «журнальной сшибки» с Булгариным, начатой еще раньше Надеждиным.

**Письмо Вольтера к аббату Трюбле,
пославшему ему свою речь, прочитанную
при вступлении во Французскую академию¹**

Замок в Ферне, 27 апреля 1761 г.

Месье, ваше письмо и ваше благородное поведение доказывают, что Вы не враг мне, хотя ваша книга заставляла предположить обратное. Я предпочитаю верить скорее вашему письму, чем вашей книге: вы печатно заявили, что я вызываю у вас зевоту, а я позволил себе печатно заявить, что Вы вызываете у меня смех. Из всего этого следует, что Вас трудно развеселить и что я плохой шутник; но, в конце концов, зевающий или смеющийся, Вы теперь мой собрат, а добрые христиане и добрые академики должны друг друга прощать.

¹ Источник: *Voltaire. Oeuvres..*, 1817–1820, т. 34, п. 262–264. Название письма дано публикаторами.

Мне очень понравилась ваша речь, и я признателен вам за то, что Вы любезно прислали ее¹; что же до вашего письма, *Nardi parvus onyx elicet cadum*².

Простите, что цитирую Горация, которого ваши герои гг. де Фонтенель и де Ламотт не цитируют вовсе³. Должен по совести сказать, что я рожден не более злочестивым (*malin*), чем Вы, и что в сущности я человек добродушный. Действительно, поразмыслив, я решил, что это мне ничего не дает, и вот уже несколько лет стараюсь сохранять немногого веселости, поскольку мне сказали, что это полезно для моего здоровья. К тому же я никогда не считал себя персоной настолько важной, настолько значительной, чтобы пре-небрегать некоторыми своими прославленными врагами, которые нападали лично на меня в течение последних сорока лет и, один за другим, пытались свалить меня, как если бы мы оспаривали друг у друга место епископа или генерального откупщика. Итак, просто из скромности я в конце концов дал им по рукам, видя в них совершенно равных себе; *et in arenam cum aequalibus descendit*, как говорит Цицерон.

Поверьте, я вижу большую разницу между вами и ими; но я хорошо помню, что, когда я еще жил в Париже, и я, и мои соперники были мелкими сошками, жалкими школярами века Людовика XIV, одни в стихах, другие в прозе, а иные, к каковым и я имел честь принадлежать, наполовину так, наполовину этак; неутомимые авторы посредственных пьес, великие сочинители пустяков, с важным видом взвешивающие мушиные яйца на паутинных весях⁴. Я видел почти одно только мелкое шарлатанство: я превосходно знаю цену этого ничтожества; но столь же превосходно я знаю ничтожество всего остального; я следую примеру веян:

¹ Совсем другая оценка – в письме Вольтера к Даламберу от 19 марта 1761 г.: «Он скомпилировал прекрасную речь из фраз де Ламотта» [*Voltaire. Oeuvres... – 1817–1820. – T. 41. – P. 127.*].

² Нарда малый оникс выманил амфору. (Гораций. «Оды», IV, 12, 17; пер. Н. Гинцбурга) [Гораций, с. 200]. Из оникса выдалбливались сосуды для нарда и других благовоний.

³ В споре «новых» с «древними» они были на стороне «новых».

⁴ Позднее это выражение часто цитировалось как характеристика Пьера Мариво (1688–1763). Однако и Трюбле, среди прочего, писал пьесы, которые прошли незамеченными; ни одна из них не была издана.

..... Veianius armis
Herculis ad postem fixis, latet abdilus agro¹.

Из этого убежища я совершенно искренне говорю вам, что во всех ваших трудах я нахожу нечто полезное и приятное, что я чистосердечно прощаю Вам ваши щипки, что я сожалею о двух-трех булавочных уколах, которые я Вам нанес, что ваше поведение обезоружило меня навсегда, что добродушие лучше насмешливости и что я, дорогой мой собрат, с истинным уважением, без комплиментов, всем сердцем, так, словно бы между нами ничего не случилось, остаюсь вашим и пр., и пр., и пр.

Список источников

- Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. – Л.: Наука, 1981. – Т. 1. – 696 с.
- Боровский Я.М. Необъясенные латинские тексты у Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1972. – Л.: Наука, 1974. – С. 117–119.
- Вольтер. Орлеанская девственница; Магомет; Философские повести. – М.: Худож. лит., 1971. – 720 с
- Гораций. Оды; Эподы; Сатиры; Послания. – М.: Худож. лит., 1970. – 479 с.
- Дмитриев И.И. Полн. собр. стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1967. – 502 с.
- Заборов П.Р. Пушкин и Вольтер // Пушкин: Исследования и материалы. – Л.: АН СССР. Ин-т рус. лит., 1974. – Т. 7. – С. 86–99.
- Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина: (Библиографическое описание). – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. – 441 с.
- Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. – М.: Сов. писатель, 1987. – 446 с.
- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
- А.С. Пушкин об искусстве. – М.: Искусство, 1990. – Т. 2. – 351 с.
- Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. – М.: Слово, 1999. – Т. 2. – 542 с.

- A Second Letter to Dr. William Hunter. <...> By William Rowley. Newbery, 1775: [Review] // The Monthly Review. – London, 1775. – Vol. 53, Juli. – P. 44–46.
- An Appendix to the Observation, in Defence of the Liberty of Man, as a Moral Agent <...>. By John Palmer. 1780; A second Letter to the Rev. Mr. John Palmer <...>. By Joseph

¹ Веянний, доспехи / В храме Геракла прибив, скрывается ныне в деревне (Гораций. «Послания», I, 1 («К Мценату»), 4–5; пер. Н. Гинцбурга) [Гораций, с. 321]. Веяне – жители города Веи.

Часть III.

О некоторых «некрылатых» цитатах и топосах культуры

- Pricaley. 1785: [Review] // The Monthly Review. – London, 1780. – Vol. 63, November. – P. 353–355.
- Butler C. The Life of Erasmus. – London: Murray, 1825. – 244 p.
- Formey J.-H.-S. Souvenirs d'un citoyen. – Berlin: François de La Gard, 1789. – T. 2. – 398 p.
- Grimm M., Diderot D. Correspondance littéraire, philosophique et critique... – Paris: F. Buisson, 1812. – T. 1. – 515 p.
- La Harpe J.-F. de. Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne. – Paris: Depelafol, 1834. – T. 1. – 936 p.
- Nouveau manuel épistolaire. – Caen: G. Le Roy, 1787. – T. 1. – 355 p.
- Oster P. Citations françaises. – Paris: Le Robert, 1993. – 934 p.
- Trublet N.-C-J. Essais sur divers sujets de littérature et de moral. – Paris: Briasson, 1760. – T. 4. – 445 p.
- Voltaire. Letters to Several of His Friends. – Glasgow: R. Urie, 1770. – 162 p.
- Voltaire. Lettres à ses amis du Parnasse: avec des notes historiques et critiques. – Genève, 1766. – 200 p.
- Voltaire. Oeuvres complètes. – Paris: Lefèvre, 1832. – T. 59. – 628 p.
- Voltaire. Oeuvres complètes: Nouvelle édition. – Paris: Lefèvre: Deterville, 1817–1820. – T. 1–42.

О ЛАТИНСКИХ ВЫРАЖЕНИЯХ В ПОЭЗИИ ПУШКИНА

Ниже рассмотрены наиболее значимые латинские выражения в поэзии Пушкина в их связи с предшествующей культурной традицией.

Сцена из Фауста

В «Сцене из Фауста» (1825) Мефистофель говорит:

Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру. <...>
Ты доказательством рассудка
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies – скуча
Отдохновение души

[Пушкин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 383].

Комментаторы «Сцены...» обычно не обращали внимания на то, что авторский «перевод» латинской фразы далеко не точен. ‘Fastidium’, собственно, означает ‘отвращение’, ‘пренебрежение’, ‘брехливость’, ‘высокомерие’, ‘избалованность’. Словарное значение слова ‘quies’ – ‘покой’¹.

¹ В.К. Шилейко, цитируя в письме к А. Ахматовой (1926) строку О. Мандельштама «И вежлив будь с надменной скукой», в качестве параллели привел стихи Вергилия: «Nonne fuit satius tristes Amaryllidis iras / atque superba

Сентенция Мефистофеля непосредственно соотносится с его рассуждениями на тему «Вся тварь разумная скучает...». Но далее Мефистофель «читает» мысли Faуста о его «романе» с Гретхен: «Гляжу, упившись наслажденьем, / С неодолимым отвращеньем...» [там же, с. 385]. Поэтому «Fastidium est quies» можно перевести как «Отвращение (Пресыщение) есть покой»; в этом виде сентенция оказывается более парадоксальной, саркастичной и циничной.

Выше (в статье «Post coitum omne animal triste») было показано, что мысль об усталости, пресыщении и даже отвращении, следующем за чувственным наслаждением, была общим местом античной и всей последующей европейской литературы. В данном случае, однако, существенно, что Пушкин использует именно слово ‘fastidium’, а не ‘taedium’ (отвращение, чувство досады, пресыщенность) – слово, гораздо более частое в латинских текстах. Однозначного эквивалента русской «скучки», как и французского ‘l’ennui’, в латинском нет, но наиболее близким эквивалентом было бы ‘satietas’ (пресыщенность, отвращение, скуча).

Поэтому можно предположить, что ‘fastidium’ взято из какого-то конкретного источника. Поиск по сайту thelatinlibrary.com, где собраны основные тексты классической, и отчасти – постклассической латинской литературы, дает лишь два примера использования слова ‘fastidium’ в том же контексте, что в «Сцене из Faуста». Это прежде всего высказывание Цицерона: «Voluptatibus maximis fastidium finitimum est» – «Чрезмерное наслаждение граничит с отвращением» («Об ораторе», III, 25, 100; пер. М.Л. Гаспарова) [Цицерон, с. 224].

Второй пример содержится в III части «Этики» Спинозы (Теорема 59. Схолия). «Относительно любви <...> весьма часто случается, что в то время, как мы наслаждаемся чем-либо, к чему стремились, <...> душа начинает воображать и желать иного. Так, например, воображая что-либо, что услаждает нас своим вкусом,

grati fastidia?» («Буколики», II, 14–15). В действительности у Вергилия говорится о «надменном презрении». (В пер. С.В. Шервинского: «Иль не довольно того, что гнев я Амариллиды / Либо презренье терпел» [Вергилий, с. 32].) По этому поводу Г.А. Левинсон и Р.Д. Тименчик, приводя словарные значения слова fastidium, пишут: «Как указал нам К.Ф. [Тарановский] (в письме), Шилейко мог иметь в виду пушкинский стих из “Сцены из Faуста”, где лат. fastidium переведено русским “скуча”» [Левинсон, Тименчик, с. 415].

мы желаем наслаждаться им, именно съесть. <...> Но <...> после того, как тело пришло уже в новое состояние [состояние насыщения. – К.Д.], <...> присутствие яства, которого мы домогались, будет нам ненавистно. Это и есть то, что мы называем *омерзением и отвращением (fastidium et taedium)*» (пер. Н.А. Иванцова) [Спиноза, с. 507].

Знакомство Пушкина с латинским оригиналом «Этики» крайне маловероятно, хотя в близких выражениях говорится об утолении «любовного голода» в «Борисе Годунове»

Не так ли

Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?

[Пушкин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 25].

Более вероятно знакомство Пушкина с французским переводом трактата Цицерона или хотя бы цитированием соответствующего места во французской литературе. В издании 1821 г. соответствующий фрагмент трактата «Об ораторе» переведен: «...La satiéte est toujours voisine du plaisir le plus vif» («...Пресыщение всегда соседствует с самыми сильными удовольствиями») [Cicéron, p. 553].

В библиотеке Пушкина имелось полное собрание сочинений Цицерона на французском и латинском языках в 35 томах (1829–1835; частично разрезаны т. 5, 10, 14 и 30, в которых диалога «Об ораторе» не было) [Модзалевский, с. 161]. Особого интереса к сочинениям римского оратора Пушкин, по-видимому, не проявлял [Федотова].

Добавим еще, что Пушкину был знаком переводной сборник «Эмблемы и символы» (1811), откуда он взял заключительную строку стихотворения «Надпись на стене больницы» (1817): «Болезнь любви неизлечима» [Эмблемы..., с. 240]. В том же сборнике эмблема «Охота, или Ловля звериная» сопровождалась латинской сентенцией «Poena sequitur gaudium». Один из предлагавшихся здесь же русских переводов гласил: «За удовольствием следует

скука» – точная калька с приводимого далее французского перевода: «Le paine suit les plaisir» [Эмблемы.., с. 190].

Жил на свете рыцарь бедный

«Жил на свете рыцарь бедный...» – начало почти завершенного Пушкиным стихотворения (1829), названного в одном из автографов «Легенда», а в письме 1831 г. – «Баллада о рыцаре, влюбленном в Деву». В сокращенном и переработанном виде Пушкин включил это стихотворение в «Сцены из рыцарских времен» (1835) в качестве песни Франца. Первая редакция стихотворения стала печататься в основном корпусе сочинений Пушкина лишь в XX в. Источником сюжета были поздние обработки французских средневековых баллад и фаблио [Дмитриева, Иезуитова, с. 107–109].

Далее первую редакцию мы будем называть «Легенда», вторую – песня Франца.

В обеих редакциях содержатся латинские молитвенные формулы, обращенные к Деве Марии; еще больше их в черновых набросках к «Легенде». Обычно предполагается, что Пушкин пользовался готовыми формулами церковной латыни. Между тем это, вообще говоря, неверно: большая часть этих формул появилась в результате свободной контаминации реально существовавших оборотов.

В «Легенде» встречается обращение «Ave Mater Dei» («Славься (Радуйся), Матерь Божия!») [Пушкин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 162]; в песне Франца – его сокращение «А.М.Д.». В качестве самостоятельной формулы это обращение не встречается в литургических текстах, так что сокращение «А.М.Д.» оставалось загадочным для подавляющего большинства читателей.

Вероятный источник этого обращения – богородичная молитва «Ave, filia Dei Patris» (не позднее XVII в.): «Ave, filia Dei Patris, ave, Mater Dei Filii, ave Sponsa Spiritus» – «Славься, дочь Бога Отца, славься, Матерь Бога Сына, славься, Невеста Святого Духа!» [Душенко, Багриновский, с. 79].

В черновиках «Легенды» встречаются также формулы: «Ave Maria», «Ave sancta virgo» («Славься, Святая Дева»), «Dei mater

dolorosa» («Божия Матерь скорбящая»); «Ave sancta mater Dei» («Славься, святая Матерь Божия»), [Бонди, с. 661; перевод мой. – К.Д.]. Две первые формулы действительно встречаются в литургических текстах.

Вероятный источник формулы «Ave sancta mater Dei» – слова из молитвы «Ave Maria»: «Sancta Maria, Mater Dei» («Святая Мария, Матерь Божия») [Душенко, Багриновский, с. 672].

Эпитет «Dei mater dolorosa» не существовал в церковной латыни. Его возможный источник – знаменитый богоугодничий гимн «Stabat mater dolorosa» («Мать скорбящая стояла»), включенный, в частности, в «Реквием» Моцарта.

Наибольший интерес представляет обращение к Деве Марии «Lumen coelum, sancta rosa» – «Свет небес, святая роза». В черновиках «Легенды» записаны две его формы – «lumen coeli» и «lumen coelum» [Пушкин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 733, 735]. Авторы «Словаря латинских крылатых слов» утверждают: «У Пушкина описка» – coelum (именительный падеж ед. числа) вместо coeli (родительный) [Бабичев, Боровский, с. 418]. С.М. Бонди думал иначе: «...Окончательная форма “Lumen coelum”, смущавшая редакторов своей видимой неправильностью, – есть нередкая в латинской поэзии стяженная форма родительного множественного вместо “coelorum”» [Бонди, с. 662].

По предположению, высказанному Г.Ю. Багриновским в беседе с автором настоящей статьи, «lumen coelum», возможно, обратный перевод с русского «цвет небес», поскольку в латыни формы ‘coeli’ (небо) и ‘coela’ (небеса) практически не различаются по смыслу.

В 1-й (посмертной) публикации песни Франца («Современник», 1837) напечатано «Lumen coelum», как и в пушкинском беловике; в т. 10 «Сочинений» Пушкина (1841) – «Lumen coeli» [Пушкин, 1841, с. 305]. По-видимому, редакторы этого издания (В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, П.А. Плетнев) все же сочли форму «Lumen coelum» ошибочной. Так же поступил П.В. Анненков, редактор второго собрания сочинений Пушкина (1855–1857). Именно в этой редакции – с формой «Lumen coeli» – цитируется песня Франца в «Идиоте» Достоевского и у ряда позднейших авторов.

С.М. Бонди считал «*Lumen coelum, sancta rosa*» средневековыми эпитетами Богоматери [Бонди, с. 671]. Напротив, в «Словаре латинских крылатых слов» читаем: «Обращение <...>, являющееся, по-видимому, авторским текстом Пушкина» [Бабичев, Боровский, с. 418]. Так оно и есть. Эпитет «*Lumen coelum (coeli)*» принадлежит Пушкину; в лингвистических текстах встречается лишь «*Regina coeli*» («Царица Небесная»).

«*Sancta rosa*» в церковной латыни (как и франц. «*Sainte Rose*») встречалась только как наименование св. Розы Лимской (1568–1617). Деву Марию так не называли, хотя роза была обычным символом Богоматери. Таким символом роза, однако, стала не в эпоху Крестовых походов, а в позднем Средневековье. В богочестивых молитвах роза появляется и того позже, прежде всего как «*rosa mystica*» («роза таинственная») Лоретанской литании (XVI в.)¹.

В XI–XII вв. основным символом Девы Марии в иконографии была лилия, и лишь к XV веку роза начинает составлять ей конкуренцию. «Цветок любви одерживает верх над цветком непорочности, что само по себе является важным свидетельством того, в каком направлении стал далее развиваться культ Богородицы» [Пастуро, с. 105].

У Пушкина «святая роза» именно «цветок любви».

«Евгений Онегин» и «Борис Годунов»

«Евгений Онегин», гл. 6-я, VII:

Sed alia tempora! Удалость
(Как сон любви, другая шалость)
Проходит с юностью живой

[Пушкин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 120].

«*Sed alia tempora*» – «Но времена переменились»; букв. «Но [теперь] другие времена».

¹ Эпитет «мистическая [роза]» встречается в черновиках «Легенды» [Бонди, с. 661].

Этот оборот не встречается в латинских текстах в качестве самостоятельного высказывания. По-видимому, он образован Пушкиным под влиянием распространенного французского выражения «Autres temps, autres moeurs» – «Другие времена, другие нравы». Его вероятный источник – книга Ж. Лабрюйера «Характеры, или Нравы нынешнего века» (1688), гл. 3: «О женщинах».

«Борис Годунов» (1825), сцена «Краков. Дом Вишневецкого» (слова Самозванца):

Musa gloriam coronat, gloriaque musam¹.

(Муза венчает славу, а слава – Музу)

[Пушкин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 54].

Я.М. Боровский предположил, что здесь перед нами «авторский текст Пушкина» [Боровский, с. 119]. Это предположение совершенно справедливо, причем можно указать модель, по которой образована эта сентенция – хрестоматийную неолатинскую поговорку «Finis coronat opus» – «Конец венчает дело».

Список источников

- Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. – М.: Русский язык, 1982. – 958 с.
- Бонди С.М. Стихи о бедном рыцаре // Известия Академии наук. – М.; Л., 1937. – № 2/3. – С. 659–677.
- Боровский Я.М. Необъясненные латинские тексты у Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1972. – Л.: Наука, 1974. – С. 117–119.
- Вергилий. Буколики; Георгики; Энеида. – М.: Худож. лит., 1979. – 552 с.
- Дмитриева Н.Л., Иезуитова Р.В. «Жил на свете рыцарь бедный...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. – СПб.: Нестор-История, 2012. – Вып. 2. – С. 105–112.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 8. – 509 с.
- Дущенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. – 2-е изд. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 912 с.

¹ У Пушкина после coronat запятая, хотя перед словами с окончанием -que она не ставится.

Часть III.

О некоторых «некрылатых» цитатах и топосах культуры

- Левинсон Г.А., Тименчик Р.Д. Книга К.Ф. Тарапонского о поэзии Мандельштама // Тарапонский К. О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 404–416.*
- Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина: (Библиографическое описание). – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. – 441 с.*
- Пастуро М. Цветок для короля // Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. – СПб.: Alexandria, 2012. – С. 102–114.*
- Пушкин А.С. Сочинения: [В 11 т.]. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1841. – Т. 10. – 308 с.*
- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.*
- Синоза Б. Избр. произв.: В 2 т. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 1. – 632 с.*
- Федотова С.Б. Цицерон // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. – СПб.: Наука, 2004. – Т. 18/19: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – С. 362–363.*
- Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – 470 с.*
- Эмблемы и Символы. Emblemata et Symbola. – М.: Интранда, 1995. – 368 с.*
- * * *
- Cicéron. Oeuvres complètes traduites en français. – Paris: Lefèvre, 1821. – Т. 4. – 658 p.*

«ПРЕКРАСНАЯ ПОЛЬКА» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Вопрос о гендерном измерении национальных стереотипов заслуживает специального рассмотрения. Пока же заметим, что ярко выраженный женский образ-стереотип «чужой нации» – явление не столь уж частое в любой национальной культуре; и уж совершенная редкость, когда он выражен ярче мужского. Но именно так, похоже, обстоит дело с образом польки в русской культуре.

«А над поляком посмеялся русский человек только насчет его хвастовства <...> да над гульливостью прекрасных полек», – писал Дмитрий Ровинский, исследователь русских лубочных картинок XVII–XVIII вв. [Ровинский, с. 276]. Эпитет «прекрасная полька», однако, позднейший – он возник в XIX в. В 1881 г., когда вышла книга Ровинского, это было уже клише.

Сам же образ «прекрасной польки» начал складываться в русской литературе в XVIII в. Во времена романтизма он существовал по меньшей мере в двух вариантах: демоническом (ранний пример – Марина Мнишек в драме Г. Державина «Пожарский», 1806) и лирическом (хрестоматийный пример – Мария Потоцкая в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина). Можно с уверенностью сказать, что в русской культуре XIX в. образы женщин-полек запечатлены отчетливее, чем образы поляков-мужчин.

Вот свидетельство Владимира Солоухина, в начале 1950-х годов – студента Литературного института. Тогда, в годы студенчества,

¹ Основные тезисы этой статьи изложены в докладе «Поляк и полька в глазах русских», прочитанном на международной конференции «Народы и стереотипы» (Краков, 1993) [Duszenko, 1995; см. также: Душенко, 2003].

при мысли о Польше у него возникают два ряда ассоциаций. Первый ряд – то, что Солоухин называет «историческими категориями». Это отрывочные сведения из эпохи Смуты, о разделах Польши и польских восстаниях, – сведения, почерпнутые из учебников и эмоционально никак не окрашенные. Второй, более близкий ряд, – литературный. Тут в сознании сразу возникают: «гордая полячка» Марина Мнишек из пушкинского «Бориса Годунова»; «полячки младые» из баллады Мицкевича «Будрыс и его сыновья» в хрестоматийном переводе Пушкина; польская панна из повести Гоголя «Тарас Бульба», та самая, ради которой Андрей изменяет отцу и отечеству. Чуть ниже упоминается героиня рассказа Льва Толстого «За что?» – невинно страдающая жена повстанца-шляхтича [Солоухин, 1980, с. 545].

Этот ряд ассоциаций можно считать вполне репрезентативным для русского интеллигента середины XX в. Из «архетипических» образов недостает, пожалуй, только Марии Потоцкой («Бахчисарайский фонтан»). Удивительно же то, что все эти образы – женские. И обобщенный образ, возникающий при их перечислении, нельзя назвать негативным. Марина Мнишек – фигура романтически амбивалентная; историческая Марина Мнишек завораживала воображение Пушкина, а позже – Марину Цветаеву, которая в стихах даже отождествляла себя с ней.

Что же касается польской панны в антипольской, по всем приметам, повести Гоголя «Тарас Бульба», то ей Солоухин посвятил мини-эссе в подборке «Камешки на ладони». Молодая полька, говорит Солоухин, воплощает в «Тарасе» поэзию, красоту, «безрасчетное великолдушие». При описании встречи с ней Андрея «меняется сама тональность, сама музыка повествования» [Солоухин, 1986, с. 173]. Пытаясь объяснить видимое несоответствие «идеологического задания» повести и ее художественного результата, Солоухин приходит к выводу, что Гоголя всю жизнь мучила глубокая тайная любовь к католической Польше, – любовь, в которой он сам боялся себе признаться.

Определение «прекрасная полячка (полька)» эпизодически встречалось не позднее 1830 г., например в повести А. Бестужева-Марлинского «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» [Бестужев-Марлинский, с. 296]. Однако широкое распространение оно получило, по-видимому, как раз благодаря «прекрасной полячке» из «Тараса Бульбы» (1835).

Николая Лескова принято считать едва ли не самым «почвенным» русским классиком прошлого века. У него можно найти немало нелестных высказываний о поляках, но в памяти читателя запечатлеваются не эти высказывания, а женский образ из рассказа «Воительница». В этом рассказе (который входит в железный канон лесковской прозы) полька, оказавшаяся в Петербурге и брошенная мужем, становится дамой полусвета, содержанкой, а главная роль в ее падении принадлежит профессиональной своднице, «русскостью» которой подчеркивается на каждой странице. Читатель, вместе с автором, безусловно сочувствует жертве.

Словом, когда речь заходила о Польше, женские образы оказывались не только ярче мужских, но и значимее, чем мужские. И когда Велимир Хлебников говорит о себе: «гонимый <...> песнью лет про прелесть польки» («Гонимый – кем, почем я знаю?..», 1912), а Николай Тихонов пишет: «...как плениительные полячки / Посылали письма ему» («Над зеленою гимнастеркой...», 1921) – они отсылают читателя к целому пласту русской культуры, к устойчивому культурному знаку [Хлебников, с. 77; Тихонов, с. 91]. Любопытно не только существование в русской культуре этого образа-знака, но и то, что в XIX в. он часто встречается у художников, рисовавших «поляка вообще» по канонам негативного стереотипа. (Заметим, что негативные национальные стереотипы, вообще говоря, преобладают над позитивными.)

Я склонен видеть в этом свидетельство амбивалентности тогдашнего отношения к полякам и Польше. Несмотря на «старый спор славян между собою», несмотря на резкое несходство исторических традиций обоих народов, несмотря, наконец, на укоренные в общественном сознании предубеждения, – было в «польскости» что-то притягательное для русского человека.

Образ «прекрасной польки» продолжал существовать и в советское время; при этом он обогатился новыми нюансами. Вот, пожалуй, наиболее яркий пример. В 1967 г. была поставлена пьеса Леонида Зорина «Варшавская мелодия», мелодрама о любви польки Гелены и русско-советского человека Виктора. Судьба (в облике сталинских законов) разлучает влюбленных, как тому и положено быть в мелодраме. Пьеса имела ошеломляющий успех, была

поставлена в полутораста театрах, за шесть лет выдержала более восьми тысяч представлений¹.

Своим успехом «Варшавская мелодия» была целиком обязана главной женской роли, причем Гелена воспринималась как воплощение польского национального характера. Цитирую голоса критиков: Гелена – «сама женственность, сама мелодия», «прекрасная и гордая полячка», «экспансивная и грациозная», ей присущ «несравненный польский шарм» [Свободин, с. 200], «победительный женский шарм», «остроумие, легкость, очарование», ироничность² и, конечно, польский патриотизм [Рассадин, с. 679–680]. Патриотизм, замечу, иного рода, чем «советский патриотизм», т.е. не идеологический, а укорененный в национальной истории.

Вот характерный обмен репликами между героями пьесы:

«ВИКТОР: Вы из Прибалтики?

.....
ГЕЛЯ: Я из братской Польши.

ВИКТОР: Вот это похоже. Я так и подумал, что вы не наша. То есть я хотел сказать – не советская. То есть, я другое хотел сказать...

ГЕЛЯ: Я понимаю, что вы хотели сказать» [Зорин, с. 405–406].

Можно предполагать, что как раз «несоветскость» Гелены делала ее столь привлекательной – и не для одного только Виктора.

Культурными символами нашей эпохи давно уже стали звезды масскультта. И вряд ли найдется другая страна, где бы польские звезды кино и эстрады были в 1950–1970-е годы так популярны, как в России. И это опять-таки прежде всего женщины – Марыля Родович, Беата Тышкевич, Барбара Брыльска, Анна Герман.

Тут следует вспомнить и об Эдите Пьехе – звезде номер один советской песенной эстрады 60-х годов. Пьеха воспринималась как «своя», но в то же время как поляка (которой она является по происхождению). Как «почти своя» воспринималась в 1970-е годы Анна Герман, а в кино – Барбара Брыльска, сыгравшая главную

¹ Цифры получены путем суммирования ежегодных официальных данных в журнале «Театр» (Москва).

² Ироничность – новый элемент национального стереотипа поляка, появившийся в СССР уже в послевоенное время.

роль в «Иронии судьбы», фильме, который до самого последнего времени оставался неизменным новогодним презентом советского, а теперь и российского телевидения. А когда Андрею Михалкову-Кончаловскому для фильма «Дворянское гнездо» понадобилась настоящая русская дворянка XIX столетия, он пригласил на эту роль Беату Тышкевич.

Список источников

- Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения.* – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – 487 с.
- Душенко К.В. «Лях» и «москаль»: Взаимные стереотипы поляков и русских // Человек: образ и сущность.* – М.: ИНИОН РАН, 2003. – № 1(14). – С. 133–151.
- Зорин Л.Г. Театральная фантазия.* – М.: Искусство, 1974. – 712 с.
- Рассадин С.Б. Постоянство: [Послесловие] // Зорин Л. Театральная фантазия.* – М.: Искусство, 1974. – С. 660–688.
- Ровинский Д.А. Русские народные картинки.* – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1881. – Кн. 5. – 567 с.
- Свободин А.П. Сентиментальный вальс вахтанговцев // Театральная площадь.* – М.: Искусство, 1981. – С. 195–200. – (1-я публ.: Театр. – М., 1967. – № 6.)
- Солоухин В.А. Варшавские этюды: Встреча // Солоухин В.А. Мать-мачеха: [Роман]; Рассказы.* – Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1980. – С. 543–555.
- Солоухин В.А. Камешки на ладони // Новый мир.* – М., 1986. – № 8. – С. 154–174.
- Тихонов Н.С. Стихотворения и поэмы.* – М.: Сов. писатель, 1981. – 798 с.
- Хлебников В. Творения.* – М.: Сов. писатель, 1986. – 736 с.
- * * *
- Duszenko K. Polak i Polka w oczach Rosjan // Narody i stereotypy.* – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995. – S. 158–164.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Васильевич Душенко (р. 1946), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела культурологии ИНИОН РАН, автор серии справочников по истории цитат и крылатых слов.

К.В. Душенко

**ЦИТАТА В ПРОСТРАНСТВЕ
Из истории цитат и крылатых слов**

Сборник статей

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 24/VI – 2019 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 28,75 Уч.-изд. л. 20,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 10

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У